РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

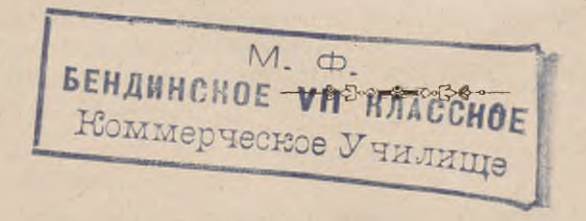
ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 12.

ДЕКАБРЬ 1892 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1892.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17-го декабря 1892 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О правахъ учителей рисованія въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

Въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія былъ возбужденъ вопросъ о томъ, распространяется-ли дѣйствіе Высочайшаго повелѣнія 18-го ноября 1891 года о правахъ учителей рисованія мужскихъ гимназій и прогимназій на женскія гимназіи и прогимназіи.

Вслѣдствіе сего и по сношенію съ Министерствомъ Финансовъ, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 26-го сентября сего года за № 16630, увѣдомилъ меня, что такъ какъ, на основаніи ст. 42 Высочайше утвержденнаго 24-го мая 1870 г. положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, преподаватели сихъ учебныхъ заведеній, имѣющіе право на преподаваніе въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, пользуются одинаковыми правами съ учителями мужскихъ гимназій и прогимназій, то, съ изданіемъ закона 18-го ноября 1891 года о правахъ учителей рисованія въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, дѣйствіе его должно распространяться и на учителей рисованія женскихъ гимназій и прогимназзій, причемъ таковому дѣйствію подлежатъ какъ лица, которыя будутъ назначаться на эти должности, такъ и нынѣ занимающія оныя, если они удовлетворяютъ условіямъ, указаннымъ въ п. 1 приведеннаго Высочайшаго повелѣнія.

Объявляется по округу. (Циркуляръ по С.-Петерб. учебному округу 1892 г. № 11).

О льготномъ пассажирскомъ тарифѣ для учащихся.

Управленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ увѣдомило Министерство Народнаго Просвѣщенія, что съ 1-го ноября сего года на названныхъ дорогахъ вводится въ дѣйствіе новый льготный пассажирскій тарифъ (Сборн.

тар. рос. ж. д. № 349, тарифъ № 4790), согласно коему, при проѣздѣ по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ въ III классѣ, учащіеся во всѣхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи пользуются скидкою въ 50% съ дѣйствительной стоимости пассажирскаго тарифа III класса. Означенная льгота предоставляется при условіи предъявленія удостовѣреній подлежащихъ начальствъ на поѣздки во время праздниковъ Рождества Христова и Св. Пасхи, а также во время лѣтнихъ каникулъ, по одному разу въ оба конца. Такая льгота распространяется на сельскихъ учителей народныхъ школъ, но лишь во время лѣтнихъ каникулъ. Съ введеніемъ въ дѣйствіе сего новаго тарифа, отмѣняется прежній льготный тарифъ № 3806, опубликованный въ № 235 сборника тарифовъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Сообщая о вышеизложенномъ, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ предложеніи отъ 14-го октября сего года, за № 17551, проситъ меня поставить о семъ въ извѣстность начальства учебныхъ заведеній ввѣреннаго мнѣ округа, для надлежащаго руководства.

Объявляется по округу для свѣдѣнія и руководства (ib).

Объ отнесеніи оплаты 2-хъ уроковъ географіи въ коммерческомъ отдѣленіи реальныхъ училищъ на спеціальныя средства.

Въ представленіи отъ 29-го августа сего года за № 7275, я ходатайствовалъ о доассигнованіи 120 рублей на уплату за два урока географіи въ VI классѣ коммерческаго отдѣленія С.-Петербургскаго реальнаго училища, такъ какъ отпускаемыхъ, по штату 9-го іюня 1888 г. и Высочайше утвержденному 18-го мая 1889 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта, 11.688 руб. (11.568+120 р.) оказывается достаточно лишь при 22 урокахъ исторіи и географіи, а между тѣмъ въ дѣйствительности по учебнымъ планамъ положено на этотъ предметъ 24 урока.

Вслѣдствіе сего г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 7-го сентября сего года за № 15578, увѣдомилъ меня, для зависящихъ распоряженій, что хотя означенныхъ 11.688 рублей дѣйствительно недостаточно для оплаты всѣхъ положенныхъ по учебнымъ планамъ уроковъ въ реальныхъ училищахъ съ двумя отдѣленіями и представляется необходимость въ увеличеніи этой суммы на 120 рублей въ годъ, но, принимая во вниманіе крайне ограниченное число существующихъ нынѣ реальныхъ училищъ съ двумя отдѣленіями и незначительность недостающей суммы, его сіятельство полагалъ-бы не входить по сему предмету въ Государственный Совѣтъ, а относить означенный расходъ въ 120 руб. въ годъ на счетъ спеціальныхъ средствъ заведенія.

Объявляется по округу (ib).

Опредѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Опредѣленіями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Министромъ, постановлено:

— Книгу: «Поэтъ Пушкинъ. Общедоступное чтеніе. Изданіе 2-е, исправленное. *А. Филоновъ*. Спб. 1892, стр. 163» — одобрить для ученическихъ библіотекъ гимназій, для средняго и старшаго возраста, и для библіотекъ двухклассныхъ училищъ.

— Книгу: «Избранныя сатиры *Горація*. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Латинскій текстъ съ русскими примѣчаніями и со статьей о Гораціѣ профессора *В. И. Модестова*. Изданіе 3-е, пересмотрѣнное и обновленное. Спб. 1892, стр. IV+96. Цѣна 80 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій, равно какъ и для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ III. Страны Западной Европы. Изданіе 4-е, исправленное. Составилъ *К. Турчаковскій*. Кіевъ. 1892, стр. 111. Цѣна 65 коп.»—одобрить въ качествѣ руководства по географіи для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.

— Книгу «Генрихъ Песталоцци, знаменитый швейцарскій пегагогъ. Біографическій очеркъ, составленный и переведенный изъ нѣмецкихъ учебниковъ *Константиномъ Тимоѳеевымъ*. Изданіе 3-е. Спб. 1889, стр. 113. Цѣна 75 коп.»—одобрить какъ полезное сочиненіе для основныхъ библіотекъ гимназій, мужскихъ и женскихъ, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и учительскихъ институтовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книжку: «Собраніе французскихъ авторовъ для школьнаго употребленія и для самообученія, изданіе *А. А. Алексѣева*. «Le Village, par Octave Feuillet. Съ примѣчаніями и словаремъ составили *А. Алексѣевъ*, преподаватель Царицынской Александровской гимназіи, и *Альбертъ Русси*, преподаватель 5-й Кіево-Печерской гимназіи. Выпускъ седьмой. Спб. 1892, стр. 94, въ 16 д. л. Цѣна 30 коп.» — допустить къ употребленію въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства въ качествѣ учебнаго пособія, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи этой книжки былъ дополненъ и исправленъ приложенный къ ней словарь.

— Изданіе: «Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей. *Molière*. Le Bourgeois Gentilhomme. Comedie-ballet, текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснилъ *Ю. Лафрансуа*. Изданіе *С. А. Манштейна*. Спб. 1892, стр. 116, 20, въ 16 д. л. Цѣна 40 коп.»— одобрить въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи французскаго языка въ старшихъ классахъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, мужскихъ и женскихъ.

— Изданіе: «Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей. *Augustin Tierry*. Histoire de la conquête par les Normans. Объ-

*) Журн. Мин. Нар. Просвѣщен. 1892 г., Декабрь.

яснилъ *В. С. Игнатовичъ*. Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Изданіе *С. А. Манштейна*. Спб. 1892, въ 16 д. л. стр. 100+12»—одобрить какъ учебное пособіе при преподаваніи французскаго языка въ высшихъ классахъ гимназій.

— Брошюру: «Методы консервированія морскихъ животныхъ, употребляемые на зоологической станціи въ Неаполѣ, *Сальватора-Ло-Біанко*. Перевелъ съ итальянскаго и дополнилъ д-ръ *Н. В. Слюнинъ*. Спб. 1892, стр. 47»—допустить въ ученическія, для старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Опредѣленія особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Министромъ, постановлено:

— Книгу: «Первая книга для чтенія, письменныхъ работъ и диктовокъ. Составили *Цвѣткова* и *Шатерина*. Спб. 1893. Въ 8 д. л. 106 стр. Цѣна 30 коп.»—допустить къ употребленію въ городскихъ училищахъ и въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи былъ переработанъ и увеличенъ отдѣлъ церковно-историческій.

— «*В. Гербачъ*. Школа чистописанія для самостоятельныхъ занятій учащихся въ школѣ и дома. *Русскіе* образцы, въ восьми тетрадяхъ, по 10 коп. каждая» — одобрить къ употребленію въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— «*В. Гербачъ*. Школа чистописанія для самостоятельныхъ занятій учащихся въ школѣ и дома. *Французскіе* образцы, въ двухъ тетрадяхъ, по 15 к. каждая.—*Нѣмецкіе* образцы, въ двухъ тетрадяхъ, по 15 к.»—одобрить къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— «*В. Гербачъ*. Школа чистописанія. Четыре тетради съ прописями для самостоятельныхъ занятій учащихся въ начальныхъ училищахъ, по 6 коп. за тетрадь» — одобрить для употребленія въ низшихъ училищахъ.

— Книгу: «Справочная книга измѣненій всѣхъ склоняемыхъ словъ древне-еврейскаго языка, встрѣчающихся въ книгахъ Св. Писанія. Въ двухъ отдѣлахъ. Составилъ *В. Л. Каганъ*. Вильна. 1892» — одобрить какъ хорошее учебное пособіе для учениковъ старшихъ классовъ еврейскихъ училищъ и преподавателей.

— Книгу: «Повѣсть о томъ, какъ чудомъ Божіимъ строилась Русская земля. Составилъ *Е. Поселянинъ*. М. 1892. Въ 8 д. л., 128 стр. Цѣна 35 к.»—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Изданныя въ Москвѣ А. Д. Ступинымъ, подъ общимъ заглавіемъ «*Библіотечка Ступина*», нижеслѣдующія брошюрки (цѣна каждой 10 коп.): «Матушка Москва», «Сказка о царѣ-богатырѣ», «Русскія басни», «Удивительный червячокъ», «Чудесныя животныя», «Старикъ годовикъ», «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ», «Сказка о мертвой царевнѣ», «Сказка о

купцѣ Остолопѣ», «Сказка о царѣ Салтанѣ», «Алеша Поповичъ», «Добрыня Никитичъ», «Илья Муромецъ», «Садко и Васька Буслаевъ», «Сказка о конькѣ-горбункѣ» — допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ и низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Книга для чтенія и письменныхъ работъ въ церковно-приходскихъ и начальныхъ школахъ. Второй годъ обученія. Составилъ *А. Радонежскій*. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1891. Въ 8 д. л., 242 стр. Цѣна 45 коп.» — допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи она была исправлена согласно указаніямъ Ученаго Комитета и были передѣланы статьи «Срединная или коренная Россія» и «Волга».

— «Прописи правописанія. Сборникъ каллиграфически исполненныхъ примѣровъ на важнѣйшія орѳографическія правила. *В. Гербачъ*. Спб. 1892. Въ 8 д. л., 32 стр. Цѣна 20 коп.»—допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: «Руководство къ обученію въ народныхъ школахъ церковному хоровому пѣнію. Пособіе для учителей народныхъ школъ и вообще лицъ, обучающихъ хоровому церковному пѣнію въ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ *К. В. Кушнеренко*. Одесса. 1890. Въ 8 д. л. 65 стр. Цѣна 1 руб.»—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи она была исправлена согласно замѣчаніямъ Ученаго Комитета.

— Книгу: «Краткое руководство всеобщей географіи для городскихъ и уѣздныхъ училищъ. *Н. Раевскаго*. Изданіе 5-е, исправленное. Съ 75 чертежами и 3 таблицами картъ. Спб. 1892. Въ 8 д. л., 163 стр. Цѣна 85 коп.»—допустить къ употребленію въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы къ этому-же изданію былъ приложенъ листокъ съ исправленіемъ важнѣйшихъ изъ указанныхъ Ученымъ Комитетомъ ошибокъ, а при слѣдующемъ изданіи книга была тщательно пересмотрѣна и исправлена.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СЕЛЬСКАГО УЧИТЕЛЯ.

(Окончаніе).

IV.

Въ принципѣ никакихъ наказаній въ школѣ я не допускалъ. Но вышли три случая, которые не могутъ быть названы иначе, какъ наказаніемъ.

Была одна дѣвочка въ числѣ моихъ ученицъ, довольно тупая въ дѣлѣ ученья, но на шалости—большая мастерица. Однажды во время занятій я замѣтилъ, что ближайшіе сосѣди этой дѣвицы чѣмъ-то взволнованы, перешептываются, хихикаютъ, заглядываютъ подъ столъ, а та дѣлаетъ имъ какіе-то знаки. Я нѣсколько времени присматривался, ничего не говоря шалунамъ, но присматривался напрасно: никакъ не могъ догадаться, въ чемъ тутъ было дѣло. Наконецъ, я быстро подошелъ къ дѣвочкѣ и взялъ ее за руку. Въ рукахъ у нея оказался сдѣланный изъ платка «зайчикъ»... Хотя зайчикъ самъ по себѣ предметъ совершенно невинный, но—несмотря на всю свою невинность—все-таки онъ отвлекалъ отъ дѣла наше вниманіе, отнималъ у меня моихъ учениковъ. На будущее время надо было предупредить повтореніе подобныхъ явленій, не идущихъ къ дѣлу.

— Встань! сказалъ я этой шаловливой дѣвицѣ.—Подними руку, повыше... вотъ такъ! Покажи всѣмъ своего зайчика! Пускай знаютъ: какая ты рукодѣльница...

Дѣвочка стояла, выпрямившись во весь ростъ. Зайчикъ замѣтно дрожалъ въ ея высоко поднятой рукѣ, и на ея, обыкновенно, тупомъ, невыразительномъ лицѣ теперь проступалъ легкій румянецъ. Дѣвочка, повидимому, смутилась подъ сотней устремленныхъ на нее глазъ. Она стояла съ опущенными глазами, понуривъ голову, и ей, очевидно, хотѣлось-бы совсѣмъ сократиться на это время. Пытка длилась не дольше полминуты. Мнѣ стало жаль эту шалунью... Не всегда легко быть строгимъ... Послѣ того зайчиковъ въ классѣ уже не появлялось.

Другой непріятный случай.

Мальчикъ уже довольно взрослый, лѣтъ 14, сынъ мѣстнаго кулака, разсчитывая на безнаказанность въ виду своего привиллегированнаго общественнаго положенія, сталъ позволять себѣ въ классѣ разныя шалости и выходки, обращавшія на себя вниманіе школьниковъ. Я уже нѣсколько разъ внушительно посматривалъ на него и, въ видѣ предостереженія, говорилъ ему:

— Сиди-же смирно, не мѣшай намъ!

Успокоится малый на время, а на завтра, какъ ни въ чемъ не бывало, снова принимается за свои продѣлки.

Однажды, когда встрѣтились кое-какія трудности и мнѣ было нужно сосредоточить все вниманіе моихъ учениковъ на томъ, о чемъ шла рѣчь, этотъ парень нахальнѣе обыкновеннаго принялся за свои штуки. Что оставалось дѣлать? Одинъ мѣшалъ пятидесяти... Будь на его мѣстѣ обыкновенный деревенскій мальчишка-проказникъ, забывающій о мѣстѣ и времени, сынъ зауряднаго крестьянина-бѣдняка, я, вѣроятно, и на этотъ разъ постарался-бы словами убѣжденья усмирить его. Но тутъ во всѣхъ движеньяхъ и позахъ, въ каждомъ взглядѣ и въ усмѣшкѣ сказывалось нахальство, ясно говорившее всѣмъ: «Я и въ школѣ такъ-же, какъ на улицѣ, дѣлаю все, что хочу... не такъ, какъ вы!»

Взялъ я этого «привиллегированнаго» баловня и вытащилъ изъ школы на крыльцо.

— Ты одинъ всѣмъ мѣшаешь! рѣзко сказалъ я ему.—Самъ не хочешь учиться, такъ не учись, а другимъ не мѣшай! убирайся!

И захлопнулъ за нимъ дверь. Парень, повидимому, былъ ошеломленъ...

Подобный поступокъ съ моей стороны, можетъ статься, былъ вовсе не педагогиченъ. Не спорю: учитель болѣе опытный, постарше меня, можетъ быть, дѣйствовалъ-бы въ такомъ случаѣ иначе... Но что-жъ дѣлать! Я уже сказалъ, что былъ не подготовленъ къ учительству и несъ на служеніе дѣлу лишь искреннее желаніе быть добросовѣстнымъ и исполнить дѣло, какъ могу и какъ съумѣю лучше.

Черезъ день, сколько помнится, парень опять появился на нашемъ горизонтѣ. Онъ, очевидно, не смѣлъ войти въ школу, но, мрачный и молчаливый, толкался въ сѣняхъ. Я нашелъ его передъ дверьми школы.

— Ты зачѣмъ здѣсь? спросилъ я его.

— Отецъ послалъ... промолвилъ онъ, не глядя на меня.

Отецъ, вѣроятно, велѣлъ ему пойти просить у меня прощенья, но мальчуганъ стоялъ молча, какъ истуканъ. Повидимому, ему было

трудно попросить извиненья, то-есть, выговорить обычную, заученную фразу. Послѣднее обстоятельство меня нѣсколько расположило къ нему.

— Ну, ладно! Помиримся на первый разъ... Но если ты не перестанешь мѣшать намъ, я совсѣмъ прогоню тебя изъ школы!

Послѣднія слова я сказалъ твердымъ, рѣшительнымъ тономъ.

На нѣсколько времени этотъ шалунъ, дѣйствительно, присмирѣлъ, сталъ даже тише и скромнѣе прочихъ, но недѣли черезъ 2, черезъ 3 опять, было, началъ распускать крылышки, но тутъ подошло Рождество.

Третій случай...

Нѣсколько мальчиковъ—человѣкъ шесть или семь—жили при школѣ, въ большомъ помѣщеніи, предназначенномъ для сторожихи. Эти мальчики были изъ сосѣднихъ деревень—версты за 3, за 4 отъ нашего селенія, и зимой, въ морозы, имъ было-бы крайне неудобно каждый день странствовать въ школу. Съ моего разрѣшенія они устроились при школѣ и ходили домой лишь на воскресенье; они запасались изъ дома хлѣбомъ, кое-какимъ привáркомъ, и сторожиха готовила имъ обѣдъ. Однажды вечеромъ, на сонъ грядущій, одинъ изъ этихъ пансіонеровъ развозился съ товарищемъ и, увлекшись, разорвалъ тому шапку. Обидчикъ оказался изъ семьи зажиточной, а потерпѣвшій—бѣднякъ. Онъ не жаловался мнѣ, но былъ въ большомъ горѣ и плакалъ. Единственная шапка—и теперь стала никуда негодна; не въ чемъ на улицу выйти. А обидчикъ еще подсмѣивается: «волосьями, говоритъ, прикроешься... не что и надо!» Сторожиха на другой день разсказала мнѣ объ этой исторіи. Потерпѣвшій мальчуганъ со слезами показалъ мнѣ свою растерзанную шапку. Пришлось быть судьей... Не берусь судить, насколько былъ правъ мой судъ, но только могу поручиться, что онъ былъ скоръ и нелицепріятенъ. Изорванную шапку я отдалъ изорвавшему ее («чини или покупай новую!»), а его шапку—тоже довольно поношенную—отдалъ потерпѣвшему. Тѣмъ дѣло и кончилось, и никакихъ протестовъ ни откуда не послѣдовало.

Вспоминая темныя тѣни, невольно вспоминаешь и о свѣтѣ. Какія славныя крестьянскія дѣти были у меня въ школѣ!

Помню, напр., одного маленькаго мальчугана. Ему не было еще 8 лѣтъ, и въ школу его приняли лишь по усиленнымъ просьбамъ его матери-вдовы. Онъ сидѣлъ на первой скамейкѣ, потому что былъ очень малъ ростомъ,—онъ былъ всѣхъ меньше въ школѣ. Маленькій, но довольно коренастый, здоровый, «гладкій», какъ говорится, съ круглымъ личикомъ, съ большими голубыми глазами, открытыми и довѣрчивыми, и съ густыми-густыми, льняного цвѣта волосами, нависшами надо лбомъ,—этотъ мальчикъ мнѣ очень нравился, и я лю-

билъ смотрѣть на его милую бѣлокурую головку. За его неуклюжесть я звалъ его «медвѣжонкомъ». Иногда въ дѣлѣ ученья онъ не поспѣвалъ за своими взрослыми товарищами, и мнѣ порой приходилось останавливаться съ нимъ и помогать ему. Но по своимъ годамъ онъ былъ довольно развитъ, даже развитѣе многихъ изъ его товарищей.

Въ своихъ воспоминаніяхъ я съ какимъ-то необыкновенно тихимъ, отраднымъ чувствомъ останавливаюсь на этомъ «медвѣжонкѣ», и еще на одной темноглазой дѣвочкѣ, Машѣ,—смуглой, высокой и худенькой; вотъ то-же было милое, прекрасное созданье,—натура нѣжная, жалостливая, отзывчивая. И «старый сельскій учитель»—черезъ 20 долгихъ лѣтъ—теперь вспоминаетъ о нихъ и раздумываетъ: что-то сталось съ ними? Живы-ли они? А если живы, то какова судьба пала на ихъ долю?

Впрочемъ, да не подумаетъ читатель, что изъ всѣхъ школьниковъ только эти двое, мальчикъ и дѣвочка, были хорошими, добрыми существами и остались въ моей памяти! Вовсе, нѣтъ! Вся моя маленькая публика (за весьма незначительными исключеніями) была—для меня, по крайней мѣрѣ—крайне симпатичной. И знаете, читатель: съ этими крестьянскими дѣтьми я чувствовалъ себя лучше, легче, чѣмъ съ избалованными, капризными дѣтьми богатыхъ семействъ. Крестьянскія дѣти въ общемъ оказывались несомнѣнно умнѣе, серьезнѣе этихъ дѣтей (тѣхъ, съ какими мнѣ приходилось сталкиваться на своемъ вѣку—въ городахъ и въ помѣщичьихъ усадьбахъ). Правда, крестьянскія дѣти, какихъ я знавалъ, не умѣли «шаркать ножкой», дѣлать «смѣхотворные реверансы» и т. под., но въ нихъ было больше деликатности, чѣмъ въ дѣтяхъ «присѣдавшихъ» и «шаркавшихъ ножкой»...

Съ сосѣдями школа моя жила въ мирѣ и любви.

Только еще на первыхъ порахъ, осенью, у моей маленькой публики вышло нѣкоторое недоразумѣніе со становихой изъ-за индюка; это недоразумѣніе могло, пожалуй, повлечь за собой послѣдствія, весьма непріятныя для шкуръ моихъ учениковъ, но, къ счастью, все разрѣшилось благополучно.

Дѣло въ томъ, что рядомъ со школой находилась квартира становаго пристава (значитъ, «особы»—въ извѣстномъ смыслѣ); школьныя владѣнія разграничивались отъ сосѣдняго двора плохонькимъ, старымъ плетнемъ. Становиха была любительница всякой птицы, и между прочимъ, водилось у нея изрядное стадо индѣекъ. Моимъ шалунамъ нравилось, когда индѣйскій пѣтухъ со всей своей индюшечной важностью распускалъ хвостъ и крылья и, размахивая своимъ великолѣпнымъ, красносизымъ наростомъ, начиналъ все пуще и пуще

бормотать и волноваться. Мальчуганы, какъ только, бывало, урвутся изъ школы, сейчасъ и примутся всячески дразнить его изъ-за плетня. А тотъ, бѣдняга, реветъ, надрывается, индюшки тоже начинаютъ усиленнѣе клоктать, а мальчуганы и рады—и въ упоеніи чувствъ гогочутъ, гикаютъ и свищутъ. Однимъ словомъ, поднимался содомъ въ маломъ видѣ. Комната моя находилась далеко отъ мѣста этихъ подвиговъ, и о дразненьи индюка я ничего не зналъ до тѣхъ поръ, пока становихина кухарка, весьма почтенная старуха, не пришла ко мнѣ и не попросила унять шалуновъ.

— Индюкъ, того и гляди, надорвется, еще заболѣетъ, пожалуй! Нешто это—порядки... дразнить чужую птицу! разсудительно говорила мнѣ старуха.

Я согласился съ тѣмъ, что это, дѣйствительно, непорядки.

— Ну, вотъ то-то и есть! Ты, батюшка, своихъ атамановъ-молодцовъ не распускай,—а то вѣдь отъ этой вольницы житья никому не станетъ! Озорной здѣсь народъ... что и говорить! шамкала старуха,

— Усмирю, усмирю, бабушка! Иди съ миромъ! успокоивалъ я старушку.

Я сказалъ школьникамъ, что индюкъ—птица смирная, безобидная, что нехорошо дразнить и обижать его, когда онъ никакого худа имъ не сдѣлалъ. Этимъ инцидентъ съ индюкомъ и былъ окончательно исчерпанъ. Дразненье индюка прекратилось, и лишь иногда изрѣдка кое-кто изъ «непримиримыхъ» ироническимъ тономъ покрикивалъ по адресу тщеславной птицы: «Хо-рошъ! хорошъ!» и вполголоса передразнивалъ ея бормотанье...

Вышелъ и еще одинъ случай — одна изъ тѣхъ непріятностей, отъ которыхъ въ жизни ни за что не убережешься, какъ ни хлопочи.

Приближался храмовой праздникъ въ томъ приходѣ, къ которому принадлежало наше селеніе. Храмовой праздникъ — значитъ пивной день, день пьянства, гульбы и дракъ. Еще задолго до этого многознаменательнаго дня ребята мои стали поговаривать о томъ, что у нихъ «праздничаютъ» три дня. Я тогда-же имъ заявилъ и наканунѣ праздника повторилъ, что я буду праздничать только одинъ день, что на другой-же день послѣ праздника школа будетъ открыта, и я стану заниматься, хотя-бы пришли только трое или двое. Вотъ на Рождество имъ будетъ данъ большой отдыхъ, а теперь достаточно и одного дня (Я и не воображалъ тогда: какъ окажется продолжителенъ ихъ святочный отдыхъ!).

На другой день праздника половина учениковъ явилась въ школу; на слѣдующій день не хватило человѣкъ десяти. Отмѣчу при этомъ,

какъ интересный фактъ, то обстоятельство, что въ первый и на второй день не являлись въ школу исключительно мальчики, дѣвочки же въ оба дня были всѣ на лицо.

Черезъ день или черезъ два послѣ праздника, — въ точности теперь не помню, — во время занятій ввалился въ школу причетникъ, бывшій сильно навеселѣ, и шибко заплетающимся языкомъ, съ трудомъ не малымъ, кое-какъ довелъ до моего свѣдѣнія, что батюшка остался въ избѣ такого-то (имя рекъ) и послалъ его узнать: можетъ-ли онъ придти въ школу «прославить». За мною уже слышались сдержанныя хихиканья и шопотъ... Я чувствовалъ: еще одна минута, — и ученики мои придутъ въ весьма игривое настроеніе духа, а тогда занятія наши — «прости-прощай!» Я думалъ: сегодня уже не праздникъ, а будни, — идутъ занятія въ школѣ... А съ другой стороны: священникъ, весьма можетъ быть, и совершенно трезвъ, но вѣдь и появленіе «со славой» одного пьянаго причетника представится уже немалымъ соблазномъ для ребятъ. Я поспѣшилъ объявить вѣстнику, что теперь принять не могу.

V.

Иные, я слыхалъ, жалуются на то, что занятія и жизнь сельскаго учителя крайне монотонны. Самъ человѣкъ придаетъ своимъ занятіямъ тотъ или другой характеръ, самъ складываетъ жизнь, даетъ ей смыслъ и значеніе. Человѣкъ на отмежеванномъ ему судьбой клочкѣ земли можетъ или посѣять пшеницу, или развести тернія и плевелы... Самую отчаянную монотонность человѣкъ можетъ превратить въ самое живое разнообразіе. Средства для таковаго превращенія у человѣка всегда подъ рукой: они главнымъ образомъ въ *немъ самомъ*, а затѣмъ уже въ окружающей его средѣ.

При добромъ желаніи, при стараніяхъ и энергіи каждое дѣйствительно полезное дѣло можно сдѣлать живымъ и разнообразнымъ. Стоитъ только перестать относиться къ міру съ чиновничьей точки зрѣнія и сознать себя общественнымъ работникомъ.

Представлю здѣсь краткій, сжатый очеркъ моего времяпрепровожденія.

Съ 9 часовъ утра начинались занятія въ школѣ; въ 12 я завтракалъ и урывками читалъ газету; съ 1 часу до 4 продолжались занятія въ школѣ. Въ 4 часа я обѣдалъ, съ книгой по одну сторону прибора, ибо повторяю: я могъ находить время для чтенія лишь урывками. Послѣ 5 ко мнѣ приходили за книгами деревенскіе гра-

мотѣи—взрослые крестьяне и парни, изъ нашего селенія и изъ сосѣднихъ деревень. Такихъ читателей у меня было около трехъ десятковъ.

Всего охотнѣе, помню, читались: чья-то книга «О грозѣ», «О деньгахъ», «Откуда пошла русская земля» (можетъ быть, заглавіе было какъ-нибудь иначе), «Годъ на сѣверѣ» С. В. Максимова и другія книги того-же автора, Разсказы А. И. Левитова, «Безоброчный» Нефедова, «Батрачка» Бѣльскаго, Стихотворенія Никитина, Кольцова.

Книгъ у насъ было немного — заглавій до 200, то-есть, 300 экземпляровъ съ чѣмъ-то, но я надѣялся съ каждымъ годомъ расширять библіотеку.

Библіотека при сельской школѣ составляетъ насущную интеллектуальную потребность деревенской жизни. Гдѣ-же и быть деревенской публичной библіотекѣ, какъ не при школѣ? Не устраивать-же ее при волостномъ правленіи, гдѣ никто не въ состояніи дать объясненій и указаній, иногда настоятельно требуемыхъ читателями. Библіотека можетъ и должна служить постоянною связью между учителемъ и деревней, между школой и бывшими ея учениками. Школа съ библіотекой должна быть центромъ умственной жизни деревни—такимъ мѣстомъ, куда каждый крестьянинъ и крестьянка, старый и малый, богатый и бѣдный могли-бы обращаться съ запросами по поводу разрѣшенія всякихъ недоразумѣній.

Нынѣ школа стоитъ особнякомъ отъ деревни и на все лѣто — то-есть, на треть года, если не болѣе — порываетъ съ деревней и послѣднюю связь. Нынѣ мальчикъ, по окончаніи курса уходя изъ школы, забываетъ и дорогу къ ней. Этого не должно быть въ интересахъ народнаго просвѣщенія. Нынѣ деревенскій парень, кончившій курсъ въ школѣ, не находя порядочныхъ, полезныхъ книгъ для чтенія, за неимѣніемъ библіотеки, и не находя возможности покупать ихъ, долженъ поневолѣ ограничиваться всякою случайно попавшею ему въ руки печатною дрянью — иногда просто глупою книжонкой въ родѣ, напр., «Проказницы Нади», а иногда книжонкой и безусловно вредной, или-же долженъ оставаться вовсе безъ книгъ (Не должно упускать изъ виду, что нынѣ, съ успѣхами типографскаго дѣла, «печатная дрянь» широкимъ, мутнымъ потокомъ заливаетъ книжный рынокъ, такъ что дешевыя, но цѣнныя по существу изданія совершенно тонутъ въ этомъ грязномъ омутѣ: на одну порядочную книжку приходится до полусотни такихъ книгъ, которыя стоитъ лишь швырнуть въ печь).

Вслѣдствіе вышеуказанныхъ обстоятельствъ и происходятъ печальныя явленія рецидивизма безграмотности. Для того, чтобы школа

до конца доводила свое благое дѣло, необходимо нужно имѣть ей при себѣ библіотеку *).

Выдача книгъ и разговоры по поводу ихъ занимали иногда часъ времени,—случалось меньше, случалось и больше. Затѣмъ, я обдумывалъ порядокъ занятій на завтра, вносилъ замѣтки въ свой журналъ, писалъ письма и—если оставалось время—читалъ. Иногда вечеромъ я ходилъ въ «большой домъ», навѣщалъ своихъ хозяевъ; иногда-же ко мнѣ приходилъ какой-нибудь крестьянинъ, а то и нѣсколько человѣкъ зàразъ. Сторожиха ставила самоваръ, и мы за чашками чая иной разъ до поздней ночи гуторили о томъ, о семъ: я разсказывалъ о городѣ, о городской жизни и о жизни въ дальнихъ иностранныхъ краяхъ; собесѣдники мои говорили мнѣ о своихъ деревенскихъ дѣлахъ, толковали иной разъ о школѣ.

Въ то-же время, то-есть, когда я былъ сельскимъ учителемъ, мною были набросаны начальныя главы моего перваго романа (впрочемъ, этою работой мнѣ удавалось заниматься только ночью). Кстати: первоначальное заглавіе романа («Печать антихриста») было, признаться, довольно вычурное, хотя и соотвѣтствовавшее, въ извѣстномъ смыслѣ, содержанію романа. Весной 1874 года, въ одно изъ свиданій со мной, покойный М. Е. Салтыковъ сказалъ мнѣ:

— Я-бы думалъ перемѣнить заглавіе... Назвать-бы, напримѣръ, «Лѣтопись села Смурина»...

— «Лѣтопись села Горохина»!—напомнилъ я ему.

— Да!..—согласился онъ и, подумавъ, сказалъ:—ну, такъ назовемъ: «Хроника»...

На томъ мы и порѣшили.

Окружавшее въ ту пору дало мнѣ матеріалъ для созданія нѣкоторыхъ образовъ и сценъ въ этомъ первомъ моемъ романѣ; отчасти также матеріалъ дали мнѣ для этого романа кузнечныя артели, съ которыми я ознакомился въ началѣ-же 70-хъ годовъ, во время моихъ странствованій по Тверской губерніи для изученія артельнаго дѣла вообще...

Съ декабря мѣсяца, какъ уже сказано, по воскресеньямъ и четвергамъ открылись у меня въ школѣ вечерніе курсы для взрослыхъ рабочихъ. По воскресеньямъ утромъ, кромѣ того, ко мнѣ являлись съ просьбами написать «письмецо». До моего пріѣзда, конечно, былъ-же у нихъ кто-нибудь, писавшій имъ письма, но этотъ писатель, вѣроятно,

*) Пишущій эти строки намѣренъ въ непродолжительномъ времени представить по этому вопросу докладъ въ С.-Петербургскій Комитетъ грамотности.

собиралъ съ нихъ за свое писанье копѣечки или бралъ натурой. Я-же, разумѣется, могъ оказывать имъ эти услуги безплатно и безъ всякихъ затрудненій, такъ какъ день былъ праздничный и время свободное. Диктовавшіе мнѣ письма волей-неволей должны были иногда посвящать меня въ разныя болѣе или менѣе интимныя стороны своей семейной жизни. Меня просили «никому не сказывать», и я, такимъ образомъ, являлся какъ-бы въ роли носителя чужихъ маленькихъ тайнъ, впрочемъ, интересныхъ болѣе лишь для тѣхъ, кто хранилъ ихъ за «тайну».

Всѣ эти обстоятельства ставили меня близко къ народу. На меня не смотрѣли, какъ на барина, на чиновника, но считали своимъ человѣкомъ, готовымъ со всякимъ и побесѣдовать по душѣ, и оказать услугу, и поучить кое-чему. Занять такое положеніе для сельскаго учителя—весьма важно. Но нужно знать границу, до которой можно брататься или, какъ говорится, «сливаться» съ народомъ. Нельзя идти вмѣстѣ съ народомъ, когда онъ, напр., пьянствуетъ и сквернословитъ, когда собирается мазать у сосѣдей ворота дегтемъ, когда во время падежа скота заставляетъ бабъ ночью въ однѣхъ рубахахъ «опахивать» деревню, или когда онъ собирается жечь «колдунью» или убивать конокрада...

Я съ крестьянами держался совершенно запросто, какъ съ родней, пилъ съ ними чай, дѣлилъ хлѣбъ-соль, бесѣдовалъ съ ними, рѣшительно, обо всемъ, о чемъ они со мной ни заговаривали, *но* водки съ ними не пилъ и ругательства обрывалъ на полусловѣ. И крестьяне скоро узнали, что я водки не пью и пьяныхъ не терплю, а поэтому пьяные ко мнѣ и не показывались; только какъ-то въ праздникъ крестьяне однажды подъ-хмѣлькомъ заходили ко мнѣ—звать меня къ себѣ въ гости.

Впрочемъ, такое мое отношеніе къ водкѣ и къ пьянымъ не произвело ни *малѣйшаго* охлажденія между мной и крестьянами, а со стороны женщинъ даже снискало мнѣ самое горячее одобреніе и похвалы. Вѣдь и между крестьянами не всѣ-же пьютъ и сквернословятъ, и за то односельчане хуже не относятся къ нимъ. Строгостью жизни, ригоризмомъ не оттолкнешь отъ себя крестьянина; отталкиваетъ его посматриванье на него свысока, желаніе морализировать, читать ему проповѣдь,—однимъ словомъ, народъ не можетъ лишь терпѣть ханжей и лицемѣровъ и чутьемъ быстро угадываетъ Тартюфа, подъ какимъ-бы костюмомъ онъ ни прятался...

Бывали и такіе случаи, когда крестьяне приглашали меня на сходки, въ качествѣ какъ-бы эксперта, истолкователя по тому или другому

вопросу. Такое приглашеніе служило доказательствомъ высшаго довѣрія, какое только крестьяне могли оказать человѣку, не принадлежащему къ крестьянскому міру.

Помню живо первый такой случай изъ моей практики. Сходка собиралась вечеромъ въ избѣ одного изъ «стариковъ», которому, впрочемъ, какъ часто случается, было не болѣе 45—46 лѣтъ («Стариками» называются хорошіе, добропорядочные домохозяева,—стары они или молоды, богаты или бѣдны—все равно. Въ иныхъ мѣстностяхъ «стариками» звали прежде сельскихъ судей). За мной зашли два крестьянина. Съ минуту я колебался: идти или нѣтъ? Могу-ли я быть на крестьянской сходкѣ и говорить—хотя-бы только съ правомъ совѣщательнаго голоса? Нравственное право было за мной; мнѣ даже казалось совѣстно не пойти на такой зовъ... И я пошелъ...

Замѣчательно: какъ иногда ярко запечатлѣвается въ памяти какая-нибудь отдѣльная сцена, картинка, выхваченная изъ ряда дней сѣрой, обыденной жизни!

Какъ теперь вижу: былъ ясный, морозный зимній вечеръ. Въ избахъ кое-гдѣ мерцали красные огоньки. Я шелъ по опустѣлой, безмолвной деревенской улицѣ, залитой на ту пору серебристымъ, луннымъ свѣтомъ. Снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами, искрился, блестѣлъ; искрились и блестѣли при сіяніи мѣсяца деревья, опушенныя инеемъ. Ярко сіяли звѣзды въ далекой синевѣ небесъ надъ безмолвнымъ селеніемъ, занесеннымъ снѣгомъ, надъ безмолвными полями, задернутыми снѣжной пеленой, искрившейся въ мѣсячныхъ лучахъ... Избы казались совсѣмъ темными, и густая, черная тѣнь ложилась отъ нихъ на одну сторону дороги.

Я шелъ молча; молча, шли рядомъ со мной мои провожатые—дюжіе, рослые молодцы, съ разбойничьими физіономіями, нравомъ кроткіе и смиренные, какъ агнцы. Мнѣ, помню, тогда еще подумалось: «мы—точно заговорщики!»

Когда мы пришли, въ избѣ уже стонъ стоялъ,—и въ синеватомъ дымѣ махорки виднѣлись раскраснѣвшіяся лица, оживленіемъ блестѣвшіе глаза, и явственно слышались лишь отрывочныя восклицанія. Жестяная, небольшая лампочка съ закоптѣлымъ стекломъ стояла на столѣ и мутнымъ, красноватымъ свѣтомъ озаряла распахнутые азямы, красныя и синія пестрядинныя рубахи, головы со всклокоченными волосами, большія густыя бороды... далѣе—закоптѣлыя, черныя бревенчатыя стѣны, палати и съ палатей свѣсившіяся бѣлокурыя дѣтскія головы.

Въ дальнемъ углу избы сидѣла очень древняя старуха, все что-то

бормотала себѣ подъ носъ, охала и зѣвала. Неподалеку отъ нея молодая женщина пряла, качая ногой колыбель, задернутую рванымъ пологомъ.

Сходка собралась для того, чтобы привести въ извѣстность: много-ли крестьяне переплатили лишняго оброку своему бывшему помѣщику. Надо было сдѣлать учетъ, такъ какъ при сборѣ оброку вообще вышли какія-то недоразумѣнія, надо было составить приговоръ и написать барину письмо «міромъ» — то-есть, въ видѣ коллективнаго заявленія... Сходка затянулась до поздней ночи, но все-таки письмо написали, приговоръ составили, и староста приложилъ къ нему печать.

Люди, не посвященные во всѣ подробности крестьянскихъ дѣлъ, люди даже — прямо сказать — мало знакомые съ укладомъ народной жизни, принимаясь описывать крестьянскую сходку, изображаютъ ее въ видѣ бѣснующейся зря, бушующей толпы. Подобные наблюдатели, конечно, не въ состояніи уловить общаго смысла рѣчей, часто перекрещивающихся между собой: они не знаютъ подробностей дѣла, и общій смыслъ ускользаетъ отъ нихъ. Наблюдатель видитъ только, что люди цѣлые часы топчутся на одномъ мѣстѣ, кричатъ, шумятъ, какъ будто даже ругаются, хватаютъ другъ друга за руку, за плечо, то на минуту стихаютъ, то вдругъ съ удвоенной яростью начинаютъ кричать и жестикулировать. Члены сходки понимаютъ каждый намекъ, понимаютъ одинъ другого съ полуслова, а наблюдателю, не разумѣющему этихъ намековъ и полусловъ, начинаетъ казаться, что люди какъ будто говорятъ на какомъ-то тарабарскомъ, непонятномъ для него языкѣ.

И вотъ, посторонній наблюдатель заноситъ въ свою тетрадь впечатлѣніе, произведенное на него крестьянской сходкой: «Столпотвореніе Вавилонское! Шумятъ, галдятъ, другъ друга не слушаютъ, перебиваютъ. Не видалъ ничего безобразнѣе крестьянскаго схода!» Благодаря такимъ наблюдателямъ-верхоглядамъ, въ извѣстной средѣ образованнаго общества и слагается такое мнѣніе, что наши крестьянскіе сходы — нѣчто въ высшей степени безтолковое и сумбурное... Замѣчу только, что я никогда не слыхалъ, чтобы крестьянскій сходъ когда-нибудь закончился рукопашной свалкой.

А затѣмъ—въ видѣ параллели—я напомню о томъ: какъ иногда ведутъ себя интеллигентные люди, когда рѣчь заходитъ о какомъ-нибудь животрепещущемъ вопросѣ, о жгучемъ вопросѣ, близко касающемся интересовъ той или другой общественной группы,—я напомню: какъ эти благовоспитанные, просвѣщенные граждане ведутъ себя иногда во время преній въ своихъ кружкахъ, въ собраніяхъ обществъ—

ученыхъ и иныхъ, въ земскихъ собраніяхъ, въ собраніяхъ городскихъ думъ, наконецъ, въ парламентахъ, гдѣ таковые имѣются (въ такихъ, напримѣръ, какъ англійскій—старѣйшее и самое почтенное изъ народныхъ собраній, или какъ французскій), куда страна (въ принципѣ, по крайней мѣрѣ) посылаетъ весь цвѣтъ и блескъ своей интеллигенціи и гдѣ тѣмъ не менѣе министры, для вразумленія своихъ собратовъ по собранію, представителей народа, не находятъ болѣе убѣдительныхъ доводовъ, какъ пощечины и подзатыльники...

Не станемъ-же лучше, читатель, и заикаться о безобразіи и безтолковости нашихъ крестьянскихъ сходокъ!

Какъ видитъ читатель, я не могъ пожаловаться на монотонность моего существованія: жизнь моя была полна интереса и самаго разнообразнаго содержанія. Допустимъ, мое положеніе—въ роли сельскаго учителя—было нѣсколько исключительное. Я пришелъ въ школу уже въ то время, когда зналъ деревню, когда народъ со всѣмъ его складомъ духовной и внѣшней жизни, съ его взглядами и міровоззрѣніемъ, съ его нуждами и потребностями, съ его радостями и горемъ не былъ для меня тѣмъ таинственнымъ незнакомцемъ, какимъ онъ былъ и остался для многихъ моихъ сверстниковъ и коллегъ.

Иные кичатся знаніемъ народа, выставляютъ это знаніе какъ-бы заслугу, какъ нѣкій патентъ на полученіе какихъ-то особенныхъ привиллегій при собесѣдованіи о томъ или другомъ вопросѣ изъ народной жизни. Для меня-же знаніе народа было совершенно естественнымъ послѣдствіемъ всей моей извѣстнымъ образомъ сложившейся жизни. Я никогда не поставлялъ себѣ задачей изученіе народа, никогда я не смотрѣлъ на народъ, какъ на объектъ, подлежащій изслѣдованію, никогда я не подходилъ къ народу съ заранѣе выработанной программой «для собиранія свѣдѣній», но я былъ-бы совсѣмъ неумнымъ человѣкомъ, если-бы не узналъ народа, цѣлые годы—съ ранняго дѣтства—живя съ нимъ вмѣстѣ. Я никогда не смотрѣлъ на людей изъ народа, какъ на какихъ-нибудь замѣчательныхъ козявокъ, которыя нужно разсматривать чуть не подъ микроскопомъ, а затѣмъ, уѣхавъ въ Москву или въ Петербургъ, писать въ журналахъ по поводу ихъ глубокомысленные трактаты или весьма легкомысленные повѣсти и разсказы. Мнѣ всегда казалось странно, когда иной изслѣдователь открывалъ Америку, бывшую до той поры неизвѣстной лишь ему и расположеннымъ къ нему критикамъ.

Конечно, я не всегда сидѣлъ съ народомъ на трехногой скамьѣ, въ курной хатѣ, не питался хлѣбомъ изъ лебеды или изъ ильмовой коры, но тѣмъ не менѣе съ малыхъ лѣтъ я сиживалъ съ нимъ и въ

курной избѣ, и въ овинѣ у дотлѣвавшей теплицы, спалъ съ нимъ въ степи и въ лѣсу у разведеннаго костра, ночевалъ съ нимъ и въ землянкахъ на берегу Волги, ѣлъ и «лебедовый» хлѣбъ и знаю вообще вкусъ той пищи, какую онъ ѣстъ, на опытѣ знаю всю тяжесть его работъ въ лѣсу и на полѣ—во всѣ времена года. Съ малыхъ, дѣтскихъ лѣтъ я жилъ среди народа, узналъ его и полюбилъ, узналъ его слабость и мощь, — однимъ словомъ, узналъ его на столько, на сколько возможно узнать его человѣку, по своему общественному положенію, стоящему внѣ крестьянской среды.

Такъ, положеніе мое въ роли учителя было нѣсколько исключительное, вслѣдствіе моего близкаго знакомства съ деревней. Но—мнѣ думается — и каждый сельскій учитель при добромъ желаніи — если не вдругъ, то мало-по-малу можетъ занять въ средѣ деревенскаго населенія такое-же положеніе, какое удалось завоевать мнѣ..

VI.

Зима въ тотъ годъ встала рано: съ половины ноября затрещали морозы. Тутъ-то одно изъ неудобствъ школьнаго зданія и дало себя почувствовать. Оказалось, что полы были не сколочены, на чердакъ земли не наношено, отъ оконъ дуло. Напрасно я топилъ свою большую русскую печь, напрасно я жарилъ ее; стужа была страшная... Ребята въ школѣ сидѣли въ шубахъ и въ полушубкахъ, я дрогъ въ своемъ плэдѣ. Въ это время я попростудился; заболѣли зубы и не давали мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Недѣли двѣ я чувствовалъ себя совсѣмъ несчастнымъ человѣкомъ.

Въ половинѣ декабря С. А., на возвратномъ пути изъ Петербурга, заѣзжала въ нашъ уѣздный городъ и вечеромъ-же въ день своего пріѣзда, придя ко мнѣ въ школу, заявила, что я оставаться учителемъ не могу... Приближались святки, и было условлено, что дня за три до Рождества я распущу учениковъ на праздникъ и объявлю, что уѣзжаю въ Петербургъ.

Пришлось укладывать свои малые пожитки и собираться въ путь: всю жизнь, кажется, мнѣ только и приходилось распаковывать и запаковывать свой чемоданъ и собираться въ путь. Я такъ привыкъ къ тому, чтобы судьба перебрасывала меня изъ угла въ уголъ, не давая мнѣ покоя въ семъ мірѣ, что мнѣ даже кажется страннымъ, когда приходится прожить мѣсяцевъ 6—8 на одномъ мѣстѣ.

На этотъ разъ, признаться, съ грустью оставлялъ я школу. Я уже попривыкъ къ дѣлу, началъ сживаться съ людьми, успѣлъ при-

вязаться къ своимъ ученикамъ, полюбить ихъ, да и они уже успѣли попривыкнуть ко мнѣ. Кто замѣнитъ меня? Добрый-ли то будетъ человѣкъ? съумѣетъ-ли онъ любовь къ идеѣ слить съ гуманностью, съ нѣжнымъ, участливымъ отношеніемъ, необходимымъ для живой, впечатлительной дѣтской натуры такъ-же, какъ необходимы тепло и свѣтъ для распускающагося цвѣтка? Легко заставить ребенка спрятаться отъ насъ, уйти въ самого себя и, словно за семью печатями, скрыть отъ насъ свою душу...

Тяжело видѣть, когда хорошо начатое дѣло ускользаетъ отъ насъ въ другія руки и гибнетъ. Конечно, тяжело бываетъ и тогда, когда дѣло рушится, находясь у насъ въ рукахъ, но въ послѣднемъ случаѣ нѣкоторымъ утѣшеніемъ служитъ, по крайней мѣрѣ, то обстоятельство, что человѣкъ можетъ и самъ пасть и погибнуть подъ развалинами рухнувшаго зданія,—такъ-же точно, какъ знаменосцу легче умереть со знаменемъ въ рукѣ, нежели, умирая, видѣть знамя въ рукахъ непріятеля... Съ такими горькими думами собирался я въ путь.

Слухи и безъ помощи газетъ разносятся быстро; слухи, какъ извѣстно, иногда какимъ-то страннымъ, таинственнымъ образомъ даже предупреждаютъ имѣющій совершиться фактъ. Такъ, напр., иногда появляются извѣстія о смерти извѣстнаго человѣка еще за нѣсколько дней до его кончины (такъ было, помнится, съ покойнымъ папой Піемъ IX),—болѣе мелкихъ фактовъ каждый изъ насъ могъ-бы не мало привести изъ своей практики.

Стали похаживать ко мнѣ мои ребятишки и крестьяне. Спрашивали: правда-ли, что я уѣзжаю въ Петербургъ? Не желая никого морочить, я прямо говорилъ, что уѣзжаю и уже не возвращусь. Вопросы слѣдовали далѣе и нужны были объясненія.

Оставляя школу, я вывелъ одно, по моему мнѣнію, весьма важное и отрадное заключеніе: изъ числа людей, не принадлежащихъ къ крестьянству, но живущихъ въ деревнѣ, сельскому учителю всего легче (и всего естественнѣе) сдѣлаться человѣкомъ самымъ близкимъ и вліятельнымъ по отношенію къ деревенскому міру. Вопросъ лишь въ степени умственнаго и нравственнаго развитія учителя, въ его взглядѣ на его права и обязанности, въ его міросозерцаніи. Только одинъ священникъ могъ-бы соперничать съ учителемъ въ этомъ отношеніи, но священникъ, какъ извѣстно, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ матеріалистическаго свойства, иногда, къ сожалѣнію, встаетъ въ весьма натянутыя отношенія къ крестьянамъ. Учитель-же въ матеріальномъ отношеніи поставленъ въ болѣе независимыя условія.

Наканунѣ отъѣзда, послѣ урока, на прощаньи я разсказалъ притчу

объ умиравшемъ старикѣ, объ его сыновьяхъ и о вѣникѣ,—и убѣждалъ моихъ учениковъ жить дружно, мирно и любовно, поддерживать другъ друга, не выдавать въ бѣдѣ... Въ послѣдній разъ погладилъ я маленькаго Ваню по его льнянымъ волосамъ, наскоро простился съ учениками, сказалъ имъ въ утѣшеніе, что безъ учителя они не останутся, и ушелъ изъ класса—съ тѣмъ, чтобы уже не возвращаться въ него.

На этотъ разъ тихо, безъ шума, безъ обычныхъ возгласовъ и криковъ: «Прощайте! Прощайте, П. В.! До свиданья! До утречка!»... разошлись мои ребята изъ школы, но долго еще топтались они въ сѣняхъ, какъ будто о чемъ-то совѣщаясь, прежде, чѣмъ разбрелись по домамъ.

Я просилъ ямщика пріѣхать за мной въ 7 часовъ утра, еще до разсвѣта: мнѣ хотѣлось уѣхать изъ М. пораньше, пока деревня еще спала. Ночь я провелъ плохо (а если-бы мнѣ было дано знать будущее мною оставляемой школы, ночь я провелъ-бы еще хуже); поднялся я въ 5 часовъ, напился чаю и, перекинувъ черезъ плечо свою дорожную сумочку, усѣлся на чемоданъ въ ожиданіи лошадей. Въ восьмомъ часу подкатилъ ямщикъ—одинъ изъ моихъ хорошихъ знакомыхъ.

На небѣ еще чуть брезжилъ разсвѣтъ. Когда я вышелъ на крыльцо, сердце мое ёкнуло и забилось шибко-шибко... При свѣтѣ передутреннихъ сумерекъ я увидалъ около саней толпу школьниковъ, десятка два-три, мальчиковъ и дѣвочекъ.

50 лѣтъ въ міровой исторіи—одинъ моментъ; въ жизни-же человѣческой 50 лѣтъ—большое время. 50 лѣтъ прожить—не поле пройти за сохою. Всего бывало на моемъ вѣку: переживалъ я, какъ и всякій минуты радости и горя, минуты унынія и минуты торжества, но рѣдко въ теченіе этихъ 50 лѣтъ я бывалъ такъ глубоко растроганъ, какъ въ эти сѣрыя, передразсвѣтныя сумерки декабрьскаго дня.

Мнѣ было больно, было жаль этихъ малютокъ... Вѣдь я уже зналъ, что болѣе не возвращусь къ нимъ никогда. Безъ меня они выростутъ, безъ меня судьба разбросаетъ ихъ на разныя стези жизни. Иной изъ нихъ станетъ пахать дѣдовскую ниву, иной уйдетъ на чужую сторону и потонетъ въ городскомъ омутѣ; иному, можетъ быть, предстоитъ свѣтлая доля, иному—тяжкій крестъ до могилы. Я уже зналъ, что жизнь наша—рядъ свиданій и разлукъ,—а все-жъ мнѣ было горько въ тѣ минуты... Въ то-же время мнѣ было и отрадно сознавать, что эти малютки не забудутъ меня и, очевидно, не станутъ поминать меня лихомъ. Кто ихъ созвалъ къ школѣ ни свѣтъ, ни заря? Не по при-

казу, не по чьему-нибудь наущенью—«ломать комедію», но сами, по доброй волѣ собрались эти крестьянскіе ребята проститься еще разъ со своимъ учителемъ... Добровольно. Вотъ *что̀* было дорого и такъ разстрогало меня.

— Пріѣзжайте, П. В.!—плаксиво говорили они.—Возвращайтесь къ намъ!..

Я разцѣловалъ ихъ...

Пара бойкихъ коней уносила меня въ даль отъ моей школы. Колокольчикъ гудѣлъ подъ дугой. По сторонамъ разстилались бѣлоснѣжныя поляны, темнѣли лѣса,—и было все тихо, безмолвно вокругъ.

На востокѣ, гдѣ осталась моя школа, на горизонтѣ уже свѣтлѣла полоса, разгоравшаяся съ минуты на минуту красноватымъ свѣтомъ, а тамъ на западѣ, куда я держалъ путь, передразсвѣтными тѣнями, какъ темно-синимъ туманомъ, была задернута даль—такъ-же, какъ и мое будущее, ожидавшее меня тамъ, въ этой темно-синей дали...

П. Засодимскій.

О мѣрахъ къ ограниченію распространенія заразныхъ болѣзней въ школахъ.

*(Продолженіе *).*

Есть двѣ болѣзни, наводящія невольный ужасъ на всѣхъ, кто любитъ дѣтей: это—скарлатина и дифтеритъ. И если сообразить только, что эти враги дѣтства нерѣдко подкрадываются незамѣтно, не щадя иногда самыхъ здоровыхъ и крѣпкихъ дѣтей, поражая часто смертельно многихъ членовъ одного семейства, то невольный страхъ матерей при одномъ имени той или другой изъ названныхъ болѣзней становится понятнымъ.

Названіе «скарлатина» встрѣчается въ Англіи, начиная съ XVII ст., и Сиденгаму, главнымъ образомъ, мы обязаны точнымъ разграниченіемъ этой болѣзни отъ другихъ инфекціонныхъ. Правда, и ранѣе Сиденгама встрѣчаются нѣкоторыя указанія на эту болѣзнь со стороны, напр., нѣмецкихъ ученыхъ; однако, не смотря на это, прошли десятки лѣтъ, покамѣстъ эпидемически господствовавшая въ Европѣ скарлатина не познакомила врачей съ этою ужасною болѣзнью, и съ того времени описанія ея породили огромную литературу, которую трудно даже удержать въ памяти. Названіе «скарлатина» неизвѣстнаго происхожденія, но въ чемъ ея сущность? что такое она сама по себѣ? Опредѣлить ее нужно такъ: скарлатина есть болѣзнь заразительная, зависящая отъ какой-то особенной заразы, разливающейся по всему тѣлу, часто поражающей зѣвъ, почки и нерѣдко сопровождаемая огромнымъ количествомъ послѣдовательныхъ заболѣваній и осложненій въ различныхъ органахъ. Несомнѣнно, болѣзнь эта обусловливается какимъ-то своеобразнымъ заразнымъ началомъ, какимъ-то особеннымъ ядомъ, очень летучимъ, подчасъ убійственнымъ. Но что это за вещество? что за ядъ? По аналогіи и по очень многимъ

---

*) См. «Русскую Школу» 1891 г. №№ 2, 4, 5—6 и 9-й.

даннымъ нужно полагать, что скарлатина находится въ зависимости отъ мельчайшихъ микроскопическихъ организмовъ, что она происхожденія микробактеріологическаго; но, не смотря на новѣйшія работы въ этомъ направленіи Клейна, Эдингтона и др., все-же положительнаго единогласнаго рѣшенія относительно характера этого грибка и яда, вызываемаго имъ въ огранизмѣ, до настоящаго времени нѣтъ.

Что-же, собственно, тутъ заразительно? Прежде всего—самъ больной отъ начала до конца болѣзни, заразительна кровь больного, его отдѣленія, заразителенъ окружающій его воздухъ, небезвредны до времени и всѣ предметы, которыхъ онъ касался или которые его окружали. На вопросъ: въ какомъ именно періодѣ болѣзни скарлатинозный заразителенъ?—можно отвѣтить: во всѣхъ. Однако-же наибольшее напряженіе заразы наблюдается на высотѣ развитія болѣзни и, въ такъ-называемомъ, періодѣ отпаденія кожицы, шелушенія. Летучесть яда доказывается лучше всего тѣмъ, что имъ заражаются чрезъ вдыханіе, а сила его убѣдительно обнаруживается тѣмъ, что даже третьи лица—сами здоровые, но бывшіе въ соприкосновеніи со скарлатинознымъ или-же только находившіяся у него въ комнатѣ, равно и окружавшія больного вещи способны перенести и распространить заразу въ другія семейства. Въ доказательство приведемъ примѣръ двухъ братьевъ, женатыхъ и семейныхъ. У дѣтей одного изъ нихъ развилась скарлатива; тотчасъ-же братья-друзья были разъединены, изолированы другъ отъ друга, съ выполненіемъ мельчайшихъ предписаній и т. д. Въ семействѣ зараженнаго брата переболѣли всѣ дѣти, члены семьи другого оставались здоровыми въ теченіе шести недѣль. Но, вотъ, по истеченіи этого времени, изъ зараженнаго скарлатиною дома, прислали назадъ взятыя книги и игрушки, и эти-то злополучные предметы послужили источникомъ развитія болѣзни въ семействѣ другого брата, доселѣ остававшемся здоровымъ и совершенно свободнымъ отъ заразы. Такихъ случаевъ приводится въ литературѣ множество, и нѣтъ практическаго врача, который не наблюдалъ-бы чего-нибудь подобнаго.

Воспитателямъ и матерямъ особенно важно знать, что скарлатинная зараза легко переносима и что всѣ части туалета, немытаго бѣлья, ковры, цвѣты, игрушки, пищевыя вещества, домашнія животныя, даже письма, бывшія въ комнатѣ больного, могутъ быть источникомъ зараженія. Описанъ случай въ семействѣ одного барона въ Вѣнѣ, гдѣ послѣ смерти отъ скарлатины нѣсколькихъ дѣтей все было тщательно обеззаражено, дезинфецировано, за исключеніемъ стараго кресла, о которомъ забыли; семейство выѣхало, и вернулось въ прежнюю квартиру

лишь по прошествіи 4 мѣсяцевъ съ единственнымъ оставшимся ребенкомъ, но и этотъ послѣдній заболѣлъ черезъ 6 дней по пріѣздѣ въ совершенно заново отдѣланную квартиру, и источникомъ зараженія послужило кресло, которое позабыли обеззаразить: прислуга по неосторожности снова принесла его въ квартиру изъ сарая. Въ Англіи и въ Америкѣ приводится много примѣровъ, какимъ путемъ, напр., любимая пища дѣтей—молоко—можетъ служить источникомъ заразы для скарлатины: молоко могло стоять въ комнатѣ больного скарлатиною, корову можетъ доить женщина, одержимая скарлатиною, наконецъ, само оно можетъ быть взято отъ зараженнаго животнаго. Докторъ Самуэль Бюссэ довольно подробно разбираетъ вопросъ о заразности молока. Сами мы ничего подобнаго не видали, но возможность этого допускаемъ въ принципѣ. Однажды, зайдя въ дворницкую для осмотра заболѣвавшихъ дѣтей, мы нашли у нихъ скарлатину, осложненную дифтеритомъ, и въ то-же время обратили вниманіе на подоконники и полки, на которыхъ во множествѣ стояли горшки съ молокомъ: дворникъ содержалъ коровъ и занимался продажею молока. Что-же удивительнаго, что частицы кожицы, отпадающія въ періодъ шелушенія и носящіяся въ воздухѣ, могутъ попасть въ кринки съ молокомъ и послужить причиною къ зараженію скарлатиною другихъ дѣтей, употреблявшихъ это молоко въ сыромъ, непрокипяченномъ видѣ?

Теперь: долго-ли продолжается заразительность скарлатины? Вопросъ чрезвычайной общественной важности, и, между тѣмъ, отвѣтить на него безошибочно, съ точнымъ указаніемъ времени,—невозможно. Обыкновенно считаютъ, что когда слѣды шелушенія кожи у больного прошли, то онъ уже не заразителенъ для другихъ, а это равняется, приблизительно, промежутку времени шести недѣль. Въ большинствѣ это такъ и бываетъ, хотя въ исключительныхъ случаяхъ заразительность продолжается гораздо дольше: у Ричардсона и у Гильдебранта приведены наблюденія о зараженіи по прошествіи пяти мѣсяцевъ и болѣе. Вентиляція, ванны, частая смѣна бѣлья, дѣйствительно, ослабляютъ силу заразительности, но не убиваютъ скарлатинознаго яда во всѣхъ случаяхъ, и только вліяніе 100° t° по С. есть дѣйствительно сокрушительное для скарлатинозной заразы средство. Были дѣлаемы и опыты прививки скарлатинознаго яда, на подобіе предохранительной оспы, съ цѣлью, взявши его отъ легкой формы скарлатины, заразить имъ субъекта и такимъ образомъ предохранить отъ зараженія болѣе тяжелою, злокачественною формой; но эти попытки не привели къ благопріятнымъ результатамъ: напротивъ

онѣ не разъ служили причиною заболѣваній опасною формою скарлатины тѣхъ лицъ, которыя подвергались этимъ прививкамъ.

Какой-же возрастъ болѣе расположенъ къ этой заразѣ? Наблюденія показываютъ, что нѣтъ собственно періода жизни, въ который человѣкъ былъ-бы свободенъ отъ возможности зараженія скарлатиной; однако, дѣтство наиболѣе несчастно въ этомъ отношеніи. Въ литературѣ приведены примѣры заболѣванія скарлатиною дѣтей новорожденныхъ, но все-же большинство случаевъ приходится на возрастъ между 2 и 7 годами жизни, — до 1 года она встрѣчается болѣе рѣдко, а послѣ 10 лѣтъ до 15 и далѣе она идетъ diminuendo. Высчитываютъ, что взрослые заболѣваютъ скарлатиной гораздо рѣже дѣтей и въ пропорціи 1,75 къ 100. Такимъ образомъ, предохраненіе въ дѣтствѣ отъ этой болѣзни является чрезвычайно важнымъ. Полъ и раса не оказываютъ никакого замѣтнаго вліянія на предрасположеніе; занятія и образъ жизни родителей имѣютъ значеніе постольку, поскольку несоблюденіе ими предосторожностей увеличиваетъ возможность зараженія. Послѣднее, конечно, чаще встрѣчается въ менѣе образованной средѣ. Въ городахъ эпидеміи скарлатины свирѣпствуютъ болѣе часто, чѣмъ въ деревняхъ, чему, несомнѣнно, способствуетъ густота народонаселенія городовъ и нахожденіе въ нихъ постоянныхъ очаговъ заразы. Раненые и оперированные, кажется, болѣе наклонны къ зараженію. Состояніе здоровья, слабость или крѣпость его,—не играютъ замѣтной роли. Времена года вліяютъ, по статистикѣ, въ томъ отношеніи, что осенью чаще встрѣчаются случаи зараженія; затѣмъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, слѣдуютъ: зима, весна, лѣто. Для зараженія скарлатиною, повидимому, должно быть личное предрасположеніе даннаго организма, но въ чемъ оно состоитъ — неизвѣстно, и почему въ данную минуту дитя, повидимому, находящееся въ благопріятныхъ для зараженія условіяхъ, не заболѣваетъ, а спустя нѣкоторое время является предрасположеніе къ воспріятію заразы,—понять и объяснить пока нельзя. Относительно этого мы имѣемъ собственное несомнѣнное наблюденіе. Въ одномъ семействѣ старшая дочь заболѣла скарлатиной; мать не могла отдѣлить дѣтей и, въ виду легкости болѣзни и ея доброкачественности, не только не принимала никакихъ мѣръ предосторожности, но въ періодъ наибольшаго зараженія, т.-е. въ періодъ шелушенія, поставила свою младшую дочь въ самыя благопріятныя условія для воспріятія заразы: клала на ту-же постель, кормила изъ одной посуды—и, между тѣмъ, зараженія не послѣдовало. Это было въ началѣ ноября. Черезъ 6 мѣсяцевъ, въ началѣ мая, семейство это переѣхало въ деревню и тамъ случайно къ нимъ былъ принесенъ

ребенокъ съ протекшею уже скарлатиной, и что-же? Совершенно здоровая вторая дочь тотчасъ заболѣла скарлатиной. Отчего она 6 мѣсяцевъ назадъ не заразилась, а потомъ такъ легко восприняла заразу — объяснить нельзя.

Характеръ скарлатинозныхъ эпидемій, по доброкачественности и злокачественности ихъ, бываетъ чрезвычайно различный, но въ отдѣльныхъ случаяхъ никакъ нельзя разсчитывать на то, что дитя, заразившееся отъ скарлатинознаго случая, повидимому, очень легкаго и доброкачественнаго, будетъ имѣть болѣзнь непремѣнно легкую, и, наоборотъ, существуютъ точныя наблюденія, свидѣтельствующія, что подобнаго рода зараженія обнаруживались бо́льшею ядовитостью заразы и печальнымъ исходомъ.

Во время господствованія эпидеміи наклонность дѣтей къ пораженію скарлатинозной заразой повышается. Нѣкоторые писатели, на основаніи разбора многочисленныхъ скарлатинозныхъ эпидемій, старались вывести законы періодичности появленія ихъ, но подобныя попытки не имѣли рѣшительно никакого практическаго значенія и положительно убѣждаютъ лишь въ томъ, что никакого закона относительно появленія скарлатинозныхъ эпидемій установить нельзя.

Теперь нужно, хотя вкратцѣ, ознакомиться съ проявленіями и ходомъ болѣзни, ея выразительными особенностями, чтобы, имѣя ихъ передъ глазами, глубже проникнуться убѣжденіемъ въ неизбѣжной необходимости предохранительныхъ мѣръ къ огражденію дѣтей отъ этой ужасной болѣзни. Мы, врачи, зная необычайное разнообразіе проявленій скарлатины въ человѣческомъ организмѣ, стараемся какъ можно подробнѣе изучить эти различныя видоизмѣненія ея; но для образованнаго читателя-неспеціалиста достаточно лишь нарисовать картину типичную, легко уловимую, безъ особеннаго труда способную удержаться въ памяти.

Совершенно здоровое дитя, рѣзвое, крѣпкое, вдругъ начинаетъ, напримѣръ, горѣть; кожа его становится суха, горяча; глазёнки блестятъ; лобикъ и все тѣльце пышутъ; головка болитъ; аппетитъ пропадаетъ; жажда усиливается, является боль при глотаніи, на которую старшія дѣти жалуются сами, а младшія нерѣдко обнаруживаютъ эту боль искривленіями личика и крикомъ при попыткахъ напиться. Посмотримъ въ горлышко — и найдемъ тамъ сплошную красноту, припухлость тканей и всѣхъ частей горла; языкъ — бѣлъ посерединѣ и красенъ на кончикѣ и по краямъ. Ощупывая шейку, найдемъ въ это время подъ нижней челюстью опухшія железки различной величины и степени, иногда только прощупываемыя, въ другихъ случаяхъ —

ясно видимыя глазомъ. Часто въ началѣ болѣзни замѣчается тошнота, на которую жалуются старшія дѣти, и рвота — то разъ, то повторяющаяся. И такъ проходитъ отъ нѣсколькихъ часовъ до сутокъ и долѣе. Иногда температура становится такъ высока, что у дѣтей маленькихъ случаются судороги, у старшихъ — бредъ и забытье. Отправленія желудка часто задержаны, животикъ вздутъ, а за маленькой нуждой ребенокъ ходитъ рѣже и выдѣляемая жидкость болѣе насыщена, красна и представляетъ тѣ особенности, которыя важно знать намъ, врачамъ, но которыя неуловимы для публики. Все это продолжается въ теченіе даже до 48 часовъ, рѣже долѣе, передъ высыпаніемъ. Такъ какъ все описанное предшествуетъ скарлатинозной высыпи, то этотъ промежутокъ времени называется «*предвѣстникомъ*», «*предшествующимъ періодомъ*». Затѣмъ уже начинается высыпь на кожѣ скарлатинознаго, сперва на шеѣ и груди, рѣже — одновременно и на лицѣ. Форма сыпи — это мелкія красноватыя точки, исчезающія подъ давленіемъ пальца; красноватый цвѣтъ ихъ очень быстро увеличивается, почти съ каждымъ часомъ. Сыпь скоро распространяется по остальному туловищу, по ручкамъ и ножкамъ, и уже въ 12 часовъ достигаетъ полнаго развитія, со всѣми особенностями своей характеристичной выразительности. Личико при скарлатинѣ въ большинствѣ случаевъ поражается не такъ рельефно, какъ туловище, при чемъ отдѣльныя части лица, какъ-то: щечки, скулы, часть лобика поражены, между тѣмъ какъ подбородокъ, носикъ, верхняя губа остаются нетронутыми и представляютъ съ пораженными частями рѣзкій контрастъ. Если открыть тѣльце ребенка, то краснота на немъ будетъ постепенно ослабѣвать въ своей степени, но при крикѣ, плачѣ и т. п. яркость сыпи вновь усиливается, въ особенности у хорошо упитанныхъ дѣтей. Краснота скарлатинозной сыпи въ самомъ дѣлѣ очень сильна: мы сравниваемъ ее съ цвѣтомъ кумача и говоримъ о «*скарлатинозной*» или «*кумачевой*» краснотѣ кожи. Наибольшей силы цвѣтенія скарлатинозная высыпь достигаетъ на 2-й день отъ начала, а съ 3-го дня яркость начинаетъ исчезать, такъ что уже на 4-й сыпь замѣтно обезцвѣчивается, блѣднѣетъ. Во время высыпанія лихорадка и жаръ обыкновенно усиливаются, ко всѣмъ непріятнымъ ощущеніямъ присоединяется еще новое — жженіе и зудъ кожи, на которые такъ жалуются старшія дѣти, равно какъ и на чувство жара въ ней; сама кожа какъ-бы припухаетъ; пульсъ очень ускоренъ; дѣти часто просятъ пить; крайне тревожны, по временамъ бредятъ: они какъ-бы подавлены болѣзнью; а со стороны горла вышеописанныя уже измѣненія достигаютъ наибольшей выразительности и силы; видъ языка

нами уже описанъ въ предыдущемъ періодѣ, но теперь, къ концу высыпанія, бѣлый налетъ слѣзаетъ и весь языкъ дѣлается, отъ опуханія находящихся на немъ сосочковъ, краснымъ и какъ-бы шершавымъ. Все это называется «*періодомъ высыпанія*», а когда сыпь достигаетъ наибольшей яркости, то и «*періодомъ цвѣтенія*». Нѣкоторые врачи и принимаютъ два періода, хотя они слѣдуютъ другъ за другомъ такъ быстро, что совершенно какъ-бы сливаются, такъ что можно совмѣстить ихъ въ одинъ такъ-же просто, какъ это дѣлается и въ природѣ. Съ минуты поблѣднѣнія сыпи — все облегчается, ослабляются и описанные припадки. Прежде всего жаръ начинаетъ спадать, что даетъ больному дитяти возможность нѣсколько отдохнуть, и хотя еще по вечерамъ онъ все-же повышается, но температура уже не стоитъ на такихъ высокихъ цыфрахъ, какъ прежде; является наклонность къ потѣнію; нерѣдко наблюдается на губкахъ особенная высыпь, называемая лихорадочными «*лишаями*», и если нѣтъ осложненій, то къ концу недѣли или къ началу второй лихорадка слабѣетъ и только по временамъ обнаруживаются совершенно неожиданныя повышенія; боль, краснота горла ослабѣваютъ; общее самочувствіе улучшается, даже железки на шеѣ уменьшаются; сонъ, аппетитъ возстановляются. Но оказывается, что далеко еще не все кончено въ организмѣ, пораженномъ скарлатинознымъ ядомъ. Пораженная кожа оставляетъ явные слѣды, въ видѣ наступающаго отпаденія верхнихъ слоевъ кожицы,— шелушенія, которое, смотря по его степени и силѣ, можетъ быть или очень замѣтнымъ, рельефнымъ, такъ что кожица отпадаетъ въ видѣ большихъ чешуекъ, какъ-бы перепоночекъ, и это называется «*перепончатымъ шелушеніемъ*», или-же, рѣже, при слабомъ развитіи сыпи, въ видѣ мелкой шелухи. Наиболѣе сильно шелушеніе на пальцахъ рукъ и ногъ, на шеѣ, въ паховыхъ областяхъ и т. д. Новообразовавшаяся кожица въ началѣ очень нѣжна. Это-то время шелушенія кожицы, наступающее послѣ поблѣднѣнія сыпи и продолжающееся отъ 1 до 2 недѣль и болѣе, и называется «*періодомъ шелушенія*».

Вотъ какимъ образомъ протекаетъ скарлатина, которую мы называемъ типической, нормальной, правильной. Въ распознаваніи и вѣрномъ опредѣленіи ея—для мало-мальски знакомаго съ дѣломъ не можетъ быть никакого труда, ни малѣйшаго сомнѣнія... Но невсегда бываетъ такъ! Мы уже упомянули, что, къ несчастью, мы не знаемъ другой острой заразной сыпной болѣзни, которая была-бы такъ разнообразна въ своихъ проявленіяхъ, такъ измѣнчива въ теченіи, такъ обильна осложненіями и послѣдствіями. Разобрать все это — долгъ врачей, но посвящать въ подробности даже образованную публику

лишенную спеціальнаго знанія, совершенно излишне, и лишь въ виду неоднократно бывшихъ у насъ примѣровъ недовѣрія публики при опредѣленіи формъ скарлатины анормальныхъ, относительно которыхъ, въ силу сомнѣнія, не принимались должныя мѣры предосторожности,— мы рѣшаемся сказать нѣсколько словъ, не скрывая отъ себя всей трудности такого изложенія для читателей неспеціалистовъ.

Прежде всего, скарлатина можетъ протекать такъ легко, что и жаръ, и пораженія горла, и проявленія сыпи на кожѣ—очень слабы, какъ-бы не развиты; самочувствіе дѣтей очень сносно, едва отступаетъ отъ нормы; уже по прошествіи сутокъ они порываются играть и не разъ выражаютъ жалобы на дядю-доктора, который принуждаетъ ихъ оставаться въ постелькѣ. Сами матери больныхъ дѣтей неоднократно упрашивали меня, въ виду легкости всѣхъ явленій и особенно незначительнаго повышенія температуры, не ослаблять дѣтей лежаніемъ въ кроваткѣ, и потомъ признавались, когда происходили тяжелыя и опасныя осложненія, что не вѣрили въ вѣрность опредѣленія скарлатины. «Помилуйте, — говорятъ онѣ,—скарлатина что-то страшное, ужасное, а тутъ мы ничего подобнаго не видимъ!» Нерѣдко такія сомнѣнія остаются у родителей до конца, если болѣзнь, по счастью, протекаетъ безъ всякихъ послѣдствій, въ видѣ болѣе или менѣе серьезныхъ осложненій, а убѣдить ихъ въ томъ, что это была дѣйствительно скарлатина, а не краснуха, удается только съ трудомъ, и то лишь при особенномъ довѣріи къ пользующему врачу. Такія формы скарлатины называются благопріятными, легкими. Но не всегда, однако, онѣ оканчиваются благопріятно и легко! Начавшись легко, этотъ величайшій врагъ дѣтства, даже при всевозможныхъ предосторожностяхъ, можетъ окончиться крайне опасными для жизни послѣдствіями, свидѣтелями чего мы, къ несчастью, неоднократно бывали.

Въ противоположность такимъ сомнительнымъ для публики и легкимъ случаямъ является и при спорадическихъ заболѣваніяхъ, и при эпидеміяхъ исключительно злокачественная форма, когда несчастный ребенокъ буквально какъ-бы отравляется какимъ-то страшнымъ ядомъ. Наступаетъ картина болѣзни очень бурная, съ быстрымъ обезсиленіемъ, тифозными припадками; температура повышается до наивысшей цыфры—отъ 42° до 43° Цельсія: ребенокъ буквально сгораетъ; пульсъ достигаетъ 160 и болѣе въ минуту; бредъ, безпамятство, судорожныя подергиванія выражены очень сильно; шея жестоко опухаетъ и измѣняетъ свою форму; глотка болитъ такъ, что съ трудомъ можно провести пищу; сыпь быстро выступаетъ, необыкновенно сильно и жестоко поражаетъ кожу, принимая темно-красный оттѣнокъ; глаза

сомкнуты, зубы скрежещутъ; въ отдѣльныхъ мускулахъ являются подергиванія. Отъ такого сильнаго пораженія мозга и сердца ребенокъ погибаетъ, не смотря на всѣ мѣры, иногда въ 24 часа отъ начала болѣзни, и даже скорѣе. Однако, какъ ни ужасно и опасно состояніе больного, все-же и въ такихъ случаяхъ существуетъ для организма возможность счастливаго выхода изъ этой страшной борьбы между жизнью и смертью, гдѣ жизнь, можно сказать, виситъ на волоскѣ! Въ дальнѣйшемъ теченіи лихорадка ослабѣваетъ, пульсъ дѣлается полнѣе, урѣжается, и больной выходитъ на путь выздоровленія.

Иногда болѣзнь можетъ проявиться и не такъ бурно, какъ выше описано, и тогда картина получается слѣдующая: конечности холодны, пульсъ слабъ и очень ускоренъ, сыпь плохо развита, языкъ суховатъ, губы покрыты чернымъ налетомъ; къ этому присоединяются поносы, опухоли селезенки. Больной ребенокъ лежитъ въ безсознательномъ состояніи, обезсиленный борьбой съ недугомъ, жертвой котораго многіе и дѣлаются. Это—такъ называемая «*тифозная скарлатина*».

Между этими двумя крайностями есть еще множество среднихъ, переходныхъ формъ, въ которыхъ то тотъ, то другой припадокъ болѣзни выраженъ или сильно, или слабо. Начинающій врачъ долго присматривается къ этимъ разновидностямъ, пока не признаетъ за аксіому, что проявленіе скарлатинозной болѣзни донельзя разнообразно и измѣнчиво. Но и независимо отъ характера самой силы болѣзни, какъ разнообразны виды высыпи! Вмѣсто того, чтобы быть распространенною по всему тѣлу, она ограничивается иногда отдѣльными мѣстами кожи; вмѣсто того, чтобы быть мелкоточечной, она принимаетъ видъ мелкихъ прыщиковъ, а въ иныхъ случаяхъ—пузырьковъ, то маленькихъ, то большихъ; иногда въ кожу слѣдуютъ кровоизліянія отъ разрыва сосудовъ, то мелкія, то обширныя; кровотеченія нерѣдко не ограничиваются одною кожею, но бываютъ и изъ другихъ органовъ: носа, горла, кишекъ, легкихъ; кровотеченія эти быстро обезсиливаютъ несчастныхъ дѣтей. Бываютъ случаи скарлатины съ слабымъ высыпомъ или и вовсе безъ сыпи на кожѣ: такъ называемая «*скарлатина безъ сыпи*». Есть наблюденія болѣзни безъ характеристическаго пораженія горла:—«*скарлатины безъ ангины*».

Приведеннаго вполнѣ достаточно для подтвержденія сказаннаго нами о большомъ разнообразіи въ проявленіяхъ скарлатины. А какъ измѣнчивы и многочисленны осложненія скарлатины и въ самомъ началѣ заболѣванія, когда такъ много тревогъ со стороны всѣхъ, кто любитъ дѣтей, и подъ конецъ, когда родители успокоились, надѣясь на благополучный исходъ! Описывать ихъ всѣ въ подробности без-

полезно для неспеціалиста-читателя, но упомянуть, ради полноты, все-же нужно.

Въ началѣ болѣзни пораженіе горла можетъ дать тотъ убійственный дифтеритъ, о которомъ мы упомянули въ самомъ началѣ этой статьи и который есть паразитъ горла—то въ формѣ слабой, доступной для исцѣленія, то въ формѣ убійственной для ребенка, который еще могъ-бы справиться съ скарлатинознымъ ядомъ, но не выдерживаетъ одновременной борьбы съ двумя врагами. Этотъ дифтеритъ убиваетъ или своей силой и распространеніемъ, или просто задушитъ, быстро распространившись на гортань. Захватитъ онъ и носъ и уши дитяти, поразитъ и драгоцѣнный органъ—глазъ, не пощадитъ иной разъ секретныхъ органовъ дѣвочки или мальчика, появится иногда и на всякомъ изъязвленіи кожи... Но объ этомъ врагѣ дѣтства мы поговоримъ подробно въ отдѣльной статьѣ.

Не смотря на указанное осложненіе, организмъ дитяти способенъ выдержать и этого врага, если только онъ не очень злокачественнаго характера. Пораженія мозга и его оболочекъ, параличъ личнаго нерва съ костоѣдою височной кости, съ закупоркою мозговыхъ сосудовъ; заболѣваніе суставовъ, то болѣе слабое, лишь въ видѣ припухлостей, то сильное—въ видѣ нагноеній; пораженіе легкихъ, то въ видѣ катарра ихъ, то воспаленія; заболѣваніе легочной плевры, воспаленіе брюшинной перепонки, изъязвленіе сосудовъ и послѣдовательныя кровоизліянія, различные процессы почекъ съ явленіями тяжелой картины водянки и, такъ-называемаго, мочеваго отравленія крови, — всѣ эти случаи, происходящіе то въ началѣ, то въ срединѣ, то подъ конецъ скарлатины, вовсе не рѣдкіе спутники этой, часто убійственной болѣзни. И хуже всего то, что не простуда, не невниманіе къ больному со стороны родителей и окружающихъ, а самая злокачественность скарлатинознаго яда можетъ вызвать всѣ сказанныя осложненія и породить исчисленныя послѣдствія. Вотъ почему и неудивительно, что предсказанія при этой болѣзни никогда не слѣдуетъ дѣлать ранѣе трехъ недѣль отъ начала, такъ какъ, появившись въ формѣ очень бурной, опасной и тяжелой, она можетъ окончиться благополучно, протечь безъ осложненій, и наоборотъ: не пугая въ началѣ, не озабочивая родителей, дать въ періодѣ наиболѣе, повидимому, безопасномъ очень тяжелыя осложненія. Винить тутъ никого нельзя, и понятно, почему такъ различны цыфры смертности отъ скарлатины по статистикѣ: все зависитъ отъ злокачественности и доброкачественности эпидеміи, отъ особенной предрасположенности нѣкоторыхъ дѣтей къ дѣйствію скарлатинознаго яда. Цыфра смертности колеблется отъ 12

до 40 и выше, а въ среднемъ даетъ отъ 12% до 18%. Чѣмъ меньше дѣти, тѣмъ бо̀льшая смертность. Наиболѣе печальныя цыфры даетъ младенческій періодъ жизни.

Мы изложили все относящееся къ этой ужасной болѣзни по возможности подробно съ единственною цѣлью—указать на необходимость величайшаго соблюденія мѣръ предосторожности для избавленія дѣтей отъ ихъ злѣйшаго и мучительнѣйшаго врага, такъ какъ единственная наиболѣе плодотворная борьба со скарлатиной есть именно соблюденіе мѣръ охранительныхъ, которыми мы теперь и займемся.

I. Обязанности родителей и опекуновъ.

Обязанности родителей и опекуновъ относительно учебнаго заведенія должны быть соблюдаемы особенно тщательно и съ величайшимъ вниманіемъ и могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ:

1) Ученикъ, одержимый скарлатиною, какъ-бы она, повидимому, легка ни была, отнюдь не долженъ посѣщать школы.

2) Воспитанникъ, живущій въ квартирѣ, гдѣ есть скарлатинозный, подвергается тому-же запрещенію.

3) Срокъ отдѣленія долженъ продолжаться не менѣе 6 недѣль.

4) Всѣ предметы, учебныя принадлежности, помѣщеніе должны быть тщательно обеззаражены.

5) Къ больному скарлатиной ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ допускать кого-бы то ни было, кромѣ лицъ, необходимыхъ для врачебнаго ухода, и родителей.

6) Особенно должно наблюдать, чтобы не допускались къ больному его товарищи-дѣти, такъ какъ дѣтство, какъ мы видѣли, по преимуществу расположено къ заболѣванію скарлатиной.

7) Такъ какъ наблюденія (Iamieson и др.) показали, что особенно заразительны выдѣленія глотки, полости рта и частицы отпадающей кожицы больного, то тщательнымъ употребленіемъ обеззараживающихъ полосканій и частыми ваннами можно значительно ослабить личную заразительность скарлатинознаго. Примѣненіе этихъ мѣръ предосторожности можетъ быть допускаемо, однако, только съ разрѣшенія врача и подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ.

8) Отдѣленія и выдѣленія больного, посуда, употребляемая имъ, равно и бѣлье должны быть тщательно обеззаражены; постельныя принадлежности, если не очень цѣнны, лучше всего сжигать послѣ признанія больного со стороны врача выздоровѣвшимъ; занимаемая имъ во время болѣзни комната должна быть освобождена отъ всякаго

жилья до времени тщательнаго обеззараженія по правиламъ дезинфекціи.

9) Именно при скарлатинѣ особенно важно быть очень внимательнымъ къ возможно полному обеззараживанію всѣхъ предметовъ, окружавшихъ больного, и не забывать ничего, даже домашнихъ животныхъ.

10) Какой-бы доброкачественный и слабый видъ скарлатины ни былъ, все вышеизложенное должно быть соблюдено съ такою-же скрупулезностью, какъ и при самыхъ злокачественныхъ формахъ. Полотеры, убирая комнату, недезинфецированную послѣ заразительнаго, нерѣдко могутъ служить, черезъ свои щетки, суконки и мастику, невольными разносчиками скарлатинозной заразы, на что́ считаемъ долгомъ обратить вниманіе родителей.

Проникнувшись, на основаніи фактовъ, убѣжденіемъ, что скарлатина есть величайшій врагъ дѣтскаго міра, всякая мать, будучи естественнымъ другомъ молодого поколѣнія, не должна жалѣть трудовъ для избавленія другихъ отъ возможности такого-же несчастія.

II. Обязанности школы.

Требованія школы, направленныя къ предохраненію своихъ питомцевъ отъ занесенія скарлатины, должны быть особенно строго и ясно регламентированы и выразиться въ слѣдующемъ:

1) Никто изъ дѣтей, хотя-бы только подозрѣваемый въ скарлатинѣ, т.-е. даже просто съ больнымъ горломъ, не можетъ оставаться въ классѣ и долженъ быть немедленно удаляемъ изъ него до времени врачебнаго осмотра и представленія медицинскаго свидѣтельства.

2) Дѣти, въ семействахъ которыхъ есть скарлатина, абсолютно не допускаются въ учебное заведеніе до представленія надлежащаго удостовѣренія, что условій заразительности болѣе не имѣется и что все было дезинфецировано.

3) Директоръ имѣетъ право произвести контроль самого больного чрезъ посредство врача учебнаго заведенія, отъ котораго (врача) и зависитъ допущеніе воспитанника въ школу.

4) Срокъ недопущенія въ школу долженъ быть не менѣе 6 недѣль, а иногда и болѣе, если существуютъ малѣйшіе слѣды шелушенія на тѣлѣ больного.

5) Во время господствованія эпидеміи скарлатины вниманіе завѣдующихъ школою къ соблюденію всѣхъ предосторожностей отъ занесенія заразы должно быть особенно усилено. Здѣсь скорѣй нужно предъявлять излишнія предосторожности, нежели допускать какое-бы то ни было снисхожденіе и послабленіе.

*

6) Школа, что очень часто не исполняется, не должна удовлетворяться лишь врачебнымъ свидѣтельствомъ о безвредности только самого выздоровѣвшаго, но обязана непремѣнно требовать удостовѣренія и въ томъ, что всѣ вещи хворавшаго скарлатиною ученика,—его платье, бѣлье, квартира,—должнымъ образомъ обеззаражены и что въ его семействѣ нѣтъ уже болѣе скарлатинозныхъ.

7) При появленіи скарлатины въ стѣнахъ закрытаго учебнаго заведенія, оно можетъ быть временно закрыто для приходящихъ дѣтей, но это лишь какъ мѣра крайняя и предпринимаемая не иначе, какъ по должномъ совѣщаніи съ врачебнымъ персоналомъ.

За такія строгія требованія со стороны учебнаго заведенія по поводу скарлатины общество и родители будутъ лишь благодарны, такъ какъ, повторяемъ, эта болѣзнь есть наиболѣе опасная и смертельная изъ всѣхъ острыхъ сыпныхъ заразныхъ формъ.

Теперь побесѣдуемъ съ читателями о той болѣзни, которая называется «*краснушка*», «*красуха*». Одно уже названіе это обыкновенно успокаиваетъ взволнованное чувство матерей, когда онѣ рѣшаютъ вопросъ относительно появленія быстрой красноватой сыпи на тѣлѣ своихъ дѣтей, и это чувство успокоенія сдѣлается до нѣкоторой степени понятнымъ, когда мы ознакомимся со всѣми особенностями, проявленіемъ и теченіемъ «красухи».

Возбудитель красухи доселѣ неизвѣстенъ. Зараженіе ею происходитъ чрезъ личное соприкосновеніе, а также черезъ платье и другіе предметы, окружавшіе больного; воспринимается ядъ и посредствомъ дыхательныхъ путей. Дѣти, кажется, имѣютъ къ этой болѣзни меньше воспріимчивости, чѣмъ къ кори и скарлатинѣ. Относительно значенія возраста при заболѣваніяхъ этою болѣзнью нужно сказать, что онъ никакой роли тутъ не играетъ. Рѣдко заразительная краснушка является въ видѣ отдѣльныхъ заболѣваній; наоборотъ, она чаще наблюдается въ родѣ или небольшихъ, или-же распространенныхъ эпидемій. Встрѣчаясь во всякое время года, эпидеміи эти, однако, болѣе рѣдки, чѣмъ таковыя-же кори и скарлатины.

Латинское названіе этой болѣзни «*rubeola*», пишетъ Еммингаусъ *), встрѣчается у *Haly Abbas* еще въ 1492 г. Не смотря на такую давность названія, въ исторіи этой болѣзни существуетъ, однако, большая путаница: очевидно, ее смѣшивали то съ корью, то со скарлатиной, то съ другими кожными заболѣваніями и полная самостоятельность ея

*) *Gerhardt*, Handbuch d. Kinderkrankheiten, 2, B. 1877. 336 стр.

признана сравнительно недавно наблюдателями всѣхъ странъ нашего времени. Новѣйшій авторъ—Эдверсъ (*William Edwards*) *) заключаетъ, на основаніи своего опыта, что красуха—заразительнѣйшая изъ всѣхъ сыпныхъ формъ. Мы, по собственнымъ наблюденіямъ, согласиться съ этимъ мнѣніемъ не можемъ и думаемъ, что красуха далеко менѣе заразительна, нежели корь и скарлатина. Впрочемъ, мнѣнія различныхъ ученыхъ, которыя приводить не станемъ, не смотря на всю ихъ авторитетность, относительно заразительности этой болѣзни—очень разнообразны. Такъ, въ противоположность приведенному мнѣнію Эдвердса о чрезвычайной заразительности ея, укажемъ на мнѣніе Штейнера, отвергающаго ее слѣдующими словами (перевожу буквально): «въ ясной заразительности красухи я до сихъ поръ не могъ убѣдиться» **).

Большинство дѣтей заболѣваетъ красухой между 5 и 15 годами; до этого времени—рѣже, хотя она наблюдалась и у дѣтей грудныхъ. Полъ не имѣетъ тутъ никакого вліянія. Какъ и во всѣхъ острыхъ заразныхъ накожныхъ болѣзняхъ, въ красухѣ наблюдается нѣсколько періодовъ. Періодъ «*скрытый*», т.-е. скрытое развитіе болѣзни,—не такъ опредѣлененъ по времени, какъ, напримѣръ, при кори, оспѣ, и его считаютъ отъ 6 дней до 3 недѣль, а Уффельманъ ***)—отъ 14 до 21 дня. По нашимъ наблюденіямъ, періодъ этотъ длится отъ 10 до 16 дней. Слѣдовательно, въ общемъ онъ тянется дольше, чѣмъ при кори, и въ этомъ нѣкоторые (*Griffith*) видятъ признакъ, отличающій красуху отъ кори. Болѣзненнаго чего-либо въ это время скрытаго состоянія красухи мы никогда ничего не замѣчали, не смотря на особенное вниманіе, съ которымъ мы не разъ изслѣдовали братьевъ и сестеръ больного красухой, заболѣвшихъ потомъ.

Послѣ скрытаго періода болѣзни наступаетъ «*періодъ предвѣстниковъ*», который бываетъ или такъ слабъ, выражается такими ничтожными явленіями, что обыкновенно проходитъ незамѣченнымъ; или, продолжаясь однѣ сутки, обнаруживается на дѣтяхъ какою-то усталостью, слабостью, небольшою головною болью, чиханіемъ, незначительною болью при глотаніи, иногда легкой краснотой горла и глазъ, а при ощупываніи шеи у нѣкоторыхъ дѣтей находимъ легкую припухлость гландъ (лимфатическихъ железъ). Жаръ обыкновенно не сильный, колеблющійся, летучій; термометръ не достигаетъ высокихъ

*) Cyclopaedia of the Diseases of Children medical and surgical. Vol. I. 1889, 645 и 687 стр.

**) Compendium d. Kinderkrankheiten. 1872, 389 стр.

***) Uffelmann, Handbuch d. Kinderkrankheiten. 1892, 410 стр.

цыфръ. Однѣми сутками въ большинствѣ случаевъ описанный періодъ предвѣстниковъ болѣзни и заканчивается; рѣже онъ продолжается два и три дня. Намъ ни разу не приходилось видѣть описываемую нѣкоторыми учеными продолжительность предвѣщательнаго періода, равную недѣлѣ, такъ что характеристика этого періода будетъ простая, въ двухъ словахъ, а именно: предвѣстники красухи быстротечны, болѣзненныя явленія выражены слабо.

Затѣмъ наступаетъ «*періодъ высыпанія*», очень быстрый и нормальный, въ такомъ порядкѣ: лицо, шея, грудь, туловище, руки, тазъ, ноги. Иногда бываютъ уклоненія въ мѣстѣ высыпи: она начинается не съ лица, а съ шеи и груди, или-же съ конечностей, а на туловищѣ является потомъ; поэтому нужно принять за общее положеніе, что и порядокъ, и мѣсто высыпи въ отдѣльныхъ случаяхъ красухи бываютъ довольно различны. Высыпь красухи представляется въ видѣ красноватыхъ пятенъ, менѣе сильной окраски, чѣмъ при кори; и хотя эти пятна стоятъ близко другъ отъ друга, все-же между ними видны пространства здоровой, нетронутой кожи. Если подавить пальцемъ, то пятна исчезнутъ; откроешь одѣяльце подольше—и сила красноты станетъ слабѣе. Конечно, многія дѣти недомогаютъ, при этомъ нехотно играютъ, у нихъ является легкій насморкъ, незначительное заболѣваніе горла, въ видѣ красноты его частей; кашель въ большинствѣ случаевъ очень слабъ, мало безпокоитъ дѣтей. Сыпь при красухѣ исчезаетъ иногда очень скоро: въ сутки, въ полторы. Только послѣ большаго навыка намъ удавалось видѣть оттѣнки сыпи (слѣды) еще къ концу втораго дня; на третій день обыкновенно ничего уже не замѣчается. Послѣ этого дѣти совершенно, повидимому, здоровы, веселы; всѣ болѣзненныя явленія исчезаютъ и, какъ послѣдствіе, наблюдается еще лишь мелкое шелушеніе кожицы. Это, такъ называемый, «*періодъ шелушенія*».

Если читатели сравнятъ эту вѣрную картину краснушки съ описанными въ предъидущихъ главахъ болѣзнями, корью и скарлатиною, то увидятъ, что смѣшивать ее съ типичными случаями кори и скарлатины не приходится. Бѣда только въ томъ, что въ отдѣльныхъ случахъ, при неизвѣстности еще сущности красухи, можно легко спутать ее съ анормальной корью и даже скарлатиною, поэтому, если только есть возможность (а такая возможность, несомнѣнно есть въ городахъ, сомнѣніе можетъ быть только относительно деревенскихъ жителей) найти врача, то всегда слѣдуетъ какъ можно скорѣе обратиться къ нему. Онъ одинъ можетъ, въ силу своихъ спеціальныхъ познаній, должнымъ образомъ оцѣнить случай и убѣдить въ томъ,

что и слабое развитіе всѣхъ мѣстныхъ и общихъ явленій, и ходъ температуры, и отсутствіе сильнаго кашля, и быстрое исчезновеніе сыпи, и слабое проявленіе послѣдовательнаго шелушенія — все это доказываетъ существованіе красухи, а не другой какой-либо сыпи. Въ сомнительныхъ случаяхъ излишняя предосторожность отнюдь не бываетъ во вредъ, больному, и особенно въ виду предохраненія другихъ отъ заразы. Изъ многихъ наблюденій мы пришли къ тому несомнѣнному выводу, что это—самая невинная изъ всѣхъ острыхъ заразныхъ сыпныхъ болѣзней. Не смотря на обильный матеріалъ, мы никогда не видали такихъ серьезныхъ осложненій въ красухѣ, какія видалъ, напр., Эдвердсъ, и не можемъ припомнить ни одного смертельнаго исхода отъ нея или даже сколько-нибудь важнаго послѣдствія.

Какъ осложненіе красухи, различными учеными приводятся: тяжелыя формы пораженія дыхательныхъ трубокъ, воспаленіе легкихъ, грудной плевы, воспаленіе кишекъ, желтухи, язвенныя пораженія рта, исходъ въ легочную чахотку, нарывы въ различныхъ частяхъ тѣла и даже заболѣваніе почекъ. Но мы ничего подобнаго не наблюдали; пораженія глазъ и ушей, описаннаго нѣкоторыми учеными, мы тоже никогда не видали. Словомъ, мы смотримъ на красуху съ такой-же благопріятной точки зрѣнія, какъ и на вѣтреную оспу.

Читатель, считая меня оптимистомъ при описаніи этой болѣзни, невольно можетъ спросить: такъ надобно-ли говорить о предосторожностяхъ относительно болѣзни, столь благопріятной по теченію, столь мало опасной для жизни дѣтей? На это отвѣтимъ, что хотя мы сами были счастливы и не имѣли ни одного смертельнаго исхода, но возможность опасныхъ осложненій допускаемъ, на основаніи несомнѣнныхъ наблюденій другихъ, а если возможны и дѣйствительно приводятся случаи смерти отъ этой болѣзни *), то обязанность врача въ дѣлѣ предохраненія отъ красухи не менѣе серьезна, чѣмъ въ предохраненіи отъ какой-бы то ни было другой болѣзни. Точно также и школа должна, по возможности, предохранять себя отъ занесенія всѣхъ вообще заразныхъ формъ, а слѣдовательно, и красухи.

Разъ болѣзнь заразительна, то является вопросъ, сколько времени продолжается эта ея заразительность? Большинство ученыхъ совсѣмъ не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, но все-же установлено, что она продолжается отъ начала болѣзни до полнаго исчезновенія шелушенія на кожѣ, т.-е., приблизительно, 3 недѣли.

*) Нѣкоторые писатели процентъ смертности разбираемой болѣзни вычисляютъ отъ 4 до 9 (*Edwards*, *Hatfield* и др.).

Такимъ образомъ, обязанности родителей выразятся въ томъ, чтобы:

во-первыхъ, не допускать дѣтей, заболѣвшихъ красухою, въ школу ранѣе 3 недѣль;

во-вторыхъ, уединять ихъ отъ остальныхъ сожителей дѣтскаго періода жизни, и

въ-третьихъ, дезинфецировать всѣ школьныя принадлежности, употребляемыя ученикомъ въ школѣ, равно и его платье.

Обязанности школы при красухѣ не могутъ быть такъ строги, какъ при скарлатинѣ, кори, дифтеритѣ; тѣмъ не менѣе выразятся въ слѣдующемъ:

1) Заболѣвшему красухой воспрещается посѣщеніе школы ранѣе 3 недѣль; и только въ особо уважительныхъ, легкихъ случаяхъ, послѣ освидѣтельствованія врача, срокъ этотъ можетъ быть уменьшенъ до 2 недѣль.

2) Принимая въ соображеніе меньшую степень заразительности красухи, остальные члены семьи школьнаго возраста могутъ посѣщать учебное заведеніе, но съ непремѣннымъ условіемъ несоприкосновенія съ больнымъ и полной его изоляціи. Въ 1868 году былъ случай закрытія дѣтскаго пріюта, но это—исключеніе, вообще же—учебное заведеніе вслѣдствіе красухи закрываемо быть не должно.

3) Вопросъ о закрытіи учебнаго заведенія можетъ быть возбужденъ только при особенно злокачественныхъ эпидеміяхъ, подобныхъ, напр., описаннымъ Эдвердсомъ въ Филадельфіи.

Н. Быстровъ.

ВОСПИТАНІЕ И ПОЗИТИВИЗМЪ.

Подъ такимъ заглавіемъ въ февральской книжкѣ журнала «Revue pédagogique» за нынѣшній годъ помѣщена статья Эли Пеко. Статья эта написана по поводу книжки ліонскаго профессора Тамена («Education et positivisme», par Thamin; Paris, Alcan, 1872), главная цѣль которой, по словамъ автора, доказать два положенія: 1) что во всякой системѣ воспитанія есть своя философія, хотя-бы воспитателемъ и былъ человѣкъ безъ всякой философской подготовки, и 2) что если въ основу воспитательной системы положенъ позитивизмъ, то нравственный уровень поколѣній, воспитывающихся по такой системѣ, несомнѣнно понизится въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Г. Эли Пеко вполнѣ соглашается со вторымъ положеніемъ проф. Тамена и горячо отстаиваетъ ту мысль, что позитивизмъ не способенъ оказать поддержку дѣлу воспитанія.

«Средство—наука, цѣль—человѣчество»: такова формула позитивной философіи. Въ этой формулѣ два достоинства: ясность и точность; доказавши ея несостоятельность, можно доказать и несостоятельность позитивнаго воспитанія.

I.

Позитивисты говорятъ, что наука — единственная воспитательная сила. Только она создаетъ научное мышленіе, т.-е. сознаніе закона, непоколебимаго порядка, необходимости. Только она своею безпощадною дисциплиною освобождаетъ и укрѣпляетъ нашу волю, потому что ставитъ ее лицомъ къ лицу со всемогущею дѣйствительностью. Только она эмансипируетъ разумъ, потому что разрушаетъ всѣ предразсудки и указываетъ истинное, возможное и полезное. И это еще не все. Спенсеръ видитъ въ ней и поэзію, и даже религію, и по этому поводу англійскій мыслитель создаетъ въ честь ея горячій и блестящій диѳирамбъ. Яркими красками рисуетъ онъ тѣ картины,

которыя открываетъ наука взорамъ ученаго, тѣ широкія сферы, которыя при ея помощи становятся для него доступными. Широтою своихъ взглядовъ, гармоніею своихъ законовъ, таинственностью встрѣчающихся въ ней пробѣловъ наука вызываетъ въ своихъ поклонникахъ тотъ священный трепетъ и то созерцательное настроеніе, которыхъ другіе ищутъ въ религіи.

Не трудно убѣдиться, что въ этомъ мнѣніи много иллюзій, которыя не оправдываются дѣйствительностью. Да, наука развиваетъ мышленіе, открываетъ широкіе горизонты, возвышаетъ разумъ. Но какая наука? Та, которою владѣетъ ученый; та, которая создается имъ самимъ, а не передается въ готовомъ видѣ, — однимъ словомъ, наука во всей ея полнотѣ и объемѣ, а не въ однихъ только основныхъ положеніяхъ. Истинною воспитательницею можетъ быть наука только для того, кто путемъ долгихъ трудовъ достигъ той высоты, съ которой ему ясно міровое единство, кто подъ біологіею видитъ химію, подъ химіей физику, подъ физикой механику, подъ механикой математику, передъ кѣмъ открывается зрѣлище, упоительное для самого Пиѳагора. Но надо быть слѣпымъ, чтобы ожидать подобныхъ-же результатовъ отъ тѣхъ научныхъ элементовъ, которыми по необходимости ограничивается общее образованіе. Трехъ частей геометріи и пятисотъ страницъ физики и химіи недостаточно для того, чтобы развить и укрѣпить сознаніе непоколебимости законовъ природы и создать независимость мышленія. Въ самомъ дѣлѣ, основать воспитаніе на почвѣ истинной науки значитъ сохранить его только для небольшаго кружка ученой аристократіи и сдѣлать его недоступнымъ для остальнаго человѣчества: это и негуманно, и, къ счастью, недостижимо.

На самомъ дѣлѣ школьное изученіе научныхъ элементовъ, главнымъ образомъ, развиваетъ память и не имѣетъ никакого вліянія на развитіе характера, говоритъ проф. Таменъ. Г. Пеко идетъ дальше: онъ называетъ то «интуитивное воспитаніе», отцами котораго были Бэконъ, Локкъ и Руссо,—устарѣлымъ софизмомъ, который позитивисты обновили въ настоящее время для собственнаго употребленія. Наше обученіе неизбѣжно *дедуктивное*, и всѣ попытки передѣлать его, т.-е. привести ребенка къ тому, чтобы онъ самъ дѣлалъ научныя открытія индуктивнымъ путемъ, всѣ эти попытки—простое фокусничество; за ними скрывается все тотъ-же единственный дидактическій методъ дедукціи: чтобы учитель въ самомъ дѣлѣ могъ постепенно вести ученика отъ частнаго къ болѣе и болѣе общему, необходимо, чтобы онъ былъ такимъ-же невѣждою, какъ и ученикъ, а вѣдь это

значитъ отрицать обученіе. Вся эта такъ-называемая индукція ограничивается игрой въ темную: ученика тайно ведутъ къ той цѣли, которая извѣстна учителю заранѣе, и тѣмъ путемъ, который признается за кратчайшій путь. Человѣчество потратило множество столѣтій на открытіе причины, по которой вода подымается въ насосъ. Неужели вы пожелали-бы, чтобы учащійся прошелъ весь этотъ путь, превышающій предѣлъ жизни человѣка? Конечно, нѣтъ. Вы можете поставить ученику вопросъ о причинахъ такого явленія и подстрекнуть его любознательность, но вѣдь это только предварительный искусственный пріемъ, послѣ котораго вамъ придется разсказать ему, что вы знаете и чего онъ не знаетъ, т.-е. разсказать о давленіи воздуха и равновѣсіи воздушнаго и водяного столба. Изъ этого ясно, что наука, которой обучаютъ, и наука, которую разрабатываютъ,—далеко не тождественны. Послѣдняя требуетъ постоянныхъ изысканій, работы воображенія, созданія гипотезъ, она приводитъ въ дѣйствіе всѣ способности, первая — вполнѣ дедуктивна, она требуетъ не умственной самодѣятельности, а способности воспріятія, и, не прибѣгая къ софистикѣ, нельзя признать исключительно за нею воспитательной силы.

Воспитаніе есть такая дисциплина, которая способна развить человѣка всесторонне, которая способна вызвать въ ребенкѣ всѣ силы, таящіяся въ немъ въ зародышѣ. Способна-ли на это наука? Она сравниваетъ, измѣряетъ, взвѣшиваетъ, анализируетъ и такимъ путемъ приводитъ въ дѣйствіе тѣ способности, изъ которыхъ слагается разумъ въ тѣсномъ смыслѣ. Но однимъ разумомъ не исчерпывается весь человѣкъ; разумъ нельзя признать за Святая Святыхъ души человѣческой. Надо идти дальше, надо глубже погрузиться въ душу, надо достигнуть той темной и вмѣстѣ плодотворной области, до которой не достигаетъ свѣтъ науки, которая является истинною областью жизни, гдѣ дѣйствуютъ первичные зародыши чувства, мысли, привычекъ и дѣйствій, гдѣ возникаютъ великія движущія силы любви, энтузіазма и благородства души. Наука не въ состояніи достигнуть этого глубоко заложеннаго пласта, не въ состояніи возжечь на немъ священный огонь, создать стремленіе къ благу, любовь къ прекрасному, жажду правды, инстинктъ блага, нравственную чуткость и силу. Объясните ребенку изреченіе Эпиктета: «мудрецъ спасаетъ жизнь, лишаясь ея», или слова Іисуса Христа: «блажени алчущіе и жаждущіе правды», или стихъ Мюссе: «чтобъ жить и чувствовать, намъ, людямъ, нужны слезы», или замѣчаніе Кине: «съ каждымъ днемъ искусство становилось для меня болѣе реальнымъ, дѣйствительность болѣе художественной, поэзія болѣе истинною, истина болѣе поэти-

ческой, природа болѣе божественной, божественное болѣе естественнымъ...»; знакомя ребенка съ этими высокими словами, вы возбуждаете въ юной душѣ такой нравственный подъемъ, отъ котораго не можетъ отказаться ни одна истинная воспитательная система. Попробуйте найти такой отдѣлъ химіи или механики, которымъ можно было-бы замѣнить подобныя цитаты: никакая естественная наука не обладаетъ такою силою. Только словесныя науки, обнимающія какъ душу человѣка, такъ и все гуманное, высшее, только словесныя науки, включая въ ихъ число и философію, могутъ проникнуть въ священную область сердца и заронить въ него животворныя начала.

Пойдемъ дальше. Мы не имѣемъ въ виду отрицать то вліяніе, которое имѣетъ естествознаніе на нравственное воспитаніе; напротивъ, мы думаемъ, что истинное и основательное нравственное воспитаніе немыслимо безъ его участія. Противополагать естественныя науки наукамъ словеснымъ было-бы нелѣпо, потому что, какъ ни различны тѣ и другія, онѣ все-таки соприкасаются другъ съ другомъ, проникаютъ другъ друга, солидарны въ своихъ цѣляхъ, и безъ взаимной поддержки каждая изъ этихъ категорій наукъ окажется висящею въ безвоздушномъ пространствѣ. Міровой порядокъ представляетъ простое, единое цѣлое: онъ тотъ-же и для звѣзднаго неба, и для голоса совѣсти. Въ основѣ нравственныхъ естественно-историческихъ законовъ, во всей природѣ физической и моральной проявляется одна и та-же гармонія, и Лейбницъ высказалъ глубокую истину, говоря: «вездѣ мы встрѣчаемся съ геометріей, физикой, метафизикой и моралью». Если вы ознакомите ребенка только съ нравственнымъ міромъ, то лишите его половины величественнаго зрѣлища, помѣшаете ему замѣтить глубочайшее единство вещей и исказите самое воспитаніе нравственное, обративъ его въ сборникъ отвлеченныхъ правилъ, не имѣющихъ связи съ дѣйствительностью.

Изъ сказаннаго ясно, что мы придаемъ наукѣ важное значеніе въ дѣлѣ воспитанія; но слѣдуетъ замѣтить, что однѣ естественныя науки, не освѣщенныя науками словесными, не могутъ рѣшить воспитательной задачи. Онѣ останутся мертвыми, если постороннее пламя не одушевитъ ихъ, если къ духу изслѣдованія и практическихъ примѣненій не присоединится глубокое чувство всеобщаго и безконечнаго, которое расширяетъ кругозоръ, закаляетъ волю и удваиваетъ энергію.

II.

«Цѣль—человѣчество»—такова вторая половина формулы позитивистовъ. Г. Таменъ старается доказать, какъ ошибаются тѣ, ко-

торые надѣются найти въ «благѣ человѣчества» средство возбудить и поддержать духовную дѣятельность ребенка. Человѣчество, говоритъ онъ, есть отвлеченное понятіе, доступное мыслителю и чуждое для ребенка. Онъ сразу понимаетъ васъ, когда вы говорите ему о Богѣ, у него есть естественное предрасположеніе къ воспріятію этого понятія, но онъ остается холоденъ при имени человѣчества. И что такое «благо» людей? Пустое слово, которое каждый понимаетъ посвоему и которое вызываетъ вѣчные споры.

Кажется, исторія и мораль достаточно уже доказали, что найти счастье можно только не искавши его. Народы повышали уровень своей свободы, достоинства, безопасности и просвѣщенія, только проникаясь духомъ самопожертвованія и отдавая предпочтеніе нематеріальнымъ благамъ. Для того, чтобы добиться равномѣрности налоговъ и секуляризаціи имуществъ, нужна была цѣлая революція съ ея энтузіазмомъ, героизмомъ, потоками крови и тысячами мучениковъ. Слѣдуетъ опасаться того, чтобы культъ человѣчества на практикѣ не привелъ къ грубому утилитаризму, къ погонѣ исключительно за матеріальными благами, т.-е. къ тому, что недостойно сдѣлаться главнымъ двигателемъ въ дѣлѣ воспитанія».

Мы идемъ дальше: основать воспитаніе на культѣ человѣчества значитъ сдѣлать человѣка цѣлью для него самого, а это не только въ высшей степени опасно, но и недостижимо. Безъ всякаго сомнѣнія, нежелательно было-бы исказить душу человѣческую, лишить ее энтузіазма, способности самопожертвованія, вѣры въ истину, благо и красоту. Если вы ограничите душевную дѣятельность человѣка его собственнымъ *я*, если вы возведете въ идеалъ одинъ только видоизмѣненный и усиленный эгоизмъ, то душевная дѣятельность человѣка останется навѣки безплодною.

Самымъ существеннымъ отличительнымъ признакомъ человѣка, его органическимъ и естественнымъ признакомъ является нравственность. Человѣкъ—исключительное изъ земныхъ созданій: онъ жаждетъ и алчетъ не такъ, какъ другія существа, только пищи и питья, но еще истины и справедливости. И подъ этими послѣдними потребностями скрывается та, которая заключаетъ ихъ въ себѣ: человѣкъ алчетъ и жаждетъ безконечнаго. Это—фактъ, и фактъ, преобладающій во всей его природѣ и исторіи и руководящій тою и другой. «Слѣдовать указаніямъ природы» — вотъ девизъ позитивной школы. Пусть позитивисты попробуютъ примѣнить его съ самаго начала и «питать человѣка только хлѣбомъ»: если-бы это, къ несчастью, удалось имъ, то онъ скоро-бы погибъ въ ихъ рукахъ. Основной за-

конъ воспитанія заключается въ томъ, чтобы сообразоваться съ неоспоримою и характеристическою особенностью человѣка, т.-е. съ его глубокою вѣрою въ свое божественное назначеніе, въ тѣсную связь своей судьбы съ вещами непреходящими,—со справедливостью, любовью и истиной. Какими-бы громкими словами ни прикрывались матеріальныя блага и эгоистическія радости, какъ-бы искусно ни выдавались онѣ позитивистами за вѣчныя истины, поклонники позитивизма обманываютъ этимъ только самихъ себя, не даютъ человѣку удовлетворенія, не дѣлаютъ его счастливымъ. Онъ не въ силахъ измѣнить свою природу и снизойти до такого ученія.

Наблюдайте за ребенкомъ, и вы увидите, гдѣ истина. Съ перваго дня жизни его прирожденная неспособность быть счастливымъ безъ любви своихъ близкихъ является яркимъ и трогательнымъ проявленіемъ нравственнаго начала. Почему дитя не можетъ разцвѣтать безъ нѣжной поддержки родителей? Почему взрослый человѣкъ не можетъ внушать миръ и радость при разладѣ съ безконечнымъ? То-же самое явленіе, та-же самая задача! Въ повиновеніи ребенка уже таится зародышъ религіознаго чувства. Смущеніе и страхъ передъ неизвѣстнымъ, которое его окружаетъ, затѣмъ потребность ознакомиться съ этимъ страшнымъ неизвѣстнымъ и, наконецъ, радостное сознаніе, что это неизвѣстное благодѣтельно для него — развѣ не изъ этихъ элементовъ слагается религіозное чувство? Въ повиновеніи ребенка — тѣ-же черты: это маленькое слабое существо, тѣсно связанное съ вами, чувствуетъ и ваше превосходство, и въ то-же время вашу любовь къ нему; ребенокъ вѣритъ въ вашу непогрѣшимость. Онъ чувствуетъ себя вамъ *обязаннымъ*, конечно, не изъ разсчета, но изъ чувства, смутнаго, но сильнаго чувства вѣры и уваженія. Ваша сила, вашъ большой ростъ, ваши таинственныя познанія дѣлаютъ васъ въ его глазахъ представителемъ и истолкователемъ хорошаго, добраго, разумнаго и истиннаго. Не руководите-же имъ во имя пользы и выгоды! Когда вы говорите, онъ самъ по себѣ чувствуетъ, что и вы, подобно ему, подчиняетесь высшему закону нравственнаго совершенствованія.

III.

Посмотримъ, какъ отзывается позитивизмъ на начальномъ воспитаніи.

Что позитивизмъ оказываетъ и здѣсь свое вліяніе, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Что человѣкъ ни дѣлай, на немъ всегда остается отпечатокъ той среды, въ которой онъ вращается. Въ атмосферѣ совре-

меннаго общества нельзя отрицать преобладанія позитивнаго элемента. Я говорю не о самой доктринѣ, которая въ настоящее время уже утрачиваетъ подъ собою почву, а о предметѣ гораздо болѣе важномъ: объ умственномъ настроеніи общества. Какъ философская система, контизмъ отжилъ свой вѣкъ; но позитивистское міросозерцаніе мало-по-малу проникло въ современную мысль: агностицизмъ въ самой грубой и пошлой формѣ, т.-е. отрицаніе необходимости мыслить и заботиться о чемъ-нибудь, кромѣ вѣсомаго и осязательнаго, это отрицаніе съ каждымъ днемъ распространяется все шире и шире.

Существуетъ, конечно, много условій, способствующихъ развитію такого направленія, но главнымъ изъ нихъ является тотъ толчокъ, который былъ данъ обществу позитивной философіей. Главною причиною является совпаденіе между необыкновенно быстрымъ развитіемъ науки и развитіемъ демократіи. Наука, народившаяся только вчера и ужъ сегодня выросшая до колоссальныхъ размѣровъ, занимаетъ всю сцену, ослѣпляетъ взоры и мѣшаетъ обратить вниманіе на тотъ невидимый міръ, который нѣкогда безраздѣльно владѣлъ умами людей. Съ другой, соціальной точки зрѣнія, отличительнымъ признакомъ современнаго общества является быстрое возвышеніе низшихъ классовъ. Молодые, полные жизни, пожираемые жаждою дѣятельности, они торопятся овладѣть тѣми благами, которыя до сихъ поръ составляли удѣлъ немногихъ. Они торопятся захватить власть, образованіе, богатство, вліяніе; въ пылу нетерпѣнія, они готовы пренебречь всѣмъ, что замедляетъ ихъ путь, всѣмъ, что имъ кажется излишнимъ. Практичное, полезное, положительное составляетъ ихъ единственную заботу; чтобы скорѣе достичь реальнаго, они отказываются отъ идеала въ жизни и культурѣ, какъ отъ безполезной роскоши, желательной только утонченнымъ празднолюбцамъ. Позитивизмъ удивительно соотвѣтствуетъ ихъ запросамъ: онъ освящаетъ эти запросы и придаетъ имъ силу и достоинство философской системы; онъ даетъ своимъ адептамъ возможность презирать то, чѣмъ они пренебрегаютъ, и отрицать то, что имъ неизвѣстно. Грубый эгоизмъ, который не осмѣлился-бы явиться въ полной наготѣ, скрывается подъ этою одеждою и подъ ея покровомъ проникается чувствомъ самоуваженія. Нынче гордятся отсутствіемъ мысли и хвастаются невѣжествомъ. Есть люди, которые прославились тѣмъ, что всю жизнь прокорпѣли надъ дѣломъ, приносящимъ исключительно матеріальныя выгоды, и никогда не разрѣшали себѣ заняться безкорыстною умственною работою.

Невозможно, чтобы такое распространенное и сильное вліяніе по-

зитивизма не отразилось и на начальномъ воспитаніи, которое болѣе, чѣмъ какое-нибудь другое, торопится достичь цѣли, какъ можно скорѣе доставить человѣку орудія, необходимыя для жизненной борьбы. Посмотрите, говорилъ Пеко, какъ въ нашихъ школахъ ведется обученіе морали, и вы убѣдитесь, что въ немъ преобладаетъ утилитарное направленіе. У насъ мораль является скорѣе практическимъ правиломъ, соціальнымъ кодексомъ, а не глубокимъ внутреннимъ чувствомъ. Всѣ наши наставленія имѣютъ въ виду развить скромность, приличіе, достоинство, т.-е. то, что полезно для общественной жизни. Мы оцѣниваемъ поступки, но не вникаемъ въ ихъ побудительныя причины. Мы больше говоримъ: «не лгите, не воруйте», чѣмъ стараемся уничтожить корни лжи и воровства въ ихъ зародышѣ. Мы указываемъ на факты мужества и безкорыстія, но не стараемся развить задатки, изъ которыхъ-бы могли возникнуть подобные факты. Извѣстная доля мистицизма, повидимому, необходимая для глубокаго пониманія души человѣческой, чужда нашей расѣ или сдѣлалась чуждой ей вслѣдствіе историческихъ причинъ. Отсюда возникла наклонность къ поверхностной культурѣ, къ общественной морали, къ пользѣ, какъ единственной порукѣ за добродѣтель.

Въ этомъ, безъ сомнѣнія, есть опасность для нашего народнаго образованія; но у насъ есть основанія надѣяться на будущее.

Первое—то, что опасность замѣчена всѣми. Существуетъ рѣзкое противорѣчіе между программами и общимъ умственнымъ направленіемъ, которое можетъ быть вообще названо позитивнымъ. Общество, болѣе и болѣе проникающееся позитивизмомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатываетъ программы, въ которыхъ нѣтъ и слѣдовъ этой системы. Развѣ намъ предписано изучать евангеліе Конта или Спенсера? Нѣтъ! намъ указываютъ на «старую нравственность нашихъ отцовъ». Знаменательное признаніе! Сами дѣти отказываются ввѣрить народную душу ихъ собственной доктринѣ. Они почувствовали, что при такой доктринѣ народъ утратитъ свое лучшее наслѣдіе.

Насъ успокаиваетъ и другое соображеніе. Дѣло идетъ о *народномъ* образованіи, а изъ всѣхъ классовъ общества народъ лучше всѣхъ другихъ обезпеченъ отъ воспріятія позитивизма. Народъ остается вѣренъ естеству человѣка; онъ живетъ по преимуществу инстинктомъ, а инстинктъ человѣка прежде всего религіозенъ. Этотъ инстинктъ, подвергаясь опасности исчезнуть при продолжительномъ научномъ курсѣ, не успѣетъ ослабнуть въ начальной школѣ; онъ тамъ скорѣе укрѣпится, потому что начальная школа даетъ энциклопедическое образованіе и развиваетъ оптимистическое и восторженное отношеніе къ при-

родѣ и человѣку. Школа не создаетъ религіознаго чувства, но она укрѣпляетъ это чувство, а оно всегда существуетъ въ народѣ.

Есть и еще соображеніе, которое подкрѣпляетъ нашу вѣру въ будущее. Если вдуматься поглубже, то придешь къ убѣжденію, что между развитіемъ демократіи и позитивнымъ направленіемъ существуетъ безусловный антагонизмъ. Гдѣ развивается первая, тамъ вторая должна погибнуть.

Вопросъ этотъ требовалъ-бы серьезной обработки, но въ данной статьѣ придется ограничиться указаніемъ на главнѣйшія его особенности.

Всѣ эти особенности группируются около одной центральной истины: режимъ свободы существуетъ въ силу ярко выражаемаго въ немъ *идеализма*. Нѣкоторые изъ нашихъ противниковъ спрашивали насъ иногда, какое духовное просвѣщеніе могутъ дать свѣтскія власти, и заранѣе отвѣчали, что ихъ просвѣщеніе сводится къ нулю. Это или ошибка, или клевета. Свѣтская государственная власть просвѣщаетъ не одною только школою, но и всѣми своими учрежденіями, своими законами, нравами и обычаями: она внушаетъ тѣ-же высокія идеи, какими и до сихъ поръ, подъ религіозными формами, питалось человѣчество.

Государственная власть внушаетъ вѣру въ абсолютную справедливость, потому что неустанно проводитъ ее въ правѣ. Она внушаетъ вѣру въ абсолютную истину, потому что ищетъ ее въ свободной наукѣ. Она внушаетъ два основныхъ начала христіанства: равенство и братство, потому что на ихъ основаніи и создаетъ она государственный бытъ. Она внушаетъ вѣру въ священныя права человѣческой личности, потому что старается сдѣлать ее неприкосновенною, сильною сознаніемъ собственнаго достоинства и, путемъ образованія, достойною пользоваться этой силою. Справедливость, истина, любовь, божественное призваніе человѣка—развѣ это не тѣ вѣчные принципы, которые во всѣ времена поддерживали и возвышали духъ человѣческій?

Свободное общество привноситъ еще одинъ принципъ, котораго до сихъ поръ не знаютъ религіозныя секты и который современемъ можетъ создать новый міръ: это—принципъ единенія, и даже больше,—принципъ нравственнаго единства всѣхъ членовъ нашего гражданскаго отечества. Установитель этого начала проповѣдуетъ болѣе широкое, болѣе католическое ученіе, чѣмъ само духовенство: «еврей, христіанинъ, язычникъ—всѣ вы дѣти одной матери и должны жить не во взаимной ненависти, а въ братской любви. Государство призываетъ васъ къ великому культу, стоящему выше различія вѣроисповѣданій, къ общему единенію, при которомъ всѣ въ согласіи вкушаютъ отъ единаго хлѣба и пьютъ изъ одной общей чаши».

Пусть глумятся тѣ, которые не признаютъ за новѣйшимъ государствомъ способности и права питать души гражданъ. Всѣ вѣроисповѣданія во всѣ времена заявляли одинаковыя притязанія на исключительное обладаніе нравственностью. Тщетныя притязанія! Сѣмена божественности затаить невозможно! Думаютъ, что они остались въ скиніи, за ея запертыми вратами, и не замѣчаютъ, что заперли только пустое пространство: сѣмена унеслись на крыльяхъ вѣтра и распространились по всему міру. Но гдѣ-же искать ихъ? Тамъ, гдѣ цвѣтетъ жизнь: въ настоящее времени они пускаютъ ростки не въ леденящемъ мракѣ старыхъ храмовъ, но на яркомъ солнцѣ, въ гражданскомъ обществѣ; ихъ теперь больше въ нѣдрахъ свѣтскаго общества, чѣмъ въ нѣдрахъ церкви. Это общество живетъ только силою высшей, свободной вѣры. Оно будетъ развиваться только подъ условіемъ все болѣе и болѣе яснаго сознанія нравственной доблести.

Вотъ почему мы не боимся за будущее: мы не вѣримъ въ побѣду позитивизма, потому что вѣримъ въ торжество духа свободы.

Но такое предсказаніе непогрѣшимо только въ приложеніи ко всему человѣчеству, ко всему его будущему: при общемъ прогрессѣ возможенъ упадокъ, возможна погибель отдѣльной націи, и народъ, который заснетъ во мракѣ отрицательныхъ доктринъ, навѣрное обратится въ трупъ *).

В. Г.

---

*) Предлагая изложеніе статьи Эли Пеко, написанной по поводу сочиненія проф. Тамена «Education et positivisme», мы имѣли въ виду познакомить нашихъ читателей со взглядами на позитивизмъ, господствующими въ средѣ французскихъ педагоговъ. Взгляды эти особенно цѣнны и симпатичны потому, что въ нихъ выдвигается на первый планъ необходимость въ воспитаніи идеальнаго направленія, духовнаго начала, которое противопоставляется направленію матеріалистическому, узко-утилитарному. Тѣмъ не менѣе однакожъ, мы не можемъ не оговориться, что, по нашему мнѣнію, французскій педагогъ собственно на позитивизмъ смотритъ нѣсколько односторонне и приписываетъ ему то, чего онъ въ конечныхъ своихъ выводахъ отнюдь не ставитъ цѣлью для общества. *Ред.*

Новые прусскіе учебные планы и правила объ испытаніяхъ въ связи съ мнѣніями и рѣшеніями берлинской конференціи *).

(Окончаніе).

III. Историческая справка о прусскихъ учебныхъ планахъ.

Въ предыдущей статьѣ мы познакомили читателей съ главнѣйшими рѣшеніями берлинской конференціи, но одно изъ нихъ, довольно характерное, опустили, именно то, въ которомъ конференція выражаетъ министру народнаго просвѣщенія благодарность за его обѣщаніе впредь «допускать въ учебныхъ планахъ и организаціи обученія внутри отдѣльныхъ школъ бо́льшую свободу и разнообразіе» (l. c. 796).

Учебный планъ, т.-е. государственная регламентація обученія—происхожденія сравнительно недавняго. До 20-хъ и 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія у каждаго руководителя средней школы (въ Пруссіи) былъ *свой, имъ самимъ созданный*, планъ учебныхъ занятій. Въ 1812 году были опубликованы правила о гимназическихъ испытаніяхъ; въ 1816 году составленъ первый нормальный учебный планъ, который, впрочемъ, никогда не былъ оффиціально обнародованъ. Но только съ 1818 года, въ министерство Альтенштейна—гимназическими дѣлами завѣдывалъ тогда I. Шульце (Johannes Schulze), начинается дѣйствительно послѣдовательное «фиксированіе» въ цѣломъ рядѣ циркуляровъ гимназическаго курса, завершающееся нормальнымъ учебнымъ планомъ 1837 года. Толчкомъ къ установленію этого учебнаго плана явилась знаменитая статья Лоринзера, впервые поставившая вопросъ о переутомленіи. Курсъ прусскихъ гимназій и до 1837 года, и по учебному плану 1837 года былъ для своего времени довольно широкимъ (въ сравненіи, напримѣръ, съ баварскимъ учебнымъ пла-

---

*) Lehrpläne u. Lehraufgaben für die höheren Schulen etc. (офф. изд.). 1891. Ordnung des Reifeprüfungen u. Ordnung des Abschlussprüfungen etc. (офф. изд.) 1891.

номъ 1829 года, въ которомъ такъ-называемая концентрація доведена до крайнихъ предѣловъ и не останавливается даже передъ пріурочeніемъ преподаванія родного языка къ преподаванію древнихъ языковъ—въ качествѣ *дополненія* къ послѣднимъ). Въ *1856 году* — въ эпоху послѣмартовской реакціи—учебный планъ прусскихъ гимназій былъ подвергнутъ пересмотру, который, впрочемъ, не могъ удовлетворить сторонниковъ концентраціи и грамматическаго преподаванія, стремившихся къ воскрешенію педагогическихъ пріемовъ XV вѣка. Тѣмъ не менѣе, естествознаніе было почти вычеркнуто изъ гимназическихъ программъ, явившись, по удачному выраженію Паульсена, «жертвой концентраціонныхъ стремленій».

Несмотря на полное несоотвѣтствіе учебнаго плана 1856 года съ требованіями времени, несмотря на то, что конецъ 50-хъ и 60-хъ годовъ въ Пруссіи, какъ почти во всей остальной Европѣ, принесъ съ собой «новыя вѣянія», прошло 26 лѣтъ, прежде чѣмъ плодъ «реставраціи» уступилъ мѣсто болѣе современнымъ порядкамъ. Учебный планъ *1882 года увеличилъ* число уроковъ естественныхъ наукъ, математики и французскаго языка и уменьшилъ число уроковъ по древнимъ языкамъ, отодвинувъ начало преподаванія греческаго языка на одинъ годъ. Кромѣ того, при обученіи классическимъ языкамъ роль грамматики была умалена и во главу угла поставлено чтеніе и пониманіе классиковъ. Вмѣстѣ съ этимъ переводъ съ нѣмецкаго языка на греческій на выпускномъ экзаменѣ былъ устраненъ; но латинское сочиненіе было сохранено, что́, конечно, являлось непослѣдовательностью и ненужнымъ компромиссомъ съ стариной.

Остановимся теперь вкратцѣ на развитіи реальной школы и ея учебнаго плана. До начала XIX вѣка «латинская школа» была единственнымъ среднимъ учебнымъ заведеніемъ. Съ возникновеніемъ-же гимназіи, какъ особаго высшаго типа средняго образованія, остальныя «латинскія школы» могли-бы стать реальными школами и такимъ образомъ сгладить нѣкоторую односторонность классическаго образованія. Но весь духъ того времени, когда еще въ одной лишь латыни усматривали спасеніе школы (Paulsen, 745), не могъ дать развиться чисто реальному образованію. Въ этомъ-же направленіи дѣйствовало правительство, которое въ 1838 году ввело въ экзаменъ зрѣлости реальныхъ школъ (Real- u. höhere Bürgerschulen) латинскій языкъ и тѣмъ принудило ихъ удѣлить послѣднему выдающееся мѣсто въ учебномъ планѣ.

Послѣмартовская реакція была весьма неблагосклонна къ реальнымъ школамъ: она отняла у ихъ воспитанниковъ право поступленія

въ высшія техническія училища и въ почтовое и горное вѣдомства. «Одновременно съ этимъ филологи усердно работали надъ дискредитированіемъ этихъ школъ» (Paulsen), выставляя ихъ утилитарными заведеніями, заслуживающими только презрѣнія («Nützlichkeitskram-schulen», по язвительному выраженію извѣстнаго филолога Эллендта). Какъ рѣзко расходится тенденція того времени навязать реальнымъ школамъ, во что-бы то ни стало, латинскій языкъ съ теперешними стремленіями, направленными на совершенное его устраненіе изъ реальныхъ учебныхъ заведеній!

«Новая эра» положила конецъ преслѣдованію реальнаго образованія и впервые установила для реальныхъ школъ общій учебный планъ (1859). Въ немъ было окончательно упрочено положеніе латинскаго языка въ системѣ реальнаго образованія (число уроковъ было опредѣлено въ 44). Этимъ, конечно, чисто *реальный* характеръ *реальныхъ* школъ былъ значительно нарушенъ и въ то-же время создана почва для возникновенія вопроса о полной равноправности *новаго* средняго образованія (съ латинскимъ, но безъ гречесваго языка), со *старымъ* среднимъ образованіемъ (съ обоими древними языками) *).

Несмотря на то, что только-что указанная нами выше современная тенденція разбить среднее образованіе на два неравноправныя русла: чисто классическое и чисто реальное, начинаетъ сказываться довольно сильно уже въ 70-хъ годахъ, учебный планъ *1882 года* еще больше усиливаетъ преподаваніе латинскаго языка въ реальныхъ школахъ, число уроковъ котораго увеличивается до 54. Въ силу этой реформы на долю латинскаго языка выпадаетъ наибольшее число уроковъ въ реальной шлолѣ, и она сама соотвѣтственно этому переименовывается въ реальную гимназію. Конечно, чисто реальное образованіе было тоже оставлено, но, какъ дающее меньше правъ, оно естественно все больше и больше отодвигалось на задній планъ.

Съ 1882 года существуютъ **) слѣдующіе два типа реальныхъ учебныхъ заведеній: 1) реальныя школы съ латинскимъ языкомъ— 9-классныя реальныя гимназіи и 7-классныя реальныя прогимназіи и 2) реальныя школы безъ латинскаго языка—9-классныя высшія реальныя училища (Oberrealschulen); 7-классныя реальныя школы (Real-

---

*) Конечно, это *новое* было, въ сущности, старѣе стараго, такъ какъ введеніе греческаго языка въ среднее образованіе состоялось только въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка.

**) Въ сущности они существовали и раньше, но только въ 1882 г. установилась теперешняя терминологія.

schulen) и 6-классныя, такъ-называемыя, высшія бюргерскія школы (höhere Bürgerschulen) *).

IV. Новые учебные планы.

Теперь мы обратимся къ новымъ учебнымъ планамъ и, мало останавливаясь на деталяхъ, охарактеризуемъ ихъ общій духъ и посмотримъ, *что вносятъ они дѣйствительно новаго.*

Прежде всего—самые учебные планы, одинъ взглядъ на которые сразу оріентируетъ читателей въ происшедшихъ измѣненіяхъ.

А. Учебный планъ гимназій.

	VI.	V.	IV.	IIIB.	IIIA.	IIB.	IIA.	IB.	IA.	Всего.	Уменьшеніе или увеличеніе противъ прежняго у. п.
Законъ Божій	3	2	2	2	2	2	2	2	2	19	± 0
Нѣмецкій и Историческіе разсказы.	3} 1} 4 }	2} 1} 3 }	3 }	2	2	3	3	3	3	26	+ 5
Латинскій	8 }	8 }	7 }	7	7	7	6	6	6	62	—15
Греческій	—	—	—	6	6	6	6	6	6	36	— 4
Французскій	—	—	4	3	3	3	2	2	2	19	— 2
Исторія и География	2	2	2 2	2 1	2 1	2 1	3	3	3	26	— 2 См. нѣм.
Математика	4	4	4	3	3	4	4	4	4	34	± 0
Естествовѣдѣніе	2	2	2	2	—	—	—	—	—	8	— 2
Физика, начала химіи и минералогія	—	—	—	—	2	2	2	2	2	10	+ 2
Чистописаніе	2	2	—	—	—	—	—	—	—	4	± 0
Рисованіе	—	2	2	2	2	—	—	—	—	8	+ 2
Всего	25	25	28	30	30	30	28	28	28	252	—16

Примѣчанія: а) Къ этимъ урокамъ присоединяются въ качествѣ общеобязательныхъ—во всѣхъ классахъ—3 часа гимнастики и въ VI и V по 2 часа пѣнія.

b) Скобками обозначается, что указанные предметы должны быть по возможности поручены одному преподавателю.

*) Для всего только-что сказаннаго ср.: Fr. *Paulsen*, Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart. Mit besonderer Rücksicht auf den Klassischen Unterrichts. Leipzig 1885, и K. A. *Schmid*'s Encyklopädie des gesamten Erziehungs und Unterrichtswesens. Zweite Auflage. Sechster Band. Artikel: Preussen. Die höheren Schulen, pp. 180—251 (авторы Bonnell и Kern).

B. Учебный планъ реальныхъ гимназій.

	VI.	V.	IV.	IIIB.	IIIA.	IIB.	IIA.	IB.	IA.	Всего.	Уменьшеніе или увеличеніе противъ прежняго у. п.
Законъ Божій	3	2	2	2	2	2	2	2	2	19	± 0
Нѣмецкій и Историческіе разсказы	3 1 } 4	2 1 } 3	3	3	3	3	3	3	3	28	+ 1
Латинскій	8	8	7	4	4	3	3	3	3	43	+11
Французскій	—	—	5	5	5	4	4	4	4	31	— 3
Англійскій	—	—	—	3	3	3	3	3	3	18	— 2
Исторія и Географія	2	2	2 2	2 2	2 2	2 1	3	3	3	28	— 2 См. нѣм.
Математика	4	4	4	5	5	5	5	5	5	42	— 2
Естествовѣдѣніе	2	2	2	2	2	2 }	—	—	—	12	± 0
Физика	—	—	—	—	—	3 }	3 }	3 }	3 }	12	± 0
Химія и минералогія	—	—	—	—	—	—	2 }	2 }	2 }	6	± 0
Чистописаніе	2	2	—	—	—	—	—	—	—	4	± 0
Рисованіе	—	2	2	2	2	2	2	2	2	16	— 2
Всего	25	25	29	30	30	30	30	30	30	259	—21

Примѣчанія: a) Къ этимъ урокамъ присоединяются въ качествѣ общеобязательныхъ—во всѣхъ классахъ—3 часа гимнастики и въ VI и V по 2 часа пѣнія.

b) Скобками обозначается, что указанные предметы должны быть по возможности поручены одному преподавателю.

C. Учебный планъ высшихъ реальныхъ училищъ.

	VI.	V.	IV.	IIIB.	IIIA.	IIB.	IIA.	IB.	IA.	Всего.	Увеличеніе или уменьшеніе.
Законъ Божій	3	2	2	2	2	2	2	2	2	19	± 0
Нѣмецкій и Историческіе разсказы	4 1 } 5 }	3 1 } 4 }	4 }	3	3	3	4	4	4	34	+ 4
Французскій	6 }	6 }	6 }	6	6	5	4	4	4	47	— 9
Англійскій	—	—	—	5	4	4	4	4	4	25	— 1
Исторія и Географія	2	2	2 2	2 2	2 2	2 1	3	3	3	28	— 2 См. нѣм.
Математика	5	5	6	6	5	5	5	5	5	47	— 2
Естествовѣдѣніе	2	2	2	2	2 }	2 }	—	—	—	12	— 1
Физика	—	—	—	—	2 }	2 }	3 }	3 }	3 }	13	— 1
Химія и минералогія	—	—	—	—	—	2 }	3 }	3 }	3 }	11	+ 2
Чистописаніе	2	2	2	—	—	—	—	—	—	6	± 0
Рисованіе	—	2	2	2	2	2	2	2	2	16	— 8
Всего	25	25	28	30	30	30	30	30	30	258	—18

Примѣчанія: a) Къ этимъ урокамъ присоединяются въ качествѣ общеобязательныхъ—во всѣхъ классахъ—3 часа гимнастики и въ VI и V по 2 часа пѣнія.

b) Скобками обозначается, что указанные предметы должны быть по возможности поручены одному преподавателю.

D. Другая форма учебнаго плана реальныхъ училищъ.

	VI.	V.	IV.	III.	II.	I.	Всего.	Увеличение или уменьшеніе.
Законъ Божій	3	2	2	2	2	2	13	± 0
Нѣмецкій и Историческіе разсказы	5 } 6 1 }	4 } 5 1 }	5 }	5	4	4	28	+ 7
Французскій	6	6	6	5	4	4	31	— 9
Англійскій	—	—	—	5	4	4	13	± 0
Исторія и Географія	2	2	2 2	2 2	2 1	2 2	19	— 3 См. нѣм.
Математика	4	4	5	5	5	5	28	— 1
Естествовѣдѣніе	2	2	2	2	2 }	—	10	— 3
Опис. естествовѣдѣніе	—	—	—	—	3 }	5	8	± 0
Чистописаніе	2	2	2	—	—	—	6	— 2
Рисованіе	—	2	2	2	2	2	10	— 2
Всего	25	25	28	30	29	29	166	—13

Примѣчанія: А. Первая форма дана въ таблицѣ С (первые шесть классовъ).

В. Къ этимъ урокамъ присоединяются въ качествѣ общеобязательныхъ—во всѣхъ классахъ—3 часа гимнастики и въ VI и V по 2 часа пѣнія.

С. Скобками обозначается, что указанные предметы должны быть по возможности поручены одному преподавателю.

Изъ нашихъ таблицъ видно, что въ гимназическомъ курсѣ всѣ предметы, кромѣ *нѣмецкаго* языка и *рисованія*, или остались при прежнемъ числѣ уроковъ, или-же подверглись сокращенію. Въ курсѣ реальныхъ гимназій только число уроковъ нѣмецкаго языка увеличено. Въ высшихъ реальныхъ училищахъ увеличено число уроковъ опять-таки только нѣмецкаго языка. Naturbeschreibung — описательное естествовѣдѣніе, т.-е. біологическія науки, отдѣленныя въ учебномъ планѣ отъ физики, химики и минералогіи, подверглись и въ гимназіяхъ, и въ реальныхъ училищахъ уменьшенію числа уроковъ.

Въ общемъ во всѣхъ трехъ типахъ средней школы произошло значительное сокращеніе числа годовыхъ уроковъ: въ гимназіяхъ на *16*, въ реальныхъ гимназіяхъ на *21*, въ реальныхъ училищахъ на *18*.

Существенную черту новыхъ учебныхъ плановъ—говорятъ «метод. указанія» къ нимъ—составляетъ раздѣленіе всего курса на двѣ части: 1) отъ 1-го (VI) до 6-го (IIa) класса и 2) отъ 7-го (IIb) до 9 (Ib) класса.

Статистическія данныя о молодыхъ людяхъ, вышедшихъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній Пруссіи въ 1889—1890 у. г., показываютъ, что изъ числа всѣхъ 135.337 посѣщавшихъ среднія школы, вышло изъ нихъ всего 20.038, изъ которыхъ а) съ аттестатомъ зрѣлости—

4.105, b) со свидѣтельствомъ на право отбыванія воинской повинности вольноопредѣляющимся — 8.051, c) безъ такого свидѣтельства 7.882. 25% всѣхъ оставившихъ среднія школы молодыхъ людей вышли *изъ 6-го класса* *) со свидѣтельствомъ на право отбыванія воинской повинности вольноопредѣляющимися.

«Несмотря на эти краснорѣчивыя цыфры,—продолжаютъ оффиціальныя поясненія къ учебнымъ планамъ,—до сихъ поръ всѣ наши среднія учебныя заведенія, за исключеніемъ высшихъ бюргерскихъ школъ, были такъ организованы, что исключительно образовательныя потребности 20,5% (оканчивающихъ съ аттестатомъ зрѣлости) опредѣляли характеръ учебнаго плана. Въ этомъ кроется зло, устранить которое учебное управленіе считаетъ своимъ серьезнымъ долгомъ» (Lehrpläne etc. 67 и 68). Отсюда—необходимость иначе распредѣлить матеріалъ 9-лѣтняго учебнаго курса, въ особенности-же такихъ предметовъ, которые представляютъ изъ себя нѣкоторый опредѣленный комплексъ знаній. Отсюда-же необходимость устроить по окончаніи 6 классовъ *особый экзаменъ*, тѣмъ болѣе, что къ этому курсу пріурочены важныя права.

Прежде чѣмъ перейти къ постановкѣ отдѣльныхъ предметовъ въ новыхъ учебныхъ планахъ, мы остановимся нѣсколько на приложенныхъ къ нимъ указаніяхъ относительно домашнихъ работъ (Gesichtspunkte für die Bemessung der Hausarbeiten). «Уменьшеніе числа недѣльныхъ учебныхъ часовъ не должно привести къ увеличенію домашнихъ работъ, а происшедшая въ силу указанной мѣры потеря должна быть покрыта улучшеніемъ учебныхъ методовъ. При этомъ условіи и при уменьшеніи подлежащаго простому запоминанію матеріала является возможность даже извѣстнаго ограниченія прежнихъ требованій относительно домашнихъ работъ» (l. c. 64). Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ тутъ знакомую уже намъ точку зрѣнія берлинской конференціи. Далѣе указывается, что домашнія работы должны являться существеннымъ дополненіемъ къ школьному обученію, въ особенности въ среднихъ и старшихъ классахъ, и что внутреннее объединеніе въ преподаваніи близкихъ другъ къ другу предметовъ будетъ дѣйствительнымъ средствомъ для уменьшенія домашнихъ работъ. Такое объединеніе и соотвѣтственная группировка учебнаго матеріала могутъ быть достигнуты тѣмъ, что преподаваніе въ низшихъ и среднихъ клас-

---

*) Въ первой статьѣ на стр. 101—опечатка: право на отбываніе воинской повинности давалось до послѣдней реформы простымъ окончаніемъ не 7-ми, а 6 классовъ 9-классныхъ и 7-классныхъ учебныхъ заведеній.

сахъ—языковъ и исторіи, въ высшихъ классахъ—математики и естественныхъ наукъ будетъ поручаемо по возможности одному лицу.

Обратимся теперь къ отдѣльнымъ предметамъ.

Законъ Божій. Матеріалъ для простого запоминанія ограниченъ самыми необходимыми размѣрами, съ тѣмъ, чтобы была возможность *этическую* сторону обученія поставить на первый планъ. «Ни для одного предмета не имѣетъ такой силы, какъ для Закона Божія, та истина, что основное условіе успѣха заключается въ живой личности учителя». Далѣе «методическія указанія» обращаютъ вниманіе на необходимость «простоты и безыскуственности въ изложеніи» при преподаваніи Закона Божія.

Нѣмецкій языкъ по реформѣ 1891 г. поставленъ на первое мѣсто въ системѣ средняго образованія. «Нѣмецкій языкъ,—говорится въ «указаніяхъ,—благодаря увеличенію недѣльныхъ часовъ, получилъ дальнѣйшее усиленіе въ особенности въ гимназіяхъ. Онъ болѣе чѣмъ прежде поставленъ въ центрѣ всего преподаванія и успѣхи въ немъ имѣютъ рѣшающее значеніе на экзаменѣ зрѣлости, такъ что ученикъ, котораго познанія по нѣмецкому языку окажутся въ общемъ неудовлетворительными, не можетъ считаться выдержавшимъ экзаменъ. Спеціальная задача, поставленная нѣмецкому языку и состоящая въ поддержаніи національнаго духа и національной идеи, указываетъ на тѣсную связь его съ исторіей». Отсюда—соединеніе этихъ предметовъ въ младшихъ классахъ (см. выше учебные планы).

«Обученіе нѣмецкому языку,—говорятъ «методическія указанія»,—является рядомъ съ Закономъ Божіимъ и исторіей самымъ важнымъ въ *этическомъ* отношеніи въ организмѣ нашихъ среднихъ школъ». «Задача, поставленная этому преподаванію, необычайно трудна и можетъ быть разрѣшена только тѣмъ учителемъ, который, опираясь на болѣе глубокое пониманіе нашего языка и его исторіи, проникнутый чувствомъ энтузіазма по отношенію къ сокровищамъ нашей литературы и исполненный патріотическаго духа, будетъ согрѣвать воспріимчивыя сердца нашего юношества любовью къ нѣмецкому языку, нѣмецкой народности и нѣмецкому духовному величію».

Древніе языки. Учебной цѣлью по отношенію къ латинскому языку для гимназій выставлено: «пониманіе значительнѣйшихъ классическихъ писателей Рима и лингвистически-логическая дисциплина» (Sprachlich-logische Schulung), а по отношенію къ греческому языку: «пониманіе значительнѣйшихъ классическихъ писателей грековъ».

Для реальной гимназіи учебная цѣль формулирована такъ: «пониманіе болѣе легкихъ мѣстъ изъ читаемыхъ въ VIII и IX классахъ

(Prima) писателей лингвистически-логическая дисциплина». Число уроковъ латинскаго языка и въ гимназіяхъ, и въ реальныхъ гимназіяхъ значительно сокращено, и такимъ образомъ въ этомъ пунктѣ реальныя гимназіи возвращены къ учебному плану 1859 г.

Относительно чтенія греческихъ авторовъ нельзя не привести слѣдующаго мѣста изъ «методическихъ замѣчаній». «Чтеніе это,—говорится тамъ,—должно безъ ущерба для основательности производиться въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ прежде. Иліаду и Одиссею, напр., слѣдуетъ по возможности прочитывать цѣликомъ. По скольку это невозможно въ оригиналѣ, учитель долженъ для дополненія прибѣгать къ *хорошимъ переводамъ*» (курсивъ нашъ). Вообще же новые учебные планы характеризуются еще большимъ, чѣмъ планы 1882 г., удаленіемъ отъ грамматическаго взгляда на преподаваніе древнихъ языковъ. Если по отношенію къ латинскому языку еще удерживается взглядъ о необходимости «Sprachlich-logische Schulung», то по отношенію къ греческому языку грамматика и языкъ окончательно низведены до роли средства для пониманія литературы и ея идей.

Не останавливаясь на постановкѣ *новыхъ языковъ* въ разбираемыхъ нами учебныхъ планахъ, замѣтимъ только, что «указанія» прямо указываютъ, что уменьшеніе числа уроковъ французскаго языка вызвано исключительно необходимостью уменьшенія общаго числа уроковъ и можетъ быть возмѣщено улучшенными методами преподаванія и что англійскій языкъ введенъ въ гимназическій курсъ въ качествѣ факультативнаго предмета *).

По отношенію къ *исторіи* общей учебной цѣлью выставлено: «знаніе важнѣйшихъ событій всемірной исторіи (der epochemachenden Eregnisse der Weltgeschichte), въ особенности-же нѣмецкой и прусской исторіи, въ ихъ причинной связи, и развитіе историческаго смысла».

Какъ уже указано выше, преподаваніе исторіи въ младшихъ классахъ соединяется съ преподаваніемъ родного языка. Программа 1-го класса (VI) формулирована такъ: «біографическіе очерки изъ отечественной исторіи, причемъ исходить слѣдуетъ отъ современности и родины»; во 2-мъ классѣ (V): «разсказы изъ легендарной древнѣйшей исторіи (Vorgeschichte) грековъ и римлянъ».

Такимъ образомъ, требованіе императора Вильгельма II, выраженное въ его словахъ, обращенныхъ къ берлинской конференціи: «до сихъ поръ путь велъ, если можно такъ выразиться, отъ Ѳермопилъ черезъ

---

*) Для Ганновера онъ по прежнему остался обязательнымъ предметомъ и въ гимназіи.

Канны къ Россбаху и Віонвиллю. Я поведу юношество отъ Седана и Гравелотта черезъ Лейтенъ и Россбахъ назадъ къ Мантинеѣ и Ѳермопиламъ»—до извѣстной степени является осуществленнымъ въ новыхъ учебныхъ планахъ. Относительно другого требованія императора—участія школы въ борьбѣ съ соціальдемократіей «методическія замѣчанія» высказываются въ томъ смыслѣ, что указываемыя въ новыхъ учебныхъ планахъ и требуемыя ими отъ учителей разъясненія экономическихъ и общественныхъ вопросовъ (въ курсѣ 7-го (II b) и 9-го (I a) классовъ) должны производиться «съ вѣрнымъ тактомъ и большой осмотрительностью въ выборѣ и трактованіи относящагося сюда матеріала». При этомъ выражается надежда, что объективное изложеніе при здоровомъ духѣ, проникающемъ юношество, вселитъ въ немъ убѣжденіе «въ роковомъ характерѣ нѣкоторыхъ соціальныхъ стремленій современности». Курсъ исторіи доводится до 1888 г.

На урокахъ исторіи ученики должны упражняться въ свободномъ устномъ изложеніи своихъ мыслей.

Преподаваніе *географіи* въ 7-мъ, 8-мъ и 9-мъ классахъ не является самостоятельнымъ, а пріурочено къ математикѣ (или физикѣ) съ одной стороны, и исторіи съ другой стороны. Въ реальныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ этихъ классахъ проходится «сравнительный обзоръ важнѣйшихъ современныхъ путей сообщенія и въ частности торговыхъ».

Относительно географическаго черченія «методическія замѣчанія», указывая на его важность, говорятъ въ то-же время, что тутъ «слѣдуетъ предостеречь отъ чрезмѣрныхъ требованій и должно довольствоваться простыми контурами, профилями и т. п. на доскѣ». «Въ общемъ, въ младшихъ классахъ учитель естественныхъ наукъ является, повидимому, болѣе пригоднымъ для преподаванія географіи, въ старшихъ классахъ—учитель исторіи». Впрочемъ, вопросъ этотъ зависитъ отъ личности и способностей даннаго преподавателя.

Преподаваніе *математики* въ гимназіяхъ потерпѣло въ общемъ незначительныя измѣненія *). Въ курсѣ старшихъ классовъ выпущены нѣкоторые отдѣлы, но за-то введено «понятіе о координатахъ и основныя положенія ученія о коническихъ сѣченіяхъ». Курсъ двухъ старшихъ классовъ реальныхъ учебныхъ заведеній таковъ: Кубическія уравненія. При этомъ въ высшихъ реальныхъ училищахъ (Oberreal-

*) Математики недовольны новыми программами, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія *распредѣленія* матеріала и редакторъ извѣстной «Zeitschrift für mathematischen und naturwissenschaftlichen Untericrht» приглашаетъ своихъ коллегъ подать петицію объ измѣненіи новыхъ учебныхъ плановъ для гимназіи (1892, 7-tes Heft, p. 502). Ср. тамъ-же статью Хеермана (Heermann, 6-tes Heft, pp. 401—411).

schulen), по усмотрѣнію учителя, уравненія четвертой степени и методы приближеннаго численнаго рѣшенія уравненій любой степени. Важнѣйшія предложенія о коническихъ сѣченіяхъ въ элементарномъ синтетическомъ изложеніи. Сферическая тригонометрія съ ея примѣненіями къ математической географіи. Элементарная теорія Maxima и Minima. Биномъ Ньютона для любыхъ показателей. При этомъ въ реальныхъ училищахъ—важнѣйшіе ряды алгебраическаго анализа; въ реальныхъ гимназіяхъ прохожденіе этого отдѣла зависитъ отъ усмотрѣнія учителя. Аналитическая геометрія на плоскости.

Преподаваніе *естественныхъ наукъ* подверглось измѣненіямъ съ цѣлью дать въ теченіи 6 первыхъ лѣтъ «законченный курсъ естественныхъ наукъ». Въ немъ къ физіологіи животныхъ и человѣка пріурочены и основныя свѣдѣнія по гигіенѣ. Въ старшихъ классахъ реальныхъ учебныхъ заведеній изученіе химіи и физики сопровождается практическими лабораторными работами. При изученіи біологическихъ наукъ ученики должны упражняться въ схематическомъ рисованіи объектовъ. Въ программѣ этихъ наукъ поражаетъ отсутствіе всякаго указанія на современныя филогенетическія воззрѣнія (происхожденіе видовъ) и соотвѣтственно этому нѣтъ и намека на *эмбріологію*.

Не останавливаясь на учебномъ планѣ *рисованія*, образовательное значеніе котораго заставило число уроковъ его въ гимназіяхъ увеличить на 2 *), мы перейдемъ теперь къ *гимнастикѣ*. Ни одному предмету, даже нѣмецкому языку, не посчастливилось такъ въ новыхъ учебныхъ планахъ, какъ гимнастикѣ. Отчасти ради нея уменьшено число уроковъ древнихъ языковъ. «Гимнастика въ школахъ преслѣдуетъ цѣль—упорядоченными и цѣлесообразно выбранными упражненіями содѣйствовать физическому развитію юношества, закалять тѣло, пробуждать мужество и довѣріе къ своимъ силамъ, обезпечивать быстрое рѣшеніе и такое-же исполненіе. При этомъ пріобрѣтеніе извѣстныхъ навыковъ желательно еще и въ силу ихъ значенія для будущаго служенія воспитанниковъ въ рядахъ отечественнаго войска». Эта цѣль можетъ быть достигнута только на основѣ опредѣленнаго *учебнаго плана*. Интересующихся этимъ планомъ мы отсылаемъ къ нѣмецкому оригиналу (стр. 61—63).

---

*) Оно исключено изъ курса 1-го кл. (VI) и продолжено до 5-го (IIIa).

V. Правила о гимназическихъ испытаніяхъ.

Мы уже говорили выше о произведенномъ раздѣленіи всего курса среднихъ учебныхъ заведеній на 2 части и объ экзаменѣ по окончаніи 6 классовъ. Этотъ экзаменъ является только «обставленнымъ извѣстными формами переходнымъ экзаменомъ». «Новымъ въ немъ будетъ только участіе правительственнаго коммиссара, роль котораго можетъ, впрочемъ, быть поручена также директору, что́, вѣроятно, будетъ часто имѣть мѣсто». Требоваться на этомъ экзаменѣ будетъ только курсъ 6-го класса (IIIb). Въ гимназіяхъ экзаменъ будетъ состоять изъ: А) нѣмецкаго сочиненія, переводовъ съ нѣмецкаго на латинскій, греческій и французскій языки, двухъ задачъ по математикѣ и одной по геометріи (aus der elementaren Körperberechnung); это—письменный экзаменъ; В) устный экзаменъ—по Закону Божію, латинскому и греческому языкамъ, математикѣ, исторіи и географіи. Въ реальныхъ гимназіяхъ вмѣсто перевода на греческій языкъ фигурируетъ переводъ на англійскій языкъ; на устномъ экзаменѣ спрашиваютъ не изъ латинскаго и греческаго языка, а изъ французскаго и англійскаго и кромѣ того—изъ естественныхъ наукъ. Въ реальныхъ училищахъ экзаменныя требованія такія-же, съ той разницей, что тамъ, конечно, отсутствуетъ и переводъ съ нѣмецкаго языка на латинскій. Въ 6-классныхъ учебныхъ заведеніяхъ (höhere Bürgerschule, теперь Realschule) этотъ экзаменъ совпадаетъ съ выпускнымъ (зрѣлости). Экзаменъ зрѣлости въ 7-классныхъ учебныхъ заведеніяхъ (прогимназіяхъ и реальныхъ прогимназіяхъ) вполнѣ тождественъ по своему составу и характеру съ только-что охарактеризованнымъ экзаменомъ по окончаніи 6 классовъ 9-классныхъ учебныхъ заведеній.

Экзаменъ зрѣлости въ 9-классныхъ учебныхъ заведеніяхъ ограничивается курсомъ двухъ послѣднихъ классовъ (Prima), и это едва-ли не самая важная особенность и самое крупное достоинство новыхъ правилъ.

Въ гимназіяхъ письменный экзаменъ состоитъ изъ нѣмецкаго сочиненія, перевода съ нѣмецкаго на латинскій языкъ, переводовъ съ греческаго и французскаго на нѣмецкій языкъ и четырехъ задачъ изъ 1) планиметріи, 2) стереометріи, 3) тригонометріи и 4) алгебры. Устный экзаменъ распространяется на Законъ Божій, латинскій и греческій языки, исторію и математику.

Въ реальныхъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ письменный экзаменъ состоитъ изъ нѣмецкаго и французскаго (или, смотря по

мѣстнымъ условіямъ, англійскаго) сочиненія и соотвѣтственно этому изъ перевода на англійскій или французскій языкъ *), по математикѣ— изъ 4 задачъ (по алгебрѣ, планиметріи, стереометріи, тригонометріи и аналитической геометріи—по выбору); по физикѣ или химіи полагается одна задача **). Устный экзаменъ распространяется на Законъ Божій, французскій и англійскій языкъ, исторію и математику. Если письменная работа (задача) была по физикѣ, производится устное испытаніе изъ химіи (и наоборотъ).

Главнымъ новшествомъ въ составѣ гимназическаго испытанія зрѣлости является устраненіе латинскаго сочиненія. Вообще-же вся реформа сводится къ упрощенію и облегченію экзамена зрѣлости и въ этомъ отношеніи является безспорно крупнымъ шагомъ впередъ.

Большое значеніе имѣютъ правила объ освобожденіи отъ устнаго экзамена, которое явится теперь не исключеніемъ, связаннымъ съ разнаго рода затруднительными условіями, но правиломъ, конечно, для учениковъ, которые за успѣхи въ классѣ и письменныя работы на экзаменѣ будутъ имѣть отмѣтку «удовлетворительно» (ср. Pitzker въ Zeitschrift für die Reform der höheren Schulen № 1, 17 Februar 1892).

Цѣлый рядъ правилъ устанавливаетъ нормы оцѣнки результатовъ экзамена. При неудовлетворительныхъ результатахъ по нѣмецкому языку ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выданъ аттестатъ зрѣлости, равно какъ при неудовлетворительныхъ результатахъ—по обоимъ древнимъ языкамъ (для гимназій) или по обоимъ новымъ языкамъ (для реальныхъ гимназій и реальныхъ училищъ). Въ остальныхъ случаяхъ допускается извѣстная компенсація однихъ предметовъ другими. Страннымъ образомъ даже въ реальномъ училищѣ неудовлетворительные результаты по математикѣ могутъ компенсироваться удовлетворительными по физикѣ и химіи (ср. Pitzker l. c.).

Намъ остается сказать еще, что вопросъ о правахъ былъ въ концѣ 1891 г. регулированъ согласно приведеннымъ выше рѣшеніямъ берлинской конференціи.

Оцѣнка произведенныхъ реформъ выходитъ изъ рамокъ настоящей статьи. Что касается до общаго характера новыхъ учебныхъ плановъ, то въ качествѣ Motto къ нимъ могли-бы быть поставлены слова императора Вильгельма: Wir müssen als Grundlage für das

*) Т.-е. при французскомъ сочиненіи требуется англійскій переводъ, и наоборотъ.

**) Въ реальныхъ гимназіяхъ, кромѣ того, переводъ съ латинскаго на нѣмецкій.

Gymnasium das Deutsche nehmen. Дѣйствительно, вся реформа носитъ прежде всего національный характеръ, согласно волѣ ея инициатора. Но помимо этого общаго характера, о достоинствахъ котораго могутъ быть самыя различныя мнѣнія, въ новыхъ прусскихъ учебныхъ планахъ и правилахъ объ испытаніяхъ много матеріала, достойнаго изученія, и мы сочтемъ нашу задачу исполненной, если намъ удалось обратить вниманіе русскихъ педагогическихъ силъ на этотъ матеріалъ, детальное знакомство съ которымъ, на нашъ взглядъ, будетъ во всякомъ случаѣ небезполезнымъ.

П. С.

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ БАВАРІИ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ текущаго года я переселился съ семьей моей изъ Парижа въ Мюнхенъ, въ придворной библіотекѣ котораго мнѣ предстояло работать 5—6 мѣсяцевъ. Въ семьѣ моей находятся двѣ дѣвочки «учебнаго возраста», прервавшія свое ученіе въ Россіи; старшей изъ нихъ въ то время было 15 лѣтъ, младшей 11. Во время своего 5-мѣсячнаго пребыванія въ Парижѣ обѣ онѣ посѣщали немудрящій частный пансіонъ, гдѣ въ наукахъ, конечно, не преуспѣвали, но выучились говорить и болѣе или менѣе правильно писать по французски. Въ ученой Германіи мнѣ хотѣлось устроить ихъ получше, чтобы онѣ, кромѣ языка, воспользовались и еще чѣмъ можно въ такой короткій срокъ.

Прежде всего надо было устроить старшую дочь. Я обратился за совѣтомъ къ одному выкокопоставленному лицу, которое было столь любезно, что собрало для меня нужныя справки. Оказалось, что въ Мюнхенѣ, кромѣ казенной «высшей женской школы» (höhere Töchterschule, по нашей терминологіи—*средней*), существуетъ цѣлый рядъ частныхъ «институтовъ», съ пансіонами и безъ нихъ, гдѣ воспитываются или только учатся дочери чиновниковъ, купцовъ, художниковъ и т. д. Лучшими изъ нихъ считаются институты F-lein A. и Frau K.

Разсудивъ, что въ казенную «высшую школу» дочь мою среди года и безъ экзамена не примутъ, а экзамена она даже въ одинъ изъ среднихъ классовъ не выдержитъ по недостаточному знанію нѣмецкаго языка, я рѣшился обратиться къ институтамъ.

Въ 9 ч. утра я отправился въ старѣйшій и наиболѣе извѣстный институтъ F-lein A., помѣщающійся недалеко отъ Кристальнаго дворца. Вызванная моимъ звонкомъ служанка, исполняющая должность швейцара, объявила мнѣ, что gnädiges Fräulein принимаетъ только по окончаніи учебныхъ часовъ, отъ 12—1.

Чтобы не терять времени и получить матеріалъ для сравненія, я

немедленно отправился къ Frau K., институтъ которой помѣщается почти какъ разъ противъ библіотеки, гдѣ мнѣ предстояло провести время до 12 часовъ.

Институтъ К. не такъ знаменитъ и очевидно нуждается въ ученицахъ. Приняли меня немедленно; очень почтенная дама среднихъ лѣтъ заявила, что дочь моя можетъ начать ходить теперь-же въ тотъ классъ, въ какой пожелаетъ, и будетъ учиться тому, чему хочетъ. Такая предупредительность, признаюсь, мнѣ не особенно понравилась, и я, забравъ печатныя условія поступленія и программы, удалился съ благодарностью.

Въ 12 ч. я былъ у F-lein A. Помѣщеніе знаменитѣйшаго изъ институтовъ оказалось далеко не блестящимъ: темный входъ подъ воротами ведетъ въ полутемный корридоръ, гдѣ толпились ученицы и учительницы. F-lein A. оказалась старушкой лѣтъ 70 слишкомъ, уже глуховатой и немножко безпамятной. Я представился ей и объяснилъ мое дѣло.

— Я не имѣю обычая, — отвѣчала мнѣ Fräulein, — принимать ученицъ среди года и безъ экзамена, но для васъ, какъ для иностранца, адрессованнаго ко мнѣ такими уважаемыми лицами, готова сдѣлать исключеніе. Только вотъ въ чемъ дѣло: я не знаю вашей дочери, а вы не знаете меня и моего института. Сдѣлаемъ сперва опытъ на одну— двѣ недѣли. Пускай ваша дочь посѣщаетъ старшій классъ, къ которому она подходитъ по годамъ, и мы посмотримъ, что изъ этого выйдетъ: будемъ мы другъ другомъ довольны, она останется у меня; нѣтъ — мирно разойдемся.

Такое предложеніе не могло мнѣ не понравиться; хорошее впечатлѣніе произвело также и заявленіе Fräulein A., что теперь сама она мало работаетъ въ институтѣ, такъ какъ вмѣсто нея дѣйствуетъ второе и даже третье поколѣніе ея-же воспитанницъ.

Менѣе мнѣ понравились ея разсказы о томъ, сколько фрейлинъ и гувернантокъ въ коронованныя семьи выпустилъ ея институтъ.

На другое утро къ 8 ч. я привелъ мою дочь; начальница приняла ее очень любезно, поговорила съ нею по французски; рекомендовала ее классной дамѣ 6-го класса и отпустила меня.

Въ 12 ч. дочь пришла домой и разсказала, что соученицы ея большею частью дѣвушки очень милыя; классная дама и учительницы тоже добрыя и хорошія; но нѣмецкому языку выучиться въ институтѣ ей будетъ не такъ-то легко, такъ какъ и большинство уроковъ дается по французски, и ученицы между собою говорятъ на томъ-же языкѣ, говорятъ свободно, но не безупречно и съ сильнымъ нѣмецкимъ ак-

центомъ. Англійскій и итальянскій языки поставлены, повидимому, довольно серьезно, но, не зная ни того, ни другого, она принуждена оставаться persona muta, что, конечно, вовсе не весело.

Я рѣшился англійскій языкъ оставить совсѣмъ въ сторонѣ, а по итальянскому подготовить ее, сколько возможно, дома. Отсутствіе нѣмецкаго языка и баварско-французское нарѣчіе смущали меня порядочно, но, во всякомъ случаѣ, испытательную недѣлю дочь должна была оставаться у F-lein A.

Прошла эта недѣля, и мы на семейномъ совѣтѣ стали обсуждать вопросъ. Оказалось, что по нѣмецкому языку и литературѣ полагается всего 3—4 урока; учитель—человѣкъ усердный, но педагогъ неискусный, да къ тому-же предметъ его уваженіемъ не пользуется. Изъ преподавателей другихъ предметовъ, настоящій французъ былъ всего одинъ, да и у того, вслѣдствіе долголѣтняго пребыванія въ Мюнхенѣ, выговоръ пріобрѣлъ нѣчто нѣмецкое. Большинство предметовъ преподавалось «дамами» несомнѣнно нѣмецкаго происхожденія, но преподавалось по французски. И какіе это были удивительные предметы! Кромѣ *миѳологіи* и *морали*, были еще особые уроки умѣнья жить въ свѣтѣ и хорошихъ манеръ подъ какимъ-то очень хитрымъ заглавіемъ, а между тѣмъ по математикѣ уроковъ не полагалось вовсе и даже французская исторія и географія, не говоря уже объ отечественныхъ, преподавались очень поверхностно и небрежно.

Глубокую и вполнѣ искреннюю благодарность выразилъ я почтенной Fräulein за то, что она не приняла моей дочери сразу, а назначила срокъ для испытанія, и поспѣшилъ взять мою дѣвочку обратно.

Между тѣмъ знакомство съ нѣкоторыми мюнхенскими педагогами, ихъ разсказы и споры о недавнихъ реформахъ въ гимназической и др. программахъ (между прочимъ, отмѣна переводовъ на греческій въ среднихъ и старшихъ классахъ и усиленіе чтенія авторовъ), а также и желаніе возможно лучше устроить моихъ дочерей побудили меня обратиться къ нашему посланнику, графу Остенъ-Сакену, съ покорнѣйшею просьбою исхлопотать мнѣ разрѣшеніе на помѣщеніе моей старшей дочери въ одной изъ среднихъ школъ. Графъ очень любезно предоставилъ въ мое распоряженіе рекомендательное письмо къ министру просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ фонъ-Мюллеру, который назначилъ мнѣ явиться къ нему въ воскресенье.

Фонъ-Мюллеръ, еще почти молодой и очень симпатичный на видъ человѣкъ, принялъ меня чрезвычайно любезно, рекомендовалъ мнѣ особенно одну изъ гимназій (Вильгельма) и «Высшую женскую школу», какъ такія заведенія, въ которыхъ, по его наблюденію, дѣло идетъ

почти идеально хорошо, и обѣщалъ во вторникъ прислать мнѣ письменное разрѣшеніе, послѣ того, какъ онъ извѣститъ начальниковъ учебныхъ заведеній.

Прошли и вторникъ, и четвергъ, и суббота, а отъ министра не было никакой бумаги. За это время я, между прочимъ, познакомился съ двумя профессорами университета, дочери которыхъ посѣщали «Высшую женскую школу», и изъ разговоровъ съ ними убѣдился, что эта школа несравненно лучше подходитъ для моей старшей дочери, нежели какой-бы то ни было институтъ. Но вопросъ въ томъ, примутъ-ли туда дѣвочку безъ экзамена, такъ сказать, въ качествѣ вольной слушательницы?

Въ воскресенье я снова отправился къ министру. Когда онъ увидалъ меня въ пріемной, по его лицу пробѣжала тѣнь досады, и онъ началъ усиленно извиняться, ссылаясь на множество дѣлъ и въ особенности на возню съ парламентомъ.

Я поспѣшилъ поблагодарить заранѣе его превосходительство за дозволеніе, которое, конечно, получу, какъ только окажется возможность, и сообщить ему, что на этотъ разъ я являюсь къ нему не въ качествѣ стараго педагога, а въ качествѣ отца и просителя, и изложилъ свое дѣло.

Министру, повидимому, доставило удовольствіе, что я пришелъ не съ напоминаніемъ, а съ просьбою.

— О, я надѣюсь, что это легко можно устроить, но зависитъ это, впрочемъ, не отъ меня, а отъ директора школы—д-ра Винтера; онъ прекраснѣйшій малый (braver Kerl) и, я убѣжденъ, сдѣлаетъ для васъ все возможное. Я не даю вамъ письма къ нему, а просто скажите, что я васъ къ нему направилъ и прошу оказать вамъ содѣйствіе. А школа прекрасно поставлена—сами увидите.

На другой день я былъ въ школѣ, которая занимаетъ одинъ изъ лучшихъ и обширнѣйшихъ домовъ на Wittelsbach's Platz и представился д-ру Винтеру.

Докторъ философіи Винтеръ оказался человѣкомъ лѣтъ 35-ти, живымъ и энергичнымъ и совершенно свободнымъ отъ той немного педантичной чопорности, которую нѣмецкіе педагоги частенько проявляютъ по отношенію къ иностранцамъ. Словесная рекомендація отъ министра не произвела на него, повидимому, особаго впечатлѣнія, и онъ больше заинтересовался самымъ дѣломъ: одобрительно кивалъ головой, когда я высказалъ ему свое недовольство институтомъ Fräulein A. и былъ видимо доволенъ тѣмъ, что профессора университета рекомендовали его школу; но принять мою дочь безъ экзамена рѣшительно отказался.

— У насъ, профессоръ, средняя школа,—говорилъ онъ мнѣ,—а не высшіе курсы, и вольныя слушательницы у насъ немыслимы; ученицы-же должны имѣть приблизительно равную подготовку, по крайней мѣрѣ, по большинству предметовъ. Приведите вашу дочь къ намъ завтра утромъ, и мы ее подвергнемъ небольшому провѣрочному испытанію, чтобы знать, въ какой классъ она годится.

На другой день я оставилъ свою дочь у директора Винтера на цѣлое утро и только въ 12 часовъ зашелъ за нею. Оказалось, что ее экзаменовали почти все время, и больше всѣхъ самъ д-ръ Винтеръ. Она рѣшала задачи, отвѣчала по исторіи и географіи, писала французское сочиненіе и нѣмецкое изложеніе и т. д.

— Ну,—встрѣтилъ меня директоръ,—я надѣюсь, что дѣло устроится. Ваша дочь не можетъ идти ни съ какимъ изъ высшихъ классовъ по англійскому языку, котораго она совсѣмъ не начинала. Она, какъ я и ожидалъ, очень слаба въ нѣмецкомъ и должна будетъ заниматься имъ усиленно, но по математикѣ, по французскому, по исторіи и пр. она смѣло можетъ быть въ 6-мъ (послѣднемъ) классѣ. Уроки англійскаго языка она будетъ пропускать и на эти часы можетъ ходить въ другіе классы на нѣмецкій языкъ.

Я выразилъ свое полное удовольствіе на такое рѣшеніе моей судьбы и спросилъ, можетъ-ли моя дочь начать ходить въ школу немедленно.

— Да, можетъ. Строго говоря, я не имѣю права принять ее на такомъ исключительномъ положеніи безъ согласія попечительнаго совѣта, состоящаго изъ выборныхъ отъ города, и поэтому я не возьму съ васъ пока платы *). Но я убѣжденъ, что совѣтъ ничего не будетъ имѣть противъ моего представленія.

Такъ и случилось; дней черезъ 10 директоръ заявилъ моей дочери, что она можетъ принести плату, и съ тѣхъ поръ она считалась ученицей на общемъ положеніи; только передъ праздниками ей не выдали отмѣтокъ и, вмѣсто нѣмецкихъ сочиненій, она писала изложенія.

Я, въ качествѣ *родителя*, былъ вполнѣ доволенъ «Высшей школой». По французски въ ней дочь моя успѣвала очень немного, несмотря на пять уроковъ въ недѣлю и на хорошую (даже съ хорошимъ произношеніемъ) учительницу: дѣло въ томъ, что ея соученицы были подготовлены очень слабо, такъ какъ изъ дому не принесли никакихъ

---

*) Плата вносится по мѣсяцамъ, кажется, 15 марокъ ($7^1/_2$ руб.). Какъ я узналъ впослѣдствіи, въ школѣ очень много освобожденныхъ отъ платы полностію или, что нѣмцы особенно любятъ, частью (есть ученицы, платящія половину, четверть, одну пятую и пр.).

знаній. По исторіи, географіи, математикѣ тоже успѣхи были не особенно значительные, отчасти по той-же причинѣ, а отчасти по тому, что исторія и географія Баваріи были совсѣмъ не настолько важны для моей дочери, какъ для другихъ; математика-же тамъ преподавалась въ очень небольшомъ количествѣ (только ариѳметика), да и по физикѣ курсъ былъ очень ограниченъ. Но за-то въ нѣмецкомъ языкѣ и нѣмецкой литературѣ она успѣвала очень замѣтно, да и не могла не успѣвать. А главное: все, что ей преподавалось, преподавалось дѣльно и вполнѣ педагогично. Общій «духъ» заведенія тоже былъ болѣе чѣмъ удовлетворителенъ, что, между прочимъ, зависѣло и отъ директора, который работаетъ въ школѣ съ 8-ми до 4-хъ со всей энергіей и выдержкой, свойственными хорошему нѣмецкому педагогу.

Черезъ нѣкоторое время (не особенно короткое) я получилъ бумагу изъ министерства и, ознакомившись, насколько у меня хватило времени, съ преподаваніемъ въ мужской гимназіи Вильгельма, заходилъ нѣсколько разъ и въ höhere Töchterschule, конечно, не въ тотъ классъ, гдѣ училась моя дочь, и бесѣдовалъ съ д-ромъ Винтеромъ, который съ полной готовностью сообщалъ мнѣ все, что было мнѣ нужно.

Höhere Töchterschule, по типу болѣе приближающаяся къ нашимъ гимназіямъ вѣдомства Императрицы Маріи, чѣмъ къ гимназіямъ Министерства Просвѣщенія, одна на весь Мюнхенъ и вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 500 ученицъ. Курсъ въ ней 6-ти-лѣтній и 6-ти-классный. Средніе и старшіе классы разбиты на 2 и даже на 3 параллельныя отдѣленія, которыя такъ переполнены, что, еслибъ позволило мѣсто, число отдѣленій было-бы еще увеличено; между тѣмъ младшіе классы (1-й и 2-й) имѣютъ не болѣе 30—35 ученицъ. Это объясняется тѣмъ, что до 11—12 лѣтъ дѣвочки всѣхъ сословій предпочитаютъ посѣщать Volksschule, гдѣ учатъ также хорошо и при этомъ совершенно безплатно.

Начну съ *нравовъ* школы. Пятисотенная толпа ученицъ какъ въ школѣ, такъ и внѣ школы, ведетъ себя довольно свободно (во время перемѣнъ даже и очень шумно), но прилично, а въ классахъ, *несмотря на отсутствіе классныхъ дамъ*, безусловно хорошо. Директоръ (какъ выше было сказано, почти молодой человѣкъ) обращается съ ученицами чрезвычайно просто, до того просто, что и въ старшемъ классѣ взрослымъ дѣвушкамъ говоритъ *ты*. Такъ-же поступаютъ и учителя постарше. *Ты*—самая употребительная форма обращенія и между ученицами. Простота, отсутствіе формализма поражаютъ и въ другихъ отношеніяхъ; такъ, напр., директоръ самъ собираетъ деньги съ уче-

ницъ (конечно, внѣ класса); ученицы, не пришедшія въ классъ, не приносятъ записокъ отъ родителей, конечно, кромѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда ученица возбуждаетъ сомнѣнія начальства и т. д. Насколько д-ръ Винтеръ заботливъ и насколько онъ хорошо знаетъ всѣхъ своихъ ученицъ, я могъ убѣдиться уже при своемъ второмъ визитѣ къ нему. Узнавъ, что я всего 10—12 дней живу въ Мюнхенѣ и что моя дочь не знаетъ города, онъ освѣдомился о моемъ адресѣ и *наизусть*, не заглядывая въ списокъ, сказалъ, съ кѣмъ изъ ученицъ своего класса и отдѣленія она должна ходить домой. Положимъ, впослѣдствіи оказалось, что директоръ состоитъ преподавателемъ и *ординаріусомъ* этого класса; но *почти* настолько-же хорошо онъ знаетъ и всѣхъ ученицъ своей школы.

Составъ преподавателей въ школѣ, не въ обиду будь имъ сказано, долженъ быть названъ *пестрымъ*. Есть тамъ люди съ университетскимъ образованіемъ, имѣющіе право преподавать въ старшихъ классахъ гимназіи, и есть лица съ значительно меньшимъ образовательнымъ цензомъ; одинъ и тотъ-же преподаватель обучаетъ и гимнастикѣ, и пѣнію, и географіи въ старшемъ классѣ. Учительницы подобраны изъ лучшихъ, но въ Германіи вообще отъ учительницы требуется меньше знаній, нежели у насъ.

Пестрота преподавательскаго состава объясняется тѣмъ, что плата въ «Высшей женской школѣ» ниже, нежели въ гимназіяхъ, а это—въ связи съ общимъ взглядомъ нѣмцевъ на то, что отъ дѣвушки большой учености не требуется.

Мимоходомъ замѣчу, что д-ръ Винтеръ, далеко не новичекъ въ своемъ дѣлѣ, вовсе не раздѣляетъ такого взгляда, горько жалуется на общество, которое само задерживаетъ свое развитіе, и глубоко убѣжденъ, что его школа еще при немъ доживетъ до значительнаго расширенія программы.

Я сказалъ, что въ школѣ нѣтъ классныхъ дамъ и что отсутствіе ихъ не чувствуется, т.-е., пожалуй, оно и чувствуется, но въ томъ смыслѣ, что учителя и учительницы больше работаютъ въ классахъ и не имѣютъ ненужнаго посредника между собою и ученицами *). Тѣ функціи классныхъ дамъ, которыя, дѣйствительно, необходимы—постоянное наблюденіе за успѣхами всего класса и каждой ученицы въ отдѣльности, урегулированіе задаваемыхъ уроковъ и пр., очень удобно исполняется ординаріусомъ класса, т.-е., по нашему, класснымъ

---

*) Свой взглядъ на *институтъ* классныхъ дамъ я изложилъ въ статьѣ о женскомъ образованіи въ своихъ «Педагогическихъ очеркахъ». Москва. 1887 г.

наставникомъ, который всегда имѣетъ, по возможности, большее число уроковъ въ классѣ и играетъ роль его инспектора. Обязанности класснаго наставника могутъ исполняться какъ преподавателями, такъ и преподавательницами, причемъ *преимущественно* женщинамъ предоставляются низшіе классы.

Относительно распредѣленія работъ между лицами обоего пола директоръ не связанъ ни закономъ, ни обычаемъ: въ низшихъ классахъ большею частью преподаютъ женщины, въ старшихъ—мужчины (за исключеніемъ новыхъ языковъ); но еслибъ между преподавательницами оказалась особа, способная преподавать исторію хотя-бы въ 5 и 6-мъ классахъ, она могла-бы легко занять эти уроки; и наоборотъ, учитель можетъ взять себѣ 1-й и 2-й классы, если директоръ и коллегія находятъ это полезнымъ.

Лучшій преподаватель изъ тѣхъ, чьи классы мнѣ случалось посѣщать, безъ сомнѣнія, самъ директоръ, преподающій нѣмецкую словесность въ обоихъ отдѣленіяхъ старшаго класса и, кромѣ того, исторію и географію въ томъ отдѣленіи, гдѣ онъ состоитъ ординаріусомъ. По словесности онъ обыкновенно избираетъ для подробнаго разбора какое-нибудь произведеніе Шиллера или Гёте и отъ него дѣлаетъ экскурсы во всю нѣмецкую литературу и въ теорію словесности. Въ этомъ году онъ болѣе 2-хъ мѣсяцевъ посвятилъ разбору Валленштейна, и какой это былъ прекрасный разборъ, глубоко обдуманный и въ то-же время живой, почти страстный мѣстами! Положительно, изъ него можно было-бы сдѣлать 5—7 хорошихъ публичныхъ лекцій. Само собою понятно, что д-ръ Винтеръ, какъ хорошій педагогъ, предлагалъ его не въ монологической формѣ, а постоянно спрашивалъ ученицъ, наводилъ ихъ самихъ на отвѣты, требовалъ резюме и повторенія всего сказаннаго, параллелей и пр.

Но и другіе учителя «Высшей школы», обладающіе меньшимъ талантомъ и меньшими знаніями, работаютъ усердно и съ толкомъ. Кто изъ моихъ читателей бывалъ въ нѣмецкихъ школахъ, тотъ знаетъ, насколько эта работа, съ одной стороны, тяжела, а съ другой плодотворнѣе нашей: безъ «журнала» и безъ обязанности выставить извѣстное количество отмѣтокъ тамъ и посредственный учитель долженъ пустить въ дѣло всю свою энергію, чтобы вложить въ головы извѣстное количество знаній и, не отягощая учащихся внѣклассной работой, по большей части достигаетъ своей цѣли.

Къ сожалѣнію, матеріалъ, съ которымъ имѣетъ дѣло коллегія «Высшей женской школы», не можетъ быть названъ особенно блестящимъ; въ младшихъ и среднихъ классахъ это—недурно воспитанныя и до-

вольно внимательныя и усердныя дѣвочки; въ старшихъ это Fräulein съ длинными косами, въ разнообразныхъ, довольно пестрыхъ костюмахъ, большею частью совершенно равнодушныя къ ученью, мало развитыя и еще меньше начитанныя. Въ классѣ изъ 50 дѣвушекъ болѣе или менѣе усердно работаютъ человѣкъ 8—10 и преимущественно младшіе, подростки; изъ 16—17-лѣтнихъ интересъ къ ученью выказываютъ только дочери учителей, профессоровъ, художниковъ. Остальныя раздѣляются на двѣ категоріи: дѣвушки изъ богатой буржуазіи пытаются изображать свѣтскихъ барышень и манерничаютъ; изъ бѣдной—помогаютъ матерямъ въ кухнѣ, шьютъ себѣ костюмы; и тѣ и другія очень любятъ посѣщать смотры, парады, студенческія процессіи и шепчутся, а то такъ и громко разговариваютъ о воображаемыхъ или дѣйствительныхъ «ухаживателяхъ».

Но, по словамъ Винтера и др., прежде дѣло было еще хуже; теперь все больше и больше въ семьяхъ Мюнхена укрѣпляется сознаніе, что и дѣвушкѣ, будущей женѣ и матери, надо серьезное образованіе, и черезъ нѣсколько лѣтъ, вмѣсто 8—10 настоящихъ учениць, ихъ будетъ 20—25, а лучшая половина класса увлечетъ за собою и другую.

Перехожу къ мюнхенскому обученію моей младшей дочери, которое познакомило меня со школой иного типа.

Черезъ 8—9 дней послѣ моего переѣзда въ Мюнхенъ, именно, когда я пришелъ къ печальному заключенію на счетъ института F-lein A. и еще не додумался до «Высшей женской школы», я услышалъ похвалы мюнхенскимъ «народнымъ школамъ», одна изъ которыхъ помѣщалась по близости отъ нашей квартиры. Я видалъ, что оттуда выходятъ дѣвочки разнообразнаго возраста и многія между ними очень прилично одѣтыя и мило держащіяся на улицѣ. Я рѣшился зайти туда по дорогѣ въ библіотеку и навести справки.

Въ 8 час. безъ четверти утра я подошелъ вмѣстѣ съ потокомъ дѣтей обоего пола къ зданію школы на Amalienstrasse, очень обширному, красивому и, очевидно, выстроенному съ спеціальною цѣлью; на одной его половинѣ было написано: Knabenschule, на другой—Mädchenschule. Я направился къ послѣдней.

У дверей никакого служителя; пошелъ я вмѣстѣ съ волнами дѣвочекъ наверхъ по широкой лѣстницѣ; увидавъ въ толпѣ дѣвушку лѣтъ 20, очевидно, учительницу, я спросилъ ее, могу-ли я теперь видѣть начальницу или инспектора.

— У насъ нѣтъ начальницы,—отвѣтила она мнѣ:—нѣтъ и инспектора; обѣими школами завѣдуетъ г. старшій учитель (Herr Oberlehrer). Вамъ, вѣроятно, его нужно?

— Да; мнѣ надо поговорить о дочери.

— Идите во второй этажъ; увидите дверь съ надписью: Oberlehrer.

Я безъ труда нашелъ искомое. Среди комнаты стоялъ человѣкъ лѣтъ 35 съ энергичнымъ и умнымъ лицомъ и принималъ просителей, въ числѣ которыхъ были и дѣти 7—8 лѣтъ. Черезъ двѣ минуты дошла очередь до меня. Я рекомендовался.

— Я такой-то; пріѣхалъ въ Мюнхенъ заниматься; проживу здѣсь 6—7 мѣсяцевъ. У меня двѣ дочери въ такомъ возрастѣ, въ которомъ нельзя не учиться. Старшую я пока помѣстилъ въ институтъ А. Я пришелъ узнать, не могу-ли я помѣстить младшую къ вамъ въ школу. Она знаетъ нѣмецкую грамоту, но совсѣмъ не умѣетъ говорить по нѣмецки. Но я надѣюсь, что въ мѣсяцъ-полтора она выучится настолько, чтобы понимать уроки.

— Гдѣ вы живете?

— Schnorrstasse, 9.

— Сколько лѣтъ вашей младшей дочери?

— Одиннадцать.

— Вы не только *можете* помѣстить вашу дочь въ народную школу, вы *обязаны* немедленно отдать ее или къ намъ, или въ *Simultanschule* которая находится на Türkenstrasse; иначе вы будете имѣть непріятности съ полиціей. Конечно, если ваша дочь—слабый, болѣзненный ребенокъ, вы можете черезъ ваше посольство добиться, что ее освободятъ, но это будетъ вамъ стоитъ большихъ хлопотъ. Такъ какъ вы сами желаете, чтобъ ваша дочь училась въ нѣмецкой школѣ, то объ этомъ и толковать нечего.

И Herr Oberlehrer очень обязательно объяснилъ мнѣ всю систему баварской «школьной повинности», какъ она прилагается въ городѣ Мюнхенѣ.

Городъ раздѣленъ на нѣсколько школьныхъ округовъ, и въ каждомъ изъ нихъ на казенный счетъ выстроено двѣ школы, человѣкъ на 500—600 каждая. Всякій житель Мюнхена, натурализованный или пріѣзжій (исключаются только тѣ, которые останавливаются въ гостинницахъ на нѣсколько дней), будетъ-ли онъ министръ или поденщикъ, обязанъ посылать своихъ дѣтей, находящихся въ школьномъ возрастѣ (т.-е. въ возрастѣ отъ шести до 14 лѣтъ), въ начальную школу, католическую, если онъ католикъ, и *Simultanschule*, если онъ лютеранинъ, англиканецъ, еврей, магометанинъ и т. д. или если онъ объявитъ своихъ дѣтей *confessionslos*. Въ школѣ не только не взимаютъ платы за ученье, а напротивъ: бѣднымъ дѣтямъ даютъ книги, тетради и даже даровые обѣды. Въ каждомъ округѣ есть особый

школьный инспекторъ, который слѣдитъ за тѣмъ, чтобы эта повинность исполнялась добросовѣстно. Въ случаѣ непослушанія онъ обращается къ помощи полиціи.

— А если дѣти пріѣзжаго совсѣмъ не говорятъ по нѣмецки?

— Ничего: выучатся; вы знаете, какъ скоро дѣти усваиваютъ языкъ страны. Конечно, на первое время такой ученикъ или ученица не совсѣмъ удобны въ классѣ; но нельзя-же изъ за мелкихъ неудобствъ дѣлать исключенія и разстраивать великое дѣло.

Я искренно согласился съ собесѣдникомъ.

— Въ какую школу я обязанъ отдать свою дѣвочку? Вы, вѣроятно, имѣете представленіе о нашемъ исповѣданіи?

— Конечно; ваше исповѣданіе у насъ оффиціально называется греческо-католическимъ. Вы ничего не имѣете противъ того, чтобы ваша дочь слушала уроки католическаго священника?

— Ровно ничего.

— Въ такомъ случаѣ вы можете отдать ее и къ намъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ извѣстно, насколько переполнена Simultanschule: въ нашемъ округѣ и протестантовъ очень много, и очень многіе объявляютъ себя и дѣтей «безъ исповѣданія».

Конечно, на другой-же день я привелъ свою дочь въ школу на Amalienstrasse; Oberlehrer былъ такъ любезенъ, что помѣстилъ ее въ то отдѣленіе предпослѣдняго класса (въ этотъ классъ была она опредѣлена по возрасту и отчасти по своимъ познаніямъ въ ариѳметикѣ), гдѣ классная преподавательница говорила по французски и могла объясниться съ моей дѣвочкой, а преподавательница съ своей стороны приставила къ ней ученицу, немного говорящую по французски. Впослѣдствіи узналъ я, что «школьная повинность» для пріѣзжихъ и даже для туземцевъ со средствами не такъ ужъ строга, какъ говорилъ Oberlehrer, въ особенности для дѣвочекъ съ 9 — 10 лѣтъ: во-первыхъ, ученица «Высшей женской школы» обязательно освобождается отъ посѣщенія народной школы; почти въ такомъ-же положеніи и ученицы многочисленныхъ частныхъ «институтовъ»; далѣе: и 7-лѣтняго мальчика или дѣвочку можно освободить отъ нея, пригласивъ учителя, рекомендованнаго начальствомъ школы, впредь до подготовленія ребенка въ соотвѣтствующій классъ; наконецъ, можно учиться въ католической школѣ и не участвовать въ урокахъ по Закону Божьему. Во всей строгости «повинность» прилагается только къ низшему классу, что̀, впрочемъ, и представляетъ особенную важность для государства и города.

Но я не думалъ переводить мою дочь въ другое учебное заведеніе, такъ какъ въ общемъ былъ доволенъ народной школой, хотя въ ней оказались нѣкоторыя частности, и не совсѣмъ симпатичныя.

Моя дѣвочка не научилась въ школѣ никакимъ особымъ премудростямъ; но она получала недурные уроки по ариѳметикѣ, географіи, св. исторіи, рукодѣлью, а главное: по нѣмецкому языку, на которомъ она дѣйствительно выучилась разговаривать довольно скоро. Уроки давались по обыкновенной нѣмецкой системѣ, которую можно назвать «бѣглымъ огнемъ» вопросовъ,—по системѣ, которая даетъ возможность почти все разучивать въ классѣ и не даетъ ученикамъ спать или думать о другомъ, но за-то утомляетъ ихъ настолько, что въ раннемъ возрастѣ необходимо послѣ получаса такого занятія придумывать какую-нибудь работу механическую. Учительницы такъ и поступаютъ, вслѣдствіе чего ученицы и такой механической работы приносятъ на домъ очень мало, не болѣе, какъ на $^1/_2$ часа.

Я сказалъ, что въ народной школѣ есть черты несимпатичныя. Главнѣйшими я считаю грубость нравовъ, выражающуюся въ томъ, что не только учительницы (а тѣмъ болѣе учителя въ мужскомъ отдѣленіи) позволяютъ себѣ рвать тетради, бросать ихъ въ лицо ученицамъ, толкать ихъ и угощать весьма чувствительными подзатыльниками, но и Oberlehrer отъ времени до времени является въ классъ, чтобы подобными-же пріемами, примѣняемыми его мужскою рукою въ болѣе сильной степени, возстановлять порядокъ и уваженіе къ школьнымъ законамъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что эти мѣры примѣняются исключительно къ дѣвочкамъ изъ низшаго класса и тоже всегда за проступки, исходящіе изъ той-же грубости нравовъ.

Другая несимпатичная черта, которой я совсѣмъ не встрѣчалъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, есть система искусственныхъ поощреній въ видѣ раздачи отличившимся дешовыхъ картинокъ и т. п. маленькихъ наградъ. Какъ извѣстно, это французская система; здѣсь примѣняется она, конечно, не въ такой степени, какъ во Франціи, и только въ низшей школѣ, гдѣ ее легче оправдать. А все-же, по моему убѣжденію, въ основѣ ея лежитъ нѣчто антипедагогическое.

Значительное большинство дѣвочекъ въ народной школѣ начинаютъ и заканчиваютъ свое образованіе. Онѣ выносятъ изъ нея грамотность (въ довольно широкомъ смыслѣ), знаніе основъ своей религіи, не обширный, но хорошо закрѣпленный кругъ нравственныхъ понятій, знакомство съ главнѣйшими фактами нѣмецкой и спеціально баварской исторіи и отчизновѣдѣнія, умѣнье бойко считать и скоро рѣшать нетрудныя ариѳметическія задачи изъ тѣхъ, которыя часто встрѣчаются въ жизни и, наконецъ, умѣнье шить и вязать. Для 13 лѣтъ, а главное, для всѣхъ, безъ исключенія, дѣвочекъ города Мюнхена и того очень достаточно.

Для русскаго педагога самое удивительное въ обѣихъ школахъ, съ которыми я познакомился, какъ родитель и отчасти какъ наблюдатель, и въ то-же время самое отрадное явленіе—полное довѣріе къ каждому изъ лицъ учебнаго персонала и полная свобода его дѣйствій въ предѣлахъ, обусловленныхъ общей цѣлью этихъ дѣйствій. Директоръ «Высшей женской школы» стремится дать лучшее общее образованіе и воспитаніе своимъ ученицамъ на пространствѣ шестилѣтняго курса; классный наставникъ или наставница—получше обучить свой классъ всѣмъ предметамъ его курса безъ большого отягощенія; учитель или учительница—пройти извѣстную часть своего предмета, съ помощью общепризнанныхъ дидактическихъ пріемовъ; всѣ частности, всѣ подробности предоставляются на волю или цѣлой коллегіи (распредѣленіе предметовъ и частей ихъ по классамъ, учебники), или каждаго лица въ отдѣльности. Нѣтъ надъ ними «недремлющаго ока», отъ котораго надо испрашивать письменнаго разрѣшенія на всякую мелочь; нѣтъ программы, предписывающей разбирать именно ту, а не другую оду или комедію, разучивать тѣ, а не другія статьи и стихотворенія.

Мнѣ скажутъ: стало быть, тамъ люди заслуживаютъ права на такую свободу... Я убѣжденъ, что люди вездѣ люди; оказывайте человѣку больше довѣрія—и онъ будетъ больше его достоинъ. А педагогу общество, по необходимости, поручаетъ самое дорогое, что есть у него; логично-ли связывать его недовѣріемъ въ мелочахъ и подробностяхъ?

А. Кирпичниковъ.

Частная инициатива во Франціи въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ народѣ.

(Докладъ, читанный въ Спб. Комитетѣ грамотности 13-го октября 1892 г.).

Сообщеніе мое не будетъ представлять чего-нибудь цѣльнаго, я прошу позволенія подѣлиться только тѣми впечатлѣніями, какія удалось мнѣ собрать во время кратковременнаго лѣтняго пребыванія моего въ Германіи, Франціи и Англіи,—впечатлѣніями, которыя съ той или иной стороны соприкасаются съ дѣломъ народнаго образованія.

Предпринимая поѣздку, я поставила себѣ цѣлью собрать насколько возможно болѣе данныхъ по слѣдующимъ интересовавшимъ меня вопросамъ, имѣющимъ, какъ мнѣ казалось, для нашей русской жизни особое жизненное значеніе, а именно: 1) какими средствами и въ какой мѣрѣ начальная сельская школа можетъ быть проводникомъ свѣдѣній по сельскому хозяйству; 2) какими способами возможна помощь самообразованію и сохраненіе и расширеніе пріобрѣтенныхъ въ народной школѣ свѣдѣній въ средѣ питомцевъ ея по окончаніи ими курса, а также въ средѣ взрослаго сельскаго населенія; 3) какую роль играетъ волшебный фонарь, какъ педагогическое средство для внѣшкольнаго образованія; 4) какъ обставлена та часть книжной торговли, которая всего ближе и въ большемъ количествѣ доводитъ книги до низшихъ слоевъ сельскаго и городскаго населенія?

По пріѣздѣ въ Парижъ, я прежде всего отправилась за нѣкоторыми справками въ бюро Французской Лиги обученія (Ligue française de l'enseignement). Мнѣ тотчасъ-же было вручено приглашеніе присутствовать на годичномъ конгрессѣ Лиги, члены котораго будутъ засѣдать 27, 28 и 29 іюня въ мэріи 1-го округа. Это была счастливая случайность, на которую я вовсе не разсчитывала. Позволю себѣ напомнить въ нѣсколькихъ словахъ происхожденіе Лиги и охарактеризовать ея дѣятельность въ послѣднія десять лѣтъ.

Мѣстомъ рожденія Лиги былъ незначительный городъ Эльзаса, а основателемъ ея—никому неизвѣстный учитель небольшой частной женской школы. Не обладая ни матеріальными средствами, ни общественнымъ положеніемъ, но сильный убѣжденіемъ, что государство, въ которомъ масса населенія коснѣетъ въ невѣжествѣ, не можетъ быть ни сильнымъ, ни благоденствующимъ государствомъ, Ж. Массе задумалъ основать общество, члены котораго поставили-бы себѣ цѣлью всѣми возможными средствами пробуждать частную иниціативу на служеніе дѣлу просвѣщенія массы сельскаго и городского населенія Франціи. Для осуществленія этой задачи, горячо проповѣдуя необходимость обязательнаго, дароваго, раціонально поставленнаго, элементарнаго образованія, Ж. Массе обошелъ всю Францію. То были времена Имперіи, препятствія возникали на каждомъ шагу и, тѣмъ не менѣе, проповѣдь Массе пошла настолько успѣшно, что въ 1870 г., четыре года послѣ основанія перваго общества, число такихъ обществъ возрасло до 59, общій бюджетъ ихъ превышалъ 70.000 франковъ, а число членовъ равнялось 18.000. Лига никогда не была центральнымъ учрежденіемъ съ филіальными подчиненными, провинціальными отдѣленіями: съ первыхъ дней существованія она являлась союзомъ равноправныхъ и совершенно самостоятельно развивающихся центровъ, соединенныхъ лишь общею главною цѣлью и общими нравственными принципами. Первенствующее значеніе выпало на долю *Cercle parisien*, какъ по мѣсту нахожденія его, такъ и потому, что послѣ отторженія Эльзаса въ немъ сосредоточивалась личная дѣятельность Ж. Массе и нѣкоторыхъ другихъ выдающихся дѣятелей. Незабвенной заслугой парижскаго кружка и Лиги въ исторіи просвѣщенія французскаго народа является могущественное содѣйствіе превозглашенію законовъ, установившихъ во Франціи обязательность начальнаго образованія, давшихъ ей новый типъ раціонально поставленной народной школы, для чего потребовалось около 11 лѣтъ самой энергичной дѣятельности. Вліяніе Cercle Parisien было такъ велико, что имъ было представлено около 1½ милліона голосовъ, стоявшихъ за вышеуказанную реформу, считая только тѣ подписи, которыя непосредственно были адресованы въ бюро Парижскаго кружка. Съ 1881 года Лига получила болѣе оформленную организацію: она не только de facto, но и de jure стала федераціей различныхъ провинціальныхъ обществъ; были установлены ежегодные съѣзды (Congrès); выборные отъ различныхъ обществъ въ количествѣ 30 человѣкъ составили, вѣдающій дѣла Лиги, общій совѣтъ (Conseil général), функціонирующій въ Парижѣ; образовалась общая центральная касса.

Дѣятельность Парижскаго кружка, всегда работавшаго въ интересахъ всего французскаго народа, конечно, почти совершенно слилась съ трудами общаго совѣта. На прощальномъ обѣдѣ, по окончаніи съѣзда, Массе, вспоминая недавнее славное прошлое Лиги и Парижскаго кружка, сказалъ: «Мы ужъ не тѣ, что были, и объ этомъ не жалѣемъ. То было время Лиги воинствующей (Ligue militante) а теперь наступили времена Лиги торжествующей (Ligue triomphante), но не Лиги, почивающей на лаврахъ, а мирно, неусыпно работающей на пользу того-же дѣла, которому положено пока только начало. Парижскій кружокъ не дремлетъ и не самообольщеніе говоритъ во мнѣ, когда я позволяю себѣ утверждать, что въ его рукахъ, по прежнему, сигнальный рожокъ, которымъ онъ даетъ знать товарищамъ, куда слѣдуетъ направлять усилія, вокругъ чего слѣдуетъ группироваться».

Въ чемъ-же заключается дѣятельность Лиги торжествующей? Постараюсь изложить это въ общихъ чертахъ по свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ печатныхъ трудовъ Лиги и изъ указаній, данныхъ мнѣ Массе и секретаремъ Парижскаго кружка Шеневьеромъ. Бюро Лиги занимаетъ просторное помѣщеніе въ центральной части Парижа. Она имѣетъ тамъ свою типографію, канцелярію и склады книгъ и др. предметовъ. Секретарь находится въ бюро ежедневно съ 10 до 5 ч., въ канцеляріи и складахъ работаютъ по найму три лица, нѣсколько человѣкъ, кромѣ того, спеціально заняты въ типографіи.

Дѣятельность Conseil Général за послѣдніе годы (въ то-же время въ первые годы существованія своего, такъ какъ онъ началъ дѣйствовать лишь съ 1882 г.) представляетъ чрезвычайно удачное и поучительное сочетаніе дѣятельности чисто практической и теоретической, выражающейся въ горячей пропагандѣ извѣстныхъ идей. Общій совѣтъ и главнымъ образомъ Парижскій кружокъ, какъ практикъ, является самымъ экономнымъ коммиссіонеромъ всѣхъ просвѣтительныхъ обществъ и учрежденій Франціи: онъ закупаетъ и высылаетъ по оптовымъ цѣнамъ учебники, учебныя принадлежности и пособія, книги для наградъ, волшебные фонари и картины къ нимъ, выбираетъ наиболѣе практичные переплеты, печатаетъ всякаго рода бланки, этикеты для библіотекъ и школьныхъ музеевъ, изобрѣтаетъ наиболѣе удобныя формы для каталоговъ и записей, дипломовъ и членскихъ билетовъ различныхъ обществъ. Всѣхъ родовъ полезныхъ мелкихъ услугъ, оказываемыхъ совѣтомъ глухой провинціи, мнѣ не перечесть, а кто изъ насъ не знаетъ, что изъ подобныхъ мелочей создаются очень значительные тормазы, мѣшающіе развитію и процвѣтанію многихъ полезныхъ начинаній. Значеніе этого коммиссіонерства съ

матеріальной стороны достаточно опредѣляется цыфрою прошедшихъ чрезъ общую кассу суммъ — въ 1891 г. она достигла 900 тысячъ франковъ.

Но Парижскій кружокъ Лиги не только усердный и толковый слуга обществъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пламенный проповѣдникъ, учитель. Франція не должна имѣть невѣжественныхъ, индиферентныхъ къ судьбамъ отечества, приниженныхъ нуждой гражданъ и для достиженія этого должны быть привлечены къ работѣ всѣ лучшія силы страны— вотъ въ двухъ словахъ миссія Лиги. А средства—1) печатное слово— Лига издаетъ два журнала, ежемѣсячный Bulletin mensuel de la Ligue francaise de l'Enseignement pour la propagande de l'instructiou dans les départements и листокъ выходящій каждые три мѣсяца Le Sou des écoles laiques; 2) практическое содѣйствіе возникновенію въ провинціи просвѣтительныхъ учрежденій (высылка образцовыхъ уставовъ, посредничество по части сношеній съ различными оффиціальными лицами и учрежденіями); 3) сборъ пожертвованій для матеріальной помощи бѣднѣйшимъ сельскимъ школамъ и для снабженія народныхъ школъ тѣми пособіями, которымъ Лига придаетъ особое значеніе (въ настоящее время таковыми являются пособія для ознакомленія съ свѣдѣніями изъ естественныхъ наукъ, имѣющими непосредственное приложеніе къ сельскому хозяйству); 4) матеріальная и нравственная поддержка развитію библіотечнаго дѣла въ селахъ и городахъ, а также изысканіе всякихъ другихъ средствъ и путей для развитія въ массѣ народа любви къ чтенію и доставленія въ его среду возможно большаго количества хорошихъ книгъ; 5) содѣйствіе развитію въ селахъ и городахъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ, публичныхъ лекцій, литературныхъ вечеровъ и бесѣдъ, концертовъ музыкальныхъ и гимнастическихъ состязаній. Меня удивило сначала то значеніе, которое придается Лигой различнымъ гимнастическимъ обществамъ, притомъ задающимся спеціально военными упражненіями, такъ называемымъ Sociétés d'instruction militaire, что выразилось и въ гербѣ Лиги, въ девизѣ— «За отечество — книгой и мечомъ! *Pour la patrie par le livre, par l'epée!*» Было-бы несправедливостью видѣть въ этомъ только проявленіе шовинизма, здѣсь звучитъ несомнѣнно боль незажившихъ ранъ, но въ основѣ лежатъ и слѣдующія соображенія. Пока отечеству нужны защитники, всѣ дѣти его должны умѣть владѣть оружіемъ, сознательно усвоить главные пріемы военной дисциплины и основы военнаго искусства. Продолжительное пребываніе въ казармѣ деморализуетъ, отрываетъ отъ родной среды, отучаетъ отъ работы, срокъ отбыванія воинской повинности можетъ быть значительно сокращенъ

только при томъ условіи, когда молодежь будетъ являться въ казарму уже подготовленною, исподволь и сознательно усвоившею дома все существенное изъ обязательной для всѣхъ военной науки. Гигіеническія соображенія, необходимость физическихъ упражненій для здоровья, само собою понятно, стоятъ также на первомъ планѣ.

Денежныя средства Лиги составляются изъ членскихъ взносовъ, кружечнаго сбора, завѣщаемыхъ Лигѣ капиталовъ, иногда предназначаемыхъ жертвователями для спеціальныхъ цѣлей, какъ, напр., капиталъ, завѣщанный Лигѣ литераторомъ Augustin Rabin. Согласно выраженной въ завѣщаніи волѣ покойнаго, денежное имущество его поступаетъ въ собственность Лиги съ тѣмъ, чтобы $^0/_0$ съ него шли на удовлетвореніе главнѣйшихъ по времени педагогическихъ потребностей народной школы—au profit des écoles laiques, *au mieux* des besoins du moment. Какъ характеризуетъ этотъ фактъ то довѣріе, тотъ авторитетъ, которыми пользуется Лига! Этимъ besoin du moment, настоятельною педагогическою потребностью для текущаго періода жизни признано Лигой—содѣйствіе преподаванію въ народной школѣ тѣхъ основъ естествознанія, которыя явятся лучшими и вѣрнѣйшими проводниками свѣдѣній по сельскому хозяйству. Въ 1891 г. въ числѣ другихъ пожертвованій должна быть отмѣчена сумма въ 250 франковъ, $^0/_0$ съ капитала, которая должна быть употребляема на ежегодное пополненіе книгами по выбору совѣта Лиги сельской комунальной библіотеки той мѣстности, въ которой умершій владѣлъ земельной собственностью.

Оба вышеназванныя періодическія изданія Лиги заслуживаютъ подробнаго разбора, но, за невозможностью это сдѣлать, по недостатку времени, ограничусь краткой характеристикой. Bulletin (годовая цѣна 6 фр.), содержитъ руководящія статьи по важнѣйшимъ вопросамъ элементарнаго народнаго образованія во Франціи съ точки зрѣнія Лиги, хронику выдающихся явленій изъ той-же области, протоколы засѣданій, денежные отчеты и т. п. Этотъ Bulletin и является главнымъ образомъ тѣмъ сигнальнымъ рожкомъ, о которомъ говорилъ въ своей рѣчи на конгрессѣ Массе. Sou des écoles laiques—листокъ, разсылаемый даромъ всѣмъ желающимъ. При посредствѣ его ведется самый живой обмѣнъ справокъ, извѣщеній между Парижскимъ Бюро и многими тысячами кліентовъ Лиги. Нѣтъ того мелочнаго факта съ общей точки зрѣнія, но обладающаго совсѣмъ иными размѣрами въ какомъ-нибудь глухомъ уголкѣ провинціи, который не находилъ-бы мѣста и разъясненія въ листкѣ. Тутъ и жалобы учителей на бѣдность школьнаго инвентаря, и извѣщенія о даровыхъ посылкахъ книгъ и пособій,

посланныхъ Лигой, отчетъ объ удачномъ сборѣ, сдѣланномъ на общественномъ или семейномъ праздникѣ въ пользу комунальной библіотеки, сообщеніе о такомъ печальномъ и почти невѣроятномъ фактѣ, что новобранецъ въ окрестностяхъ Парижа, отмѣченный по собственному заявленію какъ неграмотный, однимъ изъ членовъ присутствія, его землякомъ, былъ признанъ за извѣстнаго ему лично ученика народной школы, проведшаго въ ней не одинъ годъ. Новобранецъ смущенно заявилъ, что по оставленіи школы (въ возрастѣ 12 лѣтъ) ему ни разу не пришло на мысль взять въ руки перо или книгу, газеты онъ также никогда не читалъ. Заслуживаютъ особеннаго вниманія отвѣты учителей и другихъ членовъ Лиги на новыя педагогическія задачи, выдвигаемыя совѣтомъ. Въ одномъ № листка помѣщена остроумная, убѣдительно, тепло написанная статейка Массе *La leçon de bibliothéque*. Въ отвѣтъ на доходящія до него со всѣхъ сторонъ сѣтованія о томъ, что книги научнаго содержанія, даже книги по исторіи и сельскому хозяйству, вовсе не спрашиваются и не читаются въ народныхъ сельскихъ библіотекахъ, Массе даетъ совѣтъ библіотекарю,—учителю или человѣку, знакомому съ книгами и любящему чтеніе, дѣлать рекомендаціи книгъ, сообщать о собственныхъ вызванныхъ чтеніемъ впечатлѣніяхъ, читать изъ рекомендуемыхъ сочиненій отрывки, заводить бесѣду о предметѣ, составляющемъ содержаніе тѣхъ книгъ, которыхъ распространеніе особенно желательно. Далѣе, очевидно, въ отвѣтъ на признаніе многими себя недостаточно подготовленными и смѣлыми для веденія публичныхъ бесѣдъ и лекцій, Массе совѣтуетъ для начала пробовать свои силы въ частной обстановкѣ, въ собраніи 20—30 чел. на дому у кого-нибудь изъ обывателей-крестьянъ, явиться дѣятельнымъ участникомъ т. н. veillée, а затѣмъ—переходъ къ лекторству въ большой аудиторіи будетъ легокъ. Въ каждомъ словѣ, въ каждомъ указаніи виденъ человѣкъ, который проповѣдуетъ то, что самъ дѣлалъ, чему самъ отдавался всей душой.

Содѣйствіе развитію библіотечнаго дѣла въ селахъ и городахъ—одна изъ самыхъ важныхъ задачъ, поставленныхъ Лигой. Какъ уже сказано было выше, совѣтъ беретъ на себя сборъ пожертвованій, пріобрѣтеніе, переплетъ книгъ для народныхъ библіотекъ, но, что̀ еще важнѣе, онъ не отказывается и отъ самаго выбора книгъ для библіотекъ. Для этой цѣли Лигой издается ежегодно нѣсколько каталоговъ, въ которыхъ книги расположены группами по достоинству, по ихъ относительной важности для возникающей библіотеки.

Съ 1-го мая текущаго года сталъ выходить, въ видѣ приложенія къ бюллетеню, очень полный систематическій каталогъ книгъ, пригод-

ныхъ для народныхъ библіотекъ, и въ немъ сохранена та же группировка по достоинству. Каталогу предпослана очень подробная инструкція «comprenant ce qui touche l'organisation matérielle et la direction morale d'une bibliothèque populaire». Это моральное руководительство выражается не только въ томъ вниманіи къ интересамъ читателя, которымъ проникнуты всѣ порядки и правила, но и въ тѣхъ примѣчаніяхъ, которыя встрѣчаются въ каталогѣ при нѣкоторыхъ заглавіяхъ. Они являются то критической оцѣнкой выдающейся книги, то предостереженіемъ относительно слишкомъ смѣло сдѣланныхъ авторомъ выводовъ (такія предостереженія мы найдемъ при книгахъ по сельскому хозяйству), то совѣтомъ, какъ облегчить себѣ трудъ усвоенія извѣстнаго круга научныхъ свѣдѣній, пользуясь наглядными пособіями или прибѣгая къ опытамъ, экскурсіямъ и т. п.—во всемъ забота о мало подготовленномъ читателѣ, практическое указаніе для начинающаго свое дѣло библіотекаря.

Каталогъ еще не оконченъ, но и въ вышедшихъ отдѣлахъ онъ заключаетъ болѣе 5.000 заглавій. Само собою понятно, что выборъ палъ на все лучшее, переведенное на французскій языкъ изъ всеобщей литературы, на всѣ капитальныя популярныя сочиненія по всѣмъ отраслямъ знанія, и только въ видѣ придатка къ этому основному фонду помѣщены краткіе учебники и брошюры, спеціально изданныя для народнаго чтенія. Но число библіотекъ въ селахъ и глухихъ городкахъ недостаточно, возникаютъ онѣ недостаточно быстро, по мнѣнію Лиги, и она изыскиваетъ другія средства для водворенія книги, цѣлой библіотечки въ крестьянской и буржуазной семьѣ. Наиболѣе цѣлесообразной мѣрой для этого признается Лигой широкая, щедрая раздача книгъ дѣтямъ въ школѣ въ видѣ наградъ. И ею составляются особые каталоги такихъ книгъ, разсылаются брошюры и циркулярныя посланія, въ которыхъ убѣдительно говорится о пользѣ затраты на это дѣло; кромѣ того, въ теченіе двухъ трехъ-недѣль устраивается въ помѣщеніи бюро выставка книгъ, рекомендуемыхъ для наградъ. Мнѣ удалось видѣть выставку этого года; она помѣщалась въ залѣ засѣданій Парижскаго кружка и совѣта, канцелярія же была буквально загромождена кипами книгъ, превратившихъ ее въ богатѣйшій книжный магазинъ. И все это книжное богатство чрезъ нѣсколько дней исчезло и разсыпалось по всей Франціи. Устройство складовъ для продажи книгъ, сколько мнѣ извѣстно, Лига на себя не беретъ. Это практикуется отдѣльными членами федераціи, но въ весьма незначительныхъ размѣрахъ. Объ организаціи торговли книжной упоминается лишь въ одномъ изъ просмотрѣнныхъ мною

отчетовъ: рекомендуется помѣстить витрину съ книгами въ окнѣ деревенской лавочки, заручившись содѣйствіемъ ея владѣльца.

Народныя библіотеки, продажа книгъ, щедрая раздача книгъ въ награду школьникамъ—все это прекрасно, но этого недостаточно для успѣшной энергичной борьбы съ невѣжествомъ и индиферентизмомъ народной массы, говорятъ дѣятели Лиги, и вотъ почему. Книга серьезнаго содержанія доступна лишь развитому меньшинству, человѣку, въ которомъ уже пробудился серьезный интересъ къ какому-нибудь предмету. А какъ возбудить этотъ интересъ въ массѣ, еще не берущейся за книгу? Этого можно достигнуть бесѣдами, публичными популярными лекціями, сопровождаемыми картинами волшебнаго фонаря, опытами. И Лига неутомимо работаетъ надъ этой задачей. Она просматриваетъ каталоги существующихъ коллекцій картинъ для волшебнаго фонаря во Франціи, Англіи и Германіи, выбираетъ и группируетъ лучшее изъ нихъ, печатаетъ и разсылаетъ каталоги такихъ подобранныхъ коллекцій. Я получила изъ бюро слѣдующіе листки: Суэцкій каналъ, Желѣзныя дороги, Италія, Австралія, Гнѣзда птицъ. Къ двумъ послѣднимъ перечнямъ картинъ присоединенъ и текстъ; но опытные въ этомъ дѣлѣ работники Лиги убѣждались, что готовый текстъ не только не помогаетъ дѣлу, а напротивъ, тормазитъ его. Главнѣйшимъ условіемъ для успѣха лекціи въ какой-бы то ни было аудиторіи, нужно признать ее соотвѣтствіе развитію и требованіямъ слушателей. Лекторъ долженъ обработать тему самостоятельно, овладѣть ею. И въ помощь ему Лига прибавляетъ къ перечню картинъ библіографическій указатель источниковъ, въ примѣчаніи указываетъ тѣ стороны, которыя должны, по ея мнѣнію, быть всего ярче, полнѣе освѣщены. Капитальнымъ трудомъ въ этой отрасли дѣятельности Парижскаго кружка является составленная имъ коллекція картинъ для лекцій по исторіи Франціи. Пока вышло лишь два выпуска, заключающіе исторію Великой французской революціи, въ каталогѣ 2.400 картинъ и подробный объяснительный текстъ для каждой. Оригиналы для картинъ выбирались не только изъ лучшихъ иллюстрированныхъ изданій, но розыскивались и въ сокровищахъ національной библіотеки, въ галлереяхъ Лувра, Версаля... Коллекція эта высылается для чтеній въ провинціи даромъ вмѣстѣ съ фонаремъ, оплачивается лишь пересылка и возмѣщается стоимость разбитыхъ картинъ; за высылку другихъ коллекцій взимается, кромѣ того, по 2 к. за картину. Употребляются исключительно почти нераскрашенныя картины. За раскрашенныя платится по 4 коп. Для разсылки въ Парижскомъ бюро Лиги имѣется 20 фонарей и болѣе 8.000 картинъ.

Но ни въ чемъ не выражается такъ ярко содѣйствіе Лиги распространенію такихъ бесѣдъ и лекцій, какъ въ обширной перепискѣ, въ циркулярахъ, посылаемыхъ Парижскимъ бюро съ извѣщеніями о лекторахъ, имъ найденныхъ или приглашенныхъ. Стараются привлечь къ дѣлу всякое компетентное въ той или другой области лицо; является-ли цѣлью поѣздки оффиціальная командировка, личныя дѣла, предпринимается-ли научная экскурсія, Бюро извѣщаетъ о маршрутѣ выѣхавшаго, о его спеціальности, о важности тѣхъ темъ, которыя могли-бы быть развиты лекторомъ въ той или другой средѣ слушателей. Очень многія лица исполняютъ подобную лекторскую миссію безплатно, другимъ Лига оплачиваетъ проѣздъ; существуетъ и постоянный персоналъ странствующихъ лекторовъ, трудъ которыхъ вознаграждается Лигой подобно труду учителей. Въ теченіе шести лѣтъ съ 1881 г. при содѣйствіи Парижскаго бюро было организовано въ деревняхъ и городахъ различныхъ департаментовъ 1.400 лекцій.

Изъ всѣхъ отраслей дѣятельности Лиги для насъ, русскихъ, въ настоящее время представляетъ, мнѣ кажется, наибольшій интересъ то, что предпринимается ею для распространенія свѣдѣній по сельскому хозяйтсву въ средѣ французскаго крестьянства, въ интересахъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Доклады по этому предмету занимаютъ главное мѣсто въ №№ Бюллетеня за послѣдніе годы, а также въ занятіяхъ ежегодно собирающихся конгрессовъ представителей Лиги. Собранныя мною данныя постараюсь изложить въ связи съ докладами, сдѣланными гг. Лебланомъ и Шеневьеромъ на засѣданіяхъ конгресса Лиги въ іюнѣ текущаго года. Г-нъ Лебланъ, вице-президентъ Лиги, занимаетъ оффиціальную должность генеральнаго инспектора по ручному труду, онъ авторъ хорошаго руководства—«Свѣдѣнія изъ области физики и естествознанія въ примѣненіи къ земледѣлію», но что всего важнѣе—человѣкъ, горячо преданный разрѣшенію задачъ, поставленныхъ себѣ Лигой въ дѣлѣ подъема уровня свѣдѣній по сельскому хозяйству. Связанные съ родомъ службы частые объѣзды различныхъ частей Франціи дали ему обширное поле для наблюденій и разнообразный, непосредственно почерпнутый изъ жизни, матеріалъ для выводовъ. Въ докладѣ своемъ *Enseignement agricole à l'école* Лебланъ указываетъ и доказываетъ обстоятельно необходимость слѣдующаго. Въ начальной школѣ обученіе земледѣлію, какъ и всякаго другого предмета профессіональнаго характера, можетъ быть только отдаленнымъ и общеобразовательнымъ подготовленіемъ къ практикѣ ремесла. Опытъ показалъ, что составленныя различными департаментами учебныя программы по агрономіи, не носившія этого обще-

образовательнаго характера, а являвшіяся программами ремесленной практики, не принесли никакой пользы въ начальныхъ сельскихъ школахъ, гдѣ онѣ были примѣняемы.

Въ начальной школѣ необходимо ограничиться слѣдующими основными свѣдѣніями при непремѣнномъ условіи сообщенія ихъ наглядно, при помощи различныхъ пособій, опытовъ, экскурсій: 1) пониманіе того, какъ растеніе питается, развивается и приноситъ плодъ; 2) объясненіе того, что достигается главными и простѣйшими пріемами обработки земли; 3) знакомство съ основными гигіеническими требованіями, необходимыми для жизни человѣка и домашнихъ животныхъ.

Но этимъ кругомъ свѣдѣній, притомъ сообщаемыхъ учащимся ранняго возраста, нельзя ограничиться: школа можетъ дать больше этого, признается необходимымъ устройство дополнительнаго курса для подростковъ, прошедшихъ курсъ начальной народной школы. Ближайшая цѣль этихъ дополнительныхъ занятій—подготовка наиболѣе способныхъ къ поступленію въ земледѣльческія школы, направленіе вниманія на мѣстныя особенности земледѣльческой практики и природныхъ условій. Для достиженія этого въ программѣ занятій организація и веденіе опытнаго поля должны занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ теплое время года; зимніе-же вечера могутъ быть посвящены чтенію, бесѣдамъ, опытамъ, для расширенія и дополненія знаній, вынесенныхъ изъ начальной школы. Отсутствіе мертвящаго заучиванья, скуки должно быть первой заботой тѣхъ, кто возьметъ на себя организацію этого рода занятій какъ съ дѣтьми, такъ и съ подростками.

Признавъ программу и планъ занятій г. Леблана вполнѣ цѣлесообразными, Лига постановила оказать всякое зависящее отъ нея содѣйствіе введенію преподаванія естествознанія въ народную школу и въ курсы для подростковъ на основаніяхъ, указанныхъ Лебланомъ. Предвидя помѣхи въ необходимости матеріальныхъ затратъ на преподаваніе, соединенное съ различными экспериментами, Лига рѣшила покрывать эти расходы изъ $^0/_0$ съ капитала Rabin, о которомъ упоминалось выше, и ею уже высылаются школамъ коллекціи простѣйшихъ приборовъ и матеріаловъ, необходимыхъ для физическихъ, химическихъ и агрономическихъ опытовъ. Минимумъ затраты на школу ежегодно можетъ не превышать 20 франковъ.

Другимъ авторитетнымъ голосомъ по тому-же предмету является дѣлопроизводитель Лиги Шеневьеръ. Это—одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ и симпатичныхъ типовъ дѣятелей современной Франціи. Шеневьеръ происходитъ изъ зажиточной крестьянской семьи окрест-

ностей Понтуаза, получилъ среднее и высшее юридическое образованіе, но остался по своимъ вкусамъ и стремленіямъ крестьяниномъ-земледѣльцемъ. Ежедневно съ 10 до 5 ч. онъ работаетъ въ бюро Лиги въ качествѣ дѣлопроизводителя, остальное время проводитъ въ своемъ огородѣ и полѣ. По внѣшнему виду Шеневьеръ представляетъ рѣзкую противоположность тому, что мы привыкли видѣть въ французѣ—неизящная мощная фигура, неуклюже-сидящее платье, отрывистая, энергичная рѣчь, добродушное рѣзкое обращеніе, дѣловитая обходительность, безъ тѣни шаблонной французской любезности. Я остановилась на этихъ подробностяхъ потому, что имъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и нравственный обликъ этого оригинальнаго и рѣдкаго еще пока и во Франціи представителя интеллигенціи, непосредственно вышедшей изъ народа. «Nous autres paysans à Pontoise», часто начинаетъ свою рѣчь Шеневьеръ, и это не фраза, не оригинальничанье, а очень цѣнная сущность, которая придаетъ всѣмъ его сужденіямъ и мнѣніямъ необычайную авторитетность и вѣрность, всѣмъ его предложеніямъ практичность и строгое соотвѣтствіе цѣли — содѣйствію возвышенія уровня умственнаго развитія и экономическаго благосостоянія французскаго крестьянина. Качества эти давно признаны всѣми сотоварищами по дѣлу и читателями статей Шеневьера въ бюллетенѣ. Въ одной изъ привѣтственныхъ рѣчей на конгрессѣ Массе сказалъ: «меня часто совершенно незаслуженно называютъ головой и сердцемъ Лиги, и ужъ если эта терминологія у насъ въ ходу, то вотъ онъ мощный становой хребетъ нашей Лиги, который поддерживаетъ всю тяжесть ея увѣсистаго тѣла!» Слова эти были встрѣчены громкими сочувственными возгласами всѣхъ присутствующихъ.

Въ докладѣ конгрессу и въ статьяхъ Les champs d'expériences agricoles au canton de Longjumeau avec observations sur l'enseignement primaire dans les écoles des communes rurales и L'expérience des siècles, помѣщенныхъ въ №№ бюллетеня за 90—91 гг. Шеневьеръ даетъ массу интереснѣйшихъ свѣдѣній и указаній, характеризующихъ жизнь и потребности современнаго крестьянства и мелкихъ земельныхъ собственниковъ во Франціи. Франція, говоритъ Шеневьеръ, можетъ похвалиться успѣшной научной разработкой различныхъ отраслей агрономіи; у насъ нѣтъ недостатка въ выдающихся ученыхъ силахъ, государство не жалѣетъ расходовъ на лабораторіи, на всякаго рода эксперименты, Франція стоитъ въ группѣ странъ, усвоившихъ пріемы раціональной культуры, но что извлекаетъ изъ этого главный плательщикъ и производитель крестьянинъ, le petit cultivateur? Ничего, или того хуже—недовѣріе и презрѣніе къ тому, что говорятъ «господа

ученые», матеріальныя очень чувствительныя потери въ тѣхъ случаяхъ, когда, увлекшись слухами о чудодѣйственной силѣ новыхъ родовъ удобреній, онъ попадаетъ на удочку-рекламу продавца-фальсификатора. Какъ быть, какъ подойти къ недовѣрчивой индиферентной средѣ земледѣльцевъ крестьянъ, изъ которой до сихъ поръ, несмотря на старанія многихъ провинціальныхъ обществъ Лиги, совсѣмъ не удавалось завербовать членовъ? Существуетъ мнѣніе, что нужно возложить всѣ надежды на подростающее, обучающееся въ школахъ поколѣніе и нечего ее ждать отъ взрослыхъ. Это несправедливо и рискованно, утверждаетъ Шеневьеръ; нужно дѣйствовать и на тѣхъ, и на другихъ. Относительно того, что можетъ и должно быть сдѣлано школой, Шеневьеръ соглашается съ указаніями педагога-практика Леблана.

Труднѣе овладѣть вниманіемъ и довѣріемъ взрослыхъ, «этихъ невѣждъ, этихъ рутинеровъ», которые ни книгъ не хотятъ читать, ни сдаваться на краснорѣчивыя приглашенія воспользоваться благами, открытыми наукой, предлагаемыми учеными. Такъ-ли: рутинеры-ли они, благодѣтели-ли мы? Шеневьеръ отвѣчаетъ на это горячо убѣдительно. Нѣтъ, крестьянинъ не глупъ и не рутинеръ въ той мѣрѣ, какъ это о немъ думаютъ; онъ прежде всего остороженъ и упорно-консервативенъ въ усвоенныхъ имъ земледѣльческихъ понятіяхъ и навыкахъ. И онъ по своему правъ. То, что презрительно называютъ «рутиной»—достояніе вѣкового опыта, которому крестьянинъ обязанъ всѣми своими возможностями къ существованію. Хорошо ученому производить свои изслѣдованія въ лабораторіи, капиталисту-практику или чиновнику-агроному предпринимать рискованные эксперименты; никто изъ нихъ, въ случаѣ неудачи, не страдаетъ матеріально, не ставитъ на карту всего своего личнаго благосостоянія. А именно этой цѣной расплачивается за каждый необдуманный невѣрный шагъ крестьянинъ. Не смотря на свою глухоту, онъ много разъ, прельщенный краснорѣчивыми восхваленіями новыхъ методовъ, славой одержанныхъ надъ рутиной научныхъ побѣдъ, горькимъ опытомъ познавалъ, что tout parleur n'est pas payeur, а для насъ эта неудача была лишь «неудавшимся опытомъ», «поспѣшнымъ заключеніемъ», требующей дальнѣйшей провѣрки «истиной».

Но Шеневьеръ не противникъ науки: онъ горячо стоитъ за все то, что можетъ привести къ соглашенію, сближенію науки съ народной жизнью. Въ данномъ случаѣ онъ считаетъ *опытныя поля* самымъ надежнымъ средствомъ для проведенія полезныхъ для сельскаго хозяйства свѣдѣній въ среду взрослыхъ крестьянъ. Но какія опытныя поля? Не тѣ, которыя устраиваются на средства министерства въ

центрѣ значительнаго по объему района: спеціалистъ агрономъ, средства обработки, цѣли — все это соотвѣтствуетъ условіямъ крупнаго хозяйства. И не тѣ опытныя поля, которыя устраивались при сельскихъ школахъ: ни учителю, ни дѣтямъ нѣтъ времени ими заниматься. Для дѣтей сознательное отношеніе къ экспериментамъ не по возрасту, для взрослыхъ крестьянъ, родителей учениковъ—учитель никогда не будетъ достаточно свѣдущимъ и опытнымъ совѣтникомъ. Опытное поле должно быть достояніемъ всей общины, лабораторіей, доступной для каждаго хозяина-крестьянина; преимущества этого средства—незначительность расходовъ на организацію и веденіе дѣла, наглядность и убѣдительность свѣдѣній, полученныхъ путемъ самостоятельной работы и наблюденій, отсутствіе матеріальнаго риска. На такомъ полѣ возможенъ и желателенъ рядъ самыхъ разнообразныхъ экспериментовъ: провѣрка наиболѣе пригодныхъ для данной мѣстности удобреній, подборъ лучшихъ видовъ изъ числа воздѣлываемыхъ растеній, опыты надъ введеніемъ культуры новыхъ, провѣрка достоинствъ различныхъ пріемовъ обработки и орудій и т. п. Въ разное время Шеневьеромъ былъ данъ цѣлый рядъ общихъ практическихъ указаній, но онъ возстаетъ противъ подробныхъ шаблонныхъ инструкцій: организація должна быть выработана на мѣстѣ, мѣстными практиками; ни для какого зарождающагося живого сложнаго дѣла не можетъ быть общихъ предписаній изъ Парижа. Организація такихъ опытныхъ полей уже состоялась; въ изданіяхъ Лиги есть отчеты и свѣдѣнія о нихъ, доставленные членами, которымъ главнымъ образомъ и принадлежитъ инициатива осуществленія этого полезнаго начинанія. Успѣло выясниться и нѣсколько типовъ организаціи полей: въ иныхъ мѣстностяхъ *нанимается* участокъ земли и эксперименты, за которыми признается наибольшее значеніе, производятся членами Лиги для всеобщаго назиданія обывателей, которыхъ привлекаютъ къ непосредственному участію въ работахъ на опытномъ полѣ; въ другихъ мѣстахъ инициаторы и руководители дѣла *сговариваются съ кѣмъ-нибудь изъ земледѣльцевъ крестьянъ*. Онъ даетъ землю, иногда свой трудъ, они—доставляютъ матеріалъ для опытовъ—сѣмена, различные роды удобреній и т. п., владѣльцу земли возмѣщаются, могущіе произойти, впрочемъ, всегда ничтожные убытки; кромѣ того, въ его распоряженіи остается сборъ отъ урожая. Короткій опытъ уже позволяетъ сказать съ увѣренностью, что опытныя поля имѣютъ будущее, что недалеко то время, когда крестьяне будутъ устраивать ихъ самостоятельно. Такое опытное поле и будетъ звеномъ, соединяющимъ трудъ ученаго съ трудомъ простого труженника земледѣльца.

Шеневьеръ—знатокъ агрономической литературы, онъ какъ нельзя болѣе убѣдительно доказываетъ, почему крестьяне такъ равнодушно или презрительно относились до сихъ поръ къ книгамъ по сельскому хозяйству. Какія книги попадали имъ въ руки? То солидныя научныя изслѣдованія и руководства, совершенно недоступныя ихъ пониманію, то жалкія компиляціи, въ лучшемъ случаѣ добросовѣстно составленныя по хорошимъ источникамъ, но авторами, совершенно практически несвѣдущими въ сельскомъ хозяйствѣ, поставившими себѣ цѣлью дать какъ можно болѣе полезныхъ указаній и свѣдѣній. Ничего не можетъ быть, по мнѣнію и опыту Шеневьера, безполезнѣе, вреднѣе такихъ книгъ, заключающихъ практическія свѣдѣнія для всѣхъ, pour m-r Tout le monde. Въ не менѣе тягостномъ положеніи находился читатель-піонеръ и въ тѣхъ случаяхъ, когда ему попадала въ руки хорошая книга, но о предметѣ, неимѣющемъ для него никакого интереса и практическаго значенія.

По этому поводу Шеневьеръ разсказываетъ слѣдующее. Въ 60-хъ годахъ состоялось министерское распоряженіе о томъ, чтобы по селамъ устраивались на общественныя средства библіотеки, изъ книгъ, полезныхъ для мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ. Обыватели раскошеливались туго, мѣстныя власти рѣшили обратиться къ тому-же министерству съ просьбой о присылкѣ книгъ для начала и популяризаціи дѣла. Недалеко отъ Парижа, въ одной изъ общинъ, обратившейся съ такой просьбой, прошелъ слухъ о полученіи щедраго дара изъ Парижа. Дѣйствительно, прибылъ объемистый многотомный трудъ объ ирригаціи, но прибылъ онъ въ мѣстность, какъ нельзя лучше обставленную со стороны орошенія самой природой, а потому не нуждающуюся ни въ какихъ искусственныхъ мѣрахъ. Стали приходить смотрѣть на книги, любовались роскошнымъ переплетомъ, объемомъ, поглядывали съ любопытствомъ на чертежи и рисунки, нашлись охотники и почитать, *попытаться извлечь пользу* изъ присланнаго, но пришлось имъ послѣ первыхъ-же страницъ отказаться отъ этого благого намѣренія. Можно быть увѣреннымъ, прибавляетъ Шеневьеръ, что не скоро удалось возстановить хорошее мнѣніе о книгѣ и о пользѣ библіотеки въ этой мѣстности. Успѣхъ книги въ поколѣніи, которое выйдетъ изъ школы, гдѣ будутъ примѣнены вышеуказанные программы и пріемы, обезпеченъ. Лучшія книги, издаваемыя для народныхъ библіотекъ, въ настоящее время, несмотря на безспорныя достоинства, грѣшатъ, по мнѣнію Шеневьера, все-же тѣмъ, что при сообщеніи практическихъ указаній недостаточно принимаются въ разсчетъ мѣстныя особенности и интересы и возможности мелкаго хозяйства. Вотъ тутъ-то и ока-

жутъ свою помощь опытныя поля. Крестьянинъ пойметъ, что ему слѣдуетъ вводить въ свою практику что-либо новое, указываемое ему книгой лишь послѣ того, какъ онъ извѣдаетъ примѣнимость и пользу сообщаемаго на опытномъ полѣ. Онъ усвоитъ твердо цѣнное убѣжденіе, что какъ-бы ни было вѣрно научное указаніе, не во власти ученаго обезпечить успѣхъ, который является результатомъ лишь цѣлаго ряда настойчивыхъ опытовъ и приспособленій.

Программа занятій конгресса Лиги, засѣдавшаго въ Парижѣ, въ іюнѣ этого года, была слѣдующая:

1) Сообщеніе о школахъ въ Алжирѣ.

2) О школьныхъ кассахъ для взаимной помощи въ случаѣ болѣзни и смерти.

3) О преподаваніи ремеслъ (курсы, вечерніе классы).

4) О необходимости правильной постановки профессіональнаго коммерческаго образованія.

5) Сельское хозяйство, какъ предметъ обученія въ народной школѣ.

6) Опытныя поля, какъ одна изъ важнѣйшихъ задачъ Лиги.

7) О новомъ типѣ народной библіотеки, Bibliothèque Circulante.

О содержаніи двухъ изъ поименованныхъ докладовъ уже было подробно сообщено выше, оцѣнка нѣкоторыхъ изъ остальныхъ мнѣ недоступна по ихъ спеціальному характеру, содержаніе другихъ не представляло особаго значенія. Чрезвычайно интересное сообщеніе о библіотекѣ новаго типа, къ сожалѣнію, оказалось очень краткимъ. Докладчикъ, иниціаторъ дѣла, президентъ общества содѣйствія начальному образованію въ Сенѣ и Уазѣ, обѣщалъ подробный отчетъ о библіотекѣ на страницахъ бюллетеня Лиги. Изъ сообщенія его можно было отмѣтить лишь слѣдующее указаніе. На практикѣ, по недостатку средствъ и другимъ условіямъ, является невозможнымъ устройство въ каждомъ самомъ незначительномъ центрѣ сколько-нибудь хорошо обставленной народной библіотеки. Попытку восполнить недостатокъ книгъ въ мѣстныхъ библіотекахъ періодическимъ притокомъ книгъ изъ общей передвижной центральной библіотеки нужно признать мѣрой, далеко неудовлетворительной. Срокъ пребыванія книгъ оказывается, смотря по различнымъ мѣстнымъ условіямъ, то слишкомъ долгимъ, то недостаточнымъ, читатели стѣснены въ свободѣ выбора, получая подборъ книгъ, сдѣланный по общему плану, при которомъ не могли быть приняты въ соображеніе индивидуальные вкусы и потребности сотенъ читателей. Преимущество и особенности библіотеки новаго типа слѣдующія: она устраивается въ такомъ пунктѣ опредѣленнаго района, съ которымъ всѣ населенные центры

мѣстности находятся въ наиболѣе оживленныхъ сношеніяхъ; на полученіе книгъ изъ библіотеки имѣетъ право каждый живущій въ районѣ, но пріѣзжать за книгами для большинства оказалось-бы не только затруднительнымъ, но и совсѣмъ невозможнымъ, а потому изъ среды читателей намѣчаются лица, наиболѣе подготовленныя и дѣятельныя, которыя дѣлаются добровольными коммиссіонерами односельчанъ для сношеній съ библіотекой. Самымъ вѣскимъ доводомъ противъ цѣлесообразности такой организаціи являлось опасеніе, что выдача большого количества книгъ одному лицу и затѣмъ циркулированье ихъ по рукамъ, подъ контролемъ того-же лица и при весьма отдаленномъ надзорѣ завѣдывающихъ библіотекой можетъ повести къ частымъ и значительнымъ потерямъ книгъ. Однако, 2-хъ-лѣтній опытъ показалъ противное: % утраченныхъ книгъ не больше, чѣмъ въ другихъ библіотекахъ, а нравственное преимущество такого веденія дѣла превзошло ожиданія. Коммиссіонеры оказались не только вполнѣ аккуратными исполнителями взятыхъ на себя обязанностей, но и энергическими ревнителями дѣла, отличными руководителями въ выборѣ чтенія.

При открытіи перваго засѣданія старикъ Массе, окинувъ взглядомъ собраніе, съ обычной добродушной и въ то-же время хитрой усмѣшкой замѣтилъ—а вѣдь насъ немного, господа, очень немного (присутствовало не болѣе 20 членовъ Лиги парижанъ и делегатовъ пров. обществъ)! Какъ объяснимъ мы себѣ эту малочисленность, можно-ли видѣть въ этомъ уменьшеніе значенія Лиги, ея одряхлѣніе, смерть отжившаго учрежденія? Совсѣмъ нѣтъ, вы въ этомъ должны быть убѣждены такъ-же, какъ и я; эта малочисленность доказываетъ только, что все обстоитъ благополучно, что всѣ работаютъ бодро и успѣшно на мѣстахъ, что помощью насъ, парижанъ, довольны, что веденіе дѣла въ Центральномъ Бюро Лиги находятъ правильнымъ, что сношенія съ общимъ совѣтомъ Лиги установились на такихъ прочныхъ основаніяхъ, что не требуютъ пріѣзда для личныхъ объясненій. Но зато и задаютъ-же они намъ, парижанамъ, работу эти отсутствующіе сотоварищи! Спросите объ этомъ нашего секретаря общаго совѣта Шевьера, взгляните на его согбенную фигуру, изнемогающую подъ тяжестью труда, выпадающаго на долю парижскихъ бюро... Отъ этой вступительной рѣчи предсѣдателя и до послѣдняго часа, проведеннаго вмѣстѣ съ членами Лиги за товарищескимъ обѣдомъ, меня все время поражала простота обращенія, отсутствіе формализма, взаимное довѣріе, близкое знаніе нравственной физіономіи другъ друга. И вся эта короткость, простота ничуть не мѣшали дѣлу: денежная отчет-

ность провѣрялась самымъ подробнымъ и педантичнымъ образомъ; въ отдѣльныхъ коммиссіяхъ, засѣдавшихъ въ различныхъ комнатахъ помѣщенія бюро, шли самые оживленные и шумные дебаты, сурово озабоченная фигура Шеневьера появлялась то тутъ, то тамъ, его разрывали на части, каждая коммиссія требовала его присутствія... Жизнь, сама жизнь Франціи во всемъ разнообразіи и равноправіи интересовъ и нуждъ отдѣльныхъ частей ея, самыхъ глухихъ ея уголковъ давала о себѣ знать во всемъ, что̀ происходило на моихъ глазахъ!

Въ этой нравственной солидарности, въ этомъ разнообразіи и равноправіи интересовъ и заключается сила и плодотворность дѣятельности Лиги.

Я окончила свое сообщеніе о Лигѣ. Если мнѣ удалось сколько-нибудь удовлетворительно охарактеризовать ея дѣятельность, то изъ сообщеннаго естественно для каждаго изъ насъ вытекаетъ вопросъ, чѣмъ можно воспользоваться намъ для нашей русской жизни изъ обширной программы дѣятельности и богатаго данными опыта родственнаго по цѣлямъ учрежденія? Для меня лично представляется несомнѣннымъ, что на обязанности Комитета Грамотности въ союзѣ съ такимъ сильнымъ и авторитетнымъ учрежденіемъ, какъ Императорское Вольно-Экономическое Общество, принять дѣятельное участіе въ разрѣшеніи настоятельной задачи—дать громадной земледѣльческой части русскаго народа столь необходимыя ей свѣдѣнія изъ области естествознанія, безъ которыхъ невозможенъ переходъ къ раціональнымъ пріемамъ земледѣлія. А нуждается-ли въ такой помощи земледѣлецъ, — на этотъ вопросъ лучшимъ отвѣтомъ служатъ переживаемыя Россіей бѣдствія, изъ года въ годъ повторяющіеся неурожаи.

А. Калмыкова.

ПРОФЕССІОНАЛЬНЫЯ УЧИЛИЩА.

(Окончаніе).

IV.

Обращаясь къ ближайшему разсмотрѣнію одного изъ важнѣйшихъ для техническихъ и ремесленныхъ училищъ вопросовъ: насколько учителя ремеслъ или мастера, обучающіе въ настоящее время ремесламъ въ этихъ училищахъ, ведутъ удовлетворительно преподаваніе, И. А. Аноповъ говоритъ, что «*ни на какой другой вопросъ не получилось такого единодушнаго отвѣта, какъ на вопросъ о степени пригодности лицъ, нынѣ обучающихъ ремесламъ въ различныхъ училищахъ; свыше 300 лицъ, завѣдующихъ техническими и ремесленными училищами, ремесленными классами при городскихъ, по положенію 31-го Мая 1872 года, уѣздныхъ, двухклассныхъ сельскихъ, начальныхъ и другихъ училищахъ, въ одинъ голосъ указываютъ на полное отсутствіе пригодныхъ учителей ремеслъ*».

«Только нѣкоторыя училища, и притомъ находящіяся въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, какъ, напримѣръ, Севастопольское при Адмиралтействѣ русскаго общества пароходства и торговли, Николаевское портовое, ремесленная школа при Балтійскомъ заводѣ, не встрѣчаютъ затрудненій въ прiисканіи удовлетворительныхъ учителей ремеслъ».

Это, дѣйствительно, одинъ изъ самыхъ важныхъ и существенныхъ вопросовъ, потому что, при отсутствіи хорошихъ учителей ремеслъ, обученіе имъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ дать удовлетворительныхъ результатовъ. Поэтому надо предварительно заняться приготовленіемъ хорошихъ учителей ремеслъ, и притомъ весьма большаго числа. Да и хорошіе учителя потребуютъ значительно бо̀льшаго жалованья, чѣмъ назначаемое теперь, отъ 240 до 600 руб. въ годъ. На все это потребуются значительныя новыя денежныя средства, такъ что дорого-

визна стоимости подготовленія техниковъ и мастеровъ въ училищахъ еще болѣе увеличится.

Вышеозначенная особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ директора С.-Петербургскаго технологическаго института, тайнаго совѣтника Ильина, не касалась вопроса о необходимости приготовленія учителей ремеслъ и въ составленныхъ ею и утвержденныхъ 27 сентября 1889 года Министромъ Народнаго Просвѣщенія уставахъ среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ сказано только, что мастера и руководители работъ избираются изъ лицъ, вполнѣ умѣлыхъ въ производствѣ работъ по мастерствамъ, входящимъ въ курсъ обученія въ училищѣ, и преимущественно изъ получившихъ техническое образованіе не ниже средняго техническаго училища. Стоимость-же содержанія среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ, при четырехлѣтнемъ курсѣ, съ четырьмя послѣдовательными классами въ первыхъ, и трехгодичномъ, съ тремя послѣдовательными классами, по приложеннымъ къ уставамъ штатамъ слѣдующая.

А. *Среднихъ училищъ:* I. Механико-техническаго — 27.311 руб., II. Химико-техническаго—24.897 руб., III. Строительно-техническаго—26.938 руб., IV. Горнозаводско-техническаго—25.583 руб., V. Сельско-хозяйственно-техническаго—25.766 руб., VI. Механико и химико-техническаго — 46.813 руб., VII. Механико и строительно-техническаго—48.854 руб., VIII. Горнозаводско и сельско-хозяйственно-техническаго—45.954 руб., IX. Механико-химико и строительно-техническаго—69.126 руб., X. Соединенныхъ средняго и низшаго техническихъ училищъ, съ механическою, химическою и строительною спеціальностью въ каждомъ и ремесленнаго училища — 117.117 руб., XI. Соединенныхъ средняго и низшаго техническихъ училищъ съ механическою, химическою и строительною спеціальностью въ каждомъ—106.282 руб., XII. Соединенныхъ средняго механико-строительнаго и низшаго строительно-техническаго училищъ—62.401 руб., XIII. Соединенныхъ училищъ средняго химико-техническаго и низшаго техническаго, съ механическою, химическою и строительною спеціальностями — 65.683 руб., и XIV. Соединенныхъ средняго сельско-хозяйственно-техническаго и ремесленнаго училищъ—34.356 руб.

Б. *Низшихъ техническихъ училищъ:* I. Механико-техническаго—19.436 руб., II. Химико-техническаго—17.518 руб., III. Строительно-техническаго —16.802 руб., IV. Механико и химико-техническаго — 32.219 руб., V. Механико и строительно-техническаго—31.500 руб., VI. Химико и строительно-техническаго—29.585 руб., VII. Механико-химико и строительно-техническаго — 45.026 руб. и VIII. Соединен-

ныхъ низшаго техническаго, съ механическою, химическою и строительною спеціальностями, и ремесленнаго училища—54.491 руб. Стоимость содержанія трехкласнаго ремесленнаго училища, имѣющаго цѣлью практическое обученіе *пріемамъ* какого-либо производства и сообщеніе знаній и умѣній, необходимыхъ для осмысленной работы,—11.960 р. На устройство и содержаніе мастерскихъ какъ при означенныхъ техническихъ, среднихъ и низшихъ, такъ и при ремесленномъ училищѣ денежныхъ средствъ въ штатахъ *не положено*, и только сказано въ уставахъ ихъ, что «при сихъ училищахъ должны быть надлежащія приспособленія для практическихъ занятій воспитанниковъ (лабораторіи, учебныя мастерскія и т. п.). При отсутствіи-же таковыхъ приспособленій «практическія занятія должны быть обезпечены въ постороннихъ промышленныхъ учрежденіяхъ».

Слѣдовательно, если при означенныхъ училищахъ будутъ устроены лабораторія, учебныя мастерскія и пр., то стоимость обученія въ нихъ никакъ не будетъ меньше, чѣмъ въ существующихъ уже у насъ техническихъ и ремесленныхъ училищахъ.

Не буду останавливаться на другихъ недостаткахъ въ устройствѣ этихъ училищъ, приводимыхъ въ книгѣ И. А. Анопова, а изложу теперь нѣкоторые общіе выводы и указанія, которые можно сдѣлать, на основаніи вышеизложенныхъ свѣдѣній, о развитіи и современномъ положеніи профессіональнаго образованія и о способахъ распространенія его какъ въ западноевропейскихъ государствахъ, особенно въ Пруссіи, Австріи, Франціи и Англіи, такъ и у насъ.

I. Подъ профессіональнымъ образованіемъ, мужскимъ и женскимъ, разумѣются не только одни ремесленныя, техническія и вообще промышленныя знанія и умѣнья, но и знанія по такъ называемымъ либеральнымъ профессіямъ, педагогическимъ, художественнымъ, медицинскимъ и пр.

II. Во всѣхъ европейскихъ государствахъ до сихъ поръ еще господствуетъ старинная обычная система обученія ремесламъ и промышленнымъ производствамъ, именно система ученичества у хозяевъ ремесленныхъ заведеній, фабрикъ и заводовъ, и, конечно, эта система будетъ преобладать вездѣ, по крайней мѣрѣ, еще долгое время.

III. Въ континентальныхъ западноевропейскихъ государствахъ и, въ подражаніе имъ, у насъ, въ Россіи, особенно въ послѣднія 25 лѣтъ, эта обычная система обученія ремесламъ и промышленнымъ производствамъ считается несостоятельною, и потому стараются распространить школьное обученіе ремесленнымъ и промышленнымъ искусствамъ. Въ Англіи-же, странѣ, наиболѣе практической, промыш-

ленной и торговой изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, и правительство, и общество признаютъ обычную систему обученія ремесламъ и промышленнымъ производствамъ самою естественною и жизненною и общими единодушными усиліями стараются улучшить ее, устранить, по возможности и постепенно, ея недостатки, не заводятъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ, и достигаютъ въ этомъ отношеніи все большихъ и большихъ благопріятныхъ результатовъ.

IV. Во всѣхъ европейскихъ государствахъ установились *четыре степени* техническаго профессіональнаго обученія, соотвѣтствующія потребностямъ промышленности, которыя для успѣшнаго развитія своего и усовершенствованія способовъ производства нуждаются: 1) въ хорошихъ, научно-образованныхъ управляющихъ промышленными заведеніями и ученыхъ техникахъ, 2) въ хорошихъ образованныхъ помощникахъ архитекторовъ и разныхъ инженеровъ, агрономовъ, въ купеческихъ приказчикахъ и вообще въ техникахъ-практикахъ; 3) въ образованныхъ мастерахъ и 4) въ трезвыхъ, грамотныхъ, умѣлыхъ рабочихъ.

V. Для высшаго спеціальнаго профессіональнаго обученія во всѣхъ цивилизованныхъ европейскихъ государствахъ существуютъ разныя высшія спеціальныя училища, политехническіе, горные институты, сельско-хозяйственныя академіи, высшія коммерческія училища и академіи и пр., имѣющіе опредѣленные, установившіеся научно-прикладные курсы и требующіе отъ поступающихъ законченнаго общаго классическаго или реальнаго, образованія, сообщаемаго въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, лицеяхъ, коллежахъ и другихъ равныхъ имъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ учебномъ устройствѣ высшихъ спеціальныхъ училищъ остается все еще спорнымъ вопросъ: нужно-ли имѣть этимъ училищамъ свои учебныя мастерскія для практическихъ занятій учащихъ? Съ теоретической точки зрѣнія необходимость и польза такихъ учебныхъ мастерскихъ представляются несомнѣнными; но въ дѣйствительности, на практикѣ, эти мастерскія оказываются несостоятельными во многихъ отношеніяхъ: 1) устройство и содержаніе мастерскихъ, наемъ мастеровъ, изготовленіе необходимыхъ для производства матеріаловъ стоютъ весьма дорого, почти удваиваютъ бюджетъ училища; 2) практическія занятія учащихся въ такихъ искусственныхъ учебныхъ мастерскихъ, не доставляя имъ надлежащаго умѣнья и навыка въ производствѣ работъ, особенно въ экономическомъ отношеніи, составляющемъ одно изъ главныхъ и самыхъ существенныхъ условій всякаго промышленнаго производства, порождаютъ во многихъ ученикахъ весьма вредное самомнѣніе и ложную увѣренность,

что, вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ научныхъ прикладныхъ знаній, они, въ продолженіи учебнаго курса, научаются и самому производству. Вслѣдствіе этого, поступая, по окончаніи курса, на фабрики и заводы, они считаютъ себя уже вполнѣ готовыми прямо руководить всѣмъ дѣломъ, поучать и наставлять. Въ дѣйствительности-же молодые люди, даже отлично окончившіе полный, теоретическій и практическій, курсъ ученія въ высшемъ спеціальномъ училищѣ, за весьма рѣдкими, единичными исключеніями, практики дѣла почти совершенно не знаютъ, а объ экономической сторонѣ промышленнаго производства обыкновенно не имѣютъ никакого понятія. За границею хозяева промышленныхъ заведеній это очень хорошо знаютъ, и потому означенные молодые люди прямо никогда не получаютъ мѣстъ руководителей на фабрикахъ и заводахъ, а принуждены поступать простыми рабочими, иногда на годъ и болѣе, для изученія практики дѣла и экономическихъ и всѣхъ другихъ условій промышленнаго производства. Съ практикою дѣла учащіеся могутъ гораздо основательнѣе познакомиться въ настоящихъ мастерскихъ, на фабрикахъ и заводахъ, къ которымъ они должны быть прикомандировываемы для практическихъ занятій, какъ простые рабочіе, во время вакацій, не менѣе двухъ разъ въ теченіе учебнаго курса.

VI. Вопросъ о правильномъ и цѣлесообразномъ устройствѣ какъ среднихъ низшихъ техническихъ, такъ и ремесленныхъ училищъ нигдѣ въ Западной Европѣ далеко еще не получилъ окончательнаго, опредѣленнаго рѣшенія. Техническія и ремесленныя училища и школы, даже однородныя, имѣютъ весьма различное устройство какъ въ отношеніи предметнаго состава, объема и продолжительности учебнаго курса, такъ и относительно требуемаго предварительнаго общаго образованія. Во всѣхъ государствахъ производятся, такъ сказать, все новые опыты и издаются лишь временныя и скоропреходящія нормальныя положенія объ однородныхъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, причемъ обществамъ обыкновенно предоставляется сохранять свои прежнія училища. Должно-ли въ техническихъ училищахъ сообщать только необходимыя прикладныя научныя знанія, или, вмѣстѣ съ тѣмъ, обучать и самимъ промышленнымъ производствамъ и устраивать для сего мастерскія и дѣлать другія необходимыя приспособленія, или ученики должны учиться практикѣ дѣла, поступая, по окончаніи училищнаго курса, рабочими въ настоящія мастерскія на фабрики и заводы,—эти вопросы принадлежатъ къ самымъ спорнымъ, и по тѣмъ-же главнымъ причинамъ, какъ и при высшихъ спеціальныхъ училищахъ.

*

VII. Въ одномъ только всѣ согласны, именно въ томъ, что распространеніе профессіональнаго образованія, даже въ самой низшей степени его, невозможно среди неграмотныхъ рабочихъ и вообще среди неграмотнаго населенія, и потому предварительно необходимо распространеніе общаго начальнаго образованія, посредствомъ повсемѣстнаго учрежденія начальныхъ народныхъ училищъ для дѣтей и вечернихъ воскресныхъ школъ и курсовъ грамотности для неграмотныхъ взрослыхъ рабочихъ и ремесленныхъ учениковъ и ученицъ. Такъ какъ въ протестантскихъ государствахъ Западной Европы, въ сѣверной Германіи, Даніи, Швеціи и Норвегіи, Голландіи и въ нѣмецкихъ кантонахъ Швейцаріи, все, или почти все, народонаселеніе давно уже грамотно, то въ этихъ государствахъ въ послѣднія 25 лѣтъ обращено было особенное вниманіе на распространеніе разныхъ вечернихъ и воскресныхъ повторительныхъ школъ и курсовъ для повторенія общаго курса начальныхъ народныхъ училищъ, который въ рабочемъ населеніи значительно забывается. Изъ католическихъ западно-европейскихъ государствъ, въ которыхъ число неграмотныхъ весьма значительно (въ Италіи и Испаніи неграмотныхъ больше половины всего населенія), особенно много сдѣлано въ послѣднее двадцатипятилѣтіе для распространенія общаго начальнаго народнаго образованія во Франціи. Никакихъ общихъ положеній о профессіональномъ образованіи не было издано, но правительство третьей французской республики, за исключеніемъ времени президентства маршала Макъ-Магона, постоянно заботилось и заботится о распространеніи общаго начальнаго народнаго образованія посредствомъ учрежденія начальныхъ училищъ во всѣхъ обществахъ, преодолѣло упорное, явное и скрытное противодѣйствіе католическаго духовенства въ этомъ отношеніи, утроило государственный бюджетъ начальнаго народнаго образованія и достигло въ этомъ дѣлѣ громадныхъ результатовъ, о которыхъ уже было сказано въ этой статьѣ.

Въ Россіи грамотность распространена въ народѣ гораздо менѣе, чѣмъ въ западноевропейскихъ государствахъ, хотя въ послѣднее двадцатипятилѣтіе и у насъ сдѣланъ большой шагъ впередъ. До освобожденія крестьянъ, грамотные въ простомъ народѣ были единичными явленіями; въ настоящее-же время грамотные составляютъ до 20%. Но это, конечно, еще очень мало, и потому первая наша потребность— распространеніе въ народѣ общаго начальнаго образованія, посредствомъ учрежденія возможно большаго числа начальныхъ народныхъ училищъ, на первый случай хотя-бы только школъ грамотности, и на этомъ должны были-бы сосредоточиться и денежныя средства, и глав-

ная энергическая, единодушная дѣятельность министерства просвѣщенія, духовнаго вѣдомства, земствъ и городскихъ и сельскихъ обществъ.

Прежде всего должны быть открыты начальныя училища при *всѣхъ приходскихъ церквахъ*, но такъ, чтобы они дѣйствительно существовали, а не только на бумагѣ, въ отчетахъ. Главные учебные предметы въ начальномъ училищѣ должны быть Законъ Божій и обученіе чтенію книгъ гражданской и церковно-славянской печати и письму; обученіе-же Закону Божію не должно состоять только въ объясненіи дѣтямъ и заучиваніи ими главныхъ молитвъ, разсказовъ изъ свящ. писанія и краткаго катехизиса, но оно должно идти въ живой связи съ церковною жизнью, и потому въ краткомъ наглядномъ объясненіи устройства храма и богослуженія, двунадесятыхъ праздниковъ, житій мѣстно чтимыхъ святыхъ и всего церковнаго года, и обученіе церковному пѣнію.

Вмѣстѣ съ распространеніемъ начальныхъ народныхъ училищъ для дѣтей должны быть открываемы въ городахъ и учреждены при всѣхъ фабрикахъ и заводахъ вечернія и воскресныя и праздничныя школы для взрослыхъ неграмотныхъ рабочихъ и ремесленныхъ учениковъ и ученицъ.

Повсемѣстное, по возможности, осуществленіе этихъ двухъ мѣръ имѣло-бы, несомнѣнно, самымъ непосредственнымъ послѣдствіемъ значительное улучшеніе нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа, который, при своей безграмотности, незнаніи религіи, крайнемъ невѣжествѣ и грубости, остается нынѣ безъ всякаго просвѣщающаго и сдерживающаго религіозно - нравственнаго руководства, предается безобразному пьянству, обирается разными кулаками и совращается въ разныя ереси. Слѣдовательно, въ Россіи:

1) *Прежде всего необходимо распространеніе въ народѣ общаго начальнаго образованія посредствомъ повсемѣстнаго учрежденія начальныхъ народныхъ училищъ и устройства вечернихъ, воскресныхъ и праздничныхъ школъ для неграмотныхъ взрослыхъ рабочихъ и ремесленныхъ учениковъ и ученицъ.*

2) Такъ какъ земледѣльческое населеніе составляетъ $^9/_{10}$ всего народонаселенія Россіи и земледѣліе составляетъ главный источникъ нашего народнаго и государственнаго богатства, то изъ всѣхъ отраслей профессіональнаго образованія первое мѣсто должно принадлежать земледѣльческому, и потому прежде всего должны быть приняты надлежащія практическія мѣры для распространенія необходимыхъ крестьянамъ земледѣльческихъ познаній и обученія ремесламъ, необходимымъ въ крестьянскомъ быту. Но въ чемъ должны состоять эти мѣры?

Слѣдуетъ-ли для этого заводить особыя земледѣльческія и ремесленныя училища, или ввести обученіе земледѣлію и ремесламъ въ народныхъ училищахъ? Это, во-1-хъ, стоило-бы очень дорого и, во-2-хъ, не достигало-бы своей цѣли. Крестьяне вездѣ крайне консервативны и рѣшаются на какія-либо нововведенія въ своемъ быту и работахъ лишь тогда, когда на дѣлѣ убѣдятся въ ихъ пользѣ. Я пять разъ ѣздилъ за границу для ознакомленія съ устройствомъ училищъ, начиная отъ высшихъ до низшихъ, общихъ и спеціальныхъ, и особенно съ значеніемъ начальныхъ народн. училищъ и земледѣльческихъ и ремесленныхъ школъ для нравственнаго и матеріальнаго положенія сельскаго населенія; былъ во многихъ деревняхъ въ Пруссіи, Саксоніи, Чехіи, Баваріи, Виртемберга, Швейцаріи, средней и сѣверной Франціи и Бельгіи, и вездѣ находилъ почти одно и то-же: общая порядочность въ жизни и большая или меньшая степень нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія крестьянъ зависятъ, главнымъ образомъ, не отъ естественного плодородія почвы и другихъ благопріятныхъ экономическихъ условій, а отъ религіозно-нравственнаго вліянія приходскаго священника и бо́льшаго или меньшаго участія, принимаемаго имъ въ жизни крестьянъ. Особенно это видно въ протестантскихъ селеніяхъ, гдѣ пасторъ постоянно наблюдаетъ за обученіемъ въ народной школѣ, хотя самъ и не преподаетъ въ ней, за аккуратнымъ посѣщеніемъ школы крестьянскими дѣтьми въ теченіе всего, установленнаго закономъ, 8 или 6-ти-лѣтняго обязательнаго обученія для дѣтей отъ 6 до 12—14-лѣтняго возраста, близко узнаетъ ихъ, особенно во время приготовленія къ конфирмаціи. За школою религіозно-нравственное вліяніе пастора на крестьянъ продолжается безперерывно, не только какъ проповѣдника слова Божія въ церкви, по воскреснымъ и установленнымъ праздникамъ, но и вообще какъ наставника въ религіозно-нравственныхъ истинахъ, въ примѣненіи ихъ къ крестьянскому быту. Кромѣ того, пасторъ принимаетъ дѣятельное руководственное участіе во всѣхъ болѣе важныхъ случаяхъ въ крестьянской жизни. Такъ, онъ объясняетъ крестьянамъ новыя законоположенія и правительственныя распоряженія, до нихъ касающіяся, разбираетъ и прекращаетъ ихъ разныя взаимныя пререканія, для чего крестьяне обращаются обыкновенно къ своему пастору; онъ-же оказываетъ имъ и первую врачебную помощь въ болѣзняхъ и помогаетъ въ другихъ несчастныхъ случаяхъ. Наконецъ, обязательно, по церковному положенію, обработывая садъ, огородъ и поля пастора, крестьяне, подъ руководствомъ пастора, узнаютъ на практикѣ лучшія средства удобренія земли, усовершенствованныя земледѣльческія орудія, новыя

сельско-хозяйственныя культуры, и проч. Все это дѣлаетъ пасторъ не только во исполненіе своихъ обязанностей, но и въ своихъ личныхъ выгодахъ: онъ пріобрѣтаетъ не только нравственное довѣріе, уваженіе и расположеніе крестьянъ, но они видятъ и ощущаютъ бо́льшую практическую пользу, приносимую пасторомъ, и хорошо вознаграждаютъ труды и заботы его. По церковнымъ прусскому и саксонскому положеніямъ, сельскіе приходскіе пасторы должны получать отъ 75 до 100 талеровъ годоваго жалованья и крестьяне обязаны обработывать пасторатъ; въ дѣйствительности-же ни одинъ сельскій пасторъ не получаетъ менѣе 1.000 талеровъ жалованья, добровольно назначаемаго благодарными прихожанами. Но гдѣ и какими способами пріобрѣтаетъ сельскій пасторъ необходимыя ему юридическія, медицинскія, земледѣльческія, садоводственныя, огородническія и вообще сельско-хозяйственныя познанія? Общее образованіе онъ получаетъ въ классическихъ гимназіяхъ, а спеціальное— въ богословскихъ университетскихъ факультетахъ. Ни на этихъ факультетахъ, ни въ гимназіяхъ вышеозначенныя спеціальныя познанія не преподаются, но на богословскихъ факультетахъ сообщается ученіе не только о церковныхъ и проповѣдническихъ, но и вообще о пастырскихъ обязанностяхъ приходскаго пастора. Кромѣ того, по окончаніи богословскаго факультетскаго курса, молодой человѣкъ, предварительно назначенія на пасторское мѣсто, произноситъ въ мѣстной сельской церкви проповѣди и помогаетъ пастору въ исполеніи его обязанностей по отношенію къ прихожанамъ и въ это время начинаетъ пріобрѣтать необходимыя юридическія, медицинскія и сельско-хозяйственныя свѣдѣнія отъ пастора, изъ книгъ, изъ бесѣдъ съ хорошими образованными мѣстными сельскими хозяевами и т. п. Крестьяне весьма скептически относятся къ разнымъ народнымъ сельско-хозяйственнымъ катехизисамъ, брошюрамъ и мѣстнымъ земледѣльческимъ газеткамъ, хотя нѣкоторые и читаютъ ихъ, и только крайне рѣдко отдаютъ сыновей своихъ въ земледѣльческія школы, потому что, какъ мнѣ говорили многіе крестьяне, хорошіе и зажиточные хозяева: «наши сыновья до 14 лѣтъ учатся въ своей школѣ, а затѣмъ имъ пора пріучаться къ работамъ; да и въ земледѣльческихъ школахъ учатъ многому такому, что совсѣмъ непригодно въ нашемъ хозяйствѣ». Еще рѣже посылаютъ они дѣтей въ ремесленныя училища, а обыкновенно отдаютъ въ обученіе ремесламъ къ знакомымъ городскимъ ремесленникамъ на опредѣленныхъ условіяхъ, строго соблюдаемыхъ съ обѣихъ сторонъ.

Въ моихъ поѣздкахъ по Россіи въ теченіе 10 лѣтъ (1864—1874), въ каникулярное лѣтнее время, также съ цѣлью ознакомленія съ нрав-

ственнымъ и матеріальнымъ положеніемъ нашихъ крестьянъ, мнѣ, хотя и весьма рѣдко, случалось встрѣчать сельскихъ приходскихъ священниковъ, усердно исполнявшихъ, кромѣ достойнаго совершенія богослуженія и исправленія духовныхъ требъ, и другія пастырскія обязанности: они произносили не только проповѣди въ церкви при богослуженіи, но и по буднямъ находили время вести съ своими прихожанами религіозно-нравственныя бесѣды и помогали имъ во многихъ трудныхъ обстоятельствахъ. И прихожане жили порядочно, опрятно и въ довольствѣ, не пьянствовали, платили исправно казенныя подати; никто ихъ не обиралъ, и священники были достаточно обезпечены совершенно добровольными приношеніями крестьянъ. И въ настоящее время въ Россіи существуютъ такіе-же сельскіе приходскіе священники и просвѣтительная полезная пастырская дѣятельность ихъ сопровождается такими-же благопріятными послѣдствіями какъ для крестьянъ, такъ и для нихъ самихъ. Эти, хотя и весьма немногія, исключительныя отрадныя явленія все-таки доказываютъ неосновательность весьма распространеннаго въ нашемъ образованномъ обществѣ мнѣнія о совершенной неспособности нашихъ сельскихъ приходскихъ священниковъ имѣть такое-же просвѣтительное религіозно-нравственное вліяніе и полезное значеніе въ жизни своихъ прихожанъ, какъ протестантскіе пасторы. Въ духовныхъ семинаріяхъ сообщается весьма достаточное для сельскаго приходскаго священника общее и спеціальное богословское образованіе, но преимущественно теоретическое и, такъ сказать, слишкомъ отвлеченное. На ученіе-же о пастырскихъ обязанностяхъ и практическое приготовленіе къ исполненію ихъ, за исключеніемъ совершенія богослуженія и отправленія духовныхъ требъ, если и обращается, то весьма мало вниманія и удѣляется весьма мало времени. Нѣтъ никакой надобности вводить въ учебный кругъ духовныхъ семинарій сообщеніе разныхъ медицинскихъ и сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній: это существовало у насъ и въ прежнее время, и ни къ чему полезному на практикѣ не привело. Но крайне необходимо наставлять воспитанниковъ во всѣхъ пастырскихъ обязанностяхъ приходскаго священника, а не только въ совершеніи богослуженія и исправленіи духовныхъ требъ, не только въ произношеніи понятныхъ простымъ прихожанамъ проповѣдей при богослуженіи, въ воскресные и праздничные дни, но и въ необходимости религіозно-нравственныхъ бесѣдъ съ прихожанами и въ будни, въ свободное время, и вообще въ обязанности принимать участіе въ жизни крестьянъ, удерживать ихъ отъ пьянства, помогать имъ въ болѣзняхъ и другихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, такъ чтобы въ

воспитанникахъ утвердить ясное сознаніе и убѣжденіе, что приходскій священникъ, не исполняющій этихъ обязанностей, не можетъ быть настоящимъ духовнымъ пастыремъ своихъ прихожанъ.

Если-бы это было достигнуто духовными семинаріями и вслѣдствіе этого православный русскій народъ получилъ-бы дѣйствительно настоящихъ духовныхъ пастырей, то вмѣстѣ съ тѣмъ былъ-бы наиболѣе цѣлесообразно и практично разрѣшенъ вопросъ, съ одной стороны, о распространеніи въ народѣ Закона Божія и грамотности, прекращеніи въ народѣ пьянства и разныхъ религіозныхъ сектъ и вообще объ улучшеніи нравственнаго и матеріальнаго положенія народа, а также и о распространеніи среди крестьянъ необходимыхъ для нихъ практическихъ земледѣльческихъ и сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній; съ другой стороны — о пріобрѣтеніи сельскими приходскими священниками подобающаго имъ религіозно-нравственнаго авторитета и улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія: благодарные крестьяне не замедлили-бы хорошо обезпечить жизненныя нужды своихъ духовныхъ пастырей.

Въ Россіи всѣхъ сельскихъ православныхъ приходскихъ церквей около 38.000 и при нихъ до 40.000 священниковъ, которые, какъ духовные пастыри, должны быть не только наставниками крестьянъ въ Законѣ Божіемъ и вообще въ религіозно-нравственныхъ истинахъ, но и первыми заботниками и радѣтелями о распространеніи среди крестьянъ грамотности и практическихъ земледѣльческихъ свѣдѣній, необходимыхъ для того, чтобы ихъ главный тяжелый трудъ, питающій все государство и вообще составляющій главное обезпеченіе государственнаго и народнаго благосостоянія, былъ возможно болѣе производительнымъ. Учрежденіе-же для этого мѣстныхъ крестьянскихъ земледѣльческихъ училищъ или введеніе обученія необходимымъ земледѣльческимъ свѣдѣніямъ въ сельскихъ народныхъ училищахъ потребуетъ большихъ денежныхъ средствъ и на практикѣ не достигнетъ своей цѣли.

3) Точно также для обученія крестьянъ необходимымъ въ ихъ сельскомъ быту ремесламъ, да и вообще для образованія ремесленниковъ, вмѣсто учрежденія дорого стоющихъ и весьма мало производительныхъ ремесленныхъ училищъ и введенія еще менѣе производительныхъ ремесленныхъ занятій въ начальныхъ училищахъ, намъ слѣдовало-бы держаться обычной естественной системы, именно отдавать мальчиковъ и дѣвочекъ, по окончаніи ими ученія въ начальной школѣ и достиженіи 12 лѣтъ, въ ученье къ хозяевамъ мастерскихъ и ремесленныхъ заведеній, причемъ должны быть приняты всѣ необ-

ходимыя мѣры, со стороны правительства и общества, какъ для охраненія ремесленныхъ учениковъ и ученицъ отъ произвола и злоупотребленій хозяевъ, такъ и для поощренія сихъ послѣднихъ за хорошее содержаніе своихъ учениковъ и ученицъ и добросовѣстное обученіе ихъ ремесламъ. Вѣдь во всякомъ случаѣ эта обычная система обученія ремесламъ останется преобладающею и наиболѣе распространенною и ее нельзя оставлять въ ея настоящемъ неудовлетворительномъ положеніи, и потому должны быть приняты и надлежащія мѣры для улучшенія ея. Единодушныя практическія дѣйствія англійскаго правительства и общества въ этомъ отношеніи, дающія, какъ мы уже видѣли, обильные благопріятные результаты, представляютъ много поучительнаго и достойнаго подражанія.

Англійская-же система дѣйствій оказалась и наиболѣе цѣлесообразною и успѣшною для распространенія необходимыхъ профессіональныхъ знаній въ средѣ взрослыхъ рабочихъ и ремесленныхъ учениковъ и ученицъ посредствомъ вечернихъ и воскресныхъ школъ обученія черченію и рисованію, общему и промышленному, посредствомъ промышленныхъ выставокъ и музеевъ и разнообразныхъ практическихъ курсовъ по общимъ прикладнымъ научнымъ предметамъ, промышленнымъ производствамъ и пр., вполнѣ приспособленныхъ къ пониманію малограмотныхъ слушателей.

4) Въ Россіи, во многихъ мѣстностяхъ существуетъ народное кустарное производство разныхъ издѣлій деревянныхъ, металлическихъ, изъ кости, папье-маше, тканыхъ, вышивныхъ, плетеныхъ и пр. Главный и общій недостатокъ большинства кустарныхъ издѣлій состоитъ въ однообразіи и безвкусіи ихъ формъ и рисунковъ. Этотъ недостатокъ легко устранимъ посредствомъ обученія кустарей общему и соотвѣтствующему ихъ спеціальнымъ занятіямъ техническому рисованію и черченію. Поэтому слѣдовало-бы безотлагательно позаботиться объ учрежденіи въ кустарныхъ мѣстностяхъ училищъ общаго и техническаго рисованія и черченія, для чего у насъ уже имѣются обильныя денежныя средства. Еще въ 1878 году учреждено въ С.-Петербургѣ центральное училище техническаго рисованія барона Штиглица, на устройство и содержаніе котораго онъ сначала пожертвовалъ 1.000.000 р. По уставу, который былъ составленъ мною, это училище должно имѣть главною цѣлью приготовленіе образованныхъ рисовальщиковъ для ремеслъ и мануфактуръ и учителей общаго и техническаго рисованія, преимущественно для кустарей. Для этого при центральномъ училищѣ должны были состоять стипендіаты мѣстныхъ земствъ и при содѣйствіи центральнаго училища и подъ его руководствомъ должны

были открываться кустарныя рисовальныя школы. По завѣщанію барона Штиглица, центральное училище техническаго рисованія должно было получить еще 7.000.000 р., и слѣдовательно, оно могло-бы располагать обильными денежными средствами и для приготовленія учителей рисованія и для учрежденія рисовальныхъ школъ во многихъ кустарныхъ мѣстностяхъ. Но сдѣлало-ли что-нибудь для этого центральное училище въ 14 лѣтъ своего существованія—объ этомъ ничего неизвѣстно, потому что ни одного отчета о дѣятельности и состояніи училища до сихъ поръ опубликовано не было, и даже въ книгѣ И. А. Анопова никакихъ свѣдѣній объ этотъ не содержится.

5) *Среднія профессіональныя училища*, при всемъ разнообразіи ихъ, могутъ быть подведены подъ слѣдующія категоріи: 1) педагогическія, 2) художественныя, 3) медицинскія, 4) коммерческія и 5) техническія.

Всѣ эти профессіональныя училища, кромѣ своей непосредственной задачи—распространять соотвѣтствующее назначенію каждаго профессіональное образованіе, имѣютъ еще и весьма существенное значеніе для правильнаго устройства общественнаго училищевѣдѣнія вообще. Продолжительный опытъ всѣхъ западно-европейскихъ государствъ и нашъ собственный показываютъ, что многолѣтній и многопредметный учебный курсъ гимназій, реальныхъ училищъ и другихъ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній по силамъ только весьма незначительному числу учащихся, именно, изъ нихъ не болѣе 4—5% успѣшно оканчиваютъ полный курсъ ученія; остальные же выходятъ до окончанія курса и большею частью изъ четвертаго класса, такъ какъ этимъ классомъ оканчивается, такъ сказать, элементарная половина общеобразовательнаго курса въ означенныхъ училищахъ. При существованіи разнообразныхъ мѣстныхъ профессіональныхъ училищъ неоканчивающіе ученія въ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ могли-бы получать въ правильно устроенныхъ профессіональныхъ училищахъ хотя не обширныя, но основательныя и необходимыя для различныхъ профессій прикладныя научныя и художественныя познанія, которыя доставили-бы имъ впослѣдствіи обезпеченное существованіе. Въ среднихъ профессіональныхъ училищахъ могли-бы учиться и всѣ желающіе изъ получившихъ законченное элементарное общее образованіе.

Изъ среднихъ профессіональныхъ училищъ въ Россіи наиболѣе распространены *педагогическія*—въ видѣ учительскихъ институтовъ и семинарій и педагогическихъ классовъ при женскихъ гимназіяхъ и при нѣкоторыхъ женскихъ институтахъ. Къ среднимъ педагогиче-

скимъ профессіональнымъ училищамъ слѣдуетъ отнести и школы и курсы для приготовленія образованныхъ няней и такъ-называемыхъ «фребелевскихъ садовницъ». Такихъ школъ и курсовъ у насъ чрезвычайно мало, не болѣе 10, и притомъ большая часть ихъ находится въ Петербургѣ. Между тѣмъ, въ образованныхъ няняхъ у насъ повсюду чувствуется крайній недостатокъ; фребелевскіе-же сады и подобныя учрежденія были-бы особенно полезны во всѣхъ промышленныхъ городахъ для воспитательнаго призрѣнія дѣтей рабочихъ, остающихся теперь безъ всякаго надзора, такъ какъ родители ихъ вынуждены цѣлые дни проводить внѣ дома, работая на фабрикахъ и заводахъ. Поэтому городскія общества и хозяева фабрикъ и заводовъ и вообще промышленныхъ заведеній должны были-бы обратить серьезное вниманіе на устройство школъ или курсовъ для приготовленія фребелевскихъ садовницъ и фребелевскихъ садовъ для малолѣтнихъ дѣтей рабочаго населенія.

Къ среднимъ художественнымъ профессіональнымъ училищамъ относятся: 1) мѣстныя школы и курсы музыки и пѣнія, для образованія мѣстныхъ начальныхъ учителей и учительницъ этихъ искусствъ, оркестровыхъ музыкантовъ, пѣвческихъ хоровъ и пр., и для подготовленія болѣе талантливыхъ учениковъ и ученицъ для высшихъ музыкальныхъ училищъ или консерваторіи, и 2) мѣстныя школы и курсы рисованія и черченія, ваянія, гравированія т. п., главнымъ образомъ въ примѣненіи къ ремесламъ и промышленности, а также и для образованія мѣстныхъ нач. учителей и учительницъ рисованія и для подготовленія талантливыхъ учениковъ и ученицъ къ дальнѣйшему изученію означенныхъ искусствъ въ академіи художествъ. Учрежденіе такихъ мѣстныхъ художественныхъ училищъ содѣйствовало-бы, несомнѣнно, развитію изящнаго вкуса и художественныхъ потребностей во всѣхъ классахъ мѣстнаго населенія и образованію мѣстныхъ музыкальныхъ и художественныхъ обществъ. Все это имѣло-бы благотворное и нравственное вліяніе, возбудило-бы въ населеніи стремленіе къ художественнымъ наслажденіямъ и отвлекло-бы его отъ грубыхъ, матеріальныхъ развлеченій и увеселеній. Нѣтъ сомнѣнія, что развитіе изящнаго вкуса и художественныхъ потребностей въ мѣстныхъ зажиточныхъ классахъ побудило-бы ихъ употреблять часть своихъ достатковъ на пріобрѣтеніе художественныхъ произведеній, что доставило-бы выгодныя работы нашимъ художникамъ.

Частныя музыкальныя училища, начавшія учреждаться съ 60-хъ годовъ, вскорѣ послѣ учрежденія Петербургской и Московской консерваторій и Варшавскаго музыкальнаго института, существуютъ въ

настоящее время въ Петербургѣ (14), Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Варшавѣ и Тифлисѣ. Рисовальныхъ школъ въ Россіи еще меньше (въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Варшавѣ и Вильнѣ). О распространеніи мѣстныхъ художественныхъ музыкальныхъ и рисовальныхъ училищъ должны-бы особенно заботиться, и именно въ своихъ собственныхъ интересахъ: Императорское русское музыкальное общество съ своими консерваторіями Петербургскою и Московскою, Филармоническія общества въ Петербургѣ и Москвѣ, Императорская академія художествъ, Императорское общество поощренія художниковъ, Московское Строгоновское и Петербургское, барона Штиглица, центральныя училища техническаго рисованія. Эти высшія и центральныя художественныя учрежденія могли легко открыть свои мѣстныя недорогія филіальныя школы, снабдивъ ихъ хорошими учителями и необходимыми учебными художественными пособіями: рисунками, моделями, нотами, музыкальными инструментами и пр.,—конечно, при пособіи отъ мѣстныхъ городскихъ обществъ и зажиточныхъ образованныхъ классовъ мѣстнаго населенія.

Частныя среднія медицинскія школы для образованія акушерокъ, фармацевтокъ, фельдшерицъ, сестеръ милосердія начали возникать у насъ съ конца шестидесятыхъ годовъ, и опять-таки почти исключительно въ Петербургѣ. Вслѣдствіе этого ученицы, по окончаніи курса, за исключеніемъ земскихъ стипендіатокъ, остаются большею частью въ столицѣ, не находя себѣ работы, въ крайней нуждѣ, да и большая часть земскихъ стипендіатокъ весьма неохотно возвращается въ свои родныя мѣстности. Между тѣмъ вездѣ въ провинціи чувствуется въ нихъ крайній недостатокъ. Это прямо доказываетъ, что подобныя медицинскія профессіональныя училища должны быть распространены въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ они могли-бы быть учреждаемы въ видѣ практическихъ курсовъ, безъ особенныхъ затѣй, при городскихъ земскихъ больницахъ. Конечно, на первое время нельзя было-бы быть слишкомъ требовательнымъ къ спеціальнымъ познаніямъ выпускаемыхъ изъ такихъ курсовъ акушерокъ и повивальныхъ бабокъ, фельдшерицъ, сестеръ милосердія и пр.; но во всякомъ случаѣ онѣ были-бы болѣе свѣдущими и вообще образованнѣе простыхъ повитухъ и сидѣлокъ. Кромѣ того, намъ необходимы и среднія медицинскія училища для образованія лекарскихъ и ветеринарныхъ помощниковъ, которые не были-бы дороги и требовательны и, оставаясь въ родной мѣстности, довольствовались-бы небольшимъ содержаніемъ, обезпечивающимъ имъ и семействамъ ихъ скромное и безбѣдное существованіе. На первыхъ порахъ для этой цѣли слѣдовало-бы устроить

небольшія училища или курсы въ Петербургѣ при Императорской военно-медицинской академіи и въ университетскихъ городахъ при медицинскихъ факультетахъ и ветеринарныхъ институтахъ,—конечно, при пособіи отъ городскихъ обществъ и земства. При этомъ нахожу необходимымъ обратить вниманіе на слѣдующій, присущій намъ, весьма важный недостатокъ. Учреждаетъ, напр., извѣстный благотворительный кружокъ или комитетъ школу для образованія повивальныхъ бабокъ и фельдшерицъ; опредѣляются вступительныя познанія въ объемѣ законченнаго общеобразовательнаго элементарнаго курса, или курса женскихъ прогимназій, или четырехъ низшихъ классовъ женскихъ гимназій, утверждаются учебный планъ и программы спеціальныхъ предметовъ, послѣ обстоятельнаго обсужденія ихъ. Школа идетъ успѣшно; ученицы занимаются усердно и, большею частью, удовлетворительно выдерживаютъ выпускное испытаніе. Въ Англіи, Германіи и Франціи радовались-бы такому успѣшному ходу дѣла и употребили-бы всѣ усилія, чтобы дать окончательно установиться такой школѣ, чтобы выработался и опредѣлился типъ подобныхъ училищъ и по этому типу начали-бы открывать мѣстныя медицинскія школы въ провинціи. Мы-же поступаемъ совершенно иначе: мы сейчасъ начинаемъ мудрить, расширять учебный курсъ школы и требовать бо̀льшихъ вступительныхъ познаній и т. п. Въ результатѣ потомъ и оказывается, что школа образуетъ акушерокъ и фельдшерицъ, дорого стоющихъ и знающихъ хотя и больше, но все-таки не особенно основательно, и притомъ не довольствующихся скромнымъ положеніемъ акушерки и фельдшерицы въ провинціи.

Самое большее распространеніе въ Россіи должны имѣть разныя среднія мѣстныя техническія и особенно сельско-хозяйственныя училища. Въ существующихъ уже у насъ подобныхъ училищахъ профессіонально-научное обученіе идетъ вмѣстѣ съ преподаваніемъ различныхъ общеобразовательныхъ предметовъ и съ обученіемъ ремесламъ и практическими занятіями по сельскому хозяйству въ находящихся при этихъ училищахъ мастерскихъ и такъ называемыхъ образцовыхъ сельско - хозяйственныхъ фермахъ. Отъ такого совмѣщенія: 1) содержаніе училищъ стоитъ очень дорого; 2) курсы ихъ продолжаются не менѣе пяти лѣтъ и 3) учащіеся не успѣваютъ ни въ общихъ, ни въ профессіональныхъ предметахъ, ни въ практическихъ ремесленныхъ и сельско-хозяйственныхъ занятіяхъ и работахъ, и только весьма незначительная часть учениковъ оканчиваетъ въ такихъ училищахъ полный курсъ ученія, такъ что, какъ мы видѣли, обученіе окончившаго курсъ воспитанника стоитъ гораздо дороже, чѣмъ все гимнази-

ческое ученіе и факультетское университетское вмѣстѣ! Поэтому, необходимо было-бы, чтобы эти школы отказались: а) отъ преподаванія общеобразовательныхъ предметовъ совмѣстно съ специальными и принимали-бы учениковъ и ученицъ, получившихъ уже законченное общее элементарное образованіе въ городскихъ училищахъ, или прошедшихъ, по крайней мѣрѣ, четыре низшихъ класса среднихъ общеобразовательныхъ заведеній; б) занялись-бы въ первомъ низшемъ классѣ преподаваніемъ хорошаго курса элементарной математики, общихъ основаній физики, химіи и естественной исторіи и общаго рисованія и черченія; в) на такомъ сосредоточенномъ общемъ основаніи сообщали-бы во второмъ классѣ необходимыя прикладныя научныя свѣдѣнія и обучали-бы прикладному рисованію и черченію, соотвѣтственно своему специальному профессіональному назначенію и г) заботились-бы объ опредѣленіи учащихся, по окончаніи курса, въ частныя мастерскія, на фабрики и заводы и къ хорошимъ сельскимъ хозяевамъ для изученія производства и практики дѣла на дѣйствительныхъ работахъ и для пріученія ихъ къ тяжелой трудовой жизни рабочихъ. Такія упрощенныя и сосредоточенныя на обученіи небольшому числу общихъ и прикладныхъ предметовъ техническія двухклассныя училища достигали-бы своей цѣли и стоили-бы несравненно дешевле. Преподавателями математики, физики, химіи, естественной исторіи и общаго рисованія и черченія въ такихъ училищахъ могли-бы быть учителя мѣстныхъ реальныхъ училищъ и гимназій; для преподаванія-же прикладныхъ предметовъ цѣлесообразнѣе было-бы приглашать, гдѣ представляется возможность, образованныхъ техниковъ мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ. Кромѣ того, для приготовленія учителей прикладныхъ предметовъ могли-бы быть устроены особые учительскіе курсы или учительскія отдѣленія при высшихъ специальныхъ училищахъ.

Осуществленію вышеизложенныхъ мѣръ и способовъ для распространенія въ Россіи необходимаго для всего народа общаго начальнаго образованія и необходимыхъ профессіональныхъ свѣдѣній для крестьянъ, ремесленниковъ, фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, а также и для устройства разныхъ мѣстныхъ среднихъ техническихъ училищъ могли-бы оказать энергическое нравственное и матеріальное содѣйствіе слѣдующія правительственныя вѣдомства, общественныя и частныя учрежденія и лица: духовное вѣдомство, Министерства: Нар. Просвѣщенія, Финансовъ, Государственныхъ Имуществъ, Внутреннихъ Дѣлъ и Путей Сообщенія; земскія учрежденія, городскія и сельскія общества; Императорское русское техническое общество со своими мѣстными отдѣленіями; Московское общество распространенія техни-

ческихъ знаній; Императорское вольно-экономическое, Московское общество сельскаго хозяйства и всѣ другія существующія въ Россіи сельско-хозяйственныя общества и сельско-хозяйственные съѣзды; сельскіе хозяева и землевладѣльцы; Петербургскій музей прикладныхъ знаній и Московскій политехническій музей; Россійское общество любителей садоводства; различныя акціонерныя, желѣзнодорожныя, промышленныя и торговыя общества и товарищества; хозяева ремесленныхъ заведеній, фабрикъ и заводовъ; высшія спеціальныя училища и существующія уже въ Россіи среднія техническіи училища и пр. Цѣлесообразная, дружная и энергическая дѣятельность всѣхъ означенныхъ правительственныхъ вѣдомствъ и общественныхъ и частныхъ учрежденій и лицъ можетъ преодолѣть всѣ трудности, и великое дѣло распространенія въ народѣ прежде всего и болѣе всего необходимаго ему общаго начальнаго образованія и необходимыхъ профессіональныхъ свѣдѣній для крестьянъ и рабочихъ и средняго профессіональнаго образованія двинется и пойдетъ успѣшно впередъ и принесетъ обильные, богатые результаты для возвышенія умственнаго и нравственнаго уровня и значительнаго улучшенія матеріальнаго положенія крестьянъ и всего рабочаго населенія въ Россіи и для усовершенствованія и развитія нашей національной промышленности.

Concordia res parvae crescunt, discordia maximae dilabuntur.

Н. Вессель.

Городскія училища по Положенію 31 мая 1872 года.

(Окончаніе).

Городскія училища часто упрекаютъ въ слишкомъ большой обширности программъ преподаванія и требуютъ значительнаго уменьшенія курса, даже удаленія нѣкоторыхъ учебныхъ предметовъ, напримѣръ, естествовѣдѣнія. Слѣдуетъ признать, что пересмотръ нынѣ дѣйствующихъ программъ этихъ учебныхъ заведеній дѣйствительно необходимъ, такъ какъ программы для нихъ составлены скоро послѣ открытія училищъ и не могли тогда быть провѣрены на практикѣ. Но при этомъ пересмотрѣ должны быть сокращены лишь излишнія подробности по нѣкоторымъ учебнымъ предметамъ, а отнюдь не уничтожены цѣлые предметы преподаванія. Нужно принять во вниманіе, что утвержденныя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія программы представляютъ собою maximum того, что можно пройти въ шесть лѣтъ при самыхъ лучшихъ условіяхъ. А какъ мало городскихъ училищъ, поставленныхъ въ эти вполнѣ благопріятныя условія? То, что можно пройти въ училищѣ, гдѣ для каждаго года обученія существуетъ отдѣльный классъ, очевидно, значительно разнится по объему отъ курса двухкласснаго и трехкласснаго городскаго училища, гдѣ уроки только получасовые и половина класснаго времени тратится на письменныя работы, которыя очень хороши какъ упраженія, но не могутъ подвинуть ученика впередъ. Поэтому жалобы на слишкомъ обширныя программы слѣдуетъ въ значительной степени приписать тому, что естественное развитіе городскихъ училищъ остановилось, т.-е. они не превращаются постепенно въ шестиклассныя учебныя заведенія, гдѣ для каждаго года обученія существуетъ отдѣльное классное преподаваніе. Если курсъ этихъ учебныхъ заведеній будетъ слишкомъ сильно сокращенъ, то шестиклассныя училища, въ которыхъ можно пройти больше, чѣмъ въ двухъ и трехклассныхъ, останутся въ убыткѣ и будутъ просить о

дозволеніи нѣсколько расширить курсъ. Изъ вышесказаннаго ясно слѣдуетъ, что общей подробной программы для городскихъ училищъ всей Россіи составить нельзя, а нужно написать отдѣльныя программы для разнаго рода училищъ, или ограничиться лишь общими указаніями, предоставляя мѣстной учебной администраціи болѣе обстоятельно разработать подробныя програмы для разнородныхъ условій отдѣльныхъ училищъ. Послѣднее я считаю безусловно болѣе удобнымъ и позволю себѣ при этомъ сослаться, во-первыхъ, на наши уѣздныя училища, которыя существовали и дѣйствовали безъ программъ съ 1828 года по сіе время, а во-вторыхъ, на прусскія и вообще нѣмецкія Bürgerschulen, для которыхъ также еще не составлено общихъ подробныхъ программъ. Для насъ важно опредѣлить minimum требованій при выпускѣ изъ городскаго училища, указать свѣдѣнія, за которыя можно дать аттестатъ объ окончаніи курса, такъ какъ этотъ аттестатъ даетъ извѣстныя права по воинской повинности и другія; но затѣмъ можно многое предоставить мѣстному учебному начальству, которое должно регулировать обученіе и не допускать слишкомъ увеличеннаго по объему курса. Подобная попытка опредѣлить minimum познаній, требуемыхъ отъ мальчика, кончающаго курсъ въ городскомъ училищѣ, была сдѣлана въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ въ 1888 году при выработкѣ инструкціи для этихъ училищъ. Я вовсе не считаю эту программу образцовою и очень желалъ-бы услышать замѣчанія на нее, поэтому полагаю не лишнимъ вкратцѣ изложить главныя основанія ея.

По Закону Божію никакихъ сокращеній противъ утвержденной программы не предположено. Это относится и къ программѣ по церковно-славянскому языку, которая сохранена цѣликомъ.

По русскому языку предположено требовать отъ кончающаго курсъ слѣдующее: 1) Знакомство съ этимологіей и синтаксисомъ русскаго языка по одному изъ учебниковъ, одобренныхъ для городскихъ училищъ или низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, не включая сюда статью о періодахъ. Свѣдѣнія эти экзаменующійся долженъ показать на разборѣ статьи изъ хрестоматіи. 2) Знакомство съ большинствомъ статей хрестоматіи, одобренной для старшаго класса городскихъ училищъ, при чемъ экзаменующійся долженъ умѣть передать толково содержаніе прочитанныхъ имъ статей, раздѣлить ихъ на части и объяснить планъ ихъ. Изъ числа прочитанныхъ басенъ и стихотвореній многія должны быть выучены наизусть. 3) Умѣнье письменно изложить содержаніе прочитанной статьи повѣствовательнаго или описательнаго характера, или написать самостоятельное повѣствованіе историческаго содержанія. Кромѣ орѳографической правильности, отъ этой письменной работы

требуется и толковость изложенія, свидѣтельствующая о томъ, что экзаменующійся можетъ правильно излагать свои мысли письменно.

Въ программѣ ариѳметики и геометріи также не сдѣлано значительныхъ сокращеній. Исключены лишь статьи о рѣшеніи задачъ посредствомъ уравненій и извлеченіе квадратныхъ корней.

Программа исторіи подверглась многимъ сокращеніямъ въ подробностяхъ, особенно статьи по всеобщей исторіи. Предположено, примѣрно, требовать слѣдующаго. Евреи. Египтяне, ассиро-вавилоняне, финикіяне и персы. Греки и греко-персидскія войны. Александръ Великій и его монархія. Римъ, Сципіоны и объединеніе древняго историческаго міра римлянами. Римская имперія. Августъ, Тиверій, Веспасіанъ, Титъ и Адріанъ. Константинъ Великій и торжество христіанства. Ѳеодосій Великій и раздѣленіе имперіи. Паденіе Западной Римской имперіи и основаніе германцами новыхъ государствъ. Восточная имперія. Магометъ. Раздѣленіе церквей. Славяне. Дѣленіе ихъ. Св. Кириллъ и Меѳодій и распространеніе христіанства между славянами. Основаніе славянскихъ государствъ. Восточные славяне. Основаніе русскаго государства. Олегъ, Игорь, св. Ольга и Святославъ. Владиміръ язычникъ. Языческая вѣра русскихъ. Введеніе христіанской вѣры. Крещеніе Руси. Св. равноапостольный князь Владиміръ. Св. Антоній и Ѳеодосій Печерскіе. Споры князей за удѣлы и борьба съ кочевыми народами. Ярославъ Мудрый, его борьба съ Святополкомъ. Русская Правда. Завѣщаніе Ярослава. Съѣздъ князей въ Любечѣ. Ослѣпленіе Василька. Набѣги кочевниковъ. Янъ Усмошвецъ. Походъ Владиміра Мономаха на половцевъ; его личность. Владиміръ Мономахъ—великій князь Кіевскій. Походъ Игоря Сѣверскаго на половцевъ. Начало единодержавія на Руси. Андрей Боголюбскій. Крестовые походы. Нашествіе Батыя. Монгольское иго. Св. Александръ Невскій. Литовско-Русское княжество. Гедиминъ, Ягайло и Ядвига. Соединеніе Литвы и юго-западной Руси съ Польшею. Возвышеніе Москвы. Начало ея. Иванъ Калита. Дмитрій Донской. Преподобный Сергій. Османскіе турки. Паденіе Византіи. Коссово поле. Взятіе Константинополя. Самодержавіе Москвы. Іоаннъ III. Іоаннъ IV. Великія открытія и изобрѣтенія. Реформація въ западной Европѣ и іезуиты. Церковная унія въ западной Руси. Смутное время на Руси. Первые цари изъ дома Романовыхъ. Богданъ Хмельницкій и присоединеніе Малороссіи. Преобразованіе Россіи. Петръ Великій. Императрица Елисавета. Ломоносовъ и война съ Пруссіей. Императрица Екатерина II. Война съ Турціей и паденіе Польши. Суворовъ. Наполеонъ I и Александръ I. Отечественная война. Сперанскій. Карамзинъ. Крыловъ и

Пушкинъ. Императоръ Николай I. Война съ Турціей. Возсоединеніе уніатовъ. Крымская война. Императоръ Александръ II Освободитель. Русско-турецкая война. Реформы. Перечень главныхъ событій въ западной Европѣ во второй половинѣ XIX вѣка.

По географіи предполагается пройти обзоръ земнаго шара по одному изъ учебниковъ, одобренныхъ для I класса гимназіи, географію Россіи, примѣрно, въ объемѣ учебника Баранова для городскихъ училищъ и изъ иностранныхъ государствъ ограничиться разсмотрѣніемъ Германіи, Австро-Венгріи, Англіи, Франціи, государствъ Балканскаго полуострова, Китая и Японіи.

Что касается естествовѣдѣнія, то противъ него больше всего нареканій, которыя объясняются отчасти неудовлетворительностью существующихъ программъ по этому учебному предмету, отчасти непониманіемъ значенія естествовѣдѣнія при элементарномъ преподаваніи. Едва-ли необходимо серьезно опровергать мнѣніе тѣхъ, которые говорятъ объ удаленіи естествовѣдѣнія изъ курса городскихъ училищъ. Оставляя въ сторонѣ доказанное значеніе этого учебнаго предмета для развитія учащихся, я приведу здѣсь лишь два практическія доказательства его необходимости. Во-первыхъ, большинство оканчивающихъ курсъ въ городскихъ училищахъ или поступаютъ въ какія-нибудь профессіональныя школы, а во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ различныя отрасли естествовѣдѣнія играютъ важную роль, или прямо займутся какимъ-либо промысломъ, торговлею, ремесломъ или другимъ профессіональнымъ дѣломъ, для чего необходимы предварительныя понятія по физикѣ и другимъ естественнымъ наукамъ. Во-вторыхъ, естествовѣдѣніе введено нынѣ во всѣхъ общеобразовательныхъ школахъ образованныхъ странъ, не только въ городскихъ училищахъ, но даже въ народныхъ школахъ и гимназіяхъ. Но на Западѣ гораздо лучше понимаютъ цѣль и значеніе курса естествовѣдѣнія въ элементарныхъ школахъ, чѣмъ у насъ. Тамъ знаютъ, что преподаваніе этого учебнаго предмета должно носить не научный, а *популярный* характеръ, т.-е. ограничиваться тѣми свѣдѣніями, которыя отвѣчаютъ естественной любознательности дѣтей и объясняютъ имъ тѣ явленія, которыя они легко сами могутъ наблюдать вокругъ себя. Но для этого необходимо дѣтей научить наблюдать, и потому въ курсъ естествовѣдѣнія и включено разсматриваніе и изученіе животныхъ и растеній, которыя служатъ упражненіями для развитія наблюдательной способности. Очень часто слышишь мнѣніе: къ чему описывать лошадь, корову, кошку или василекъ и душистый горошекъ? Дѣтямъ вовсе не нужны эти свѣдѣнія. Лица, высказывающія

это мнѣніе, сами не замѣчаютъ своей непослѣдовательности. Развѣ на урокахъ по другимъ учебнымъ предметамъ не происходитъ того-же самаго? Если на урокѣ ариѳметики ученики бьются надъ тѣмъ, чтобы узнать, во сколько времени курьеръ проѣдетъ изъ Кяхты въ Москву, или—сколько прибыли получитъ фантастическій купецъ, продавъ извѣстное количество сахару, то развѣ сами по себѣ свѣдѣнія эти имѣютъ какую-либо цѣну? Ученикъ совершенно забываетъ эти данныя, но, упражняясь въ вычисленіяхъ, пріобрѣтаетъ навыкъ къ нимъ. Описанія коровы и кошки имѣютъ почти то-же значеніе, но цѣль ихъ еще обширнѣе: упражненія эти научаютъ ученика внимательно осматривать и описывать окружающіе предметы, а это важно для всякой профессіи.

На основаніи этихъ соображеній, при выпускѣ ученикъ городскаго училища вовсе не долженъ знать всѣ подробности того, что проходилось по естествовѣдѣнію въ отдѣльныхъ классахъ, а долженъ лишь доказать, что имѣетъ общія элементарныя свѣдѣнія объ организаціи важнѣйшихъ группъ животнаго царства, о жизни растеній, и общее понятіе о главныхъ свойствахъ металловъ и минераловъ. Я не привожу здѣсь болѣе подробной программы по этимъ отдѣламъ естествовѣдѣнія, такъ какъ это заняло-бы много мѣста, но ограничусь заявленіемъ, что свѣдѣнія эти не могутъ затруднить ни учителей, ни учениковъ и что для преподаванія ихъ существуютъ соотвѣтствующія руководства. По физикѣ предположено требовать знанія лишь самаго краткаго учебника Малинина, гдѣ курсъ значительно сокращенъ.

По существующимъ программамъ и таблицѣ уроковъ преподаваніе рисованія, черченія и чистописанія организовано въ городскихъ училищахъ плохо, и этотъ недостатокъ замѣченъ почти всѣми близко стоящими къ дѣлу лицами. Отдѣльныхъ уроковъ на рисованіе и чистописаніе въ городскихъ училищахъ не положено: рисованіе и черченіе присоединены къ геометріи, а чистописанію предполагается учить на урокахъ родного языка. Между тѣмъ искусства эти, очевидно, имѣютъ очень важное практическое значеніе для будущей дѣятельности учениковъ городскихъ училищъ: всякое ремесло и почти всякое профессіональное занятіе требуютъ навыка въ рисованіи, черченіи и чистописаніи, и школа не исполняетъ своего назначенія, если не даетъ своимъ ученикамъ этихъ навыковъ. Поэтому необходимо лучше организовать эти занятія въ городскихъ училищахъ, по возможности привлечь для преподаванія ихъ спеціалистовъ и назначить довольно большое число отдѣльныхъ уроковъ по этимъ учебнымъ предметамъ.

О преподаваніи пѣнія я здѣсь не стану говорить, такъ какъ въ

послѣднее время обращено большое вниманіе на преподаваніе церковнаго пѣнія въ городскихъ училищахъ; во многихъ городахъ устроены ученическіе хоры, которые поютъ въ церквахъ, и городское населеніе, очевидно, очень сочувственно къ этому относится. Преподаваніе гимнастики, благодаря подробной инструкціи, изданной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, можетъ также быть теперь организовано хорошо. Но вопросъ здѣсь заключается въ маломъ вознагражденіи, назначенномъ по штату за преподованіе пѣнія и гимнастики: здѣсь, конечно, должны помочь города и дать средства на эти очень существенныя улучшенія въ курсѣ мѣстныхъ городскихъ училищъ.

Недавно въ нѣкоторыхъ городскихъ училищахъ введенъ новый учебный предметъ, замѣняющій отчасти ремесленныя занятія, которыя были кое-гдѣ устроены, но оказались малопроизводительными. Было-бы слишкомъ неудобно въ этой краткой статьѣ перечислять всю пользу занятій ручнымъ трудомъ, особенно въ городскихъ училищахъ. Я считаю нужнымъ указать только на слѣдующее. Вездѣ замѣчено, что мальчики, поучившіеся въ городскихъ школахъ, имѣютъ наклонность бросать занятія родителей, напр., ремесла и различные промыслы, и обращаться къ такъ-называемымъ интеллигентнымъ профессіямъ, т.-е. чиновничеству, занятіемъ письмоводствомъ и т. п. Явленіе это очень нежелательное и невыгодно отзывается на ремеслахъ, которымъ обучаются лишь лица, почти вовсе безграмотныя. Школа, развивая въ ученикахъ любовь къ теоретическимъ занятіямъ, очевидно, способствуетъ этому отчужденію отъ ручныхъ промысловъ, и это одна изъ слабыхъ сторонъ школьной организаціи всѣхъ странъ. Преподаваніе ручного труда, какъ занятіе педагогическое, подъ руководствомъ учителя общеобразовательныхъ предметовъ, должно служить противовѣсомъ этому слишкомъ теоретическому направленію школьнаго преподаванія. Ручной трудъ систематически знакомитъ учениковъ съ работами, заимствованными изъ разныхъ ремеслъ, заставляетъ учениковъ полюбить эти занятія и облегчаетъ имъ возможность послѣ выпуска спеціально заняться какимъ-либо ремесломъ и такимъ образомъ увеличить число толковыхъ и искусныхъ работниковъ, которые дороже берутъ за работу, но исполняютъ ее гораздо лучше простыхъ ремесленниковъ. Очень можетъ быть, что попытки организовать ручной трудъ въ нашихъ школахъ на первыхъ порахъ и страдаютъ нѣкоторыми недостатками, но мысль объ организаціи подобныхъ занятій вполнѣ правильна и заслуживаетъ дальнѣйшей разработки.

Если будутъ приняты во вниманіе всѣ вышеизложенныя замѣчанія, то, можетъ быть, сообща, при участіи лицъ, близко знающихъ город-

скія училища, возможно будетъ выработать удобоисполнимую и цѣлесообразную программу для этихъ учебныхъ заведеній, которымъ предстоитъ, по моему мнѣнію, восполнить одинъ изъ самыхъ существенныхъ пробѣловъ нашей школьной организаціи.

Въ другой статьѣ я предполагаю сообщить свои соображенія объ устройствѣ при городскихъ училищахъ, для окончившихъ курсъ учениковъ, дешевыхъ и цѣлесообразныхъ профессіональныхъ школъ или курсовъ по различнымъ спеціальностямъ. Въ нихъ чувствуется большая потребность.

К. Сентъ-Илеръ.

О внѣклассныхъ развлеченіяхъ въ начальныхъ Петербургскихъ городскихъ училищахъ.

Въ большіе праздники—на Рождествѣ, на масляницѣ, на Пасхѣ, а весною и въ будни по улицамъ Петербурга часто можно встрѣтить большія группы ребятишекъ, съ учителемъ или учительницей во главѣ, съ веселыми, оживленными лицами, спѣшащихъ куда-то, очевидно на праздникъ. Это не пріютскія дѣти—нѣтъ на нихъ однообразной форменной одежды,—это не пансіонеры какого-нибудь частнаго училища,—слишкомъ много поношенныхъ пальто, простыхъ, незатѣйливыхъ платковъ на головѣ. Это ученики и ученицы начальныхъ городскихъ училищъ; они, дѣйствительно, спѣшатъ на какой-нибудь праздникъ—въ циркъ, въ театръ, на загородную прогулку. На масляницѣ можно встрѣтить иногда цѣлый рядъ чухонскихъ санокъ, набитыхъ ребятами; весной попадаются цѣлыя процессіи раскраснѣвшихся, усталыхъ, но веселыхъ, счастливыхъ школьниковъ съ букетами полевыхъ цвѣтовъ, вѣтками березъ, съ пучками простой травы. И несмотря на то, что за послѣднія 10—15 лѣтъ это зрѣлище стало болѣе или менѣе обыкновеннымъ, почти всякій прохожій остановится и съ ласковой или удивленной улыбкой посмотритъ на шумный, веселый рой ребятъ.

Дѣти, учащіяся въ нашихъ городскихъ школахъ, благодаря заботливости нашей училищной коммиссіи и вниманію къ нимъ различныхъ учрежденій, имѣютъ много развлеченій; много веселыхъ, праздничныхъ дней выпадаетъ на ихъ долю за трехлѣтній срокъ пребыванія въ школѣ. «Слишкомъ много», говорятъ нѣкоторые строгіе люди: «слишкомъ привыкаютъ эти дѣти къ развлеченіямъ и въ дальнѣйшей, трудовой жизни будутъ страдать отъ лишенія ихъ». Можетъ быть, и правы эти строгіе судьи, но если-бы имъ удалось когда-нибудь побывать въ школѣ во время одного изъ подобныхъ праздниковъ, видѣть веселье, мало сказать—счастье дѣтей,—вѣрно, не хватило-бы у нихъ духу пожелать сокращенія этихъ часовъ отдыха и развлеченія.

Если въ дальнѣйшей жизни этихъ, большею частью несчастныхъ, дѣтей на ихъ долю не выпадетъ больше ни развлеченій, ни веселыхъ праздниковъ, развѣ не бо̀льшимъ утѣшеніемъ будетъ для нихъ воспоминаніе о веселыхъ часахъ школьной жизни; развѣ не легче имъ будетъ отъ сознанія, что судьба, такъ несправедливо распредѣляющая свои дары между людьми и дающая однимъ въ удѣлъ только тяжелый трудъ и страданіе, а другимъ—вѣчный отдыхъ и развлеченіе, въ дѣтствѣ и къ нимъ была милостива и не лишила ихъ тѣхъ дѣтскихъ радостей, которыя въ такомъ изобиліи выпадаютъ на долю счастливыхъ дѣтей обезпеченныхъ родителей? А то, что эти радости, эти веселыя минуты доставляются имъ въ школѣ и черезъ школу, развѣ не имѣетъ громаднаго значенія, развѣ не укрѣпляетъ связь со школой, привязанность къ ней? Прежніе, кончившіе курсъ ученики являются въ школу на эти праздники, принимаютъ участіе во всѣхъ веселыхъ прогулкахъ, чувствуя себя не чужими среди новыхъ младшихъ товарищей.

Замѣтка эта не затрогиваетъ праздниковъ въ стѣнахъ школы — ёлки, бесѣдъ съ туманными картинами и т. п., а касается только внѣклассныхъ развлеченій и прогулокъ. Эти развлеченія можно раздѣлить на доступныя всѣмъ ученикамъ школы и на предназначенныя исключительно для учащихся въ старшемъ отдѣленіи. Къ первымъ принадлежатъ—поѣздки въ циркъ, Зоологическій садъ, Павловскъ, а ко вторымъ — театръ и выставка картинъ. Посмотримъ-же, какое впечатлѣніе производятъ эти развлеченія на дѣтей и какое значеніе имѣютъ они для нихъ.

Начнемъ съ зимняго, всѣмъ дѣтямъ до самыхъ младшихъ доступнаго удовольствія — цирка. Это, надо сознаться, одно изъ любимѣйшихъ дѣтьми зрѣлищъ; здѣсь все доступно, понятно ребенку, все интересуетъ его: и дрессированныя животныя, и гимнастическія упражненія, и шутовскіе костюмы, и выходки клоуновъ. Непрерывный смѣхъ и шумные аплодисменты раздаются все время, весельемъ и оживленіемъ горятъ всѣ лица; нѣтъ сомнѣнія, что цѣль—доставить ребенку радость, удовольствіе—достигнута вполнѣ. Но какими средствами достигается эта цѣль? Попутно съ тѣмъ хорошимъ вліяніемъ на общій строй души, какое вызываетъ искреннее, заразительное веселье, не набирается-ли ребенокъ многихъ нежелательныхъ впечатлѣній, которыя оставляютъ нехорошій осадокъ въ его душѣ? Неужели желательно, чтобы дѣти наблюдали во взрослыхъ и воспитали въ себѣ равнодушіе къ опасности, которой подвергаются ради забавы зрителей всѣ эти улыбающіеся, разряженные акробаты, иногда совсѣмъ еще дѣти, чтобы

они привыкли къ пренебрежительному отношенію къ жизни другого человѣка, рискующаго сломать себѣ шею, чтобы заработать кусокъ хлѣба! Дѣти, въ первый разъ бывающія въ циркѣ, большею частью съ нервнымъ страхомъ и состраданіемъ смотрятъ на всѣ эти эквилибристическія упражненія, постоянно безпокоясь, не упадетъ-ли, не ушибется-ли смѣльчакъ. Но побывавшія разъ, другой самоувѣренно успокоиваютъ ихъ—они не дрожатъ уже болѣе, а любуются ловкостью и отвагой акробата. Чѣмъ затѣйливѣе, удивительнѣе прыжки и изгибанія, чѣмъ опаснѣе положеніе, тѣмъ болѣе любо имъ, особенно мальчикамъ, такое удальство. Конечно, развивать смѣлость и отвагу вещь хорошая, но плохо, если образцомъ является человѣкъ, рискующій своей жизнью для потѣхи другихъ. Попадаются между дѣтьми болѣе чуткія, нервныя натуры, которыя прямо не переносятъ подобныхъ представленій. Точно такъ-же неумѣстны всѣ плоскія шутки и выходки клоуновъ. Дѣтей, конечно, какъ и всякаго неразвитого человѣка забавляетъ въ клоунѣ все, —начиная съ нелѣпаго костюма, вымазаннаго лица, неуклюжаго парика,—всей этой внѣшности, которой, точно съ цѣлью какъ можно болѣе унизить человѣческое достоинство, придается такой уродливый, ни на что не похожій видъ. Затѣмъ, эти вѣчные пинки, оплеухи, битье и толканье клоуновъ, вызывающіе громкій, радостный смѣхъ, среди котораго раздается иногда робкій голосъ какого-нибудь болѣе впечатлительнаго ребенка, взволнованно спрашивающій: «а имъ не больно, они это нарочно?» Нѣтъ, много грубаго, негуманнаго, пошлаго видятъ дѣти на этихъ представленіяхъ. Конечно, стараешься смягчить дурное вліяніе, указываешь на всю тяжесть этого труда, представляющагося дѣтямъ такимъ легкимъ и радужнымъ, читаешь произведенія, рисующія тяжелую жизнь этихъ забавниковъ толпы. Прекраснымъ матеріаломъ въ этомъ отношеніи служатъ отрывки изъ «Гуттаперчеваго мальчика» Григоровича, производящія на дѣтей большое впечатлѣніе. Но все-же эти чтенія не вполнѣ достигаютъ цѣли, и дѣти во время интереснаго зрѣлища забываютъ о прочитанномъ. Если-бы представленія, предназначаемыя исключительно для дѣтей, ограничивались показываніемъ дрессированныхъ животныхъ, фокусами и феэріями, приноровленными къ дѣтскому возрасту, то это любимое развлеченіе утратило-бы свой нежелательный характеръ, ничего не потерявъ въ привлекательности.

Гораздо менѣе обычное для нашихъ дѣтей удовольствіе—театръ. На спектакли для учащихся, дающіеся въ царскіе дни, конечно, не могутъ быть всякій разъ допущены всѣ многочисленные ученики нашихъ школъ; поэтому въ распредѣленіи билетовъ соблюдается очередь,

такъ что каждое училище получаетъ билетъ разъ въ 2 или 3 года. При этомъ, конечно, берутся въ театръ только ученики старшаго отдѣленія. Если-же оно многочисленно, то приходится дѣлать выборъ, причемъ нѣкоторые учащіе принимаютъ во вниманіе успѣхи и поведеніе учениковъ, другіе берутъ самыхъ недостаточныхъ, или предоставляютъ рѣшеніе дѣла жребію или выбору товарищей.

Самая рѣдкость этого удовольствія возвышаетъ его цѣну. Возбуждающе дѣйствуетъ на дѣтей уже сама роскошная обстановка театральной залы, блескъ тысячи огней, радостное оживленіе громадной толпы. Въ эти дни безплатныхъ спектаклей театръ имѣетъ такой особенно привлекательный видъ — съ ложами, наполненными институтками въ бѣлыхъ перелинкахъ, со студенческими мундирами въ партерѣ, съ наивно-изумленными лицами нашихъ дѣтей, весело жужжащихъ въ верхнихъ ярусахъ. Уже одна эта обстановка, помимо самаго спектакля, плѣняетъ ребятъ и заставляетъ ихъ долгое, долгое время вспоминать о театрѣ, а младшихъ, еще не испытавшихъ этого наслажденія, мечтать о томъ счастливомъ времени, когда оно и имъ будетъ доступно. А тутъ еще «царскіе гостинцы», такъ цѣнимые ими. И мальчики, и дѣвочки обязательно хранятъ у себя трехцвѣтныя ленточки и коробки съ вензелями Государя и Государыни, которыми дорожатъ не только дѣти, но и семьи нашихъ учениковъ.

Переходя къ репертуару этихъ спектаклей, надо сознаться, что онъ мало приноровленъ къ пониманію нашихъ учениковъ; конечно, не на эту публику и разсчитанъ онъ: наши дѣти составляютъ меньшинство зрителей; большинство—воспитанники среднихъ и даже высшихъ учебныхъ заведеній, къ вкусамъ которыхъ, конечно, и приноровлены эти спектакли. Но, несмотря на это, за рѣдкими исключеніями, когда пьеса совершенно недоступна дѣтскому пониманію, театръ производитъ глубокое и желанное впечатлѣніе на дѣтей. Мнѣ, къ сожалѣнію, никогда не пришлось бывать со своими учениками на оперномъ спектаклѣ, и потому я ничего не могу сказать о нихъ, но могу себѣ представить, насколько сильно должно быть впечатлѣніе, выносимое ими изъ подобныхъ спектаклей, въ особенности, если сюжетъ оперы доступенъ ихъ пониманію. Какъ глубоко должны трогать ихъ такія, наприм., оперы, какъ «Жизнь за Царя», «Рогнѣда»! Мнѣ пришлось бывать со своими ученицами въ балетѣ и на драматическихъ спектакляхъ. Конечно, дѣтей интересуетъ и увлекаетъ вся обстановка балета: музыка, декораціи, нарядные костюмы, красивыя позы и танцы, но они все-таки остаются немного разочарованными—отсутствіе рѣчи огорчаетъ ихъ, они постоянно пристаютъ съ разспросами, интересуются

сюжетомъ, который очень часто бываетъ такъ запутанъ и безсодержателенъ, что и взрослый не разберется въ немъ, а иногда и не вполнѣ удобенъ для передачи дѣтямъ.

На нашихъ дѣтей, по моимъ наблюденіямъ, особенно дѣйствуютъ драматическія представленія, причемъ предпочтеніемъ ихъ пользуются мелодрамы — «жалостныя пьесы», или историческо-патріотическія. Этому вкусу нашихъ ребятъ особенно угодилъ антрепренеръ Панаевскаго театра, который въ нынѣшній сезонъ любезно предоставлялъ безплатно учащимся въ городскихъ училищахъ прекрасныя мѣста въ своемъ театрѣ почти каждое воскресенье. И эти «Ермаки Тимоѳеевичи», «Юріи Милославскіе» или трогательныя «Параша Сибирячка», «Сиротки» особенно восхищали безпритязательныхъ зрителей. Фальши, мелодраматичности, дѣланности, конечно, они не замѣчаютъ. Сильныя чувства, патріотическія громкія фразы, преувеличенное изображеніе страданій и торжества добродѣтели—вотъ что особенно волнуетъ ихъ сердца. Патетическія вскрикиванья трагиковъ заставляютъ ихъ сердца биться, сантиментальные возгласы какихъ-нибудь мелодраматическихъ героинь вызываютъ искреннія слезы и прекрасныя чувства состраданія и любви къ угнетенному. На одномъ изъ представленій мелодрамы «Сиротки» на трагическій возгласъ невинно-преслѣдуемой героини: «Куда-же я теперь дѣнусь?» въ одной изъ ложъ, набитыхъ учениками городской школы, послышался прерываемый рыданіями голосъ: «Пойдемъ ко мнѣ, я возьму тебя къ себѣ!» Яркія, слишкомъ густыя краски, преувеличенныя чувства, не совсѣмъ правдоподобное благородство поступковъ героинь и героевъ — вотъ что производитъ особенно сильное и благотворное впечатлѣніе на дѣтей.

Не смотря на кажущееся отсутствіе вкуса, дѣти выносятъ свое и изъ такихъ пьесъ, которыя, казалось-бы, должны быть вполнѣ непонятны имъ. Такъ, мнѣ пришлось быть со старшимъ отдѣленіемъ своей школы на представленіи Гамлета въ Александринскомъ театрѣ. Вотъ, думалось мнѣ, самый неподходящій спектакль! Что могутъ вынести изъ него наши дѣти? Что поймутъ они въ этомъ великомъ произведеніи, можетъ-ли быть у нихъ хоть одна точка соприкосновенія съ этимъ типомъ, такъ близкимъ и дорогимъ каждому изъ насъ? Но мои опасенія были напрасны. Дѣти вынесли свое изъ великой трагедіи. Конечно, душевное настроеніе, внутренняя борьба, характеръ Гамлета не могли быть поняты ими, но они сочувствовали его горю о смерти отца, негодовали изо всѣхъ силъ на измѣнника короля, плакали вмѣстѣ съ Офеліей, инстинктивно чувствовали непріязнь къ Полонію. Только на королеву негодовать не умѣли, а жалѣли ее и съ

самаго начала были искренне убѣждены, что она не виновата въ убійствѣ мужа. Всякій, глядя на эти взволнованныя дѣтскія лица, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившія за ходомъ пьесы, убѣдился-бы, что великое произведеніе отзывается во всѣхъ сердцахъ и каждому возрасту даетъ то, что онъ можетъ воспринять. Массу впечатлѣній выносятъ дѣти изъ театра и долго еще не могутъ они улечься въ ихъ головахъ и на долгое время хватаетъ разговоровъ, вопросовъ, воспоминаній.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ, но не менѣе любимое дѣтьми удовольствіе—выставка картинъ. Ежегодно, впродолженіе многихъ лѣтъ кряду, товарищество передвижныхъ выставокъ разрѣшаетъ безплатное посѣщеніе ихъ учащимися въ городскихъ училищахъ по воскреснымъ днямъ, когда посторонней публики еще не бываетъ. Сколько живой, искренней радости доставляютъ дѣтямъ они! Всякій знаетъ, какіе охотники дѣти до всевозможныхъ картинъ и картинокъ и какъ немного нужно, чтобы удовлетворить ихъ вполнѣ. А тутъ цѣлая галлерея громадныхъ картинъ—пейзажи, сцены изъ обыденной жизни, исторіи; точно живые люди смотрятъ на нихъ съ полотна. Сколько новыхъ представленій, сколько образовъ выносятъ они изъ такой выставки: горы, моря, чужія страны, различные уголки родной земли,— все это знакомое имъ только по слуху, теперь предстаетъ передъ ними въ яркихъ краскахъ. Не мудрено, что пейзажи всегда восхищаютъ ихъ. Они поражаются искусствомъ художника, умѣющаго перенести на полотно живую природу. Впрочемъ, и жанровыя картины привлекаютъ ихъ. При этомъ дѣвочки въ особенности любятъ сюжеты трогательные, сантиментальные: умирающая больная, дѣти сироты, старикъ со старухой на могилѣ сына и т. п. Живое воображеніе не останавливается надъ моментомъ, изображеннымъ въ картинѣ, дѣти любятъ вкладывать въ нее свое содержаніе, представлять себѣ, что было до эпизода, изображеннаго на картинѣ, какова будетъ дальнѣйшая судьба героевъ, стремятся соединить въ одно цѣлое подходящія картины. Если передъ выставкой учащій ведетъ съ дѣтьми пояснительную бесѣду, то имъ становятся доступны и картины историческаго содержанія. Нерѣдко эти-то картины особенно и поражаютъ ихъ. Такъ, на моихъ ученицъ произвела громадное впечатлѣніе картина Сурикова «Боярыня Морозова». Зато картина Полѣнова «Христосъ и грѣшница» совсѣмъ не была понята дѣтьми. Ихъ привлекала въ ней только толпа,—яркая, пестрая толпа; Христа они не могли найти въ картинѣ, и когда имъ указали на Него, дѣти съ трудомъ

повѣрили, что это и есть Христосъ: такъ не соотвѣтствовало изображеніе Его съ тѣмъ образомъ, который сложился въ ихъ душѣ.

Съ совсѣмъ другимъ настроеніемъ, чѣмъ изъ театра, выходятъ дѣти съ выставки. Тутъ нѣтъ того возбужденія, той дѣйствующей на нервы обстановки, нѣтъ и разочарованія, которымъ иногда сопровождается спектакль:—всякій вынесъ что-нибудь; всякому говорятъ что-нибудь художественные образы, яркія краски. И не одно только эстетическое наслажденіе, но и удовлетвореніе любознательности, пріобрѣтенію многихъ новыхъ понятій даетъ имъ эта выставка.

Наступаютъ теплые майскіе дни—и дѣтямъ нашимъ приносятъ новыя удовольствія: загородныя прогулки—въ Зоологическій садъ, въ Павловскъ, куда правленіе Царскосельской желѣзной дороги предоставляетъ имъ безплатный проѣздъ. И каждая школа, конечно, стремится воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ. Сколько сборовъ, сколько радости еще за нѣсколько дней до поѣздки! Въ нѣкоторыхъ школахъ попечители ассигнуютъ на подобныя поѣздки достаточную сумму. Тогда можно забрать съ собой провизіи на завтракъ, лакомствъ.

Дѣти забираются въ школу спозаранку. Начинаются хлопоты, увязыванье корзинокъ, узелковъ; каждый добивается чести нести поклажу. Приходятъ ученицы прежнихъ выпусковъ; веселыя привѣтствія, шумъ... дисциплину поддерживать уже невозможно, да и желанія нѣтъ, хотя время отъ времени прикрикнешь для порядка.

Сосѣдняя школа мальчиковъ уже готова; мальчики вообще быстрѣе на сборы: у дѣвочекъ косынки, шляпки, платочки и т. п. отнимаютъ много времени: поднимается суетня, гамъ. Наконецъ, все готово, всѣ въ парахъ, и по улицамъ чинно движется вереница ребятъ, у которыхъ сердца бьются отъ нетерпѣливаго ожиданія. Наконецъ, вотъ и вокзалъ; поѣздъ уже стоитъ; разсаживаются въ вагоны; еще нѣсколько минутъ, безконечныхъ минутъ ожиданія — послѣдній звонокъ, свистокъ,— и поѣздъ двигается. Съ этой минуты восхищенью, восторгамъ нѣтъ конца. Со всѣхъ концовъ вагона слышатся восклицанія, всѣ «взываютъ» къ учительницѣ: «посмотрите, лѣсъ, настоящій лѣсъ!».. —Ахъ, тамъ стадо пасется!—Что это мужикъ дѣлаетъ?—Какъ бѣгутъ деревья?—Ѣдемъ мы, или стоимъ?—Ахъ, встрѣчный поѣздъ несется!.. Посмотрите, какая рѣчка!... Это что такое?.. и т. п. Со всѣхъ сторонъ блестящіе радостью глаза, громкіе, звенящіе голоса, которыхъ уже не унимаешь—это совершенно безполезно, да и нежелательно. Болѣе впечатлительныя мечутся отъ одного окошка къ другому, боясь упустить что-нибудь интересное; немногія, апатичныя, развалившись на скамейкахъ, наслаждаются самымъ процессомъ ѣзды; почти всѣ засыпаютъ учитель-

ницу разспросами,—не успѣваешь отвѣчать, да и дѣти не успѣваютъ дослушивать объясненія, такъ какъ впечатлѣнія смѣняются одно другимъ. Этотъ восторгъ, это увлеченіе вполнѣ объяснимы. Бѣдныя дѣти города! Громадное большинство изъ нихъ въ первый разъ видитъ открытый горизонтъ, настоящій лѣсъ, стадо, ручеекъ; незатѣйливые однообразные виды петербургскихъ окрестностей представляются имъ чудными картинами, подобныхъ которымъ никогда не рисовало ихъ воображеніе.

Послѣднія минуты ѣзды опять проходятъ уже въ напряженно-нетерпѣливомъ ожиданіи: скоро-ли Павловскъ, о которомъ такъ много наслышались уже они отъ старшихъ. Наконецъ, поѣздъ останавливается; дѣти опять становятся попарно и чинно входятъ въ паркъ; но эта чинность до перваго пригорка. Со всѣхъ ногъ несутся они подъ гору, не разбирая ничего; но на траву не бѣгутъ, цвѣтовъ не рвутъ—это усердно внушается имъ всю дорогу; впрочемъ, заманчивая перспектива—пойти въ настоящій лѣсъ—заставляетъ ихъ сдерживаться. Прогулявшись по парку, дѣти отправляются къ мачтѣ, къ качелямъ, наслаждаются всѣми этими удовольствіями нѣсколько времени; затѣмъ—въ настоящій лѣсъ. Только что войдешь — тутъ полная свобода: не надо больше идти парами; стройные ряды разстраиваются; не надо думать о томъ, чтобы не вступить на траву, не насорить на дорожкахъ. Тутъ начинается самый разгаръ веселья. Дѣти продѣлываютъ «цѣлый рядъ безобразныхъ движеній» (по выраженію профессора Лесгафта), единственная причина и цѣль которыхъ—проявленіе шумной, несдержанной радости. Можно бѣгать и валяться по травѣ, можно рвать всякіе цвѣты. Нужно самому провести дѣтство въ душной, благоустроенной столицѣ для того, чтобы понять, какое это наслажденіе для городского ребенка, которому никогда не приходится «выбѣга́ть травы на бархатный коверъ», никогда не приходится сорвать цвѣтка, не оглядываясь, не увидитъ-ли этого беззаконнаго дѣянія бдительное око сторожа сквера. Первыя минуты дѣти даже не играютъ ни въ какія игры; они просто бѣгаютъ, валяются, рвутъ цвѣты, траву, мохъ; со всѣхъ сторонъ подбѣгаютъ къ учительницѣ, спрашивая названія цвѣтка, принося красивые камешки, показывая жучка, гусеницу, гнѣздышко и т. п. диковинные предметы. Не радъ будешь сказать, что какой-нибудь цвѣтокъ понравился—цѣлыя охапки цвѣтовъ несутся со всѣхъ сторонъ. Затѣмъ идутъ камни—не нуженъ-ли тотъ или этотъ въ школьную коллекцію? Похвалишь какой-нибудь кремень или красивый кусокъ шпата, — каждая тащитъ еще и еще. Отберешь два, три—остальные берите сами! Карманы набиваются камнями, шапки

украшаются вѣтками, въ рукахъ, въ подолахъ платья букеты... (Вѣнковъ, кромѣ дѣвочекъ, недавно пріѣхавшихъ изъ деревни, никто плести не умѣетъ).

Болѣе смѣлыя группами отваживаются на сравнительно отдаленныя прогулки. Сколько приключеній! Видѣли бѣлку, попали въ канаву или ручей. Шумъ, смѣхъ, разговоры... И долго еще, черезъ годъ, черезъ два, будутъ вспоминать дѣти эти приключенія, и во время какого-нибудь чтенія, при малѣйшемъ намекѣ на что-либо подобное, раздается чей-нибудь возгласъ: «А помните, какъ у насъ Иванова въ ручей попала?» И веселая улыбка, точно солнечный лучъ, скользнетъ по всему классу.

Наконецъ, всѣ утомились, проголодались. Новое удовольствіе. На фермѣ, въ ближайшей деревнѣ или у кого-нибудь изъ служащихъ при паркѣ покупается молоко, ставятся самовары, провизія распаковывается и истребляется съ неимовѣрною быстротой.

Послѣ отдыха—новое веселье; иногда—катанье на лодкѣ; затѣмъ сборы домой, всегда наступающіе слишкомъ скоро, по мнѣнію дѣтей: затѣмъ—обратная поѣздка. Утомленныя, усталыя, растрепанныя, съ руками, полными цвѣтовъ, съ карманами, полными разной дряни, которая для ребенка дороже всякихъ драгоцѣнностей, присмирѣвшія, разсаживаются дѣти въ вагоны, прощаясь съ Павловскомъ до будущаго года.

Имѣютъ-ли подобныя прогулки образовательное значеніе; можно-ли ихъ назвать экскурсіями съ какой-либо опредѣленной цѣлью? Конечно, систематизированныя экскурсіи очень желательны, но наши поѣздки, одинъ разъ въ годъ, врядъ-ли могутъ прямо служить какимъ-либо образовательнымъ цѣлямъ. Трудно систематизировать наблюденія настолько безпорядочныя; мудрено остановить вниманіе дѣтей на чемъ-нибудь въ томъ возбужденномъ состояніи, въ которомъ они находятся. Безпорядочные, случайные отвѣты на массу разнообразныхъ вопросовъ, которыми они закидываютъ учителя, врядъ-ли укладываются въ ихъ головѣ.

Но косвенно эти поѣздки служатъ большую службу въ дѣлѣ образованія и воспитанія. Отдѣльныя, разрозненныя впечатлѣнія все-же остаются въ душѣ ребенка, и часто на урокахъ географіи, міровѣдѣнія и т. п. можно бываетъ опереться на примѣры, оставшіеся въ ихъ воспоминаніяхъ веселой прогулки. Конечно, если-бы эти прогулки совершались чаще, систематизированнѣе, если-бы поле наблюденія было шире, мѣстность разнообразнѣе — дѣти вынесли-бы больше. Напр., если-бы правленіе Финляндской желѣзной дороги разрѣшило подобный безплатный проѣздъ, дѣтямъ пришлось-бы увидѣть много новаго: холмистая мѣстность, озера, долины—все это совершенно незнакомо имъ.

Но и тотъ сравнительно небольшой запасъ новыхъ впечатлѣній, который выносится изъ этихъ поѣздокъ, имѣетъ большое значеніе для умственнаго развитія нашихъ дѣтей, кругозоръ которыхъ такъ ограниченъ, а о нравственномъ значеніи и говорить нечего. Подобныя школьныя удовольствія возбуждаютъ жизнерадостность и бодрость въ дѣтяхъ, а жизнерадостность и бодрость духа — лучшія условія для удачнаго хода обученія и воспитанія.

Г. У.

О грамматическомъ матеріалѣ въ русскихъ учебникахъ.

(Окончаніе).

Спряженіе глаголовъ—одинъ изъ труднѣйшихъ отдѣловъ морфологіи; вслѣдствіе разнообразія формъ и многочисленныхъ развѣтвленій спряженія отдѣльныхъ глаголовъ по разнымъ образцамъ, классификація словъ этого разряда относительно спряженія неизбѣжно является сложною и нелегкою для усвоенія и запоминанія. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что спрягаемыхъ (въ тѣсномъ смыслѣ) формъ въ русскихъ глаголахъ немного, всего двѣ: настоящее время и повелительное наклоненіе. Воспользовавшись разъясненіями и обобщеніями *А. Востокова*, въ особенности-же его извѣстными «десятью различіями» глаголовъ, проф. *Богородицкій* видоизмѣнилъ и улучшилъ классификацію своего отдаленнаго предшественника, изложивъ спряженіе глаголовъ въ такомъ видѣ. Различаются, во-1-хъ, глаголы безъ *ся* и глаголы съ такимъ окончаніемъ; во-2-хъ, дѣлается раздѣленіе глаголовъ на извѣстныя два спряженія. Глаголы перваго спряженія затѣмъ подраздѣляются такъ: къ первому разряду относятся твердые глаголы съ окончаніемъ на *у* въ настоящемъ времени и на *лъ* въ прошедшемъ [а) гребу, скребу; б) везу, несу; в) тру, умру; г) пеку, могу; д) веду, цвѣту; ж) живу слыву; з) жму, мну]. Ко второму разряду относятся мягкіе глаголы, у которыхъ настоящ. время образовано посредствомъ й (j) [а) полю, борю; б) мою, крою; в) пою; г) брѣю, лью и д) знаю, бѣлѣю, дую]. Третій разрядъ составляютъ глаголы, оканчивающіеся въ прошедшемъ времени на *алъ* (сосу, беру, зову). Къ четвертому разряду принадлежатъ мягкіе глаголы, въ настоящемъ времени которыхъ, подъ вліяніемъ й (j), встрѣчается такая-же перемѣна согласныхъ, какъ въ краткой сравнительной степени прилагательныхъ [а) треплю, сыплю, гложу, рѣжу, лижу, ищу; б) царствую, воюю; в) сѣю, таю]. Наконецъ, пятый разрядъ составляютъ глаголы на *ну* (прысну, топну, сохну). Глаголы второго спряженія

подраздѣляются на два разряда: къ первому изъ нихъ относятся глаголы съ окончаніемъ *илъ* въ прошедшемъ времени (солю, раню, люблю хожу, учу), а ко второму — глаголы съ окончаніями въ указанномъ времени *ѣлъ* или *алъ* [а) велю, горю, скорблю, сижу, вишу и б) лежу, слышу, молчу]. Въ спряженіи глаголовъ необходимо различать, во-1-хъ, основу настоящаго времени, отъ которой происходятъ, кромѣ указаннаго времени, повелит. наклон., причастіе и дѣепричастіе настоящаго времени, и, во-2-хъ, основу неопредѣленнаго наклоненія, отъ которой производятся остальныя формы. Что касается ударенія, то относительно его глаголы перваго спряженія въ настоящемъ времени могутъ быть раздѣлены на пять разрядовъ. Къ первому принадлежатъ глаголы, въ которыхъ удареніемъ сопровождаются всѣ личныя окончанія: *несу́*, *ведёшь*, *ползётъ*, *бредёмъ*, *плывёмъ*, *живу́тъ*. Второй разрядъ составляютъ глаголы, въ которыхъ удареніе сопровождаетъ окончаніе только перваго лица единств. числа, а въ окончаніяхъ другихъ лицъ переходитъ на основу: *тону*, *тяну*, *могу*. Къ третьему разряду принадлежатъ такіе-же глаголы, но съ измѣненнымъ, подъ вліяніемъ й (j), конечнымъ согласнымъ основы въ первомъ лицѣ настоящаго времени: *треплю*, *дремлю*, *мечу*, *хлещу*, *гложу*, *пишу*, *пашу*, *вяжу*, *лижу*, *порю*, *колю*. Къ четвертому разряду относятся глаголы въ которыхъ удареніе падаетъ на единственный слогъ основы: *буду*, *стану*, *гасну*, *вяну*, *кину*, *лѣзу*, *сяду*. Наконецъ, пятый разрядъ составляютъ глаголы, въ которыхъ удареніе падаетъ на одинъ изъ слоговъ основы: *постукиваю*, *дѣлаю*, *читаю*, *играю*. Въ глаголахъ второго спряженія различаются три типа, изъ коихъ къ первому относятся глаголы съ удареніемъ на личныхъ окончаніяхъ: *дѣлю*, *велю*, *лечу*, *свищу*, *вишу*; *ко второму — глаголы* съ удареніемъ на окончаніи только перваго лица единств. числа: *хожу*, *служу*, *цѣню*, *люблю*, *учу*, и къ третьему — глаголы съ удареніемъ на основѣ: *слышу*, *грежу*, *лажу*, *граблю*, *крашу*, *строю*, *помню*. По изученіи спряженій умѣстно перейти къ разсмотрѣнію видовъ русскаго глагола. Они должны быть представлены въ новой системѣ, которую предстоитъ еще выработать на основаніи данныхъ грамматики *А. Востокова* и нѣкоторыхъ спеціальныхъ статей, къ числу которыхъ принадлежатъ, наприм., а) ст. *И. Желтова* «Виды русскихъ глаголовъ» (Филологич. Зап. 1866, V, 27—64) и б) *Э. Черного* «Объ отношеніи видовъ русскаго глагола къ греческимъ временамъ» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1876, ноябрь и декабрь и 1877, февраль, мартъ, апрѣль). Не мало относящихся къ данному вопросу свѣдѣній заключается въ книгѣ *Н. Некрасова* «О значеніи формъ русскаго глагола». Спб. 1865. Въ заключеніе замѣтокъ о глаголахъ

считаемъ необходимымъ указать на двѣ прекрасныя статьи *Я. К. Грота*, помѣщенныя въ первомъ томѣ его «Филологическихъ разысканій»: 1) «О спряженіи русскаго глагола и важности въ немъ ударенія» и 2) «О глаголахъ съ подвижнымъ удареніемъ» (стр. 354—387 по изданію 1885 г.).

Въ морфологическомъ анализѣ словъ каждой части рѣчи необходимо указывать префиксы, корни и въ особенности суффиксы, входящіе въ составъ словесныхъ основъ. Введеніемъ въ этотъ отдѣлъ должны служить общія свѣдѣнія о морфологическихъ частяхъ слова, ихъ составѣ, обособленіи и переинтеграціи. Пособіемъ по этому вопросу можетъ служить книга *Н. В. Крушевскаго* «Очеркъ науки о языкѣ», Казань. 1883 г. и статьи «Морфологическій анализъ словъ», напечатанныя въ «Филолог. Запискахъ» (1884, I, 85—96, 1885, IV—V, 13—34 и 1887, III—IV, 35—66). При разсмотрѣніи словъ по ихъ морфологическому составу, необходимо указывать, на какой части слова находится *удареніе*. Однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ, опредѣляющихъ его мѣсто въ словѣ, является *качество суффиксовъ*, изъ которыхъ одни привлекаютъ удареніе на себя, другіе приближаютъ его къ себѣ, а третьи не производятъ на мѣсто ударенія никакого вліянія. Вопросъ объ удареніяхъ въ русскомъ языкѣ еще не изслѣдованъ во всей полнотѣ, хотя и сдѣлано уже многое. Назовемъ здѣсь наиболѣе важныя спеціальныя статьи: 1) *Я. К. Грота* въ первомъ томѣ «Филологическихъ разысканій», подъ заглавіемъ «О русскомъ удареніи вообще и объ удареніи именъ существительныхъ» (стр. 388—451); 2) *К. И. Смирнова*—«О взаимномъ отношеніи по ударенію именъ существительныхъ съ суффиксомъ *ецъ* и ихъ *производящихъ* въ русскомъ языкѣ». Казань. 1883; 3) *А. И. Александрова*—а) «Удареніе именъ существительныхъ съ суффиксомъ *икъ* въ русскомъ языкѣ» («Русскій Филолог. Вѣстникъ». 1882) и б) «Удареніе именъ существительныхъ женскаго рода, оканчивающихся на суффиксы *ынь*, *ыва* и *ева*, въ русскомъ языкѣ» (ibidem).

При изученіи русскихъ склоненій и спряженій необходимо указывать въ соотвѣтствующихъ случаяхъ дѣйствіе психологическаго фактора, извѣстнаго подъ именемъ *аналогіи формъ*, или *морфологической ассимиляціи*. Этотъ факторъ состоитъ въ томъ, что формы, чаще другихъ повторяющіяся въ языкѣ и получающія преобладаніе, ассимилируютъ, уподобляютъ себѣ другія формы.

Въ примѣръ аналогіи укажемъ на окончанія русскихъ именъ существительныхъ въ дательномъ, творительномъ и предложномъ падежахъ множественнаго числа на *амъ*, *ами*, *ахъ*: прежде эти оконча-

нія свойственны были только именамъ женскаго рода, а теперь сила аналогіи усвоила ихъ и существительнымъ другихъ родовъ. Вліяніемъ аналогіи объясняется также исчезновеніе въ русскомъ языкѣ формъ *двойственнаго числа*: меньшія числомъ и употреблявшіяся сравнительно рѣдко, онѣ исчезли, ассимилировавшись къ формамъ множественнаго числа, вслѣдствіе количественнаго преобладанія и болѣе частаго употребленія послѣднихъ. Чрезъ сравненіе русскихъ формъ склоненія и спряженія съ соотвѣтствующими старо-славянскими вліяніе аналогіи открывается во многихъ другихъ случаяхъ и свидѣтельствуетъ о силѣ указаннаго фактора. При сравнительномъ разсмотрѣніи формъ, должны быть указаны и тѣ, которыя представляютъ собою рудиментарные остатки старо-славянскаго строя и сохранились до настоящаго времени, благодаря частому употребленію въ тѣхъ или другихъ сочетаніяхъ.

При морфологическомъ анализѣ словъ необходимо указать и случаи (примѣры) такъ-называемаго *народнаго словопроизводства* (Volksetymologie). Это именованіе усвояется процессу, состоящему въ томъ, что народъ безсознательно измѣняетъ всякое чужое или собственное, но непонятное, этимологически одинокое слово примѣнительно къ наиболѣе привычнымъ звуковымъ сочетаніямъ, имѣющимся въ родномъ языкѣ. Отсюда получаются новыя слова, похожія на родныя—или только звуковыми сочетаніями лишь съ внѣшней стороны, или своеобразно осмысленными морфологическими частями, особенно корнями, или, наконецъ, какъ звуковыми сочетаніями, такъ вмѣстѣ и ихъ значеніемъ. Примѣровъ перваго рода, гдѣ народное производство обнаруживается, какъ внѣшняя фонетическая ассоціація, имѣется очень много: *небель* (вмѣсто мебель), *некрутъ* (вмѣсто рекрутъ), *штафета* (вмѣсто эстафета), *капельдинеръ* (вмѣсто камердинеръ), *прозументъ* (вмѣсто позументъ), *листократъ* (вмѣсто аристократъ) и т. п. Не мало также и такихъ примѣровъ народнаго словопроизводства, въ которыхъ обнаруживается уже безсознательное стремленіе такъ или иначе, хотя и оригинально, осмыслить чужое или вообще непонятное слово: *крылосъ* (клиросъ, видоизмѣненіе подъ вліяніемъ сближенія со словомъ *крыло*), *опивумъ* (опіумъ, сближеніе со словомъ *опиваться*), *шерстингъ* (шертингъ, сближеніе со словомъ *шерсть*), *проминажъ* (променадъ, сближеніе со словомъ *проминаться*, прохаживаться), *ниткаль* (миткаль, сближеніе со словомъ *нитка*), *преугрюмище* (пилигримище, сближеніе со словомъ *преугрюмый*), *муравей* (моровей, сближеніе со словомъ *мурава*) и т. п. Значительно меньше словъ, которыя, подвергшись народному словопроизводству, совпали съ производимыми словами, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны: *посажиръ* (пассажиръ),

оказія (occasio, сближеніе со словомъ *оказаться*), *поганый* (paganus) и т. п. Изъ нѣсколькихъ спеціальныхъ статей, посвященныхъ вопросу о народномъ словопроизводствѣ, назовемъ здѣсь одну, болѣе подробную, именно *М. Савинова*, подъ названіемъ «Народная этимологія», напечатанную въ первомъ выпускѣ «Русск. Фил. Вѣстника» за 1889 г.

Что касается *служебныхъ частей рѣчи*, то относящійся сюда матеріалъ въ достаточной мѣрѣ изложенъ, наприм., въ «Исторической грамматикѣ русскаго языка» Ѳ. Буслаева. Въ ученіи о частицахъ особенное вниманіе долженъ останавливать на себѣ вопросъ объ ихъ происхожденіи и морфологическомъ составѣ,—разумѣется, по скольку рѣшеніе этого вопроса возможно на почвѣ языковъ старо-славянскаго и русскаго.

Обратимся теперь къ замѣчаніямъ относительно научнаго изложенія *синтаксиса*. Пособіемъ при этой работѣ, кромѣ названныхъ выше сочиненій *А. Потебни* и *А. Попова*, можетъ быть и учебное руководство *Н. Баталина* «Русскій синтаксисъ на основаніи изслѣдованій гг. Потебни, Миклошича и Гейзе». М. 1883.

Главный предметъ синтаксиса есть анализъ *предложенія* въ обширномъ смыслѣ этого слова. Но въ чемъ заключается отличительная, характеристическая особенность предложенія? По мнѣнію проф. Потебни, съ этимъ понятіемъ прежде всего слѣдуетъ соединять представленіе *о частяхъ рѣчи*, какъ необходимомъ содержаніи предложенія. «Существенный признакъ его (предложенія) въ нашихъ языкахъ, говоритъ А. Потебня,—состоитъ въ томъ, что въ предложеніе входятъ *части рѣчи*; если ихъ нѣтъ, то нѣтъ и нашего предложенія». Теперь является вопросъ: какая-же изъ частей рѣчи составляетъ главнѣйшую, существенную принадлежность этой синтактической категоріи? Если всѣ формы одночленныхъ предложеній, какими-бы частями рѣчи они теперь ни выражались, имѣютъ предикативный характеръ, то очевидно, что основнымъ элементомъ предложенія должна быть *глагольная форма*.

Но формъ глагола въ языкахъ флективныхъ нѣсколько: какую-же изъ нихъ мы должны признать основнымъ элементомъ, изъ котораго развивается сложный составъ предложенія, наблюдаемый при современномъ развитіи, напримѣръ, русскаго языка? Изъ сравнительнаго обозрѣнія формъ глагола оказывается, что существенныя свойства его, какъ названія признака съ оттѣнками лица, числа и времени, выражаются только *личными* формами, и что формы причастія и неопредѣленнаго наклоненія не имѣютъ всѣхъ свойствъ глагола, взамѣнъ которыхъ онѣ усвоили себѣ признаки прилагательныхъ и суще-

ствительныхъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что главнѣйшимъ членомъ предложенія служитъ *личная форма глагола*, verbum finitum. Эта форма и есть основа предложенія, называемая *сказуемымъ*. Но въ понятіе о глаголѣ входитъ указаніе не только признака съ возникновеніемъ его въ извѣстный моментъ времени, но и отношенія этого признака къ лицу, каково-бы ни было это послѣднее: извѣстное или неизвѣстное, дѣйствительное или фиктивное: въ выраженіи *ученикъ читаетъ* есть указаніе на *опредѣленный* субъектъ (читаетъ кто?—ученикъ); въ выраженіяхъ *свѣтаетъ*, *морозитъ* также имѣется указаніе на субъектъ, но только *неопредѣленный*, неизвѣстный (свѣтаетъ, морозитъ что?—неизвѣстно что, нѣчто, относимое къ среднему роду, какъ показываютъ формы *разсвѣтало, заморозило*). Слово, которымъ указывается производитель признака, выражаемаго сказуемымъ, называется *подлежащимъ*. Что-же такое *предложеніе?*—Обобщая сказанное выше, мы должны опредѣлить его, какъ личный глаголъ, стоящій самостоятельно (смеркается) или относящійся къ имени (ученикъ читаетъ). Въ этомъ опредѣленіи указывается и *значеніе* предложенія, слагающееся изъ значенія глагола и имени: выраженіе признака, возникающаго въ извѣстный моментъ времени и производимаго предметомъ опредѣленнымъ или неопредѣленнымъ, есть предложеніе.

Внѣшнею связью между подлежащимъ и сказуемымъ служатъ глагольныя окончанія. Но если сказуемое выражается не глаголомъ, а какимъ-либо именемъ, которое по своей природѣ не можетъ имѣть личныхъ окончаній, то соединительнымъ словомъ сказуемаго съ подлежащимъ является какой-либо вспомогательный глаголъ, называемый *предикативною связкою*. Единственною формою для выраженія подлежащаго служитъ только *именительный падежъ какого-либо имени;* онъ обыкновенно ни съ чѣмъ не согласуется и только одинъ способенъ выражать полную независимость предмета, производящаго признакъ. Нѣкоторые составители грамматическихъ руководствъ приписываютъ формамъ косвенныхъ падежей способность выражать подлежащее, какъ названіе дѣйствующаго или главнаго предмета. Но указанныя формы никогда не имѣютъ и не могутъ имѣть такого значенія, потому что ихъ существенная, природная функція уже заключаетъ въ себѣ идею зависимости, подчиненія, несовмѣстимую съ представленіемъ самостоятельности, свойственной подлежащему. На этомъ основаніи должны быть признаны близкими по значенію, но вовсе не эквивалентными предложенія: «я скучаю» и «мнѣ скучно», «ты хочешь» и «тебѣ хочется», «онъ сказалъ» и «имъ сказано». Въ этихъ предложеніяхъ, съ замѣною именительнаго падежа какимъ-либо дру-

гимъ, выражаются уже новыя мысли, въ которыхъ центръ тяжести, или сила значенія видоизмѣнились. Формою для выраженія сказуемаго служитъ, какъ уже замѣчено, только личный глаголъ, а также какое-либо имя въ связи съ такимъ глаголомъ.

Кромѣ подлежащаго и сказуемаго въ предложеніи бываютъ еще другія, зависимыя слова. Они называются *объяснительными* и съ логической точки зрѣнія являются *опредѣленіями*, которыя ограничиваютъ объемъ понятій, выражаемыхъ подлежащимъ и сказуемымъ. Но такъ какъ зависимость объяснительныхъ словъ выражается въ языкѣ разными средствами, то эти слова и раздѣляются на слѣдующіе три вида: *опредѣлительныя*, *дополнительныя* и *обстоятельственныя*. Опредѣленіями называются согласуемыя имена въ формахъ всѣхъ падежей. Дополненіями—имена въ косвенныхъ падежахъ, не согласуемыя съ другими. Обстоятельствами называются несогласуемыя опредѣленія, которыя выражаются только нарѣчіями. При опредѣленіи синтактическихъ категорій никогда не слѣдуетъ опускать изъ вида *грамматическихъ формъ*, служащихъ для ихъ (категорій) выраженія. Если мы хоть на минуту уклонимся отъ этого принципа и при разборѣ частей предложенія будемъ руководствоваться какимъ-либо другимъ критеріемъ, то неизбѣжно впадемъ въ противорѣчіе съ самими собой и допустимъ путаницу понятій, изъ которой трудно и выбраться. Именно въ такомъ положеніи находится теперь въ школахъ синтактическій разборъ предложенія, основанный *на вопросахъ*, по которымъ различаются главные и второстепенные члены предложенія. Такъ какъ на вопросы опредѣленій (какой, чей, который, сколько) отвѣчаютъ слова, выраженныя не только прилагательными и числительными, но и существительными въ косвенныхъ падежахъ съ предлогами и безъ предлоговъ, то между опредѣленіями и дополненіями исчезаютъ всякія границы, и эти объяснительныя слова окончательно смѣшиваются въ сознаніи учащихся. Говорятъ, что въ выраженіяхъ—«сила *мускуловъ*, списокъ *ученикамъ*, человѣкъ *съ деньгами*, *не въ силу* трудъ, палка *о двухъ концахъ*» — слова, выраженныя косвенными падежами именъ, суть опредѣлительныя, такъ какъ отвѣчаютъ на вопросы опредѣленій и могутъ быть замѣнены равносильными прилагательными: *мускульная*, *ученическій*, *денежный*, *непосильный*, *двухконечная*. Но при такомъ разборѣ совершенно игнорируются грамматическія формы и ихъ спеціальныя значенія,—допускается смѣшеніе выраженій, въ сущности вовсе не однозначущихъ: такъ, въ приведенныхъ примѣрахъ существительныя въ косвенныхъ падежахъ, замѣненныя прилагательными, неизбѣжно утрачиваютъ значительную долю присущаго имъ по при-

родѣ самостоятельнаго значенія и становятся названіями признаковъ, данныхъ или заключающихся въ другихъ предметахъ. Точно также сглаживается всякое различіе между словами дополнительными и обстоятельственными, когда послѣднія опредѣляются не грамматическими формами, а *по извѣстнымъ вопросамъ* (гдѣ, куда, откуда, когда, какъ, почему). Въ предложеніяхъ: «*былъ въ гостяхъ*, *иду изъ гостей*, *встаю на зарѣ*, *хожу безъ пояса*, *убѣжалъ безъ оглядки*, *захворалъ отъ непосильной работы*» — слова, выраженныя именами съ предлогами, обыкновенно опредѣляются, какъ обстоятельственныя, потому что отвѣчаютъ на вопросы: *гдѣ*, *откуда*, *когда*, *какъ*, *отчего*. Но такое разсужденіе не выдерживаетъ критики съ формальной точки зрѣнія: упомянутыя слова, по употребленію въ языкѣ, еще не имѣютъ полнаго адвербіальнаго характера, и потому не могутъ считаться обстоятельственными. При этомъ надобно помнить, въ чемъ заключается *полная адвербіальность* словъ. Дѣло въ томъ, что процессъ образованія нарѣчій изъ именъ еще не закончился, а продолжается и сейчасъ. Поэтому нарѣчіями въ строгомъ смыслѣ слѣдуетъ считать лишь тѣ, которыя утратили надежное значеніе и характеръ субстанціальности: къ числу нарѣчій съ неопредѣленнымъ падежнымъ характеромъ относятся тѣ, которыя образовались отъ согласуемыхъ словъ и вмѣстѣ съ падежомъ утратили и согласованіе: *хорошо*, *вѣрно*, *лучше*, *вѣрнѣе;* характеръ субстанціальности утратили нарѣчія, происшедшія отъ словъ дополнительныхъ: *завтра*, *верхомъ*, *пѣшкомъ*, *второпяхъ* и т. п. Поэтому одно и то-же слово можетъ имѣть значеніе и дополненія, и обстоятельства: въ предложеніи—«*не имѣю дома*» — послѣднее слово есть дополненіе, а въ предложеніи—«*сижу дома*» — оно есть уже обстоятельство.

Изъ представленнаго нами анализа составныхъ членовъ предложенія можно видѣть, что формальная точка зрѣнія оказывается наиболѣе точною и надежною въ изложеніи синтактическихъ понятій, и что въ грамматикѣ она должна быть признана единственнымъ критеріемъ всякихъ опредѣленій и разсужденій.

Дальнѣйшее разсмотрѣніе синтактическихъ вопросовъ потребовало-бы очень много времени и мѣста, а потому мы ограничимся здѣсь разъясненіемъ еще только одного вопроса.

Въ учебныхъ руководствахъ отводится много мѣста такъ-называемому *сокращенію придаточныхъ предложеній*. Между тѣмъ объ этомъ не должно-бы быть и рѣчи. Изъ опредѣленія предложеній, приведеннаго выше, уже видно, что формы выраженій, называемыя у насъ сокращенными придаточными предложеніями, вовсе не пред-

ложенія, а второстепенные члены, и что по своему значенію они вовсе не равносильны формамъ, которыя именуются полными придаточными предложеніями. За-то при изученіи другихъ, болѣе важныхъ отдѣловъ составители учебныхъ руководствъ допускаютъ существенные пробѣлы: такъ, ни въ одномъ учебникѣ не разработанъ съ надлежащей отчетливостью и полнотой *синтаксисъ русскихъ падежей*.

Заканчивая замѣтки по синтаксису, мы должны сказать, что кругъ вопросовъ, составляющихъ содержаніе этой части грамматики, можетъ оставаться почти неизмѣненнымъ, но точка зрѣнія, съ которой эти вопросы слѣдуетъ разсматривать, должна быть другая, именно *формальная*.

Пусть не посѣтуетъ на насъ читатель, если многое изъ того, что мы сказали, покажется ему недостаточно яснымъ и мотивированнымъ: въ журнальной статьѣ не всегда удобно вдаваться въ слишкомъ спеціальныя разъясненія. Кромѣ того, многіе изъ затронутыхъ нами вопросовъ еще ждутъ спеціальной разработки, и мы не можемъ отвѣчать на нихъ, какъ-бы хотѣлось. Но, думаемъ, читатель долженъ убѣдиться въ справедливости нашей мысли, что грамматическій матеріалъ въ русскихъ учебникахъ слѣдуетъ изложить совершенно въ другомъ, новомъ видѣ, и что составленію научнаго руководства по грамматикѣ родного языка необходимо посвятить очень много трудовъ и времени.

Неудовлетворительная постановка въ школахъ русской грамматики, какъ учебнаго предмета, породила въ обществѣ мнѣніе, что этотъ предметъ—одинъ изъ скучнѣйшихъ и мало полезныхъ. Дѣйствительно, такою должна казаться грамматика, если изучать ее по руководствамъ гг. *Кирпичникова*, *Антонова* и имъ подобныхъ авторовъ. Но если при изученіи грамматическаго строя родного языка мы будемъ вводить учащихся въ пониманіе законовъ этого строя, если, затѣмъ, учащіеся, путемъ собственныхъ наблюденій, придутъ къ мысли, что въ языкѣ нѣтъ ничего случайнаго и безпричиннаго, что составные элементы языка представляютъ собою извѣстнаго рода типы и системы, и что, подчиняясь общимъ вліяніямъ, факты языка подлежатъ точной научной классификаціи, то русская грамматика будетъ казаться учащимся не сухимъ конгломератомъ всевозможныхъ правилъ и исключеній, а системою знаній, полныхъ глубочайшаго философскаго значенія и интереса.

А. Анастасіевъ.

Данныя по вопросу о преподаваніи рисованія въ общеобразовательной школѣ.

(Окончаніе).

Резюмируя сказанное о новѣйшихъ руководствахъ по рисованію, нельзя не придти къ тому заключенію, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ еще твердо установившагося и вполнѣ соотвѣтствующаго цѣлямъ метода обученія рисованію въ общеобразовательной школѣ. Исключеніе составляетъ только начальная ступень преподаванія,—курсъ орнамента въ одной плоскости. Для этого курса имѣется масса пособій и коллекцій русскихъ и, въ особенности, заграничныхъ изданій; имѣются и прекрасныя руководства (собственно, тоже сборники образцовъ), какъ, напр., «Курсъ элементарнаго рисованія» О. Рѣдковской и 1-я часть методики того-же г. Мартынова, и др. Что-же касается до самаго ядра вопроса, до обученія рисованію съ натуры, то въ этомъ случаѣ пріемы преподаванія совершенно не разработаны и, какъ мы видѣли, взамѣнъ практики въ рисованіи предлагается долгое и детальное изученіе курса перспективнаго черченія.

Нашъ обзоръ современнаго положенія вопроса о школьномъ рисованіи былъ-бы не полонъ, если-бы мы не упомянули о большой статьѣ художника Васильева, помѣщенной въ журналѣ «Педагогическій Сборникъ», въ книжкахъ за январь и мартъ 1892 года. Статья г. Васильева съ большою подробностью знакомитъ насъ съ существенными реформами въ преподаваніи рисованія, произведенными въ послѣднее время во Франціи. Реформы эти начались еще въ 1878 году, когда были учреждены должности 17-ти окружныхъ инспекторовъ, на обязанность которыхъ возложено наблюденіе за преподаваніемъ рисованія по всѣмъ школамъ Франціи. Немедленно вслѣдъ за этимъ, для правильной установки метода и выработки программы, былъ учрежденъ особый «*Совѣтъ усовершенствованія преподаванія искусствъ и рисованія*»;

были организованы обязательные ежегодные съѣзды учителей для совѣщаній по всѣмъ возникающимъ вопросамъ и произведены крупныя ассигновки (350.000 фр. въ 1879 году) на устройство и обзаведеніе классовъ рисованія. Рядомъ съ этимъ было обращено большое вниманіе на подготовку хорошихъ учителей рисованія. Благодаря этимъ мѣрамъ, школьное рисованіе во Франціи поставлено въ настоящее время уже на твердую почву и имѣетъ строго обдуманный, цѣлесообразный, практически примѣнимый и, что̀ не менѣе важно, единообразный методъ для всѣхъ учебныхъ заведеній. Въ программу обученія (приведенную полностью въ статьѣ г. Васильева), разсчитанную на 8-ми—10-ти-лѣтній періодъ занятій, входятъ, кромѣ элементарныхъ геометрическихъ понятій и курса орнамента въ одной плоскости, изученіе формъ о трехъ измѣреніяхъ въ ихъ дѣйствительныхъ размѣрахъ (элементы геометрическаго черченія) и въ ихъ кажущемся видѣ (элементы перспективнаго рисованія); курсъ орнамента съ натуры (барельефы); архитектурное черченіе (пьедесталы, базы, карнизы, утоненіе колоннъ); архитектурные ордера и фрагменты (капители, маскароны, грифы и проч.); изученіе стилей. Элементарное изученіе головы, конечностей и фигуры человѣка и животныхъ, съ моделей и съ натуры. Изученіе пейзажа. Формовка и композиція.—Изъ этого краткаго перечня видно, насколько обширна программа рисованія въ школахъ Франціи и насколько велико тамъ значеніе этого предмета для общеобразовательныхъ цѣлей.

Мы, однакоже, очень далеки отъ желанія примѣненія этой программы цѣликомъ въ нашихъ школахъ. Во Франціи рисованіе проходитъ, какъ обязательный предметъ, по всѣмъ восьми классамъ лицеевъ и классическихъ коллегій; у насъ-же едва удѣляется на этотъ предметъ три, четыре года. Но, не говоря уже о невозможности примѣненія у насъ цѣликомъ этой программы—по недостатку времени, намъ она кажется вообще нѣсколько грузной и ненужно разнообразной по содержанію. Очень можетъ быть, что это убѣжденіе въ излишней полнотѣ и, если можно такъ выразиться, роскоши состава французской программы, родилось въ насъ вслѣдствіе того сильнаго контраста, который представляетъ положеніе этого дѣла у насъ, въ Россіи. Во всякомъ случаѣ, дѣлая выдержки изъ статьи г. Васильева, мы имѣли въ виду не столько самую программу, сколько фактъ совершившейся въ короткое время крупной и коренной реформы по занимающему насъ вопросу. Пересмотръ и выработка программъ и метода преподаванія рисованія, какъ мы видѣли, начаты и у насъ, и еще гораздо ранѣе, чѣмъ во Франціи, но только тамъ все уже давно и блистательно до-

ведено до конца, тогда какъ мы все еще находимся при первыхъ сдѣланныхъ шагахъ. Только *это* намъ и хотѣлось подчеркнуть.

Приступая къ заключительной части этой статьи, я, во избѣжаніе всяческихъ недоразумѣній, напомню опять, что, говоря о малопригодности системъ преподаванія и бѣдности получаемыхъ результатовъ, я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, тѣ общеобразовательныя учебныя заведенія (составляющія, однако, огромное большинство), въ которыхъ рисованіе является дополнительнымъ элементомъ и, имѣя лишь второстепенное значеніе, занимаетъ время не болѣе двухъ, рѣдко трехъ уроковъ въ недѣлю.

Если наше заключеніе справедливо, если обученіе рисованію въ большинствѣ школъ, начиная отъ городскихъ начальныхъ училищъ и вплоть до гимназій, далеко не выполняетъ намѣченныхъ задачъ, то предстоитъ выяснить, наконецъ, вопросъ: отчего-же это происходитъ? Это не можетъ зависѣть отъ неопредѣленности задачъ искусства въ общемъ образованіи, отъ неполноты данныхъ для опредѣленія программъ для того или другого заведенія. Если эта причина могла существовать (и навѣрно существовала) раньше, то, какъ мы видѣли, въ настоящую минуту вопросъ о цѣли и о размѣрахъ преподаванія рисованія разработанъ въ степени вполнѣ достаточной. Нельзя также считать за причину неподвижности въ преподаваніи предмета его относительно второстепенную роль въ общемъ образованіи. Всякій предметъ, входящій въ составъ общеобразовательнаго курса, уже тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ право на полное къ себѣ вниманіе, и степень значенія опредѣляется не качествомъ самого предмета, а количествомъ его участія въ общемъ дѣлѣ. Въ такомъ только смыслѣ и понимается всѣми второстепенность. Наконецъ, еще менѣе можно было-бы объяснить застой въ преподаваніи рисованія постояннымъ равнодушіемъ самихъ учителей.

Истинныя причины застоя, по нашему мнѣнію, заключаются въ двухъ обстоятельствахъ, и трудно опредѣлить, которое именно изъ нихъ больше вліяетъ на инертность въ дѣлѣ обученія рисованію.

Первая причина—обособленность рисованія среди другихъ предметовъ обученія, рѣзко выражающаяся *необязательностью успѣховъ* въ немъ и полнымъ отсутствіемъ систематическаго, постояннаго контроля этихъ успѣховъ.

Вторая причина заключается въ трудности примѣненія на практикѣ единственно цѣлесообразнаго метода обученія—рисованія съ натуры. Трудность этого примѣненія вытекаетъ изъ естественныхъ

свойствъ самого предмета, требующихъ непремѣннаго соблюденія многихъ специальныхъ условій.

Въ то время, когда учителю любого предмета достаточно имѣть подъ рукою классную доску и владѣть вниманіемъ учениковъ, для учителя рисованія необходима еще цѣлая масса разнообразнаго учебнаго матеріала и моделей и, что представляетъ всегда наибольшее затрудненіе, необходимо такое размѣщеніе и этого матеріала, и этихъ моделей, которое обусловливало-бы возможность *удобнаго* рисованія съ натуры.

Устраненіе указанныхъ двухъ причинъ, служащихъ единственными крупными тормазами для дѣла, совершенно необходимо, а потому мы и разсмотримъ ихъ обстоятельнѣе.

Что касается первой причины, — исключительности положенія школьнаго рисованія среди другихъ предметовъ, то позволительно думать, что эта исключительность, главнымъ образомъ, зависитъ отъ рутины, отъ старой привычки смотрѣть на школьное рисованіе, какъ на занятіе чистымъ искусствомъ, не подлежащимъ критикѣ непосвященныхъ. Ложность подобнаго взгляда особенно ярко сказывается теперь, послѣ столькихъ выясненій этого вопроса. Если-бы рисованіе являлось въ школѣ, какъ занятіе чистымъ искусствомъ, въ какомъ видѣ, напримѣръ, преподается музыка, тогда, прежде всего, необходимо было-бы расширить рамки времени для его изученія. Всѣмъ извѣстно, сколько труда и времени беретъ одна механическая сторона изученія всякаго искусства, и если-бы допустить, что школа имѣетъ цѣлью образованіе, или, хотя-бы, подготовленіе художниковъ, то потребовалось-бы удесятерить время, назначаемое нынѣ для занятій, какъ это и приходится дѣлать для другого искусства—музыки, въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ она преподается. Занятія музыкой, помимо обычныхъ уроковъ съ учителемъ, требуютъ еще и ежедневныхъ и немалыхъ самостоятельныхъ упражненій, да и при этихъ условіяхъ только нѣкоторые изъ учащихся въ школѣ (въ весьма ограниченномъ числѣ) успѣваютъ развить въ себѣ выдающуюся виртуозность. Совершенно въ тѣхъ-же условіяхъ должно было-бы находиться и рисованіе, если-бы его стали изучать спеціально.

Ничего подобнаго, однакоже, не требуется. Школьное рисованіе, вслѣдствіе совершенной особенности своихъ задачъ, благодаря примитивности и общедоступности элементовъ обученія, настолько разнится отъ занятій чистымъ искусствомъ, что даже самое названіе «искусство» почти не приложимо къ нему и употребляется только по необходимости, за отсутствіемъ другого, болѣе подходящаго термина. Отношеніе школь-

наго рисованія къ чистому искусству можно сравнить съ отношеніемъ элементарной грамотности къ произведеніямъ поэтовъ и литераторовъ. Законность его присутствія среди другихъ общеобразовательныхъ предметовъ обусловливается необходимостью воспитанія глаза—въ смыслѣ развитія умѣнья наблюдать и понимать видимыя формы; въ смыслѣ развитія, такъ сказать, «грамотности глаза».

Я знаю, что найдется еще и въ настоящее время не мало людей, склонныхъ считать это опредѣленіе не болѣе, какъ за фразу. Но достаточно вспомнить, насколько неразрывно связано содержаніе съ формой во всемъ реальномъ мірѣ, окружающемъ человѣка; достаточно указать, что самый процессъ мышленія, за исключеніемъ, можетъ быть, чисто умозрительнаго, отвлеченнаго мышленія, состоитъ изъ ряда образныхъ представленій; что о громадномъ большинствѣ случаевъ, когда вопросъ идетъ о формѣ, или даже только касается формы, передача понятій и представленій далеко не всегда возможна, а часто и совершенно немыслима путемъ однихъ объясненій; что, наконецъ, умѣнье наблюдать, понимать и запоминать форму требуетъ предварительныхъ упражненій для своего развитія.

Эта-то скромная, но необходимая и ясно опредѣленная цѣль—развитіе глазомѣра въ связи съ соотвѣтствующей техникой—и составляетъ задачу школы. Но тогда одно изъ двухъ: или рисованіе, въ томъ объемѣ, въ какомъ оно можетъ практиковаться въ школѣ, *не въ состояніи* дать положительныхъ и достаточныхъ результатовъ въ желательномъ смыслѣ—и тогда было-бы большой странностью удерживать его въ программахъ учебныхъ заведеній, или-же занятіе искусствомъ и, опять-таки, въ данномъ объемѣ *удовлетворяетъ* намѣченнымъ цѣлямъ—и тогда является не меньшею странностью выдѣлять его изъ общихъ условій преподаванія и ставить въ исключительное и неблагопріятное для успѣховъ положеніе, отвергая значеніе и обязательность этихъ успѣховъ.

Одной обязательности занятій рисованіемъ (точнѣе—обязательнаго *сидѣнія на урокахъ* рисованія), однако, далеко недостаточно, и нѣтъ такого малаго ребенка, который тотчасъ-же не понялъ-бы, что ему *необходимо* исполнить и отъ чего *можно и уклониться*; къ чему нужно прикладывать стараніе, а что можно дѣлать и спустя рукава. Полагаться въ этомъ случаѣ на обычную любовь дѣтей къ занятію рисованіемъ было-бы большой ошибкой, такъ какъ школьное рисованіе совсѣмъ не отвѣчаетъ ихъ вкусамъ и наклонностямъ. Въ программу школьнаго рисованія вовсе не входятъ изображенія пѣтушковъ, лошадокъ съ кучеромъ и кривыхъ домиковъ съ дымомъ. Напротивъ, эта программа

представляетъ собою съ первыхъ-же ступеней матеріалъ, требующій полнаго вниманія, усидчивости, терпѣнія, требующій при исполненіи извѣстнаго напряженія мысли, а при запоминаніяхъ правилъ—усилій памяти. Все это далеко не лежитъ во вкусахъ ученика, и самое большее, на что можно разсчитывать, это—на то, что занятія рисованіемъ для многихъ учениковъ будутъ *сопряжены* съ большимъ или меньшимъ удовольствіемъ.

Но при такихъ условіяхъ какъ-же возможно ожидать постоянныхъ и общихъ плодотворныхъ результатовъ?! Съ полнымъ убѣжденіемъ мы раздѣляемъ мнѣніе, что пока успѣхи по рисованію не будутъ приниматься въ разсчетъ школою, до тѣхъ поръ не будетъ и данныхъ для серьезнаго обсужденія этого вопроса; нельзя ожидать и движенія этого дѣла. При признаніи обязательности успѣховъ по рисованію, логически явится и необходимость контроля надъ этими успѣхами. И трактуемый предметъ допускаетъ всевозможные способы контроля, начиная отъ ограниченія однѣми отмѣтками учителя и кончая форменнымъ экзаменомъ, на ряду съ представленіемъ годовыхъ работъ. Необходимость провѣрочныхъ испытаній, тѣмъ болѣе не изъ главныхъ предметовъ, составляетъ вообще еще вопросъ нерѣшенный, но, при надобности, школьное рисованіе на всѣхъ ступеняхъ могло-бы представить полную возможность этихъ испытаній.

Здѣсь я предвижу два возраженія: во-первыхъ, кому поручить производство экзаменовъ или, вообще, контролированіе успѣховъ изъ рисованія? Во-вторыхъ, включеніе отмѣтокъ по искусству въ общій выводъ относительно успѣховъ ученика не можетъ-ли повести къ неправильности въ оцѣнкѣ степени его умственнаго развитія? Отвѣчу послѣдовательно на оба вопроса. Программа школьнаго рисованія, въ томъ видѣ, въ какомъ она выработана въ настоящее время, строго и ясно ограничивается общеобразовательными цѣлями, имѣетъ лишь отдаленную связь съ задачами чистаго искусства и вполнѣ исключаетъ необходимость обладанія талантомъ.

Цѣль этой программы ограничивается слѣдующими задачами: развитіемъ глазомѣра и пониманія формъ; развитіемъ вкуса и удовлетворительной техники. Степени этого развитія, не ограничиваясь сверху, представляютъ, приблизительно, слѣдующій *minimum*, обязательный къ усвоенію всѣми учениками. *На первой ступени*— пропедевтика планиметріи: линіи, углы, фигуры. Окружность. Измѣреніе угловъ. Масштабъ. Рисованіе прямолинейныхъ и криволинейныхъ орнаментовъ съ классной доски и со стѣнныхъ таблицъ. Составленіе собственныхъ комбинацій изъ пройденныхъ формъ. *На в т рой ступени*—пропедевтика

стереометріи: кубъ, призмы, пирамиды, конусъ, цилиндръ и шаръ, полные и усѣченные. Перспективное черченіе этихъ тѣлъ съ натуры и съ постояннымъ сопровожденіемъ этихъ занятій *рисованіемъ съ натуры* и *на память* (безъ точныхъ построеній) предметовъ, однородныхъ по типу съ пройденными геометрическими тѣлами. Пріемы тушеванія и условія рельефа. *Третья ступень*: рисованіе съ гипсовыхъ орнаментовъ, съ частей лица и цѣлой головы. Всякая ступень занимаетъ время въ два года, при двухчасовомъ занятіи въ недѣлю. Низшія учебныя заведенія, каковы сельскія и городскія училища, начиная занятія въ той-же послѣдовательности, сокращаютъ программу сообразно своему курсу. Нѣкоторыя учебныя заведенія (каковы, напр., институты), въ случаѣ достаточности времени, включаютъ въ программу, сверхъ перечисленнаго, еще копированіе съ лучшихъ эстамповъ и рисованіе пейзажей и головъ съ живой натуры. Послѣднія занятія, однакоже, переходятъ предѣлы нормальной программы и должны разсматриваться какъ исключенія.

Изъ этого перечня занятій съ очевидностью можно заключить, что весь курсъ школьнаго рисованія, не заключая въ себѣ ничего спеціальнаго, лежитъ вполнѣ въ сферѣ компетентности всякаго образованнаго человѣка, и поэтому контролированіе успѣховъ въ рисованіи такъ же возможно, какъ и во всякомъ другомъ предметѣ.

Что-же касается до вліянія отмѣтокъ по рисованію на общій выводъ средняго балла, то, разъ за этимъ предметомъ признано развивающее значеніе, естественно, должно признать законнымъ и правильнымъ участіе его отмѣтокъ въ общей оцѣнкѣ знаній. Такіе случаи, когда, при общей выдающейся успѣшности ученика, будетъ замѣтна *полная* отсталость его въ рисованіи, почти невозможно-рѣдки и всегда находятъ объясненіе въ какомъ-либо физическомъ недостаткѣ. Само собою разумѣется, что въ такихъ случаяхъ и отмѣтки по рисованію теряютъ свое значеніе. Да и вообще всѣ наиболѣе важные вопросы, какъ, напримѣръ, переводы изъ класса въ классъ, выдача наградъ и аттестатовъ и т. п., зависятъ отъ заключеній педагогическихъ совѣтовъ, а никакъ не отъ произвола одного учителя.

Такимъ образомъ, *не находится рѣшительно никакихъ основаній къ исключенію рисованія изъ обычныхъ условій преподаванія.*

Перехожу затѣмъ къ другому, столько-же, если еще не болѣе, крупному тормазу успѣшнаго хода дѣла.

Во всѣхъ руководствахъ и программахъ встрѣчаемъ требованіе прохожденія всего курса исключительно путемъ рисованія съ натуры. О томъ, что, собственно, подразумѣвать подъ словомъ «натура» (кромѣ

моделей геометрическихъ тѣлъ), еще имѣются нѣкоторыя туманныя указанія, но о томъ, *какъ осуществить* этотъ пріемъ на практикѣ—не упоминается вовсе, или-же предлагаются такіе неподходящіе способы, какіе мы уже отмѣтили раньше. Въ профессіональныхъ школахъ и такихъ учрежденіяхъ, каковы реальныя училища, этого вопроса не существуетъ, потому что тамъ имѣются всѣ удобства, начиная съ особой, спеціально приноровленной комнаты и мебели и кончая полнымъ подборомъ моделей для рисованія. Въ другихъ большихъ учебныхъ заведеніяхъ, если еще не имѣется такого особо устроеннаго рисовальнаго класса, то можно встрѣтить въ программахъ указаніе на необходимость его устройства. Что-же касается до большинства гимназій и прогимназій и, еще болѣе, до разныхъ городскихъ, уѣздныхъ и т. п. училищъ, вовсе ужъ не располагающихъ избыткомъ матеріальныхъ средствъ, то учителя названныхъ заведеній, вынужденные довольствоваться только имѣющимися на лицо условіями, на первыхъ-же порахъ встрѣчаютъ такую массу неудобствъ и затрудненій, что часто имъ приходится совсѣмъ отказываться отъ примѣненія натурнаго метода. Это-то отсутствіе цѣлесообразнаго и *практически выполнимаго во всѣхъ школахъ* способа обученія и составляетъ вторую причину упорнаго застоя въ дѣлѣ обученія этому предмету. Позволю себѣ попытаться рѣшить вопросъ: возможно-ли устраненіе этого препятствія?

Какъ ни значительны могутъ быть цѣли изученія рисованія, но не слѣдуетъ забывать, что школа въ состояніи дать только одно примитивное развитіе, только первоначальный импульсъ къ достиженію этихъ цѣлей, дальнѣйшіе шаги къ которымъ зависятъ отъ желанія или надобности и подлежатъ самостоятельному развитію уже за предѣлами школы. Въ виду такой ограниченности въ задачахъ, было-бы большой несообразностью обусловливать преподаваніе рисованія необходимостью непремѣннаго устройства особаго спеціальнаго класса. Такое требованіе для большинства школъ оказалось-бы невыполнимымъ, слѣдовательно и не привело-бы ни къ какимъ результатамъ. Единственно плодотворнымъ рѣшеніемъ поставленнаго вопроса, очевидно, будетъ то, которое окажется осуществимымъ при наличныхъ матеріальныхъ и прочихъ условіяхъ школы. Въ этихъ рамкахъ и попытаемся разсмотрѣть вопросъ.

Рисованіе съ натуры всякій разъ требуетъ соблюденія слѣдующихъ непремѣнныхъ условій: 1) Модель должна быть видна полностью, во всѣхъ своихъ частяхъ, т.-е. не заслоняться, хотя-бы отчасти, головами учениковъ или какими-либо предметами. Причины этого понятны

и заключаются въ необходимости видѣть *общую* форму и сравнивать отношенія между собою различныхъ частей модели. 2) По тѣмъ-же причинамъ наблюденіе общаго, провѣрка направленія линій и размѣра откладываемыхъ разстояній на дѣлаемомъ рисункѣ возможны только тогда, когда рисуютъ въ плоскости, перпендикулярной къ центральному лучу зрѣнія и, притомъ, имѣютъ возможность болѣе или менѣе отдаляться отъ дѣлаемаго изображенія. 3) Модель должна быть достаточно освѣщена, и притомъ съ одной какой-либо стороны, только не сзади. Также необходимо, чтобы очертанія модели не путались съ контурами сосѣднихъ окружающихъ предметовъ. 4) Модель должна отстоять отъ глаза на разстояніи не ближе трехъ и не далѣе десяти самыхъ бо̀льшихъ своихъ измѣреній. При болѣе близкой постановкѣ модели, она будетъ находиться своими краями внѣ угла яснаго зрѣнія; при болѣе отдаленномъ положеніи — отчетливость контура, особенно мелкихъ деталей, исчезнетъ за дальностью разстоянія. 5) Дѣлаемыя учителемъ объясненія перспективнаго уклона и сокращенія линій должны наблюдаться на моделяхъ всѣми воспитанниками и при одинаковыхъ условіяхъ.

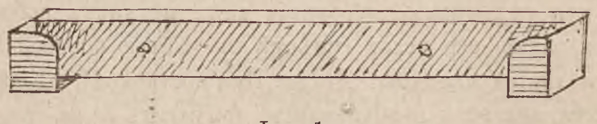
Соотвѣтственно этимъ пунктамъ разсмотримъ существующія обычныя условія, при которыхъ ведется преподаваніе въ школѣ. Учитель приноситъ съ собою, положимъ, призму и ставитъ ее передъ классомъ на свой столъ или каѳедру. Другого выбора мѣста ему и невозможно найти. Если столъ, за которымъ сидитъ учитель, помѣщается не на возвышеніи, то модель будетъ видна только съ переднихъ партъ; съ остальныхъ-же будетъ, болѣе или менѣе, заслоняться головами учениковъ. Если модель, какъ это и бываетъ чаще, ставится на каѳедру, то она видна всему классу, но, помѣщаясь значительно выше горизонта учениковъ, представитъ наблюденію только переднюю и боковую поверхности, площади-же верхняго и нижняго основаній будутъ скрыты, причемъ нижнее основаніе даже не дастъ полнаго контура, такъ какъ задніе его углы (вмѣстѣ съ частью боковой поверхности) отрѣжутся линіей каѳедры. Далѣе. При постановкѣ одной модели для всего класса является необходимость помѣстить ее въ серединѣ класса, передъ рисующими, а слѣдовательно, далеко отъ оконъ, а слѣдовательно, при слабомъ освѣщеніи, почти исключающемъ возможность яснаго разсматриванія съ *дальнихъ* партъ. Но этимъ еще далеко не исчерпываются всѣ неудобства. Будучи поставлена въ прямомъ положеніи передъ зрителями, модель останется въ такомъ видѣ только для среднихъ партъ; для учениковъ-же, сидящихъ на крайнихъ партахъ съ правой и лѣвой стороны, модель окажется отстоящей слишкомъ да-

леко въ сторону отъ ихъ точки общаго схода и будетъ находиться внѣ угла (45°) яснаго зрѣнія. Естественно, что всѣ эти, сидящіе съ краю, ученики повернутъ головы къ модели и, слѣдовательно, она представится имъ не въ прямомъ, а въ угловомъ положеніи, и всѣ дѣлаемыя учителемъ объясненія будутъ не соотвѣтствовать наблюденіямъ этихъ учениковъ. Самое производство рисунковъ въ школѣ обыкновенно дѣлается на партахъ съ извѣстнымъ наклономъ крышки (въ 20°—22°). При такихъ условіяхъ бумага представляетъ собою для глаза замѣтно сокращенную плоскость и *хорошо видѣть* дѣлаемое изображеніе возможно только нагнувшись и даже наклонивъ голову. Всякій-же разъ, когда хотятъ провѣрить общее, и для этого отдаляютъ голову, то рисунокъ перестаетъ быть ясно различаемымъ по той причинѣ, что верхнія его части, по своему наибольшему отдаленію, представляются менѣе ясными и замѣтно сокращенными.

Всѣ эти перечисленныя неудобства и составляютъ главный камень преткновенія для учителей; онѣ-же послужили и поводомъ къ признанію необходимости устройства спеціальныхъ помѣщеній для рисованія.

Не заходя такъ далеко, можно было-бы, однако-же, желать устройства такихъ партъ, которыя давали-бы возможность *легкаго* и *быстраго* подниманія уровня и скамьи, и самаго столика, и притомъ на различную и довольно значительную высоту. Существующія парты съ такимъ устройствомъ допускаютъ до нѣкоторой степени эту возможность, но требуютъ для этого всякій разъ большой возни и усилій. Однако-же, съ устройствомъ такихъ партъ (не говоря уже о расходахъ на это устройство) не устранились-бы *всѣ* неудобства, да и, какъ сейчасъ увидимъ, вопросъ можно рѣшить гораздо легче и проще.

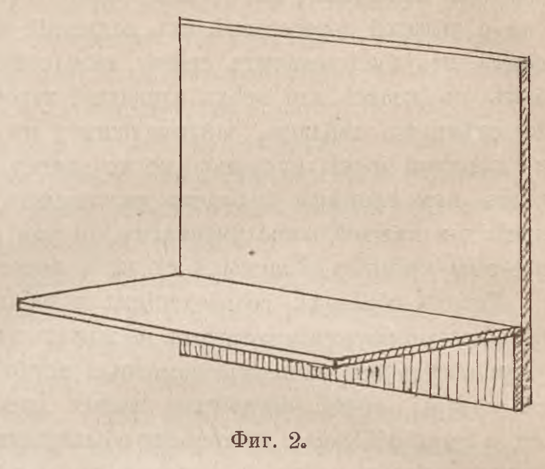
Представимъ себѣ простую линейку, вершковъ въ 10 длины, съ придѣланными на концахъ этой линейки двумя металлическими па-

Фиг. 1.

зами или гнѣздами (фиг. 1). Представимъ себѣ еще кусокъ толстаго картона четыреугольной формы, соотвѣтствующій по длинѣ линейкѣ, а въ вышину имѣющій около 8 вершковъ. Къ этому картону придѣланъ переплетчикомъ еще листъ картона, той-же толщины и формы, но нѣсколько уже перваго листа, и придѣланъ такъ, что можетъ свободно откидываться подъ прямымъ угломъ къ первому листу. Такимъ

образомъ, оба эти листа представляютъ родъ папки, состоящей изъ неравныхъ половинъ и оклеенныхъ внутри: большой листъ—гладкой сѣрой или дикой, а узенькій листъ—бѣлой бумагой (фиг. 2). Линейка привинчивается двумя винтами вверху къ задинкѣ парты. Благодаря своимъ малымъ размѣрамъ, она подходитъ ко всякой партѣ, нисколько не нарушаетъ ея цѣлости и не безобразитъ формы. Когда нужно рисовать, вставляютъ вышеописанную папку большимъ листомъ въ пазы линейки и откидываютъ на парту, въ сторону ученика, узенькій листъ. Получается устойчиво держащійся *фонъ* и *подставка* для модели. По окончаніи урока эти «фоновыя подставки» вынимаются изъ пазовъ линеекъ и убираются. Такія подставки, употребляемыя мною на практикѣ, по прочности картона и по отдѣлкѣ представляютъ собою уже почти роскошь, вовсе не обязательную для всѣхъ школъ. Устройство ихъ можетъ быть упрощено и видоизмѣнено на всякіе лады, кончая самымъ простымъ, самодѣльнымъ пюпитрикомъ, къ которому прислонялась-бы открытая маленькая папка. Вся суть этого приспособленія заключается въ устройствѣ такого помѣщенія для моделей на партахъ, которое-бы позволяло хорошо видѣть ихъ форму и удобно различать всѣ, даже мелкія измѣненія и сокращенія контура. Для этого необходимъ фонъ какъ сзади модели, такъ и по площади основанія. Этотъже фонъ своими краями всегда ясно опредѣлитъ горизонтальное и вертикальное направленія, нужныя глазу для сличенія и провѣрки направленія линій модели. Въ то-же время такая «фоновая подставка» позволяетъ достаточно расширить площадь основанія для моделей, которая безъ этого представилась-бы въ видѣ узенькой горизонтальной поверхности парты, обыкновенно чернаго или темно-бураго цвѣта, и притомъ съ петлями отъ крышки парты и со вставленными чернильницами. Эта-же фоновая подставка служитъ простой огорожей, весьма нужной, особливо въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, для сохраненія постоянно одинаковаго положенія моделей, и ужъ совершенно необходима во всѣхъ случаяхъ, когда является надобность въ прикрѣпленіи или на-

Фиг. 2.

вѣскѣ моделей, какъ, напр., при рисованіи съ гипсовыхъ орнаментовъ, а также со стѣнныхъ таблицъ и эстамповъ. Послѣднее обстоятельство вовсе не маловажно, такъ какъ большія стѣнныя таблицы, не говоря уже о высокой дороговизнѣ ихъ коллекцій и большой подверженности порчѣ, не удовлетворяютъ своему назначенію, потому что не могутъ быть въ классѣ для всѣхъ одинаково хорошо видными. Назначеніе-же стѣнныхъ таблицъ, заключающееся въ замѣнѣ рисунка учителя на классной доскѣ, нисколько не исчезнетъ, и тогда, если мы уменьшимъ ихъ размѣры и будемъ разставлять на парты по одной таблицѣ для каждой пары учениковъ, то при этомъ таблицы останутся все-таки крупнѣе дѣлаемыхъ съ нихъ рисунковъ.

Такимъ образомъ, со введеніемъ подобныхъ фоновыхъ подставокъ (стоимость сооруженія которыхъ не можетъ затруднить ни одну школу), устраняются всѣ вышеперечисленныя неудобства обученія рисованію съ натуры, кромѣ неудобства самаго рисованія на партахъ. Но и этого легко избѣжать, употребляя обыкновенныя, среднихъ размѣровъ, папки, которыя кладутся одновременно и на колѣна, и на парту и потому позволяютъ рисовать, смотря на рисунокъ подъ прямымъ угломъ.

Этимъ, собственно, исчерпывается вся задача моей статьи. Прослѣдивъ возможно подробно развитіе вопроса о преподаваніи рисованія съ самаго его начала и остановившись затѣмъ съ большимъ вниманіемъ на современномъ положеніи дѣла, мы встрѣтились съ слѣдующими фактами и пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Курсъ рисованія, въ объемѣ, необходимомъ для *общеобразовательныхъ цѣлей*, въ настоящее время вполнѣ и детально выясненъ *теоретически*.

2) Рисованіе съ натуры, которымъ обусловливается цѣлесообразность занятій въ школѣ, *практически* почти нигдѣ не примѣняется, или примѣняется въ очень незначительной степени.

3) Причины этого разлада коренятся въ отсутствіи у насъ до сихъ поръ единообразнаго, твердо установившагося метода обученія, практически примѣнимаго во всѣхъ школахъ, независимо отъ условій ихъ устройства и обстановки. Всѣ имѣющіяся у насъ сейчасъ руководства, какъ мы видѣли, не даютъ ничего подобнаго ни въ смыслѣ удобствъ примѣненія, ни въ смыслѣ цѣлесообразности, такъ какъ представляютъ собою не курсы «рисованія», а курсы «перспективнаго черченія»; и

4) Этотъ застой въ дѣлѣ разработки *практическаго метода* обу-

ченія мы объяснили двумя причинами: во-первыхъ, трудностью примѣненія натурнаго рисованія при всякихъ данныхъ и всякихъ условіяхъ, какія встрѣчаются въ школахъ. Этотъ вопросъ, какъ намъ кажется, можетъ быть въ достаточной степени улаженъ вездѣ путемъ введенія *папокъ* и *фоновыхъ подставокъ* для моделей. Во-вторыхъ, застой этотъ объясняется обособленностью рисованія среди другихъ предметовъ, выражающейся въ *необязательности успѣховъ* по этому предмету. Устраненіе этого тормаза хотѣлось-бы ожидать въ недалекомъ будущемъ, тѣмъ болѣе, что начало этому уже положено недавнимъ пересмотромъ программъ и новой регламентаціей условій преподаванія этого предмета въ классическихъ гимназіяхъ.

Въ заключеніе не могу обойти молчаніемъ еще одного обстоятельства, не мало, въ свою очередь, затрудняющаго преподаваніе. Дѣло въ томъ, что всякая школа, пожелавшая примѣнить у себя рисованіе съ натуры, бываетъ поставлена въ необходимость обзаведенія нужнымъ для этого матеріаломъ и моделями. Тотчасъ возникаютъ вопросы: что, собственно, нужно пріобрѣсти и въ какомъ количествѣ? Напрасно учитель рисованія сталъ-бы искать печатныхъ указаній и разъясненій этихъ вопросовъ—ихъ или не существуетъ вовсе, или они разбросаны по разнымъ казеннымъ или спеціальнымъ журналамъ и, къ тому-же, за разные года. Единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно пріобрѣсти всѣ эти свѣдѣнія, также какъ и самый матеріалъ, являются наши магазины художественныхъ принадлежностей. Я полагаю, что не сильно преувеличу, если скажу, что двѣ трети всего содержанія такихъ магазиновъ составляетъ безполезный и никому ненужный хламъ—въ видѣ массы всевозможныхъ залежавшихся коллекцій орнаментовъ, цвѣтовъ, пейзажей, въ видѣ огромныхъ коллекцій моделей проволочныхъ, деревянныхъ, гипсовыхъ, картонныхъ, окрашенныхъ и неокрашенныхъ геометрическихъ тѣлъ; въ видѣ нескончаемыхъ коллекцій гипсовыхъ орнаментовъ всякихъ величинъ и трудностей; цѣлой массы гипсовыхъ носовъ, ушей, полуличиковъ, барельефовъ и цѣлыхъ бюстовъ, часто громадной трудности; наконецъ, массы различныхъ «усовершенствованныхъ» приспособленій для рисованія въ видѣ хитро устроенныхъ столиковъ съ экранами для объясненія «нагляднымъ путемъ» перспективныхъ сокращеній, въ видѣ особыхъ колѣнчатыхъ стативовъ для установки моделей и т. д. и т. д.

Конечно, опытный учитель не затруднится выбрать себѣ отсюда только тотъ матеріалъ, который ему дѣйствительно нуженъ; но, какъ мы видѣли, практика рисованія съ натуры далеко еще не такъ сильно распространена у насъ и, слѣдовательно, *опытныхъ* въ этомъ смыслѣ

учителей немного. Обыкновенно учитель полагается въ этомъ случаѣ на опытность и рекомендацію продавца. Но тутъ оказывается, что *все* рѣшительно необходимо пріобрѣсти для школы. Цѣнами на товаръ, какъ извѣстно, гг. торговцы художественными принадлежностями не привыкли стѣсняться. Происходитъ это отъ почти полнаго отсутствія конкурренціи въ этого рода торговлѣ и отчасти оттого, что большая часть товара выписывается изъ-заграницы, а не фабрикуется дома. За все приходится отдуваться школѣ и платить въ тридорога за вещи, которыя впослѣдствіи бросаются, какъ ненужныя.

Мы, конечно, далеки отъ мысли упрекать гг. торговцевъ. У нихъ свои, нескрываемыя «коммерческія» цѣли. Однако-же, если можно допускать всякія цѣны при покупкѣ предметовъ роскоши, то нельзя легко помириться съ дороговизной предметовъ первой необходимости и, притомъ, служащихъ цѣлямъ воспитанія. Если не трудно мириться съ эксплоатаціей прихоти и капризовъ богатыхъ людей, то не легко допустить эксплоатацію тощихъ ученическихъ кармановъ. На бывшемъ въ 1889 году съѣздѣ техниковъ въ С.-Петербургѣ, собраніе высказалось по этому вопросу въ томъ смыслѣ, что желательно было-бы учредить склады учебныхъ матеріаловъ и пособій при самихъ учебныхъ заведеніяхъ въ провинціи, съ тѣмъ, чтобы имѣть этотъ матеріалъ всегда подъ рукою и продавать воспитанникамъ по мѣрѣ надобности.

Хотя въ этомъ предложеніи и не заключалось никакихъ цѣлей наживы, тѣмъ не менѣе не трудно видѣть, что съ введеніемъ такихъ порядковъ пришлось-бы открыть цѣлый отдѣлъ лишняго и новаго труда и отчетности, съ приглашеніемъ для этого особаго свѣдущаго лица и т. д. Но если подобное предложеніе было-бы почти непримѣнимо относительно отдѣльныхъ учебныхъ заведеній, то мы никакъ не можемъ назвать нелѣпостью вообще мысль объ организаціи въ нашихъ столицахъ складовъ учебныхъ пособій и матеріаловъ, какъ по рисованію, такъ и по другимъ предметамъ, гдѣ-бы имѣлись всегда на лицо всѣ необходимыя принадлежности для школы (только необходимыя и указанныя опытомъ) и, притомъ, подоступнымъ цѣнамъ.

Я увѣренъ, что нашлись-бы люди, ищущіе не столько наживы, сколько полезной дѣятельности, которые охотно помѣстили бы извѣстный капиталъ на дѣло крайне нужное и не представляющее риска, хотя, въ то-же время, и не обѣщающее широкихъ барышей предпринимателю. Тогда потребовалось-бы только участіе, возможно близкое, какого-либо лица, или учрежденія, пользующагося несомнѣннымъ авторитетомъ въ этомъ дѣлѣ. Это участіе должно было-бы заключаться въ выборѣ матеріаловъ для торговли, какъ здѣшняго, такъ и загра-

ничнаго производства; въ наблюденіи за подѣлками, выходящими изъ мастерскихъ при складѣ; въ примѣненіи и распространеніи всѣхъ опробованныхъ и дѣйствительно полезныхъ приспособленій и улучшеній въ чемъ-либо, выработанныхъ наукою; словомъ, въ дѣятельности постоянно направляющей и улучшающей производство и не связанной, притомъ, никакими коммерческими разсчетами.

Такъ, напримѣръ, почему-бы нельзя было замѣнить въ высшей степени хрупкій и тяжелый матеріалъ, какимъ является гипсъ при изготовленіи моделей для рисованія, легкимъ и безконечно прочнѣйшимъ матеріаломъ — резиной, пластичность которой и удивительная тонкость и устойчивость даже въ самомъ мельчайшемъ контурѣ можно наблюдать, напримѣръ, на печатяхъ, игрушкахъ и тому под. вещахъ. Намъ думается, что для всей массы школьныхъ барельефовъ (не бюстовъ) резина оказалась-бы незамѣнимымъ матеріаломъ,—безъ сомнѣнія, лучшимъ, нежели тисненые барельефы изъ папье-маше, и быстро вытѣснила-бы употребленіе ломкихъ гипсовыхъ коллекцій. Во всякомъ случаѣ, этотъ и подобные вопросы должны рѣшаться компетентнымъ учрежденіемъ, и такимъ учрежденіемъ, по всей справедливости, должно-бы считаться Общество распространенія техническихъ знаній.

Н. Акатовъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Окончаніе).

Къ 1-му января 1890 года изъ 311 народныхъ школъ, подвѣдомственныхъ училищнымъ совѣтамъ, 285 или 91,6% имѣли собственныя помѣщенія и 26 или 8,4% школъ—наемныя, а именно:

Уѣзды.	Собственныхъ.	Наемныхъ.
Въ Бердянскомъ	110	5
» Мелитопольскомъ	74	—
» Днѣпровскомъ	49	2
» Перекопскомъ	3	1
» Евпаторійскомъ	6	5
» Симферопольскомъ	7	1
» Ѳеодосійскомъ	26	7
» Ялтинскомъ	10	5
По губерніи	285	26

Если мы примемъ во вниманіе, что лишь въ зданіяхъ, предназначенныхъ спеціально для школы, возможны необходимыя приспособленія и усовершенствованія соотвѣтственно требованіямъ гигіены, то съ этой точки зрѣнія положеніе школъ Таврической губерніи весьма благопріятно. И такое предположеніе подтверждается на фактахъ. Въ Таврической губерніи, помимо школъ христіанскихъ, существуютъ, какъ мы уже говорили, и школы другихъ вѣроисповѣданій и національностей, какъ-то: еврейскія, татарскія, колонистскія. О первыхъ въ отчетѣ директора народныхъ училищъ за 1882 годъ говорится, что эти «жалкія учебныя заведенія («хедеры») *) обыкновенно занимаютъ и помѣщенія, ничего общаго съ помѣщеніями учебныхъ заведеній не имѣющія». Относительно татарскихъ школъ отзывы директора не лучше **).

*) Числомъ около 11.

**) Татарскія школы, которыхъ насчитывается до 261, раздѣляются на министерскія (9), медресе (32) и мектебе (229) или начальныя татарскія училища.

Министерскія татарскія училища помѣщаются въ наемныхъ домахъ, въ большинствѣ случаевъ малоудобныхъ, тѣсныхъ и не приспособленныхъ для школы; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ учителя не имѣютъ отдѣльной квартиры и помѣщаются въ самой классной комнатѣ. Что-же касается медресе и мектебе, то они ютятся или при мечетяхъ. или въ домахъ муллъ *), или въ помѣщеніяхъ частныхъ лицъ, занимающихся обученіемъ татарскихъ дѣтей грамотѣ. Помѣщенія въ большинствѣ случаевъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ совсѣмъ не удовлетворяютъ своему назначенію; въ нихъ, говорится въ отчетѣ директора народныхъ училищъ за 1881 годъ, «сплошь и рядомъ царитъ жалкая и убогая обстановка,—безъ половъ, безъ скамей и столовъ, гдѣ мѣста, выдолбленныя собственными тѣлами учащихся въ земляномъ полу, составляютъ ихъ скамьи».

Какъ увидимъ ниже, церковно-приходскія школы, занимающія случайныя помѣщенія—церковныя сторожки, при домахъ священниковъ или при волостныхъ и сельскихъ правленіяхъ—слѣдуютъ, по неудобству помѣщеній, тотчасъ за еврейскими и татарскими.

Измѣренія земскихъ школъ дали слѣдующіе результаты:

Уѣзды **).	Число всѣхъ школъ.	Число измѣренныхъ школъ.	Въ нихъ классныхъ комнатъ.	Число кв. арш. площади пола.	Среднее на 1-го учащагося.	Содержаніе воздуха въ куб. арш.	Среднее на 1-го учащагося.	Свѣтовая поверхность квадр. арш.	% свѣтовой поверхности къ площади пола.	Число учащихся въ измѣренныхъ школахъ. Всего.	Среднее на 1 школу.
Бердянскій	106	100	159	14.503	2,2	67.621	10,2	2.172	14,2	6.619	66
Мелитопольскій	60	35	47	4.492	1,7	17.164	6,8	366	8,2	2.504	71
Днѣпровскій	41	35	58	4.348	1,5	16.630	6,0	512	11,7	2.782	79
Перекопскій	3	3	3	289	3,4	1.190	14,0	28	9,6	85	28
Евпаторійскій	6	5	5	522	2,5	2.096	10,0	56	10,7	208	41
Симферопольскій	6	6	6	553	1,6	2.019	5,9	47	8,5	338	56
Ѳеодосійскій	26	25	25	1.925	1,8	7.382	6,9	242	12,5	1.061	42
Церковно-приходскія школы	—	—	—	—	1,0	—	4,1	—	6,3	—	—

*) Татарскія школы тоже почти всѣ находятся въ вѣдѣніи татарскаго духовенства. На основаніи 1.201 ст. XI т. св. законовъ ч. I, татарскія школы могутъ быть открываемы, съ разрѣшенія магометанскаго духовнаго правленія, въ каждомъ селеніи. Такое-же право теперь предоставляется православному духовенству и монастырямъ.

**) Свѣдѣнія о школьныхъ помѣщеніяхъ относятся къ 1886 году. Относительно Ялтинскаго уѣзда данныхъ не имѣется.

Чтобы понять значеніе этой таблицы, замѣтимъ, что, по выработаннымъ вторымъ губернскимъ съѣздомъ врачей московскаго земства санитарнымъ правиламъ, на 1-го учащагося требуется: квадратной площади пола—2,75 кв. арш.; кубическое содержаніе воздуха—14,7 куб. арш.; процентное отношеніе свѣтовой поверхности къ площади пола—17%.

Отсюда явствуетъ, что если еще далеко не всѣ земскія школы достигли требуемой нормы, то многія къ ней приближаются и, несомнѣнно, со временемъ достигнутъ всѣ, потому что новыя зданія строятся уже при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, и даже отъ сельскихъ обществъ земства, при выдачѣ ссудъ на постройку училищъ *), требуетъ соблюденія непремѣннаго правила, чтобы въ училищныхъ зданіяхъ не находилось помѣщеній ни для частныхъ лицъ, ни для общественныхъ учрежденій, кромѣ комнаты, библіотеки, квартиры учителя и сторожа. Директоръ народныхъ училищъ Таврической губерніи, въ отчетѣ своемъ за 1889 годъ, сообщая свѣдѣнія о школьныхъ помѣщеніяхъ, пишетъ: «такимъ образомъ, съ каждымъ годомъ ограниченное число неудобныхъ школьныхъ зданій постепенно замѣняется новыми цѣнными и соотвѣтствующими своему назначенію помѣщеніями, или расширяются и улучшаются, благодаря настояніямъ земской управы. Въ отчетномъ (1889) году сельскими обществами израсходовано на ремонтъ школьныхъ зданій 8.828 руб. и на ремонтъ классной мебели 1.496 руб., что служитъ очевиднымъ доказательствомъ заботливости обществъ объ удовлетвореніи школьныхъ нуждъ и приведенія школьной обстановки въ возможно лучшее состояніе».

Ничего подобнаго нельзя сказать о церковно-приходскихъ и другихъ школахъ, за исключеніемъ колонистскихъ. Помѣщенія этихъ послѣднихъ превосходятъ всѣ остальныя, не исключая и многихъ земскихъ, такъ какъ въ колонистскихъ школахъ приходится на 1-го учащагося: площади пола—2,81; воздуха—11,6 куб. арш.; процентное отношеніе свѣтовой поверхности къ площади пола—12,1.

Помимо улучшенія школьныхъ зданій, земство Таврической губерніи сдѣлало все отъ него зависящее, чтобы училища были снабжены необходимыми *пособіями*, безъ которыхъ немыслимо болѣе или менѣе успѣшное веденіе дѣла народнаго образованія. Для ознаком-

---

*) Въ 1880 году состоялось постановленіе губернскаго земскаго собранія, въ силу котораго сельскимъ обществамъ, не имѣющимъ средствъ, выдаются пособія на постройку школъ. Для этого былъ образованъ особый фондъ.

ленія съ этими пособіями и количествомъ ихъ въ сельскихъ начальныхъ школахъ приведемъ данныя за 1884 годъ.

	Къ 1-му января 1885 г. состояло разныхъ учебныхъ пособій.	Въ томъ числѣ. Атласовъ и глобусовъ.	Географическихъ и историческихъ картъ.	Прописей.	Наглядныхъ и другихъ учебныхъ пособій.	Въ отчетномъ году пріобрѣтено.	На сумму. Руб.	К.
Въ Симферопольскомъ уѣздѣ	428	5	55	241	127	1	2	—
» Евпаторійскомъ уѣздѣ	947	28	20	308	595	32	13	85
» Ялтинскомъ »	299	6	50	95	148	31	4	—
» Ѳеодосійскомъ »	878	29	68	380	346	35	10	—
» Перекопскомъ »	105	4	5	18	78	28	50	—
» Мелитопольскомъ »	6.309	124	2.925	2.603	657	559	500	—
» Днѣпровскомъ »	7.832	49	1.116	1.150	4.914	603	Въ суммѣ библіотекъ.	
» Бердянскомъ »	32.742	50	565	6.077	26.050	5.472	2.177	—
Итого	49.054	250	4.804	10.872	32.915	6.761	3.757	—

Но земство не ограничилось одними пособіями, при посредствѣ которыхъ дѣти только пріобрѣтаютъ средства къ образованію, а не самое образованіе. Это послѣднее является результатомъ дальнѣйшаго обученія и особенно чтенія книгъ, которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, предохраняютъ вышедшихъ изъ школы отъ забвенія полученныхъ въ ней знаній. Съ этою цѣлью земство завело при школахъ *библіотеки*.

«Нельзя не отнестись съ глубокою признательностью,— говоритъ въ одномъ изъ «отчетовъ» директоръ народныхъ училищъ Таврической губерніи,—къ тѣмъ земствамъ и городскимъ обществамъ, которыя, здраво понимая потребности содержимыхъ ими школъ, снабжаютъ ихъ не только учебниками и учебными пособіями въ достаточномъ количествѣ, но и книгами для чтенія учащихся и выучившихся въ школахъ, ибо эти книги не только доставляютъ удовольствіе и полезныя знанія первымъ, но и предохраняютъ послѣднихъ отъ рецидивизма безграмотности и самыя матеріальныя затраты на школы дѣлаютъ болѣе производительными».

Слѣдующая табличка, заимствованная изъ отчета директора народныхъ училищъ за 1885 годъ, даетъ понятіе о состояніи библіотекъ въ школахъ, подвѣдомственныхъ училищнымъ совѣтамъ:

	Фундаментальныя библіотеки.		Ученическія библіотеки.		На 1 школу приходится экземпляровъ.	
	Названій.	Экземпляровъ.	Названій.	Экземпляровъ.	Въ фундаментальной библіотекѣ.	Въ ученической библіотекѣ.
Бердянскій	3.088	4.170	7.832	38.612	42	390
Мелитопольскій.	82	1.175	263	15.683	15	211
Днѣпровскій	2.192	5.449	1.696	18.931	132	461
Перекопскій	74	245	74	843	122	421
Евпаторійскій	181	334	433	1.338	55	223
Симферопольскій	226	455	476	1.425	91	285
Ѳеодосійскій.	229	5.808	100	9.532	215	353
Ялтинскій.	163	215	234	1.249	36	208
	6.235	17.851	11.108	87.613	68	336

Чтобы ознакомиться съ читателями этихъ библіотекъ, приведемъ данныя за 1884—1885 годъ по Бердянскому уѣзду. Въ 90 земскихъ сельскихъ библіотекахъ этого уѣзда читателей было:

Изъ прежде учившихся въ начальныхъ земскихъ школахъ	5.477	или	50,2%
» продолжающихъ учиться въ начальныхъ земскихъ школахъ. . . .	2.079	»	41,7%
» не учившихся въ нихъ.	369	»	8,1

Всѣми читателями было взято для чтенія изъ библіотеки 35.272 книги, а именно:

Религіозно-нравственныхъ.	7.906	или	22,4%
Историко-географическихъ.	20.511	»	58,1%
Естественно-историческихъ.	4.535	»	12,9%
Литературныхъ	1.891	»	5,3%
Сельско-хозяйственныхъ и юридическихъ.	429	»	1,3%
	35.272	или	100

Наконецъ, чтобы познакомить съ названіями книгъ, приведемъ здѣсь списокъ ихъ въ библіотечкахъ Бердянскаго уѣзда *) за 1884 г.

I Отдѣлъ. По Закону Божію.

		Стоимость книгъ. р.	к.
1.	Библія на русскомъ языкѣ. Синодальное изд..	2	—
2.	Жизнь Божіей Матери и праздники въ честь ея. Соколова	—	15
3.	» св. Апостола Павла. В. Михайловскаго	—	15
4.	» » » Петра. Его-же.	—	15
5.	Наставленіе, какъ вѣровать православному. Поснѣлова	—	45
6.	Какъ жить по православной вѣрѣ. Его-же.	—	90
7.	Училище благочестія или примѣры христіанской добродѣтели. Изъ жит. свят. .	1	50
8.	Разсказы изъ исторіи христіанской церкви. Чтеніе для дѣтей старшаго возраста. Бахметевой	1	75
9.	О святой землѣ 12 книгъ съ картинками, по 5 коп. каждая. Св. Пѣвцова. .	—	60
10.	Житіе преподобныхъ Кирилла и Меѳодія. В. Михайловскаго.	—	3
11.	Троице-Сергіевская лавра. Толычевой	—	10

*) Всѣ библіотеки Бердянскаго уѣзда, учрежденныя на средства земства, заключали въ себѣ каждая 74 названія, 83 тома, на сумму 40 р. 66 коп. Знать списокъ книгъ очень важно: онъ характеризуетъ идею библіотекъ.

		р.	к.
12.	Чтеніе для дѣтей пастора Тодда	—	50
13.	Указаніе пути въ царство небесное. Иннокентія, митрополита Московскаго	—	7
14.	Жизнь святителя Николая чудотворца. Михайловскаго	—	5
15.	Катакомбы. Евг. Туръ	1	—
16.	Полное собраніе поученій Путяты	2	—

II Отдѣлъ. Литературный.

		р.	к.
1.	Народная сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. Пушкина	—	3
2.	Сказка о мертвой царевнѣ и о 7-ми богатыряхъ. Его-же	—	10
3.	» о царѣ Салтанѣ. Его-же	—	8
4.	» о золотомъ Пѣтушкѣ. Его-же	—	3
5.	Капитанская дочка. Его-же	—	50
6.	Книжка 1-я. Матвѣй и Василій.—Неправедный судья.—Ермакъ. Разсказы для ребятъ. Гр. Толстого	—	20
7.	Книжка 3-я. Робинзонъ.—Дуняша.—40 разбойниковъ	—	15
8.	Аленькій цвѣточекъ. Аксакова	—	10
9.	Крутиковъ. Коваленской	—	10
10.	Прохожій. Григоровича	—	10
11.	Постоялый дворъ. Тургенева	—	10
12.	Стихотворенія. Некрасова	—	10
13.	Сорочинская ярмарка. Гоголя	—	10
14.	Избранныя басни Крылова	—	10
15.	Тарасъ Бульба. Гоголя	—	20
16.	Котъ въ сапогахъ.—Овсяный кисель.—Свѣтлана. Жуковскаго	—	10
17.	Спящая царевна. Жуковскаго	—	8
18.	Сказка о царѣ Берендеѣ, сынѣ его Иванѣ и о хитромъ Кощеѣ. Его-же	—	8
19.	Пахарь. Григоровича	—	30
20.	Мірскія дѣтки. Погосскаго	—	10
21.	Штуцерникъ Ничыпоръ зичины ворота. Его-же	—	25
22.	Трудъ кормитъ, а лѣнь портитъ. Александрова	—	5
23.	Куль хлѣба и его похожденіе. Максимова	2	25
24.	Разсказы о русскихъ самоучкахъ. Величкина	—	15
25.	Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Филонова	—	5
26.	Дѣдушка Крыловъ. Съ картинками	—	10
27.	Понемногу обо всемъ. Вебера	—	60
28.	Красный сарафанчикъ. Бахметевой	—	3
29.	Полтава. Пушкина	—	20
30.	Бесѣда о землѣ и тваряхъ, на ней живущихъ. 1 ч. Бекетова	—	80
31.	Разсказъ о Михаилѣ Ивановичѣ Топтыгинѣ. Благонравова	1	—
32.	» моимъ дѣтямъ. Бобровскаго	1	—
33.	Лазутчикъ, разсказъ. Перев. съ нѣмецкаго. Гофмана	1	45
34.	Смедовская долина. Григоровича	—	20
35.	Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы	2	—

III Отдѣлъ. Историко-географическій.

		р.	к.
1.	Родная старина. 2 ч. Сиповскаго	2	35
2.	Владиміръ святой и равноапостольный. Ремезова	—	10
3.	О крещеніи Руси, о Владимірѣ святомъ и т. д. Бестужева-Рюмина	—	11
4.	О томъ, какъ Иванъ Сусанинъ положилъ жизнь за Царя. Дорогобужинова	—	10
5.	Петръ Великій. Шалфѣева	—	8
6.	Рукописи о Севастопольской оборонѣ	1	—
7.	Завоеваніе Кавказа. Острогорскаго	—	10
8.	Степи, или разсказъ о народахъ, кочующихъ по степямъ Россіи. Максимова	—	9
9.	Отечествовѣдѣніе. Семенова	2	50
10.	Учебники географіи съ рисунками и картинками. Корнеля	1	25
11.	Карта Россіи на холстѣ. Ильина	—	35

IV Отдѣлъ. Естественно-историческій.

	р.	к.
1. Отчего происходитъ дождь и снѣгъ. Животовскаго.	—	10
2. О птицахъ и гадахъ, полезныхъ для земледѣлія и лѣсоводства	—	10
3. Наши добрые слуги четвероногіе. Погосскаго	—	25
4. Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. Кайгородова	1	—
5. Отвѣты на вопросы, какъ и изъ чего что дѣлается. Рейнбота	2	50
6. Элементарная анатомія, физіологія и гигіена. Герасимова	—	75
7. Какъ живетъ растеніе. Джонсона.	3	—

V Отдѣлъ. Сельско-хозяйственный и юридическій.

1. Сельскія бесѣды для народнаго чтенія.	—	75
2. Какъ узнать почву и какія бываютъ почвы. П. Горбунова	—	10
3. Сельско-общественная служба. Блинова	—	50

Изъ приведеннаго списка видно, что школьныя земскія библіотеки *) не есть случайный наборъ какихъ попало книгъ, а составлялись онѣ по извѣстной системѣ, основанной на знаніи нуждъ народной жизни. Особенно хороши, хотя и не велики, два послѣдніе отдѣла—естественно-историческій и сельско-хозяйственно-юридическій,—но и въ другихъ отдѣлахъ имѣются весьма цѣнныя и полезныя книги.

Не удовлетворилось таврическое земство и этимъ. Желая, по возможности, дать образованіе подростающему поколѣнію, оно въ то-же время заботилось и о взросломъ населеніи, вообще старалось возможно шире утилизировать сельскую школу. Съ этою послѣднею цѣлью во многихъ уѣздахъ были учреждены *вечерніе классы для взрослыхъ*. Они введены были въ 1884—1885 году и дали во многихъ мѣстахъ прекрасные результаты, о каковыхъ мы будемъ говорить ниже, теперь-же перейдемъ къ ознакомленію съ самою важною стороною въ дѣлѣ образованія — къ учащимъ. Чтобы ни дѣлало земство, какіе-бы усовершенствованія ни производили въ сферѣ народнаго образованія — безъ хорошаго состава учащихъ немыслимо достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ.

Земство прекрасно понимало это, и въ продолженіи всей своей четверть-вѣковой дѣятельности стремилось довести педагогическій персоналъ до возможной степени совершенства. Подтвержденіемъ этому служитъ не мало фактическихъ данныхъ, выдающіеся изъ которыхъ мы сейчасъ и приведемъ.

Начнемъ съ распредѣленія учащихъ по образовательному цензу, который играетъ самую существенную роль въ школьномъ дѣлѣ.

---

*) Въ сельскія школы Өеодосійскаго уѣзда, кромѣ книгъ для чтенія, выписывались училищнымъ совѣтомъ на средства земства: «Русскій начальный учитель», «Сельскій Вѣстникъ», «Мірской Вѣстникъ». Въ сельскія школы прочихъ уѣздовъ тоже доставлено было на земскія средства не мало книгъ для чтенія, а въ Мелитопольскомъ уѣздѣ и нѣкоторые педагогическіе журналы и газеты.

Въ 1884 году изъ 251 учителя городскихъ и сельскихъ начальныхъ школъ было:

Принадлежащихъ къ привилегированному сословію	83	или	23,1%
» » непривилегированному »	168	»	66,9%
Окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ, институтахъ и т. п.	134	»	53,4%
Обучавшихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ	2	»	0,8%
» » среднихъ » »	24	»	9,6%
» » низшихъ » »	84	»	33,4%
Домашняго воспитанія	7	»	2,8%

Слѣдовательно, всѣхъ вмѣстѣ, получившихъ специальное, высшее и среднее образованіе, т.-е. лицъ, могущихъ вполнѣ успѣшно вести дѣло образованія въ начальныхъ школахъ, было 160 или 63,8% всего числа учителей, и лишь 36,4% получили низшее и домашнее воспитаніе.

Распредѣленіе учительницъ не менѣе благопріятное. Изъ 132 городскихъ и сельскихъ учительницъ было:

Лицъ привилегированнаго сословія	88	или	66,6%
» непривилегированнаго »	44	»	33,4%
» окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ и т. п.	9	»	6,8%
» » » » среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	78	»	59,2%
» » » » низшихъ » »	18	»	13,6%
» домашняго воспитанія	27	»	20,4%

И здѣсь мы видимъ, что учительницы со специальнымъ и среднимъ образованіемъ составляютъ 66%, а съ низшимъ и домашнимъ только 34%.

Черезъ три года, въ 1887 году въ народныхъ школахъ Таврической губерніи было уже:

учителей со спеціальнымъ и среднимъ образованіемъ	193
учительницъ » » » » »	113

И нѣтъ сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ, разъ только народныя школы останутся въ вѣдѣніи земства, всѣ преподаватели въ сельскихъ училищахъ будутъ люди образованные, хотя и теперь уже не осталось и слѣдовъ въ земскихъ школахъ типа до-реформеннаго учителя, такъ какъ даже лица съ низшимъ и домашнимъ образованіемъ во многихъ случаяхъ являются весьма опытными и добросовѣстными учителями, благодаря хорошей подготовкѣ, которая является непремѣннымъ условіемъ для занятія мѣста народнаго учителя.

Повышеніе педагогическаго уровня возможно было лишь при достаточномъ вознагражденіи, при обезпеченіи преподавателей за ихъ благородный, но весьма тяжелый трудъ. И данныя показываютъ, что въ Таврической губерніи учительскій гонораръ весьма сносенъ. Такъ, по отчету директора народныхъ училищъ за 1889 годъ видно, что въ послѣдній годъ двадцатипятилѣтія земской дѣятельности жалованье преподавателямъ выдавалась въ такихъ размѣрахъ:

	Законоучителей.	Учителей.	Учительниц.	Всего преподавателей.	%.
Получавшихъ менѣе 50 руб. въ годъ	146	—	—	146	23,2
» отъ 50 до 100 руб. въ годъ . . .	32	1	—	33	5,2
» » 100 » 150 » » » . . .	5	—	1	6	0,9
» » 150 » 200 » » » . . .	11	2	1	14	2,3
» » 200 » 300 » » » . . .	1	4	8	13	2,2
» » 300 » 400 » » » . . .	—	167	115	282	45,0
» » 400 » 500 » » » . . .	—	62	18	80	12,7
» » 500 » 600 » » » . . .	—	43	7	50	7,9
» свыше — 600 » » » . . .	—	4	—	4	0,6

Отсюда видно, что наибольшій % получаетъ жалованье отъ 300 до 400 руб. въ годъ, далѣе, не считая вознагражденіе менѣе 50 руб., каковое получаютъ только законоучители, слѣдуетъ жалованье отъ 400 до 500 рублей, затѣмъ—отъ 500 до 600 рублей. Но помимо жалованья, преподавательскій персоналъ получаетъ и еще вознагражденіе. Такъ, въ томъ-же 1889 году нѣкоторые учителя Симферопольскаго уѣзда получили прибавку въ размѣрѣ 1/8 годоваго оклада, въ силу постановленія симферопольскаго земскаго собранія, заключающагося въ томъ, что каждый учитель и учительница вознаграждаются на 1/8 оклада болѣе за выслугу каждаго двухлѣтія; въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ увеличеніе происходитъ по трехлѣтіямъ; днѣпровское земство въ 1888 году постановило выдавать усиленный окладъ учителямъ и учительницамъ, прослужившимъ земству 10 лѣтъ, и въ 1889 году было еще ассигновано 215 рублей на тѣхъ преподавателей и преподавательницъ, которые занимались въ вечернихъ классахъ для взрослыхъ; въ Мелитопольскомъ уѣздѣ гонораръ увеличивается черезъ каждые три года; въ Бердянскомъ уѣздѣ съ 1-го января 1890 года—«за продолжительное, усердное и вполнѣ успѣшное исполненіе учительскихъ обязанностей»—увеличены оклады 2-мъ учителямъ на 100 руб., 7-ми на 40 рублей и 6-ти на 60 руб. Въ этомъ-же уѣздѣ еще въ 1879 году земствомъ утверждены выработанныя земскою управою правила, по которымъ жалованье учителямъ и учительницамъ увеличивается черезъ каждое пятилѣтіе и т. д.

Такое теплое и благородное отношеніе земства къ самымъ полезнѣйшимъ труженикамъ въ народѣ—къ учителямъ и учительницамъ—увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, выразившимся вообще въ результатахъ, полученныхъ земствомъ за свою четверть-вѣковую дѣятельность. Къ ознакомленію съ этими результатами мы и перейдемъ и ими закончимъ нашу статью.

Въ 1884 году бердянскій училищный совѣтъ такъ заключаетъ

свой отчетъ: «хотя въ отчетномъ году *продолжались прошлогоднія нападки на нѣкоторыя школы со стороны бывшаго орѣховскаго благочиннаго протоіерея Чепиговскаго и подчиненныхъ ему немногихъ священниковъ, обвинявшихъ учителей въ нерелигіозности, а школы въ неудовлетворительномъ состояніи съ религіозно-нравственной стороны*, но разслѣдованіе коммиссіи, назначенной училищнымъ совѣтомъ, съ депутатомъ отъ духовнаго вѣдомства, и подробное, тщательное и точное изложеніе добытыхъ изслѣдованіемъ фактовъ, составленное предсѣдателемъ коммиссіи директоромъ Преславской учительской семинаріи П. Θ. Паховскимъ, *освободило учителей отъ тѣхъ тяжкихъ обвиненій, которыя къ нимъ были предъявлены*».

«Школы полны учащимися,—сообщается въ отчетѣ днѣпровскаго училищнаго совѣта за помянутый-же годъ,—и успѣхи учащихся, а равно и % оканчивающихъ курсъ въ народныхъ училищахъ съ каждымъ годомъ значительно увеличивается. *Сельское населеніе начинаетъ постепенно не только привыкать къ школѣ, но даже любить школу*. Какъ на доказательство, можно указать на слѣдующіе, заслуживающіе особаго вниманія, факты. Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ открыты при народныхъ школахъ *вечерніе классы для взрослыхъ* (20). Взрослые цѣлыми десятками идутъ въ школы—на зимнія вечернія занятія, идутъ учиться грамотѣ. Съ охотою ходятъ взрослые на эти занятія и, несмотря на свой, иногда очень почтенный, возрастъ, садятся за тѣ-же самыя скамьи, за которыми часа два раньше сидѣли ихъ дѣти, и выносливо, съ терпѣніемъ твердятъ азбуку. Въ отчетномъ году весна очень рано отозвала крестьянъ въ поле и лишила ихъ вслѣдствіе этого возможности посѣщать вечерніе классы. Но были и такіе рьяные ученики-взрослые, которые, не смотря на горячую рабочую пору, все время весеннее не прекращали посѣщенія вечернихъ занятій. *Возвращаясь по вечерамъ съ полей*, они сдавали лошадей и всѣ хозяйственныя принадлежности на руки своимъ женамъ и дѣтямъ, *а сами, усталые, часто даже голодные, спѣшили на уроки*. Нужно было видѣть, какъ оживлялись въ школѣ эти измученныя, запыленныя лица, какою неутомимостью отличались они во время самыхъ занятій,—несмотря на то, что цѣлый день былъ ими проведенъ въ тяжеломъ физическомъ трудѣ. *Но и въ полѣ они не переставали думать о грамотѣ, пользуясь каждою минутою, чтобы повторить сообщенное и пройденное въ классѣ. Съ этою цѣлью они брали съ собою въ поле книги. Въ полѣ-же производились и уроки письма, причемъ письменными орудіями и принадлежностями служили для нихъ:* «*истыкъ*» (палка для очистки плуга отъ налипшей земли) и—«*мать сырая земля*»... «Что-то новое,—про-

должаетъ далѣе отчетъ,—внесли вечернія занятія въ скучную суровую жизнь крестьянъ. Они охвачены были иными, не извѣданными ранѣе интересами. «*Вотъ ужъ сколько времени*,—говорили крестьяне,—*все о грамотѣ думаемъ, и сонъ не беретъ, и ѣсть не хочется; забыли даже, что и кабаки на свѣтѣ есть: не одна копѣйка въ карманѣ задержалась*».

Въ докладѣ днѣпровской земской управы за 1887 годъ читаемъ слѣдующее по поводу земской народной школы:

«А все-таки она движется! И движется земская школа съ замѣтнымъ успѣхомъ впередъ, съ пользой для населенія, съ перспективой хорошаго будущаго, *что-бы ни говорили, какихъ-бы ухищреній ни придумывали, чтобы остановить развитіе земской народной школы всякаго рода патентованные и безпатентные, литературные и нелитературные недруги этой школы. Несмотря на нападки и придавленность*. земская народная школа скромно, безъ шума и самовозвеличенія, безъ торговой рекламы и сильной протекціи, все больше и больше завоевываетъ себѣ симпатіи крестьянскаго населенія, отбивая шагъ за шагомъ позицію у невѣжества и занимая соотвѣтствующее мѣсто въ народной жизни. Въ этомъ—собраніе фактически могло убѣдиться въ прошлые годы—есть достаточно основаній для изложеннаго вывода и въ настоящее время».

Инспекторъ народныхъ училищъ Бердянскаго уѣзда, въ запискѣ своей о состояніи содержимыхъ уѣзднымъ земствомъ начальныхъ училищъ, въ 1890 году обращался къ собранію съ такими словами:

«Глубокоуважаемое собраніе. Вмѣняю себѣ въ пріятный долгъ засвидѣтельствовать предъ вами, что и въ истекшемъ учебномъ году, подобно предшествовавшему, учебно-воспитательное состояніе содержимыхъ вами школъ вполнѣ соотвѣтствовало прекрасной обстановкѣ ихъ въ матеріальномъ отношеніи. Онѣ продолжали стоять на высотѣ своего положенія, оправдывая своимъ качественнымъ развитіемъ и выполненіемъ съ достоинствомъ своего назначенія ваши о нихъ самыя попечительныя и самыя широкія заботы. Обнаруживая вообще вполнѣ достаточныя знанія учащихся по всѣмъ предметамъ курса, многія изъ нихъ отличались выдающеюся постановкою учебно-воспитательнаго дѣла, будучи руководимы на раціональныхъ началахъ, установленныхъ вашимъ четверть-вѣковымъ самымъ участливымъ къ нимъ отношеніемъ».

Все приведенное говоритъ само за себя. «Земство,—говоря словами одного доклада,—ни одного раза въ теченіи 25-ти лѣтъ ничѣмъ не измѣнило своему первоначальному рѣшенію—всѣми силами содѣйствовать къ развитію дѣла народнаго образованія». А что самое главное,

такъ это то, что земство, получивъ блестящіе результаты своей дѣятельности, не желаетъ почивать на лаврахъ. Вотъ прекрасные по этому поводу слова Бердянскаго земства, которыми мы и закончимъ нашу статью: «Если выше и сказано, что у насъ школьное обученіе ведется раціонально, а населеніе относится къ нему сочувственно, то изъ этого не должно слѣдовать того, чтобы обученіе въ нашихъ народныхъ школахъ не потребовало никакихъ измѣненій или улучшеній; напротивъ, земская управа сочла себя въ настоящее время нравственно обязанной обратить вниманіе земскаго собранія на тѣ дополненія, какія необходимо сдѣлать въ нашихъ школахъ въ дѣлѣ преподаванія. Дополненія эти, конечно, не есть измышленіе одной земской управы, *а выработанныя наукой и лицами*, *вполнѣ компетентными* и посвятившими себя на служеніе дѣлу народнаго образованія».

Слова эти сказаны были въ 1890 году, т.-е. при вступленіи уже во вторую четверть вѣка. И мы вѣримъ, что если народная школа останется исключительно въ рукахъ земства, еще черезъ 25 лѣтъ въ Россіи не будетъ ни одного необразованнаго человѣка!

И. Бѣлоконскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Очеркъ развитія педагогическихъ идей въ трудахъ Куика и Компэрэ.

(Окончаніе).

Итакъ, въ концѣ XVI столѣтія мы видимъ вездѣ школьную молодежь за изученіемъ классическихъ языковъ, и преимущественно латинскаго; при этомъ языки изучаются почти исключительно со стороны формы. Учебныя заведенія дѣлаются вездѣ школами латинскаго краснорѣчія. Въ протестантскихъ странахъ это произошло, благодаря въ особенности вліянію Ивана Штурма, въ католическихъ странахъ школа получила такой характеръ, главнымъ образомъ, благодаря вліянію іезуитовъ, быстро проникшихъ во всѣ католическія государства.

Въ самой протестантской Англіи школа скоро подпала вліянію примѣра іезуитовъ *), хотя и тамъ не было недостатка въ людяхъ, понимавшихъ недостатки современнаго европейскаго школьнаго обученія.

Однимъ изъ такихъ людей былъ Р. Аскамъ (1515—68) (R. Ascham), извѣстный англійскій писатель, эллинистъ, учитель королевы Елизаветы. Сочиненіе Аскама «Школьный учитель» по справедливости высоко цѣнится англичанами (у насъ въ рукахъ два новыхъ изданія этой книги, одно съ примѣчаніями професс. Mayor). Въ этомъ сочиненіи Аскамъ, между прочимъ, даетъ прекрасные совѣты относительно преподаванія языковъ. Онъ, напр., горячо протестуетъ противъ большого усердія въ изученіи грамматики, совѣтуя возможно раньше приступать къ чтенію и переводу. Для изученія древнихъ языковъ онъ рекомендуетъ переводить съ этихъ языковъ на родной, затѣмъ, черезъ извѣстный промежутокъ времени, обратный переводъ и сличеніе

*) Авторъ статьи Jesuit въ упомянутой выше Cyclopaedia of Education утверждаетъ, что курсъ среднеобразовательныхъ учебныхъ заведеній Англіи носитъ до сихъ поръ явные слѣды іезуитскаго «Плана воспитанія и обученія».

съ оригиналомъ, причемъ «*грамматика, какъ и словарь, всегда должны быть въ рукахъ ученика.* Такимъ путемъ можно вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно усвоить себѣ и самыя правила грамматики. Обыкновенный-же способъ изученія грамматики скученъ для учителя, тяжелъ для ученика, крайне непріятенъ для обоихъ» (цитиров. у Куика, 85).

Не менѣе интересенъ другой англійскій филологъ и педагогъ—Мёлкастеръ (1531—1611), съ которымъ довольно подробно знакомитъ своихъ читателей Куикъ. Ему удается даже найти большинство требованій новѣйшей педагогики въ сочиненіи Мёлкастера «Positions», которое знаменитый американскій педагогъ Генри Барнардъ считаетъ «однимъ изъ лучшихъ педагогическихъ сочиненій на англійскомъ языкѣ» (Barnard. English Pedagogy, цитир. у Куика, 91).

Въ сочиненіи Компэрэ мы находимъ лишь небольшое примѣчаніе объ Аскамѣ и—ни слова о Мёлкастерѣ.

Но вотъ, въ Англіи-же раздался болѣе авторитетный голосъ человѣка, сочиненіямъ котораго и Куикъ, и Компэрэ приписываютъ громадное вліяніе на всѣхъ дальнѣйшихъ «реформаторовъ воспитанія»:—мы говоримъ о Францискѣ Бэконѣ лордѣ Вераламѣ (Fr. Bacon lord Veralam).

Вотъ какъ А. Веберъ (Исторія европейской философіи, Кіевъ 1882, стр. 210) суммируетъ взгляды Бэкона: «Необходимо совершенно преобразовать человѣческое знаніе, построить науку на совершенно новомъ основаніи. Если вы хотите знать природу вещей, перестаньте вопрошать ее только у книгъ, у авторитетовъ, царящихъ въ школѣ... Отрекитесь отъ древности, которой до сихъ поръ слишкомъ рабски подражали и вліяніе которой все испортило. Греческіе философы... наблюдали мало и поверхностно... Вмѣсто того, чтобы разсуждать о вещахъ, мы споримъ о словахъ... Единственное спасеніе для философіи состоитъ въ полномъ разрывѣ съ греко-схоластической традиціей и въ открытомъ признаніи индуктивнаго метода... Для настоящей-же индукціи, которая должна стать методомъ новѣйшаго знанія, недостаточно нѣсколькихъ изолированныхъ и плохо констатированныхъ фактовъ, чтобы изъ нихъ заключить о самыхъ общихъ законахъ». Въ лицѣ Бэкона «англійскій здравый смыслъ пришелъ къ убѣжденію, что необходимо отказаться отъ апріорной спекуляціи (т.-е. отвлеченныхъ сужденій) и навсегда замѣнить ее наблюденіемъ и индукціей» (Веберъ, 209). Однимъ словомъ, Бэконъ является основателемъ опытной философіи; онъ «первый въ ясныхъ и краснорѣчивыхъ выраженіяхъ утверждалъ тожество истиной философіи и науки и ничтожество отдѣльной отъ науки метафизики» (Веберъ, 211).

Ни Куикъ, ни Компэрэ не посвящаютъ отдѣльной статьи Бэкону,

хотя и тотъ и другой не разъ высказываютъ, что трудно преувеличивать его вліяніе и признаютъ, что Бэконъ оказалъ прямое или косвенное вліяніе на Ратихія, Коменскаго, Локка, Руссо, Базедова, Песталоцци и Фребеля.

Читая у Куика общіе дидактическіе принципы знаменитаго голштинскаго педагога Вольфганга Ратихія (1571—1635), нельзя сомнѣваться въ широкомъ вліяніи философіи Бэкона. Это былъ дѣйствительно «педагогическій реформаторъ», какъ выражается Куикъ, или просто «новаторъ» (Neuerer), какъ называетъ его Раумеръ. У Куика мы находимъ о Ратихіѣ обстоятельную статью (16 стр.), Компэрэ посвящаетъ Ратихію небольшое примѣчаніе (1, 173), слѣдуя въ своей характеристикѣ «*американскому автору* Куику».

Мы не будемъ останавливаться на Ратихіи, такъ какъ онъ является выразителемъ тѣхъ-же идей, которыя высказаны полнѣе и совершеннѣе почти его современникомъ, чехомъ Амосомъ Коменскимъ (1592—1671), взгляды котораго на воспитаніе были не разъ изложены въ русскихъ журналахъ по поводу недавняго его юбилея. Раумеръ, излагая педагогическіе взгляды «новаторовъ» Ратихія и Коменскаго, начинаетъ съ перваго, какъ «Chorführer der Neuerer» (см. 2 изданіе Geschichte der Pädagogik, 1847, II, 1).

Начиная со статьи о Коменскомъ разница между книгой Куика и сочиненіемъ Компэрэ становится особенно рѣзка: первый посвящаетъ Коменскому весьма обстоятельную (50 стр.) и чрезвычайно содержательную статью, второй говоритъ о немъ лишь мимоходомъ—въ статьѣ о янсенистахъ (Комп. I, 256—9). Намъ кажется, что всѣмъ писавшимъ о Коменскомъ слѣдовало—и Куикъ это въ значительной мѣрѣ дѣлаетъ—настаивать на томъ, что Коменскій только потому могъ такъ широко смотрѣть на вопросы воспитанія, что былъ великимъ человѣкомъ по нравственному характеру, замѣчательнымъ ученымъ по знаніямъ, энциклопедистомъ по разнообразію самихъ знаній, горячимъ патріотомъ и въ то-же время представителемъ самыхъ прогрессивныхъ идей своего времени.

Въ самомъ дѣлѣ, чтобы вполнѣ оцѣнить и понять Коменскаго, надо не терять изъ виду, что это былъ человѣкъ съ самыми широкими интересами и симпатіями: это былъ, во-первыхъ, епископъ всѣхъ церквей моравскихъ братьевъ, богословъ, философъ, лексикографъ или, лучше сказать, лингвистъ (извѣстно, что однажды сгорѣлъ словарь чешско-латинскій и латинско-чешскій, надъ которымъ Коменскій трудился 40 лѣтъ), политическій писатель, враждебно относившійся къ Габсбургамъ, авторъ общей системы народнаго образованія (Великая

Дидактика), авторъ высокочтимаго англичанами небольшого трактата о воспитаніи дѣтей до-школьнаго возраста (см. въ ж. «Образованіе» 1892, 4, статью П. Каптерева «Материнская школа по Амосу Коменскому»), авторъ образцоваго для своего времени учебника для изученія иностранныхъ языковъ (Janua linguarum), педагогъ практикъ и педагогъ теоретикъ, эмигрантъ и вѣчный скиталецъ по всей Европѣ. Если-бы не неблагопріятныя условія жизни, можно думать, что Коменскій оставилъ-бы по себѣ память или какъ философъ, или какъ лингвистъ, или какъ политическій и религіозный дѣятель. Не будь, однимъ словомъ, Коменскій «педагогическимъ реформаторомъ», онъ былъ-бы «реформаторомъ» въ какой-либо другой области. Необходимость заставила Коменскаго обратиться къ занятіямъ педагогикой, но только широкое предварительное образованіе, глубокая любовь къ людямъ и разнообразная житейская опытность позволили Коменскому усвоить себѣ такой широкій взглядъ на задачи школы, который оказывается не по плечу многимъ современнымъ «цивилизованнымъ» или «полуцивилизованнымъ» обществамъ.

Всякій отчетъ о педагогической дѣятельности Коменскаго, въ которомъ не указаны предъидущія соображенія, теряетъ большую часть своей цѣны, и мы желали-бы, чтобы личность Коменскаго производила на всѣхъ впечатлѣніе и была признана достойной подражанія, главнымъ образомъ, указанной нами стороной ея, т.-е. самыми широкими знаніями и такими-же широкими симпатіями не только къ дѣтямъ, не только къ своимъ единовѣрцамъ и соотечественникамъ, но и ко всякому человѣческому существу.

Коменскій высоко цѣнилъ самаго передового человѣка своего времени—«благороднаго лорда Верулама, который далъ намъ истинный ключъ къ природѣ» (цитир. у Куика, 149). «Будучи соизволеніемъ Божіимъ изгнанъ изъ своего отечества и принужденъ для пропитанія заняться образованіемъ юношества, я сталъ изучать разныхъ авторовъ, какъ, наприм., Ратихія, Ренія... также какъ Кампанеллу (замѣчательный итальянскій философъ конца XVI и начала XVII вѣка) и лорда Верулама—этихъ знаменитыхъ реформаторовъ философіи... Читая этихъ авторовъ, я возъимѣлъ мысль собрать всѣ искры въ одно пламя, придавъ всему твердое основаніе» (цитир. у Куика, 122). Изъ этого мы должны понять, что Коменскій во многихъ отношеніяхъ былъ выше практики воспитанія, выше «дѣйствительности» XIX столѣтія только потому, что вполнѣ созналъ и усвоилъ «идеалы» своего времени. Прошло болѣе двухъ столѣтій со смерти Коменскаго, а, какъ извѣстно, не вездѣ еще «дѣйствительность» догнала «идеалы»

XVII вѣка. Не забудемъ также и того, что быть вѣрнымъ духу Коменскаго значитъ не только усвоить себѣ его идеи, но и стремиться понять и изучать «знаменитыхъ реформаторовъ мысли» своего вѣка, насколько это сдѣлалъ Коменскій относительно Бэкона и Кампанеллы.

Мы уже изложили систему воспитанія іезуитовъ во Франціи и другихъ католическихъ странахъ. Это было такое поруганіе здраваго смысла, что вслѣдъ за утвержденіемъ системы во Франціи явились и самые рѣзкіе критики какъ іезуитовъ вообще, такъ и ихъ системы воспитанія:—мы говоримъ о такъ-называемыхъ янсенистахъ. Это была небольшая группа убѣжденныхъ и высокообразованныхъ людей, часть которыхъ занималась практически педагогической дѣятельностью, горячо вѣря въ свое дѣло и считая его наивысшимъ на землѣ (Куикъ, 181). Между ними особенно выдѣлялись Арно, Паскаль, Лансело, Николь и нѣкоторые другіе. Ихъ практическая педагогическая дѣятельность была не продолжительна, и число учениковъ, прошедшихъ черезъ ихъ школы, не превышало тысячи, но велико было значеніе примѣра, велико было внутреннее достоинство ихъ идей, когда, по мнѣнію того-же Компэрэ, «идеи, воодушевлявшія нѣкогда янсенистовъ, и въ наше время воодушевляютъ всѣхъ тѣхъ, кто стремится къ прогрессу въ среднемъ образованіи» (1, 247). Такъ-же выражается и Куикъ; еще съ большимъ уваженіемъ относится къ янсенистамъ знаменитый французскій критикъ и историкъ янсенистовъ Сентъ-Бевъ (см. Cyclopaedia of Education, статья Janseniste).

Странно сказать, что одно изъ важнѣйшихъ «новшествъ» янсенистовъ заключалось въ обученіи дѣтей чтенію и письму первоначально на родномъ языкѣ, а потомъ уже на латинскомъ. Это, вмѣстѣ съ тѣмъ, величайшая заслуга янсенистовъ въ исторіи французскаго просвѣщенія, и если французы стали во второй половинѣ XVII столѣтія писать настоящимъ французскимъ языкомъ, безъ постоянной примѣси латинскихъ формъ и оборотовъ, то это было дѣло янсенистовъ, вліяніе примѣра ихъ школы, — по мнѣнію того-же авторитетнаго историка янсенистовъ и даровитаго критика Сентъ-Бева.

Невозможно было-бы въ наше время найти человѣка, который-бы не считалъ абсурдомъ практиковавшуюся до янсенистовъ систему первоначальнаго обученія дѣтей грамотѣ на непонятномъ языкѣ, и однако, «не безъ большаго труда удалось Паскалю и янсенистамъ навсегда покончить съ этой системой» *).

---

*) См. очень интересныя по этому вопросу страницы въ соч. Dupuy «L'état et l'université» 1891, откуда взята послѣдняя цитата, стр. 44—45.

Это-же должно служить самымъ убѣдительнымъ примѣромъ, какъ безраздѣльно господствующая система обученія и воспитанія одного вѣка можетъ казаться такой явной нелѣпостью черезъ три, четыре поколѣнія, что невозможно найти человѣка, готоваго ее защищать.

Другое новшество заключалось въ обученіи дѣтей латинской грамматикѣ въ правилахъ, выраженныхъ на французскомъ языкѣ, а не въ непонятныхъ латинскихъ стихахъ, какъ это дѣлали въ іезуитскихъ коллегіяхъ, что упомянутый нами Сентъ-Бевъ приравниваетъ къ желанію «учить неизвѣстному черезъ непонятное» (цитир. у Куика, 195). Третье «новшество» заключалось въ предпочтеніи переводовъ съ древнихъ языковъ на родной и почти въ полномъ прекращеніи обратныхъ упражненій. Въ-четвертыхъ, янсенисты стремились замѣнить «соревнованіе» между учениками возбужденіемъ дѣйствительнаго интереса и любви къ предметамъ преподаванія. Въ-пятыхъ, янсенисты придавали изученію грамматики совершенно второстепенное значеніе, предпочитая изучать тексты. Въ-шестыхъ, янсенисты придавали серьезное значеніе и хорошо учили новымъ языкамъ, такъ что, напримѣръ, извѣстный французскій трагикъ Расинъ, вскорѣ по окончаніи курса, зналъ хорошо испанскій и итальянскій языки (Комп., 1, 288). Куикъ упрекаетъ янсенистовъ въ недостаткѣ заботъ о физическомъ здоровьѣ дѣтей, но это не согласуется съ болѣе полными данными по этому предмету въ изложеніи Компэрэ (1, 278).

Нечего и говорить о совершенно различной нравственной атмосферѣ у янсенистовъ, которые, наприм., «совѣтовали дѣтямъ не посѣщать ежедневно церкви, если не имѣютъ къ этому искренней потребности» (Règlement pour les enfants, Компэрэ, 1, 287), и у іезуитовъ, которые награждали и всячески восхваляли внѣшнее благочестіе.

Читатель, конечно, согласится, что «янсенисты были гуманистами по сущности, іезуиты—лишь по названію предметовъ обученія» (Компэрэ, 1, 297). Не смотря на то, что число учениковъ въ іезуитскихъ коллегіяхъ считалось тысячами, іезуиты ополчились на горсть янсенистовъ и ихъ учениковъ. Спустя 15—20 лѣтъ существованія «Petites Ecoles» янсенистовъ, іезуитамъ удалось-таки (въ 1660 году) погубить ихъ, возбудивъ подозрѣніе въ религіозныхъ убѣжденіяхъ янсенистовъ и обвиняя ихъ даже прямо въ ереси. Потерявъ возможность учить сами, янсенисты стали писать, какъ надо учить, и оставили рядъ книгъ, заслуживающихъ самаго серьезнаго вниманія даже въ наше время.

Послѣ главы о янсенистахъ Куикъ характеризуетъ движеніе педагогическихъ идей въ Англіи XVII вѣка, подъ вліяніемъ философіи

Бэкона. Въ этомъ столѣтіи родился и жилъ одинъ изъ немногихъ писателей Англіи, которыхъ педагогическія сочиненія имѣютъ всемірную извѣстность, а именно Локкъ. Но, оказывается, и до Локка были въ Англіи люди со свѣтлымъ и широкимъ взглядомъ на образованіе, и Куикъ посвящаетъ цѣлую главу предшественникамъ Локка: Гулю (Hoole), Дёри (Dury), Вилліаму Петти и Мильтону. Первые два имени намъ ранѣе никогда не были извѣстны, и Компэрэ изо всѣхъ четырехъ названныхъ писателей упоминаетъ, и то мимоходомъ, лишь о Мильтонѣ; но, какъ видно изъ книги Куика, и сами англичане лишь недавно стали припоминать своихъ старыхъ и несправедливо забытыхъ писателей по педагогическимъ вопросамъ, благодаря въ особенности трудамъ Барнарда по исторіи англійской педагогики.

Читателю, конечно, извѣстенъ авторъ «Потеряннаго рая»: этимъ сочиненіемъ Мильтонъ пріобрѣлъ всемірную славу, сами-же англичане отводятъ ему второе мѣсто послѣ Шекспира въ своей литературѣ. Своимъ современникамъ Мильтонъ былъ извѣстенъ какъ даровитый и необыкновенно плодовитый писатель по богословскимъ и политическимъ вопросамъ. Оказывается, что, кромѣ того, Мильтонъ написалъ также небольшой «Трактатъ о воспитаніи», выдержки изъ котораго, помѣщенныя у Куика, показываютъ, что и въ педагогическихъ вопросахъ Мильтонъ былъ впереди своего времени, хотя и не въ такой степени, какъ его современникъ Вилліамъ Петти. Что-же касается до Вилліама Петти, то намъ много разъ случалось встрѣчать это имя въ сочиненіяхъ по политической экономіи, гдѣ всегда съ величайшимъ уваженіемъ цитировался его трактатъ «о налогахъ» (A Treatise on taxes and contributions. 1667). Не дальше какъ въ прошломъ году, одинъ англійскій экономистъ (Cunningham), въ первомъ нумерѣ новаго замѣчательнаго англійскаго изданія «Economic Journal of British Economic Association», написалъ статью, въ которой указывалъ на В. Петти, какъ на одного изъ важнѣйшихъ предшественниковъ отца политической экономіи Ад. Смита. По словамъ другого современнаго англійскаго экономиста, В. Петти былъ «остроумный и здравомыслящій авторъ нѣсколькихъ произведеній, въ которыхъ содержатся зародыши истинной экономической теоріи» (Ингремъ, Исторія политической экономіи. 1891, стр. 66). На подобное явленіе мы смотримъ, какъ на доказательство важности широкаго образованія и серьезной работы мысли для правильнаго пониманія педагогическихъ вопросовъ: и Мильтонъ, и Петти—первоклассные умы; такими-же надо считать Раблэ, Монтэня, Эразма, Коменскаго, Локка и друг. Наиболѣе замѣчательные изъ «педагогическихъ» реформаторовъ, оказывается, имѣютъ

славу далеко за предѣлами педагогическаго міра, и обыкновенно случается, что педагогическія сочиненія составляютъ наименѣе извѣстную и наименѣе цѣнимую и читаемую часть ихъ сочиненій. Такія слова, напр., вполнѣ справедливы относительно другого знаменитаго англійскаго писателя XVII вѣка—Дефоэ, оставившаго массу сочиненій самаго разнообразнаго содержанія (см. Геттнеръ, Исторія всеобщей литературы XVIII стол., т. I), изъ которыхъ «Робинзонъ Крузо» никогда не перестанетъ восхищать и самыя отдаленныя поколѣнія. Со взглядами Дефоэ на образованіе женщинъ, высказанными въ сочиненіи «Essay on projects», недавно познакомила своихъ читателей «Русская Мысль» (1891, № 11, «Общественные идеалы два вѣка тому назадъ»). Мы уже высказывали раньше мнѣніе, что, не будь такъ тяжелы внѣшнія условія жизни Коменскаго, его извѣстность далеко простиралась-бы за предѣлы педагогики.

Мы не будемъ передавать сущности взглядовъ на воспитаніе перечисленныхъ предшественниковъ Локка: это значило-бы частью повторять здравыя мысли Раблэ, Монтэня и янсенистовъ, частью высказывать устами этихъ предшественниковъ Локка мысли о воспитаніи дѣтей, которыя впослѣдствіи были развиты Руссо и особенно Песталоцци и Фребелемъ.

Итакъ, мы дошли до конца XVII столѣтія, а читатель видѣлъ, какъ много дѣльныхъ мыслей, заслуживающихъ самаго широкаго распространенія не только у насъ, но и во Франціи и въ Англіи (вспомнимъ слова Куика, Компэрэ, Гизо) можно найти у великихъ писателей XVI и XVII вѣковъ, которымъ случалось высказываться по вопросамъ воспитанія и обученія.

Мы не можемъ позволить себѣ характеристики дальнѣйшихъ писателей по педагогическимъ вопросамъ: во-первыхъ, мы приближаемся къ болѣе позднему времени и насъ уже не такъ удивляютъ здравые взгляды на воспитаніе; съ другой стороны, намъ пришлось-бы говорить о Локкѣ, Руссо, Фребелѣ, Песталоцци и другихъ въ краткихъ словахъ, тогда какъ эти писатели заслуживали-бы детальнаго изложенія. Вслѣдствіе этого мы теперь будемъ ограничиваться сравнительной характеристикой изложенія Куика и Компэрэ, указаніемъ достоинствъ и недостатковъ каждаго; содержаніемъ-же обоихъ сочиненій мы будемъ продолжать пользоваться лишь настолько, насколько это считаемъ необходимымъ для выясненія основныхъ мыслей статьи.

Намъ не нравятся статьи о Локкѣ (1632—1704; его «Мысли о воспитаніи» изданы «Русской Школой» въ 1890 г.) и у Куика, и у Компэрэ: статью Куика портитъ то, что онъ видимо очень не сочув-

ствуетъ обще-философскимъ взглядамъ Локка; Компэрэ теряетъ напрасно трудъ на отысканіе внутренняго противорѣчія въ нѣкоторыхъ взглядахъ Локка и частью на опроверженіе этихъ взглядовъ съ точки зрѣнія современной науки, не давая въ то-же время обстоятельной характеристики взглядовъ самаго писателя.

Особенно досадно видѣть этотъ недостатокъ изложенія Компэрэ въ статьѣ о Руссо, въ которой онъ посвящаетъ десятки страницъ на опроверженіе «абсурдовъ» и увлеченій Руссо. Мы уже знаемъ, что самая парадоксальность выраженій Руссо сослужила свою службу, заставивъ людей задуматься надъ тѣмъ, что казалось всѣмъ извѣстнымъ и неподлежащимъ никакой критикѣ. Сочиненіе Руссо «Эмиль, или о воспитаніи» было сожжено въ Парижѣ и въ Женевѣ, но оно имѣло два перевода въ Англіи и самое сожженіе особенно содѣйствовало его распространенію.

Вѣроятно, Компэрэ даже не вполнѣ искрененъ въ своихъ нападкахъ на Руссо, дѣлая это отчасти потому, что этотъ писатель до самаго послѣдняго времени (1891) не причислялся оффиціально къ классикамъ, допущеннымъ въ школу, и только послѣдняя реформа учебныхъ плановъ во Франціи ввела Руссо въ число писателей, подлежащихъ изученію въ средней школѣ. Справедливость нашего предположенія оправдывается и тѣмъ, что у Компэрэ нѣтъ недостатка во фразахъ съ противоположными воззрѣніями на этого писателя, какъ, напр., слѣдующая: «Нисколько не преувеличиваютъ значенія Руссо, отводя ему первое мѣсто среди иниціаторовъ французской педагогики, видя въ немъ центръ движенія мысли XVIII стол. по вопросамъ воспитанія» (Компэрэ, II, 8).

Куикъ, относящійся съ величайшимъ сочувствіемъ къ Руссо, въ своей обстоятельной статьѣ объ этомъ писателѣ весьма разумно ограничивается рядомъ удачно подобранныхъ цитатъ изъ «Эмиля», справедливо сомнѣваясь въ томъ, чтобы кто-нибудь, писавшій о воспитаніи, имѣлъ вліяніе, подобное вліянію Руссо.

Велико было вліяніе Руссо какъ на послѣдователей, такъ и на самихъ противниковъ его системы: Компэрэ доказываетъ это въ статьѣ о M-me d'Epinay, M-me de Genlis, M-me de Staël, M-me Necker de Saussure, кардиналѣ Жерди (Anti-Emile). Вотъ, напримѣръ, какъ въ 1788 г. г-жа Сталь выразилась по поводу исключительной обстановки воспитанія Эмиля, который не знаетъ никого, кромѣ своего воспитателя, никогда съ нимъ не разлучаясь: «Указываютъ на неисчислимыя заботы, съ какими связано такое воспитаніе: безъ сомнѣнія, въ обществѣ, полномъ заразы (pestiféré), надо прибѣгать къ крайнимъ

средствамъ для собственнаго сохраненія, но въ обществѣ людей, подобныхъ будущему Эмилю, воспитаніе такого юноши не потребовало-бы никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ». Компэрэ, у котораго мы прочитали эту цитату (II, 131), стоило-бы задуматься надъ такой цитатой, въ которой современница Руссо показала столько проницательности, что поняла въ изолированности воспитанія Эмиля протестъ Руссо противъ всеобщаго нравственнаго упадка высшихъ классовъ и грубаго невѣжества низшихъ; тогда Компэрэ не сталъ-бы указывать на невозможность усвоенія *всѣми* системы воспитанія Эмиля, такъ какъ это потребовало-бы раздѣленія всего общества на воспитателей и воспитанниковъ: надо думать, понималъ это и Руссо.

Крайне интересны указанія Компэрэ на рядъ сочиненій, направленныхъ противъ «Эмиля» всѣми поклонниками «стараго порядка» (ancien régime). Ненависть всѣхъ обскурантовъ къ «Эмилю» даже въ наше время доходитъ временами до слѣпой ярости, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ извѣстнаго французскаго епископа Дюпанлу (умеръ въ 1879 г.), котораго сочиненіе «О воспитаніи» вышло въ 1850 г. и до 1882 г. имѣло во Франціи 10 изданій. «Въ дѣлѣ воспитанія имя Руссо—гнусное имя (infâme)... Въ своемъ омерзительномъ (misérable) сочиненіи «Эмиль» Руссо доходитъ до предѣловъ гадости... это сочиненіе низводитъ автора ниже язычества, даже ниже человѣчества: это отвратительная мечта безумнаго и безсердечнаго софиста» (De l'éducation, цитир. у Компэрэ, II, 149).

Пусть читатель вспомнитъ великое уваженіе къ Руссо со стороны «reverend», т.-е. духовнаго лица, Куика и измѣритъ разстояніе между этими двумя представителями различныхъ исповѣданій христіанскаго ученія. Скажемъ только, что мы не помнимъ у самого Руссо выраженія такой ненависти къ грѣхамъ современнаго ему «ancien régime», сколько ея выразилось въ «христіанскихъ» словахъ одного изъ высшихъ представителей католической церкви во Франціи болѣе чѣмъ чрезъ 60 лѣтъ послѣ смерти Руссо.

Далѣе мы находимъ у Компэрэ статьи о французскихъ философахъ XVIII столѣтія: Дюмарсэ (авторѣ статьи о «воспитаніи» въ энциклопедіи Дидро), аббатѣ Кондильякѣ, Гельвеціи и Дидро. Здѣсь особенно приходится жалѣть о склонности Компэрэ давать готовые выводы, опровергать разбираемыхъ писателей, комментировать, тогда какъ читателя наиболѣе интересуетъ главная суть ихъ взглядовъ. Тѣмъ не менѣе, на каждомъ шагу встрѣчаешь примѣры свѣтлыхъ взглядовъ этихъ людей. Можно вполнѣ понять, какова была эта эпоха во Франціи, когда прочтешь у «аббата» Кондильяка краснорѣчивый

протестъ противъ ханжества и внѣшняго благочестія и указаніе на величайшій вредъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ духовными (іезуитами). «Въ методахъ ихъ обученія сказывается невѣжество того времени, когда они были регламентированы»,—такъ выражается о преподаваніи духовныхъ лицъ аббатъ Кондильякъ. Пусть читатель вспомнитъ теперь педагогическія теоріи дѣятеля второй имперіи и третьей республики—монсеньора Дюпанлу!

О Дидро Компэрэ говоритъ, что даже въ педагогическихъ вопросахъ онъ высказалъ мысли, которыя мы привыкли считать существеннымъ достояніемъ нашего столѣтія. Отводя Дидро «первое мѣсто среди освободителей мысли», Компэрэ поправляетъ весьма охотно его сужденія, возражаетъ ему, не понимая, видимо, неблагодарности задачи.

Весьма ярко нарисована далѣе картина народнаго образованія во Франціи XVIII столѣтія, описано величайшее возбужденіе общества противъ іезуитовъ, которые продолжали строго выполнять Ratio studiorum 1599 г. и душили извращеннымъ на свой ладъ классическимъ образованіемъ французскую учащуюся молодежь. Тогда въ первый разъ общество вполнѣ сознало необходимость «національнаго» образованія, основаннаго на изученіи родного языка, литературы, исторіи, учрежденій родной страны и т. п. вещахъ, о которыхъ іезуиты или вовсе не давали понятія, или, если было возможно, давали понятіе извращенное».

Въ 1762 году послѣдовало изгнаніе іезуитовъ изъ Франціи, а въ 1763 г. членъ парламента въ Реннѣ—Ла Шалотэ—издалъ книгу «Національное воспитаніе». Снова припомнились многія истины, высказанныя янсенистами; школа, такимъ образомъ, уже начала усвоивать «новыя вѣянія», которыя должны были скоро охватить всѣ проявленія народной жизни.

Сочиненіе Компэрэ хорошо извѣстно Куику; онъ называетъ его даже нѣсколько разъ «очень хорошимъ». Однако, Куикъ совершенно опустилъ вліяніе французскихъ философовъ XVIII столѣтія, кромѣ Руссо; онъ также не останавливается на французской революціи, ограничившись лишь такимъ заявленіемъ: «съ 1789 г. власть вездѣ стала переходить изъ рукъ немногихъ подъ контроль большинства и, какъ естественное послѣдствіе, вопросъ о народномъ образованіи вездѣ сталъ принимать громадное значеніе» (Куикъ, 376). Начиная главу о революціонной эпохѣ, Компэрэ говоритъ: «никогда не было болѣе дѣятельной, болѣе производительной, никогда политическія собранія не высказывали столько желанія хорошо организовать народное образованіе, никогда еще такъ энергично не работала мысль» (II, 282).

Около 100 страницъ посвящаетъ Компэрэ революціонной эпохѣ, и мы находимъ на каждомъ шагу подтвержденіе вышеприведенныхъ словъ. Мы видимъ, какъ послѣдовательно въ проектахъ народнаго образованія Мирабо (Генер. Штаты), Талейрана въ 1791 г. (Учредит. Собр.) и Кондорсэ въ 1792 г. (Законодат. Собр.) высказаны мысли объ организаціи дарового обязательнаго и свѣтскаго народнаго образованія,—мысли, которыя осуществлены лишь недавно третьей французской республикой. Мирабо и Талейранъ высказывались, впрочемъ, противъ «обязательности» образованія, что со стороны Компэрэ вызываетъ упрекъ въ «наивности». Компэрэ пишетъ, когда дѣйствительность уже выполнила эти три требованія и не хочетъ понять, что Мирабо и Талейранъ дѣйствовали въ эпоху, когда не была еще окончательно порвана связь съ традиціями прошлаго. «Наивнымъ», такимъ образомъ, оказывается развѣ только самъ Компэрэ.

Когда рѣчь заходитъ о Кондорсэ, который оказывается по педагогическимъ вопросамъ далеко впереди своего критика конца XIX столѣтія, Компэрэ, при всемъ выражаемомъ имъ глубокомъ уваженіи къ этому замѣчательному человѣку, упрекаетъ его въ склонности къ «химерамъ», каково, напримѣръ, требованіе Кондорсэ одинаковаго образованія для мужчинъ и женщинъ и—что еще представляется ужаснѣе Компэрэ—Кондорсэ говоритъ даже о возможной пользѣ совмѣстнаго образованія обоихъ половъ. Извѣстны, однако, быстрые успѣхи, которые съ 80 годовъ дѣлаетъ во Франціи женское образованіе и, такимъ образомъ, «химера» Кондорсэ понемногу обращается въ дѣйствительность. Другая «химера» Кондорсэ—совмѣстное образованіе—въ самыхъ широкихъ размѣрахъ практикуется въ Соединенныхъ Штатахъ, и можно утверждать, основываясь на авторитетныхъ источникахъ, даетъ тамъ прекрасные результаты (Брайсъ. Американская демократія, т. III, см. также Woman's work in America. New-York 1891).

Проекты реформъ народнаго образованія Талейрана и Кондорсэ были отпечатаны и розданы членамъ палаты, но ни одинъ изъ этихъ проектовъ не былъ подвергнутъ тщательному обсужденію: слишкомъ мало было времени даже для самыхъ неотложныхъ дѣлъ,—для принятія мѣръ для поддержанія порядка и безопасности внутри и отраженія внѣшнихъ враговъ.

Однако, съ эпохи Конвента начинается рядъ серьезныхъ усилій для организаціи народнаго образованія. «Вотъ уже сто лѣтъ,—продолжаетъ Компэрэ,—мы ограничиваемся приведеніемъ въ исполненіе идей, задуманныхъ этими революціонными собраніями» (Комп., II, 333). Когда мы писали эти строки, взятыя нами у Компэрэ, мы случайно встрѣ-

тили такой-же сочувственный отзывъ, исполненный глубокаго уваженія къ педагогическимъ реформамъ описываемой эпохи, въ статьѣ Ф. Мартини: L'istruzione pubblica alla Convenzione Nazionale. (Nuova Antologia, 16 Marzo 1892).

«Забудемъ излишества (folies) отдѣльныхъ личностей въ эпоху революціи,—говоритъ въ концѣ своей статьи Компэрэ,—не будемъ упрекать ея дѣятелей за то, что они не выполнили всего, что было ими задумано. У нихъ было слишкомъ мало времени... силы ихъ не соотвѣтствовали громадности задачи. Будемъ признательны этимъ людямъ за ихъ мысли, за ихъ намѣренія. Вспомнимъ, что въ это время въ первый разъ громко и энергично было провозглашено право и обязанность каждаго учиться и развиваться и подумаемъ о томъ, сколько намъ осталось еще работы для достиженія завѣщанныхъ намъ идеаловъ» (II, 363).

Вмѣсто описанія движенія идей по вопросамъ воспитанія во Франціи XVIII стол. (кромѣ Руссо), Куикъ даетъ прекрасные біографическіе очерки и характеристики педагогическихъ взглядовъ Базедова, Песталоцци (болѣе 90 страницъ) и Фребеля; Компэрэ-же посвящаетъ каждому изъ этихъ замѣчательныхъ педагоговъ одну, двѣ страницы самыхъ общихъ отзывовъ, совсѣмъ не касаясь біографіи этихъ лицъ.

Указанныя статьи составляютъ лучшую часть книги Куика и дѣйствительно составлены очень хорошо. Въ статьѣ о Базедовѣ мы находимъ, напр., описаніе энтузіазма, возбужденнаго во всей Европѣ его идеями, и обстоятельное описаніе его образцоваго учебнаго заведенія «Филантропинъ». Въ статьѣ о Песталоцци, кромѣ очень удачно нарисованнаго портрета этого оригинальнаго человѣка, мы находимъ подробныя свѣдѣнія о всѣхъ его попыткахъ практической педагогической дѣятельности.

При всей своей горячей симпатіи ко всѣмъ этимъ «реформаторамъ» воспитанія, Куикъ не теряетъ никогда чувства мѣры и не забываетъ отмѣчать и недостатковъ людей или ихъ системъ воспитанія. Куикъ указываетъ, напр., на «непрактичность» Песталоцци, на полную неспособность къ администраціи школъ, наконецъ, на совершенную непонятность нѣкоторыхъ изъ его сочиненій. Такимъ-же образомъ онъ указываетъ на склонность къ мистицизму Фребеля, на непонятность многихъ мѣстъ его сочиненій, допуская даже, что много и вовсе не имѣетъ смысла.

Восхищаясь всѣми свѣтлыми мыслями главнаго сочиненія Фребеля «Воспитаніе человѣка», Куикъ называетъ его, однако, книгой «подъ семью печатями». Признаемся, что мы вынесли такое-же впечатлѣніе, когда, два года тому назадъ, ознакомились съ этимъ сочиненіемъ.

Далѣе мы находимъ у Куика прекрасную статью объ извѣстномъ французскомъ педагогѣ начала нынѣшняго столѣтія—Жакото. Не теряя времени на указаніе нелѣпости «парадоксовъ» Жакото, если ихъ понимать буквально, Куикъ весьма удачно указываетъ на глубокій внутренній смыслъ, который въ нихъ скрывается. Компэрэ, далеко не столь внимательный къ Жакото, не отрицаетъ «grains de vérité» въ его парадоксахъ, но не выясняетъ въ достаточной мѣрѣ ни ихъ смысла, ни ихъ важности.

Новѣйшая педагогическая литература почти не затронута ни Куикомъ, ни Компэрэ. У Куика, впрочемъ, мы находимъ статью о Спенсерѣ и его сочиненіи «О воспитаніи». Здѣсь Куикъ, вообще относящійся съ большимъ уваженіемъ къ сочиненію Спенсера, измѣняетъ своему обыкновенію и посвящаетъ часть статьи критикѣ этого сочиненія, съ которой мы никакъ не можемъ согласиться и видимъ въ ней результатъ недоразумѣнія. Куикъ заканчиваетъ свою книгу общимъ взглядомъ на воспитательныя задачи школы, на нормальныя взаимныя отношенія учителей и учениковъ, и можно только выразить сочувствіе большей части, если не всѣмъ его взглядамъ.

Задачей школы, напр., по мнѣнію Куика, должно быть—научить ребенка учиться самостоятельно и развить въ немъ широкія симпатіи, для чего самое образованіе не должно быть узко-національнымъ.

Особенно дѣлаетъ честь Куику, какъ духовному лицу, требованіе, чтобы уроки Закона Божія не обращались въ уроки, подобные всякимъ другимъ, чтобы и здѣсь дѣло не свелось къ «задаванью» длиннаго ряда фактовъ и словъ для запоминанія учащимся и къ послѣдующему «спрашиванью». Не отрицая важности знакомства съ догмою ученія вѣры, Куикъ доводитъ школьное изученіе догмы до минимума и сосредоточиваетъ все вниманіе на нравственной сторонѣ христіанскаго ученія. Куикъ представляетъ себѣ уроки Закона Божія въ видѣ бесѣды, чтенія—съ цѣлью подѣйствовать на нравственное чувство, дабы вызвать благоговѣйное настроеніе, и горячо протестуетъ противъ такой постановки дѣла, когда уроки Закона Божія становятся «трудными», даже «очень трудными» въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ трудна, напр., латинская грамматика.

Куикъ говоритъ также о томъ, о чемъ говорится относительно рѣдко, а именно о переутомленіи учителей, считая его не менѣе важнымъ для успѣха дѣла, какъ и переутомленіе учениковъ. Для устраненія такого явленія Куикъ требуетъ хорошаго матеріальнаго обезпеченія для учителей, обезпеченія имъ досуга и средствъ къ занятіямъ, къ дѣятельной умственной жизни, которая одна можетъ только

*

позволить имъ не потерять самимъ любви къ знанію и вѣры въ великіе принципы истины и добра, которые они призваны насаждать въ своихъ молодыхъ питомцахъ. Педагогическую дѣятельность, какъ она поставлена теперь, Куикъ считаетъ весьма притупляющимъ занятіемъ (a very narrowing occupation)—въ виду многочисленности классовъ, массы внѣклассной работы и плохого матеріальнаго вознагражденія. Вообще можно сказать, что современная популярность книги Куика между учителями въ Англіи дѣлаетъ имъ честь, такъ какъ по всей книгѣ разсѣяны замѣчанія, весьма нелестныя, какъ для англійскихъ педагоговъ, такъ и вообще для современной англійской низшей и, главнымъ образомъ, средней школы.

Сочиненіе Компэрэ заканчивается очеркомъ исторіи народнаго образованія во Франціи въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Извѣстно, что народное образованіе, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, сосредоточившее на себѣ вниманіе дѣятелей конца прошлаго столѣтія, было совсѣмъ почти игнорировано консульствомъ, имперіей и реставраціей вплоть до 1833 г., когда за это дѣло взялся Гизо. Послѣдняя глава—«очеркъ теоріи воспитанія»—довольно безцвѣтна и содержитъ общія соображенія по вопросамъ воспитанія, какія мы видѣли у Куика, но значительно уступающія послѣднимъ по интересу.

Съ начала 1892 г. книга Куика переводится на русскій языкъ журналомъ «Вѣстникъ воспитанія». Къ сожалѣнію, ознакомившись съ переводомъ, мы должны сказать, что русская читающая публика мало отъ него выиграетъ. Во-первыхъ, книга Куика подверглась очень большимъ сокращеніямъ, такъ что, напр., 133 страницы англійскаго изданія переданы на 86 страницахъ русскаго (страницы оригинала и русскаго перевода почти совершенно одинаковаго размѣра по числу буквъ). Какъ мы видѣли, книга Куика вовсе не изъ такихъ, которыя можно сокращать безъ ущерба для содержанія и въ этомъ отношеніи она рѣзко отличается, напр., отъ сочиненія Компэрэ. Далѣе, сокращенія сдѣланы крайне неудачно; укажемъ на самый простой примѣръ: существенныя сокращенія сдѣланы въ прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ статьѣ Куика о Коменскомъ, т.-е. такимъ образомъ редакція русскаго журнала находитъ лишнимъ знакомить русскую публику съ Амосомъ Коменскимъ, насколько это нашелъ нужнымъ сдѣлать англичанинъ для своихъ соотечественниковъ. Въ самомъ переводѣ встрѣчаются непростительныя ошибки: въ той-же статьѣ о Коменскомъ моравскіе братья называются (стр. 79), напр., «богемскими братьями»; Коменскому приписывается составленіе «венгерско-латинскаго» словаря (85 стр.). Мы готовы были видѣть въ этомъ опе-

чатки, но, къ сожалѣнію, тутъ-же встрѣтили грубую ошибку и даже искаженіе текста. На страницѣ 86 русскаго перевода мы читаемъ, что «со смертью Коменскаго распалось Богемское Братство». Извѣстно, что моравскіе братья существуютъ до сего дня и до сихъ поръ съ большимъ успѣхомъ занимаются, между прочимъ, педагогической дѣятельностью (въ Германіи, Англіи и Америкѣ). У Куика-же просто сказано, что «со смертью Коменскаго было уничтожено званіе *главнаго епископа* моравскихъ братьевъ» (стр. 133 англ. изд.) *). Переводъ сдѣланъ довольно плохимъ, мѣстами и вовсе плохимъ языкомъ, а нѣкоторыя трудныя для перевода мѣста переведены на русскій языкъ такъ, что едва-ли могутъ быть поняты: укажемъ, напр., на конецъ главы объ Аскамѣ (неправильно называемомъ въ русскомъ переводѣ Ашамомъ—Ascham), гдѣ русскій читатель никакъ не пойметъ, почему учителей языковъ по методу преподаванія можно раздѣлить «на импрессіонистовъ и консерваторовъ»; читающему-же англійскій экземпляръ вполнѣ понятно, почему Куикъ дѣлитъ учителей по методу на «Rapid Impressionists и Complete Retainers». Наконецъ, русскій переводъ изобилуетъ опечатками, которыя, когда дѣло идетъ объ иностранныхъ писателяхъ, могутъ часто вводить въ заблужденіе или ставить въ затрудненіе русскихъ читателей: такимъ образомъ извѣстный американскій педагогъ Борнардъ названъ Бармаромъ (стр. 66), «Laurie's Amos Comenius», т.-е. сочиненіе Лори «Амосъ Коменскій» передано на русскій языкъ «Амосъ Коменскій» Лориса (стр. 79). Это можно даже причислить къ ошибкамъ перевода. Всѣ эти ошибки были нами замѣчены при самомъ бѣгломъ и кратковременномъ просмотрѣ русскаго перевода, и мы передали читателю далеко не все, замѣченное нами. Мы сочли, однако, безполезнымъ продолжать далѣе нашъ просмотръ, какъ находимъ безполезнымъ теперь приводить дальнѣйшія доказательства негодности **) русскаго перевода. Остается ждать, къ сожалѣнію, вѣроятно, безуспѣшно, другого перевода книги Куика

*) Въ настоящее время въ церкви моравскихъ братьевъ считается 18 епископовъ, но между ними нѣтъ главнаго; епископамъ принадлежитъ только право рукополагать во священники; самое-же церковное управленіе организовано на вполнѣ демократичныхъ началахъ. (Chambers's Encyclopaedia, t. VII, 1891. Moravians).

**) Написавъ это предложеніе, мы подумали, что выражаемся слишкомъ рѣзко. Открывъ еще разъ наудачу стр. 53, мы прочитали: ‹Есть одно смѣшное изреченіе, приписываемое Талейрану ‹Les méthodes sont les maîtres des maîtres›. Въ большомъ сомнѣніи, мы взяли англійскій оригиналъ и прочли (стр. 82): ‹Есть вполнѣ вѣрное изреченіе, приписываемое Марселемъ Талейрану› и т. д. (There is a true saying attrbiuted by Marcel to Talleyrand)... Sapienti sat.

и пожалѣть въ то-же время, что редакція «Вѣстника Воспитанія», напавъ на хорошую мысль—познакомить русскую публику съ полезной во всѣхъ отношеніяхъ книгой, отнеслась такъ легкомысленно къ своей задачѣ. **П. Мижуевъ.**

Петри, Э. Ю. Методы и принципы географіи. Руководство по методикѣ географіи. С.-Петербургъ. 1892.

Недавно вышедшая книга, имѣющая приведенное названіе, представляетъ первое полное руководство къ методикѣ географіи. которое можно назвать оригинальнымъ, такъ какъ оно не представляетъ перевода съ иностраннаго языка. Появленіе такого сочиненія указываетъ на сознанную его авторомъ неудовлетворительность извѣстной методики географіи Оберлендера, появившейся въ русскомъ переводѣ подъ редакціею Воронецкаго и выдержавшей три изданія, что указываетъ на значительное распространеніе, а слѣдовательно, и на нѣкоторое вліяніе на установленіе взглядовъ на предметъ среди педагоговъ-географовъ. Проф. Петри въ своей книгѣ (стр. 69) говоритъ, «что первый отдѣлъ книги Оберлендера страдаетъ сбивчивостью и неясностью въ самыхъ существенныхъ своихъ частяхъ, а именно въ пониманіи Риттера, тогда какъ отдѣлъ физической географіи даже въ свое время не стоялъ на высотѣ науки». Эта выписка подтверждаетъ наше указаніе на мнѣніе проф. Петри о книгѣ Оберлендера. Мы прибавили-бы отъ себя, что книга Оберлендера слишкомъ много занимается общими разсужденіями о методахъ географіи, и даже исторіею этихъ методовъ, и слишкомъ недостаточно указываетъ на дидактическіе пріемы преподаванія географіи въ школѣ. По нашему мнѣнію, сколько ни толкуй о взглядахъ разныхъ географовъ, начиная со Страбона (даже!) на методы этой науки; какъ ни старайся убѣдить въ собственныхъ взглядахъ на этотъ предметъ, какъ ни распинайся за его идеальную постановку,—все это нисколько не поможетъ тому, кто рѣшился посвятить себя преподаванію этого предмета и стоитъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, часто очень далекой отъ всевозможныхъ идеаловъ. На этомъ основаніи, всякая попытка дать въ руки преподавателю, особенно начинающему свою педагогическую карьеру, основанія методики и пріемовъ преподаванія (какъ, напр., у Мацата) *), должна быть принята съ глубокою признательностью. Посмотримъ теперь, насколько новая книга проф.

---

*) Matzat, Methodik des Geographischen Unterrichts.

Петри удовлетворяетъ высказаннымъ мыслямъ. Книга эта заключаетъ 315 страницъ и можетъ быть раздѣлена на слѣдующія части. Первыя три главы составляютъ часть историческую и называются: «Очеркъ развитія методики географіи». Слѣдующая, четвертая глава трактуетъ о современномъ положеніи этого вопроса. За этимъ слѣдуютъ двѣ главы (V и VI), посвященныя разбору методовъ школьной географіи. Главы: VII, VIII, IX, X, XI и XIV разбираютъ различныя учебныя пособія; XII глава посвящена чтенію картъ, а XIII—черченію ихъ. Слѣдующія четыре главы касаются хода преподаванія географіи въ низшей и средней школѣ и, наконецъ послѣдняя XIX глава разсматриваетъ географію, какъ предметъ университетскаго преподаванія. Итакъ, начало книги проф. Петри, которое можно назвать введеніемъ, представляетъ историческія данныя, касающіяся развитія метода географіи, начиная съ Геродота и Страбона, какъ и въ большей части нѣмецкихъ методикъ. Авторъ говоритъ въ началѣ своей книги: «Чтобы уяснить себѣ извѣстное явленіе, необходимо знать исторію его». И затѣмъ, далѣе: «Задачи и методы географіи мы поймемъ лишь тогда, когда познаемъ тѣ начала, изъ которыхъ развилась наша наука, и прослѣдимъ тѣ сложные и подчасъ даже уклончивые пути, посредствомъ которыхъ она дошла до современнаго состоянія своего». Мы полагаемъ, что для ознакомленія со взглядами на методы географіи нужно знать исторію этой науки и самое лучшее—знакомиться съ авторами, уцѣлѣвшими въ подлинникѣ.

По исторіи географіи существуетъ много пособій, отчасти на нѣмецкомъ, а также на французскомъ языкѣ. Хотя не всѣ авторы исторій географіи свободны отъ предвзятыхъ идей, тѣмъ не менѣе, можно и по ихъ сочиненіямъ составить себѣ ясное представленіе о предметѣ. Но мы полагаемъ, что такое понятіе трудно составить по первой главѣ книги проф. Петри. На всю древнюю географію авторъ отводитъ 4 страницы. Слишкомъ краткій обзоръ ведетъ къ весьма общимъ и неточнымъ характеристикамъ. «Клавдій Птолемей,—говоритъ авторъ,—издалъ описаніе земли, насколько она была извѣстна въ его время, съ 27 картами. Его сочиненія имѣли до нѣкоторой степени роковое значеніе для среднихъ вѣковъ, такъ какъ Птолемей считался безусловнымъ авторитетомъ даже въ XV столѣтіи». Вотъ и все, сказанное о Птолемеѣ. Какого рода роковое значеніе имѣлъ Птолемей въ средніе вѣка, когда не знали его въ подлинникѣ, а только въ переводѣ съ арабскаго (альмагестъ), не видно изъ приведенныхъ словъ автора. Значеніе Птолемея увеличилось, когда въ періодъ возрожденія стали изучать его по подлиннику и издавать съ дополне-

ніями и комментаріями; тогда географы вышли изъ схоластическихъ рамокъ, основывавшихся на изученіи Аристотеля. Стали употребляться картографическія проекціи вмѣсто прежнихъ компасныхъ сѣтокъ. Вообще говоря, исторія географической науки въ древности очень интересна и поучительна, но для ясности она требуетъ несравненно большихъ подробностей. Изложеніе метода географіи въ новое время и особенно взглядовъ отцовъ сравнительнаго метода, Риттера и Гумбольдта, гораздо обстоятельнѣе. Мы только не можемъ согласиться съ новымъ мнѣніемъ о Риттерѣ, какъ о человѣкѣ, не имѣвшемъ телеологическаго направленія. Намъ кажется достаточнымъ указать на сравненіе частей свѣта по степени изрѣзанности въ связи съ культурнымъ развитіемъ ихъ народонаселенія, какъ оно проводится Риттеромъ, чтобы убѣдиться въ томъ фактѣ, что телеологическія убѣжденія витали въ головѣ Риттера. Самъ проф. Петри говоритъ (стр. 96), что Риттеръ писалъ «хотя и увлекательнымъ, но туманнымъ языкомъ, страдающимъ подчасъ слишкомъ смѣлыми обобщеніями». Эти смѣлыя обобщенія, которыя проводилъ Риттеръ, часто при отсутствіи положительныхъ данныхъ, заставляли его дѣлать грубыя ошибки, указанныя, напр., въ русскомъ переводѣ его книгъ объ Азіи нашимъ оріенталистомъ Григорьевымъ (Кабулистанъ и Кафиристанъ). Риттеръ не былъ ни путешественникомъ, ни естествоиспытателемъ и не имѣлъ такого вѣрнаго и всеобъемлющаго чутья природы, какимъ обладалъ Гумбольдтъ. Заслуги этого послѣдняго не вполнѣ ясно выступаютъ въ изложеніи проф. Петри, который утверждаетъ, что знаменитый ученый не былъ только физико-географомъ, но также занимался и вопросами человѣческой культуры. Мы не будемъ отрицать послѣдняго, но въ то-же время утверждаемъ, что его «Essai politique sur le royaume de la Nouvelle Espagne», далеко не составляетъ по своему значенію и десятой доли того, что сдѣлано Гумбольдтомъ по географіи физической. Въ краткомъ изложеніи достаточно было-бы упомянуть о развитіи имъ ученія объ изотермахъ и созданіи географіи растеній, какъ о неувядаемыхъ заслугахъ великаго ученаго для сравнительной географіи, Третій знаменитый представитель сравнительной географіи, Оскаръ Пешель, заслужилъ упреки проф. Петри за то, что «обвинялъ Риттера въ географической телеологіи». Почтенный авторъ даже обвинилъ Пешеля въ томъ, что послѣдній былъ «профессіональнымъ журналистомъ». Намъ кажется, что заслуга Пешеля состоитъ именно въ томъ, что онъ старался стряхнуть иго риттеровскаго направленія и ввести въ географію естественно-научный

сравнительный методъ. Вся бѣда въ томъ, что Пешель въ основаніе своихъ сравненій ставилъ геологическія гипотезы *).

Въ четвертой главѣ, носящей названіе «Системы научной географіи», авторъ излагаетъ свои воззрѣнія на составъ и сущность географіи, какъ науки. Онъ говоритъ (стр. 40): «провести ясную грань между географіей и ея основными науками нѣтъ никакой возможности, онѣ имѣютъ общій матеріалъ, и этотъ матеріалъ разрабатывается методомъ данныхъ спеціальностей. Онѣ разнятся лишь въ цѣляхъ своихъ: конечною задачей спеціалиста основной науки является добываніе и обработка матеріала его науки; конечной задачею географа будетъ—отвести результатамъ этой науки соотвѣтствующее мѣсто въ непрерывной цѣпи явленій и событій, обусловливающихъ жизнь нашей земли. Обобщая принципы извѣстной основной науки, географъ возводитъ ихъ, такъ сказать, въ высшую географическую ступень». Изъ этого ясно, что географія, по мнѣнію профессора Петри, не имѣетъ своего матеріала, а представляетъ нѣчто безтѣлесное и неуловимое въ родѣ спиритическаго фантома или четвертаго измѣренія. Орографія, гидрографія, климатологія, даже топографія представляются автору самостоятельными науками, а не отдѣлами географіи. Мы также совершенно не согласны съ тѣмъ рѣзкимъ раздѣленіемъ задачи географа и путешественника, за которое ратуетъ профессоръ Петри. Путешественника онъ считаетъ только ближайшимъ сотрудникомъ географа, чѣмъ-то въ родѣ фельдшера при врачѣ, хотя тутъ-же указываетъ на Гумбольдта и Рихтгофена, соединяющихъ въ одномъ лицѣ превосходныхъ изслѣдователей - путешественниковъ и мыслителей. Намъ кажется, что всякій путешественникъ, который въ состояніи разработать матеріалъ, добытый при путешествіи и поставить его въ систему, есть вполнѣ сознательный географъ. Къ такимъ географамъ-путешественникамъ нужно отнести и нашего Пржевальскаго. Въ настоящее время, при столь громадномъ развитіи научнаго матеріала географіи, трудно представить второго Гумбольдта, который могъ-бы обнять географію во всемъ ея сложномъ и разнообразномъ составѣ. Такой географъ по необходимости сталъ-бы дилеттантомъ, порхающимъ по верхушкамъ научнаго зданія, не углубляющимся въ его содержаніе.

Заключительныя строки къ четвертой главѣ (стр. 58) вызываютъ нѣкоторое изумленіе, тѣмъ болѣе, что онѣ составляютъ перепечатку изъ брошюры автора «Задачи научной географіи» и, слѣдовательно,

*) Peschel, Neue Probleme vergleichender Erdkunde.

выражаютъ собою непоколебимое убѣжденіе автора. Въ этихъ строкахъ рисуется въ самыхъ мрачныхъ краскахъ умственное и нравственное состояніе современныхъ культурныхъ людей. «У насъ нѣтъ яснаго міровоззрѣнія», говоритъ авторъ, и вслѣдъ за тѣмъ указываетъ на географію, какъ на единственное средство «разрѣшить противорѣчіе между матеріей и духомъ». Намъ сдается, что здѣсь авторъ впадаетъ въ преувеличеніе.

Перейдемъ теперь къ болѣе существенному отдѣлу разбираемой книги «Географія, какъ школьный предметъ». Въ пятой главѣ авторъ, указавъ на прежнее, сухое преподаваніе географіи въ школѣ, устанавливаетъ совершенно основательно то формальное и матеріальное значеніе, какое должна имѣть географія для дѣтей. «Открывая передъ глазами ребенка картины чужихъ краевъ, исполненныя красокъ и своеобразной прелести, географія развиваетъ въ значительной степени эстетическій вкусъ, фантазію и любознательность ребенка: географія, преподаваемая въ духѣ современнаго своего направленія, внушаетъ ребенку любовь къ природѣ». Это прекрасныя, вполнѣ справедливыя мысли, съ которыми долженъ освоиться всякій преподаватель географіи. Мы только не согласны съ авторомъ въ томъ, что «малоуспѣшность географическаго преподаванія зависитъ у насъ отъ того, что старшіе классы или совершенно лишены географіи, либо-же ограничиваются одними повтореніями». Можно вполнѣ успѣшно преподавать географію въ младшихъ классахъ, не имѣя въ виду, преподается-ли она въ старшихъ. Въ концѣ пятой главы находится краткій обзоръ литературы по методикѣ школьной географіи. Шестая глава посвящена методамъ школьной географіи.

Совершенно напрасно авторъ обращается къ разбору тѣхъ quasi-методовъ, которые уже разобраны въ книгѣ Оберлендера. Достаточно было-бы упомянуть объ аналитическомъ и синтетическомъ методахъ, которые еще заслуживаютъ это названіе. Послѣ этого авторъ необходимо переходитъ къ методу сравнительному или методу взаимоотношеній, какъ единственному образовательному методу географіи въ школѣ. Примѣры взаимоотношеній и сравненій указаны весьма удачно. Въ седьмой главѣ авторъ указываетъ на значеніе нагляднаго преподаванія географіи и на необходимость устройства географическаго кабинета, гдѣ были-бы собраны всѣ необходимыя при преподаваніи географіи пособія, между которыми значительную роль играютъ или должны играть коллекціи по минералогіи, ботаникѣ, зоологіи и антропологіи, примѣненныя къ потребностямъ школьнаго курса географіи. Требованіе устройства географическаго кабинета

вполнѣ справедливо и раціонально, но, конечно, при настоящемъ положеніи географіи оно едва-ли выполнимо въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ восьмой главѣ указывается на значеніе рельефа и примѣненіе его въ школѣ. По мнѣнію автора, рельефъ имѣетъ громадное преимущество передъ картою, такъ какъ представляетъ тѣлесныя формы, а не знаки на картѣ, но въ то-же время самъ авторъ говоритъ, что всѣ школьные рельефы невѣрны, такъ какъ, по необходимости, исполнены по двумъ масштабамъ—горизонтальному меньшему и вертикальному большему и всѣ склоны на такихъ пластическихъ рельефахъ слишкомъ круты, такъ что даютъ ученикамъ неправильныя представленія. Сверхъ всего, эти рельефы дороги и рѣдки въ продажѣ, такъ что, по нашему мнѣнію, ихъ не для чего вводить въ употребленіе. Песочный рельефъ, предлагаемый авторомъ, несравненно доступнѣе по цѣнѣ, но, къ сожалѣнію, по способу его постановки въ классѣ, онъ можетъ быть наблюдаемъ всѣмъ классомъ только въ профиль. Для, того чтобы разглядѣть его со всѣхъ сторонъ, необходимо изъ класса составлять группы, что, при многочисленномъ составѣ класса, отниметъ много времени.

Мы совершенно пропустимъ IX главу, гдѣ трактуется объ употребленіи картинъ при преподаваніи географіи, такъ какъ эта глава не представляетъ ничего новаго сравнительно съ появившейся еще въ прошломъ году статьей *), имѣющей ту-же задачу.

Три послѣдующія главы, X, XI и XII, разсматриваютъ карты и атласы, какъ пособія при преподаваніи географіи, а также касаются чтенія картъ. Здѣсь авторъ высказываетъ современныя идеи о ступеняхъ для школьныхъ картъ и раціональномъ упрощеніи ихъ для цѣлей преподаванія, а затѣмъ даетъ разборъ многихъ картъ и атласовъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. На 133 и 134 страницахъ авторъ высказываетъ такія положенія, съ которыми мы не можемъ согласиться. «Нѣмыя карты,—говоритъ онъ,—мы считаемъ однимъ изъ золъ школьнаго педантизма: подготовка къ нѣмой картѣ требуетъ большихъ усилій со стороны дѣтей, не обладающихъ чутьемъ къ картѣ и, въ концѣ-концовъ, остается безъ результатовъ. Черезъ нѣсколько уроковъ обыденный ученикъ уже не способенъ оріентироваться на своей нѣмой картѣ». Мы не ясно представляемъ себѣ тотъ способъ, какой употребляетъ авторъ при прохожденіи географическаго матеріала, такъ какъ въ разбираемой книгѣ нигдѣ объ этомъ не упо-

---

*) Картины, какъ пособіе при преподаваніи географіи. Журн. Мин. Нар. Пр. Ноябрь, 1891.

минается. Но мы привыкли думать, что всѣ картографическіе элементы, касающіеся урока, должны быть подъисканы въ классѣ на учебномъ атласѣ, который долженъ быть непремѣнно снабженъ названіями. Затѣмъ ученики находятъ и указываютъ всѣ эти элементы на нѣмой стѣнной картѣ. Они при этомъ отвлекаются отъ малаго масштаба своей учебной карты и переносятъ свое впечатлѣніе отъ нея на карту нѣмую большаго масштаба. Итакъ, приготовленіе къ нѣмой картѣ должно совершаться въ классѣ подъ руководствомъ учителя. При повтореніи заданнаго урока передъ нѣмой картой ученикъ не имѣетъ никакой помощи въ видѣ надписей на картѣ и только при такомъ условіи можно убѣдиться, знаетъ-ли онъ топографію. Многолѣтній опытъ убѣдилъ насъ, что карта съ надписями мѣшаетъ ученикамъ запоминать названія. Никакого особеннаго чутья къ картѣ ученики не имѣютъ; они имѣютъ только различную степень интереса къ занятіямъ географіею, какъ и къ занятіямъ другими предметами. Чѣмъ болѣе продолжительное время занимаются ученики съ нѣмой картой, тѣмъ яснѣе они ее представляютъ и понимаютъ, т.-е. дѣло происходитъ совершенно наоборотъ, чѣмъ увѣряетъ насъ авторъ, почему-то не любящій нѣмыхъ картъ.

Что касается чтенія картъ, то авторъ въ XII главѣ ограничивается однимъ введеніемъ въ чтеніе рельефа. Мы позволяемъ себѣ замѣтить, что при чтеніи карты большое значеніе имѣетъ оріентировка по градусной сѣткѣ, а этому должно предшествовать ученіе о глобусѣ. Всѣ эти вопросы являются въ разбираемой книгѣ въ разныхъ главахъ, тогда какъ должны-бы находиться въ послѣдовательной связи.

Разобравъ въ XIII главѣ различные способы черченія, авторъ приходитъ къ тому, что въ общеобразовательной школѣ можно допустить упрощенное черченіе «съ плеча» (Faustzeichnungen), съ чѣмъ совершенно нельзя согласиться, потому что повсемѣстный опытъ указалъ, что такіе чертежи исполняются учениками крайне небрежно, неохотно, и потому неудовлетворительно въ высшей степени. Обобщенія въ «кулачныхъ» чертежахъ съ полнымъ правомъ можно назвать искаженіями, которыя стѣсняютъ самихъ учениковъ. Со стороны-же учителя было-бы педагогическимъ противорѣчіемъ настаивать на отчетливомъ исполненіи завѣдомо нелѣпаго и неправильнаго.

Въ XIV главѣ разсматриваются пособія для астрономической географіи. Авторъ разбираетъ существующія пособія и указываетъ на ихъ значеніе. Между прочимъ, онъ говоритъ: «Для первоначальнаго знакомства съ глобусомъ не безъ пользы употребляютъ индукціонный глобусъ, покрытый черною цементною массою,—глобусъ, на которомъ учитель можетъ дѣлать мѣломъ необходимыя указанія».

Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ слѣдовало-бы выразиться несравненно сильнѣе. Черный индукціонный глобусъ не только можетъ употребляться «не безъ пользы», но долженъ составлять необходимое классное пособіе. Безъ него невозможно выяснить географическую сѣтку, а равно и понятія о широтѣ и долготѣ. Не только учитель, но, прежде всего, ученики должны проводить на черномъ глобусѣ линіи географической сѣтки, а также широты и долготы Пренебреженіе этимъ пособіемъ ведетъ къ постояннымъ жалобамъ нашихъ преподавателей на трудность прохожденія этихъ вопросовъ съ дѣтьми. Въ XV главѣ авторъ основательно развиваетъ доводы, указывающіе на громадную пользу географическихъ прогулокъ, но въ то-же время соглашается, что устройство такихъ прогулокъ затруднительно. Наиболѣе важнымъ представляется намъ предметъ слѣдующихъ трехъ главъ, гдѣ авторъ разбираетъ постановку географіи въ средней школѣ и даже представляетъ образецъ пробнаго урока. Исходя изъ положенія, что географія поставлена въ гимназіяхъ неудовлетворительно, авторъ требуетъ увеличенія числа часовъ для этого предмета и предлагаетъ распредѣленіе его по классамъ при 8, 10 и 12-часовой нормѣ. Во всѣхъ случаяхъ авторъ предполагаетъ перерывъ въ курсѣ географіи на 4, 3 или 2 года, съ чѣмъ мы не можемъ согласиться, такъ какъ такой перерывъ всегда вредно отзовется на познаніяхъ учениковъ и наложитъ на преподавателя сизифову работу. Лучше урѣзать курсъ сверху и снизу, чѣмъ ставить предметъ въ такое неудобное положеніе. Дальнѣйшее изложеніе вопроса касается способа преподаванія. Очень цѣнныя указанія находятся на 216 и 217 страницахъ, гдѣ авторъ выдвигаетъ дѣйствительно превосходный пріемъ для сообщенія преподаванію наглядности, именно раздѣленіе областей на географическія провинціи. Также достойно всякаго сочувствія требованіе, чтобы физико-географическія данныя легли въ основу географическаго преподаванія. Кромѣ всего этого, авторъ обращаетъ вниманіе на довольно важные вопросы въ дѣлѣ преподаванія, какъ-то: правописаніе и значеніе географическихъ именъ, цыфры въ школьномъ курсѣ и чтенія географическаго содержанія въ классѣ и дома.

Установивъ общія точки зрѣнія на школьную географію, авторъ въ слѣдующихъ главахъ переходитъ спеціально къ курсу элементарной школы и среднему курсу (главы XVII и XVIII). Для элементарнаго курса авторъ ставитъ необходимымъ условіемъ родиновѣдѣніе, обставленное прогулками и экскурсіями, во время которыхъ ученики могли-бы производить наблюденія, хотя, повидимому, г. Петри не вполнѣ увѣренъ въ томъ, что эти прогулки могутъ дать ученикамъ

надлежащія основанія для разъясненія встрѣчающихся географическихъ объектовъ. «Благоразумнѣе прибѣгать... къ искусственнымъ пособіямъ, чѣмъ утомлять учениковъ совершенно неправдоподобными параллелями между небольшимъ холмомъ и прудомъ, которые они лично могутъ обозрѣть, и альпійскими горами и океаномъ».

Мы уже имѣли случай *) высказать свой взглядъ на школьныя прогулки среди русской равнины, почему и позволяемъ себѣ не останавливаться болѣе на этомъ вопросѣ. Въ XVIII главѣ авторъ указываетъ на несовсѣмъ удачные учебники для средняго курса, даетъ програму общей (математической и физической) географіи для старшаго класса и въ заключеніе помѣщаетъ пробный урокъ для старшаго (къ сожалѣнію!) класса женской гимназіи. Темой урока профессоръ Петри взялъ Великобританію и Ирландію. Форма урока преимущественно лекторная. Соглашаясь съ расположеніемъ учебнаго матеріала для данной темы, мы считали-бы болѣе удобнымъ сообщать цыфры пространства въ болѣе простыхъ и круглыхъ наименованіяхъ, т.-е. въ квадратныхъ миляхъ, а не въ километрахъ. Говоря о составѣ Британской имперіи, было-бы полезно указать на противоположность этого состава (морская держава) съ составомъ нашего отечества (континентальная держава).

Мы оставляемъ въ сторонѣ предметъ обсужденія послѣдняго отдѣла (XIX главы) разбираемой книги «Географія, какъ предметъ университетскаго преподаванія». Мы ограничимся только указаніемъ на то, что для полноты картины не слѣдовало-бы игнорировать постановкой преподаванія географіи въ одномъ высшемъ учебномъ заведеніи, именно Историко-филологическомъ институтѣ, тѣмъ болѣе, что подготовка въ немъ преподавателей нисколько не уступаетъ требованіямъ, высказаннымъ авторомъ на страницѣ 212.

Изъ обозрѣнія «Методовъ и принциповъ» видно, что эта книга можетъ и должна быть рекомендована всякому, кто пожелалъ-бы посвятить себя трудному поприщу преподавателя географіи. Соотвѣтственно заголовку—«Руководство по методикѣ географіи», авторъ обращаетъ почти исключительное вліяніе на методы преподаванія. Тамъ, гдѣ дѣло касается указанія дидактическихъ пріемовъ, онъ не рѣшается высказываться положительно.

Еще два слова. Въ дополненіяхъ къ книгѣ профессора Петри, къ главѣ XI, на стр. 300, авторъ выражаетъ несогласіе съ нашимъ

---

*) Картинки, какъ пособіе при преподаваніи географіи. «Ж. М. Н. П.». 1891. Ноябрь.

мнѣніемъ относительно недостатковъ нѣмецкаго учебника географіи Кирхгофа (Schulgeorgaphie). Мы высказали (Учебная географія за послѣднія пять лѣтъ. Ежегодникъ И. Р. Геогр. Общ. 1892), что слабая сторона учебника заключается въ томъ, что онъ «сообщаетъ нѣкоторыя геологическія данныя и термины, для которыхъ не дано предварительнаго объясненія, и включаетъ понятіе объ изотермахъ въ объясненіе климата». Послѣднее мы замѣтили относительно Азіи. Профессоръ Петри говоритъ на это, что «съ элементарнымъ понятіемъ объ изотермахъ прекрасно мирятся даже *наши* учебники, а основныя понятія изъ геологіи извѣстны *любому* нѣмецкому гимназисту, такъ какъ онъ получаетъ довольно порядочную подготовку по естественнымъ наукамъ». Ссылка на наши учебники въ подтвержденіе возможности включенія въ элементарный курсъ понятія объ изотермахъ не выдерживаетъ критики, потому что мало-ли съ чѣмъ мирятся эти знаменитые учебники. Многіе изъ нихъ на долго помирились съ грубыми ошибками и безсистемнымъ изложеніемъ. Сверхъ того, изотермы, сколько намъ извѣстно, упоминаются, даже въ нашихъ учебникахъ, не ранѣе курса географіи Россіи.

Касательно второго пункта мы только позволимъ себѣ предложить вопросъ: неужели *любой* шести и пятиклассникъ (два младшихъ класса) нѣмецкихъ гимназій обладаетъ познаніями изъ геологіи? Если такъ, въ чемъ мы сильно сомнѣваемся, тогда имъ и книги въ руки. Учебникъ Зейдлица я назвалъ неудовлетворительнымъ за то, что, кажется, другіе ставятъ ему въ заслугу, именно «за приспособленность къ вычеркиванію ненужнаго матеріала для данной школы», какъ говоритъ профессоръ Петри. Подобные учебники представляютъ всегда окрошку изъ различныхъ свѣдѣній и не имѣютъ ничего общаго съ современными методическими требованіями. **А. Соколовъ.**

Дѣтская историческая библіотека, изданіе Мартынова. Сочиненія Фурмана:

1) **Петръ Ждановъ, московскій купецъ.** Историческій разсказъ изъ событій отечественной войны 1812 г. (въ 2 частяхъ). Спб. 1891 г. Ц. 1 руб.

2) **Сборникъ разсказовъ.** Спб. 1892 г. Ц. 1 руб., въ перепл. 1 руб. 75 коп.

3) **Потемкинъ-Таврическій—любимецъ счастія и славы.** Историческая повѣсть для дѣтей въ 2 частяхъ. Спб. 1892 г. Ц. 1 руб., въ перепл. 1 руб. 75 коп.

4) **Сынъ рыбака, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.** Повѣсть для дѣтей. Спб. 1890 г. Ц. 50 коп., въ перепл. 1 р. 25 к.

5) **Наталья Борисовна Долгорукова.** Повѣсть для дѣвицъ. 1891 г. Ц. 1 руб. 25 коп.

6) **Князь Суворовъ-Рымникскій.** Историческая повѣсть для дѣтей въ 2 частяхъ. Спб. 1892 г. Ц. 1 руб. 25 коп., въ перепл. 2 руб.

7) **Александръ Даниловичъ Меншиковъ.** Историческій романъ для дѣтей въ 3 частяхъ. 1890 г. Ц. 1 руб. 25 коп., въ перепл. 2 руб.

8) **Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ.** Историческая повѣсть для дѣтей въ 2 частяхъ. Спб. 1891 г. Ц. 75 коп.

9) **Ближній бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.** Историческая повѣсть для дѣтей въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 руб. 25 коп.

10) **Саардамскій плотникъ.** Повѣсть для дѣтей въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1890 г. Ц. 75 коп., въ перепл. 1 руб. 25 коп.

Всѣ названныя сочиненія Фурмана изданы г. Мартыновымъ въ 10 изящныхъ томикахъ, на хорошей бумагѣ, отличаются крупной печатью, хорошими портретами историческихъ дѣятелей и хорошими картинками, которыя являются снимками со старинныхъ гравюръ и представляютъ или виды историческихъ мѣстностей, или формы древнихъ одеждъ, вооруженій, построекъ и т. под.

По своей внѣшности всѣ книжки производятъ одинаково благопріятное впечатлѣніе, но по внутреннимъ достоинствамъ онѣ очень разнообразны, хотя между ними есть много и общаго. Это общее—манерность изложенія, стремленіе кстати и некстати вставлять приторно-сладкія нравоученія, нѣсколько ходульная идеализація героевъ, каррикатурное изображеніе непріятныхъ автору или враждебныхъ его героямъ лицъ и, наконецъ, тотъ квасной патріотизмъ, по идеямъ котораго *нашимъ* все позволено и всякій обманъ возводится чуть не въ геройство.

Этимъ послѣднимъ качествомъ отличается особенно повѣсть «Петръ Ждановъ». Кромѣ того, въ повѣсти нѣтъ ни яркихъ бытовыхъ картинъ, ни оцѣнки совершающихся событій: французы каррикатурны, и голодаютъ, и бѣдствуютъ, а русскіе благодушествуютъ, кушая въ походѣ «курочекъ» и «бѣлый хлѣбецъ», всѣ напыщенно благочестивы и выражаются самымъ высокимъ слогомъ. Напр., при встрѣчѣ Жданова съ солдатами онъ такъ описываетъ положеніе Москвы: «Половина Москвы погорѣла, домы наши разорены, разграблены... Прилпе языкъ ссущаго къ гортани его въ жаждѣ, младенцы просиша хлѣба и нѣсть имъ преломляющаго!»—А ему отвѣчаютъ: «Полно, московичъ, распѣвать намъ жалобную пѣснь! Развѣ ты забылъ, кто

союзникъ народа русскаго! Богъ силъ, великій защитникъ правыхъ! Не горюйте, братцы, а радуйтесь! Идетъ великая брань, дѣло Божіе, дѣло правосудія и свободы!» И это говорятъ простые «ратники»! Никакого представленія о великой народной войнѣ, объ общемъ подъемѣ духа не вынесутъ читатели изъ этого разсказа, и вообще повѣсть «Петръ Ждановъ» и «Сборникъ разсказовъ»—являются самыми слабыми вещами изъ сочиненій Фурмана.

«Сборникъ» заключаетъ въ себѣ 7 произведеній Фурмана. Тутъ помѣщены два разсказа изъ жизни Петра Великаго, разсказъ изъ жизни Жозефины Богарне, легенда о Нарвскомъ водопадѣ, два біографическихъ очерка «Паганини» и «Людвигъ Шпоръ» и нравоучительно-сентиментальная повѣсть на тему: «уступчивость лучше настойчивости въ жизни».

Біографическіе очерки до того блѣдны, что не даютъ даже и приблизительнаго понятія о лицахъ, имена которыхъ стоятъ въ ихъ заглавіи, историческіе разсказы не представляютъ ничего характернаго, а повѣсть является образцомъ тенденціозности.

Въ повѣсти «Два девиза» представлены два молодыхъ человѣка, отправляющіеся получить наслѣдство послѣ неизвѣстнаго имъ дядюшки. Девизъ одного «мое право», девизъ другого «милосердіе» или, по характеру юноши, вѣрнѣе-бы сказать «уступчивость». Первый ведетъ постоянную борьбу за «свое право», и въ этой борьбѣ попадаетъ въ самыя комическія положенія: остается безъ обѣда изъ-за того, что не хочетъ обѣдать въ гостинницѣ, гдѣ отдаютъ предпочтеніе не ему, а какимъ-то знакомымъ хозяину людямъ; мокнетъ подъ дождемъ и мерзнетъ изъ-за того, что не хочетъ уступить своего мѣста въ дилижансѣ; наконецъ, изъ-за этого-же лишается выгодной невѣсты и самаго наслѣдства, которыя достаются его уступчивому, вѣжливому другу.

Всѣ остальныя произведенія Фурмана стоятъ гораздо выше двухъ первыхъ книгъ, но все-же между ними слабы разсказы-біографіи «Сынъ рыбака, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ» и «Потемкинъ-Таврическій», гдѣ есть отдѣльныя довольно интересныя сцены изъ дѣтства и юности названныхъ лицъ, но нѣтъ никакой характеристики ихъ дѣятельности, не показаны ихъ настоящія заслуги. Изъ разсказа «Сынъ рыбака», несмотря на общій сентиментальный тонъ, еще можно получить нѣкоторое понятіе о трудности той борьбы, которую пришлось вынести Ломоносову въ его стремленіяхъ къ знанію; но о заслугахъ его сказано всего два, три слова, и врядъ-ли дѣти съумѣютъ понять ихъ. По прочтеніи-же повѣсти «Потемкинъ-Таври-

ческій» маленькіе читатели смѣло могутъ сдѣлать выводъ, что Потемкинъ прославился только тѣмъ, что обратилъ на себя вниманіе государыни своею красивой наружностью, и не вынесутъ ни малѣйшаго понятія о дѣйствительныхъ заслугахъ его. Вообще личность Потемкина, этого баловня счастья, въ счастьи душевно страдающаго, поражающаго переходами отъ беззастѣнчиваго своеволія къ аскетическому самоотреченію, представляетъ значительный психологическій интересъ, но не можетъ быть понятна дѣтямъ, и князь Таврическій никакимъ образомъ не можетъ быть героемъ дѣтской повѣсти. Въ этомъ отношеніи можно поставить въ укоръ Фурману нестолько слабое изображеніе личности Потемкина, сколько самый выборъ героя для дѣтской повѣсти.

Гораздо бо́льшій интересъ въ этомъ отношеніи представляютъ повѣсти-біографіи: «Наталья Борисовна Долгорукова», «Князь Суворовъ-Рымникскій», «Александръ Даниловичъ Меншиковъ», «Князь Яковъ Долгоруковъ» и «Ближній бояринъ А. С. Матвѣевъ».

Въ повѣсти «Н. Б. Долгорукова» героиня, благодаря общему сентиментальному тону и постояннымъ нравоучительнымъ отступленіямъ, нѣсколько блѣдна, но многія подробности ея печальной жизни представляютъ все-же значительный интересъ, а самый характеръ безвинной страдалицы настолько трогателенъ, что повѣсть прочтется всякимъ ребенкомъ далеко не безъ пользы.

Суворовъ, въ повѣсти «Князь Суворовъ Рымникскій», представленъ крайне симпатично: человѣкомъ труда и сильной воли, другомъ и отцомъ солдатъ, человѣкомъ глубоко-вѣрующимъ и любящимъ родину настоящею, вѣрною любовью. Въ минуты опасности онъ не падаетъ духомъ, умѣетъ всегда подбодрить своихъ подчиненныхъ, во время гоненій безропотно несетъ свою опалу, не оставляя труда, а во время самыхъ блестящихъ успѣховъ своихъ, самой громкой славы—избѣгаетъ всякихъ почестей и парадовъ, ни въ чемъ не измѣняя своихъ скромныхъ привычекъ. По прочтеніи повѣсти, Суворовъ можетъ сдѣлаться любимцемъ и героемъ для маленькихъ читателей, и это будетъ хорошая любовь къ истинно-русскому, стойкому и честному человѣку, такъ что въ этомъ отношеніи повѣсть заслуживаетъ большаго вниманія.

Повѣсти «Александръ Даниловичъ Меншиковъ» нѣсколько мѣшаетъ всегдашняя манера автора превозносить своихъ героевъ, приписывая имъ всякія добродѣтели, извиняя всякіе проступки. Вслѣдствіе этого авторъ восхваляетъ и такой поступокъ Меншикова, какъ лицемѣрное выраженіе дружбы къ Циклеру, а затѣмъ раскрытіе его заговора передъ царемъ. Послѣднее, конечно, было необходимо и

составляло даже обязанность Меншикова, какъ друга и любимца Петра; но дѣло въ томъ, что онъ старается добиться довѣрія Циклера и прикидывается измѣнникомъ не ради какихъ-нибудь высокихъ идей, а просто для спасенія своей жизни, когда его ловятъ приверженцы Циклера во время подслушиванія у дверей. Но все-же удивительная исторія Меншикова, трагическая судьба послѣднихъ лѣтъ его жизни, печальное положеніе въ изгнаніи и перемѣны, вызванныя этими превратностями судьбы въ душѣ гордаго, зазнавшагося человѣка, переданы авторомъ хорошо и могутъ быть прочтены съ большимъ интересомъ.

Еще большаго вниманія заслуживаетъ повѣсть «Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ». Это—положительно лучшее изъ произведеній Фурмана: въ немъ больше простоты, меньше нравоученій и всякихъ отступленій, чѣмъ во всѣхъ другихъ произведеніяхъ этого автора. Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ, съ его неизмѣннымъ девизомъ «царю — правда лучшій слуга», представляется очень яркой и симпатичной личностью, его столкновенія и размолвки съ императоромъ Петромъ рисуютъ и царя-работника съ самой прекрасной стороны.

Такою-же симпатичною личностью, какъ Яковъ Долгоруковъ, является Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ въ повѣсти «Ближній бояринъ», хотя написана эта повѣсть болѣе грубыми штрихами и съ большимъ стремленіемъ идеализировать героя. Матвѣевъ представленъ образцомъ всякихъ добродѣтелей, а враги его—въ чисто каррикатурномъ видѣ, особенно приказный Гороховъ. Но, несмотря на нѣкоторую грубость красокъ, личность Матвѣева, всегда неподкупно вѣрнаго слуги и друга царя, человѣка вполнѣ безкорыстнаго и честнаго, очерчена достаточно ярко, а любовь къ нему народа, безропотныя страданія его въ ссылкѣ и беззавѣтно вѣрная привязанность къ нему его слуги, араба Ивана, возбуждаютъ не только вниманіе, но и сочувствіе читателей, такъ что книга производитъ самое живое, здоровое впечатлѣніе.

Отдѣльно отъ перечисленныхъ повѣстей-біографій стоитъ повѣсть «Саардамскій плотникъ», гдѣ разсказываетъ только нѣсколько случаевъ изъ жизни Петра Великаго на верфяхъ въ Саардамѣ. Разсказъ написанъ настолько живо, что невольно заинтересовываетъ маленькихъ и даже взрослыхъ читателей, но вполнѣ хорошему впечатлѣнію его много мѣшаетъ каррикатурность многихъ лицъ и сценъ.

Вообще-же біографіи «Матвѣевъ», «Меншиковъ», «Долгоруковъ» и повѣсть «Саардамскій плотникъ» рисуютъ недурную и достаточно яркую картину до-Петровской Руси и реформъ Петра, рисуютъ до-

*

статочно ярко и симпатично и самую личность Петра, а потому, несмотря на всѣ присущіе Фурману недостатки, могутъ быть съ пользою прочтены и дѣтьми, и подростками и вообще служить хорошей иллюстраціею къ исторіи того времени.

Позняковъ, Н. И. Святочные разсказы: 1) *Кичливая и счастливая.* Изд. 2-е. Ц. 10 к., 2) *Безъ ёлки.* Изд. 2-е. Ц. 5 к., 3) *Мятель.* Изд. 2-е. Ц. 10 к., 4) *Святой Николай.* Изд. 2-е. Ц. 10 к., 5) *Малышъ.* Изд. 2-е. Ц. 5 к., 6) *Изъ милаго далека.* Ц. 20 к., 7) *Происшествіе.* Ц. 10 к., 8) *Лѣсникъ.* Ц. 10 к.

По укоренившемуся уже издавна обычаю, въ декабрскихъ нумерахъ большей части дѣтскихъ журналовъ, а также въ издаваемыхъ спеціально къ Рождеству книгахъ юнымъ читателямъ обязательно преподносятся разсказы, въ которыхъ фигурируетъ рождественская ёлка, болѣе или менѣе искусственно приплетенная къ фабулѣ разсказа. Авторами разсказовъ такого сорта выводятся на сцену невоодушевленные предметы, преимущественно рождественскія деревца, въ видѣ одушевленныхъ или одухотворенныхъ, которые и дѣйствуютъ, какъ таковые. Поэтическое олицетвореніе явленій природы — дѣло вполнѣ законное, ибо духу человѣческому свойственно во всемъ видимомъ находить жизнь и придавать ей извѣстныя опредѣленныя индивидуальныя формы и образы. Но въ святочныхъ разсказахъ для дѣтей олицетворенія неодушевленнаго вызываются не поэтическою потребностью души, а сухими, резонерскими требованіями морали, причемъ тѣ или иныя моральныя требованія подкрѣпляются, ради приданія имъ нѣкоторой фиктивной жизни, случайными и большею частью нескладно выдуманными примѣрами. Поэтому, почти всѣ эти дѣланные, искусственные, измышленные, фальшивые, изъ году въ годъ повторяемые и уже давно набившіе оскомину разсказы вялы, безжизненны, скучны, читаются съ усиліемъ и, погрѣшая противъ основныхъ художественныхъ, эстетическихъ принциповъ, вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не достигаютъ и своихъ дидактическихъ цѣлей. Къ сожалѣнію, даже и такой опытный писатель для дѣтей, какъ г. Позняковъ, отдавая дань рутинѣ, началъ рядъ своихъ святочныхъ разсказовъ *сказкою**) о двухъ рождественскихъ ёлкахъ—«Кичливая и счастливая». Обѣ ёлочки росли рядомъ въ лѣсу; первая была красивая, гордая, хвастливая, или «кичли-

*) Это осторожное названіе разсказа «сказкою» лишь до нѣкоторой степени извиняетъ прегрѣшенія автора противъ требованій эстетики и вообще литературнаго вкуса.

вая», вторая—безобразная и, вѣроятно, вслѣдствіе этого—скромная, хотя и большая резонерка («я вѣдь люблю разсуждать о нравственности и вообще о высокихъ предметахъ»,—говоритъ она на стр. 9). На похвальбы своей красивой сосѣдки эта ёлочка скромно отвѣчаетъ: «Что-жъ? Поживемъ — поглядимъ. Время умнѣй насъ, время все откроетъ» (стр. 2). «И время все открыло», тутъ-же обязательно заявляетъ самъ авторъ, этимъ въ сущности и поканчивая свой разсказъ. Въ дальнѣйшемъ приводятся доказательства или подтвержденія этого заявленія или положенія. Обѣ ёлочки, одна вслѣдъ за другой, были срублены. Первая, «кичливая», красовалась въ качествѣ рождественскаго деревца у богатыхъ людей, а вторая была поставлена вѣхою у дороги, указывала путь и, слѣдовательно, «приносила пользу». По этой дорогѣ шелъ одинъ фабричный мальчикъ, выдернулъ вѣху и снесъ домой, гдѣ и эта безобразная ёлочка, въ свою очередь, играла роль рождественскаго деревца и внесла лучъ радости въ бѣдную семью столяра, т.-е. опять-таки «принесла пользу». Затѣмъ, по авторскому велѣнью, ради возможности продолжать разсказъ, само собою разумѣется, было необходимо снова свести обѣ ёлочки вмѣстѣ. Оказывается, что обѣ онѣ попали въ одинъ и тотъ-же домъ и, по минованіи въ нихъ надобности, были выброшены на одинъ и тотъ-же дворъ. Красивая ёлочка жалуется на свою судьбу и на людей. Когда она выполнила свою роль, про нее сказали: «надо эту дрянь куда-нибудь выкинуть». «Вотъ каковы эти людишки! — восклицаетъ ёлочка. — Любовались, восхищались, срубили, натѣшились, и, наконецъ, начали бранить... Неблагодарные, гадкіе люди!» (стр. 8). Вторая ёлочка, разсказывая про свои похожденія, говоритъ, что она, напротивъ, чувствуетъ себя вполнѣ счастливою, ибо съ самаго того момента, какъ ее срубили, «она не переставала быть полезной». Разсказъ «счастливой» ёлочки такъ благотворно подѣйствовалъ на «кичливую», что она сразу, какъ и подобаетъ въ сказкѣ, измѣнилась къ лучшему и запѣла уже совсѣмъ иную пѣсню: «Какъ-бы мнѣ хотѣлось быть на твоемъ мѣстѣ! — восклицаетъ она. — Къ чему мнѣ теперь моя красота? Да и раньше она никому не была полезна *)... Ахъ, какъ хорошо было-бы, если-бъ и я могла сослужить хоть какую-нибудь службу этимъ бѣднякамъ!..» (стр. 12). Конечно, «случай не замедлилъ представиться». Немедленно приходитъ тотъ-же самый бѣдный столяръ, у

*) Такою грубою утилитаристкою она вдругъ сдѣлалась! Что на нее любовались, что она доставляла удовольствіе своимъ видомъ — это она уже ни во что не ставитъ.

котораго уже была «счастливая» ёлочка; очевидно, онъ выкинулъ ее на дворъ, хотя она могла, какъ увидитъ читатель, сослужить для него еще службу, лишь для того, чтобы она могла обратить на путь истины свою подругу... Столяръ беретъ обѣ ёлочки и относитъ ихъ въ свою убогую квартиру, гдѣ одинъ ребенокъ его лежитъ уже мертвый, другой умираетъ, мать сидитъ, убитая горемъ, и гдѣ «цѣлыхъ три дня не топлено», а дровъ купить не на что. Теперь можно хоть согрѣть квартиру. Столяръ, доставъ изъ-подъ кровати топоръ, «принялся обрубать сучья и вѣтки у красивой ёлки. И вотъ корявой, лежавшей подлѣ, послышалось, какъ иглы ея кичливой подруги, встряхиваясь подъ ударами топора, прошелестили:—«Наконецъ-то, наконецъ и я счастлива!..» (стр. 19). Такимъ образомъ доказано то, quod erat demonstrandum.

Какъ и всѣ остальные разсказы г. Познякова, «Кичливая и счастливая» написанъ прекраснымъ языкомъ, въ разсказъ вплетены трогательныя сцены, способныя сами по себѣ произвести благотворное впечатлѣніе на юныхъ читателей, но всѣ эти украшенія не выкупаютъ фальшивости цѣлаго, а потому, въ общемъ, и дидактическая цѣль не достигается. Добрыя дѣла и поступки имѣютъ только тогда нравственную цѣнность, могутъ только тогда служить полезнымъ урокомъ для читателя, когда они совершаются по доброй волѣ, motu proprio. Здѣсь-же, въ разсказѣ автора, къ добрымъ или полезнымъ дѣламъ вездѣ движетъ чужая, посторонняя воля и сила...

Изъ недостатковъ въ другихъ разсказахъ автора, укажемъ, напр., на то, что въ разсказѣ «Мятель» происшествія подогнаны одно для другого съ очевидною искусственностью, а также черезчуръ рѣзко выступаетъ мораль разсказа — на тему «слѣдствія непослушанія». Конецъ разсказа III-го («Происшествіе») нѣсколько попорченъ тѣмъ, что за добрымъ дѣломъ сряду-же слѣдуетъ и награда. Такихъ антихудожественныхъ пріемовъ слѣдуетъ избѣгать. Но все-таки оба эти разсказа не лишены достоинствъ и интереса и стоятъ значительно выше большинства произведеній, предназначенныхъ авторами ихъ для чтенія дѣтямъ.

За исключеніемъ перваго, разобраннаго нами слегка, разсказа и указанныхъ недостатковъ въ двухъ поименованныхъ, всѣ остальные пять святочныхъ разсказовъ г. Познякова можно назвать цѣннымъ вкладомъ въ литературу для дѣтей. Лучшій изъ разсказовъ, по нашему мнѣнію, «Изъ милаго далека», который, къ сожалѣнію, краток (62 стр.), ибо обнимаетъ только время перваго полугодія въ школѣ и первыхъ рождественскихъ каникулъ.

Хотя концепція большинства святочныхъ разсказовъ г. Познякова возникла изъ цѣлей учительныхъ, дидактическихъ, а не почерпнута непосредственно изъ окружающей жизни и наблюденій надъ ней, тѣмъ не менѣе разсказы мало погрѣшаютъ искусственностью, дѣланностью. Отношенія между дѣйствующими лицами, обмѣнъ между ними чувствъ, мыслей и интересовъ, ихъ побужденія, взгляды и стремленія соотвѣтствуютъ дѣйствительности, гармонируютъ съ той тихой, скромной жизнью, среди которой эти лица живутъ и дѣйствуютъ. Не смотря также на то, что персонажи святочныхъ разсказовъ г. Познякова изображены лишь эскизно, набросками, читатель все-таки можетъ составить о большинствѣ ихъ довольно цѣлостное представленіе, такъ какъ фигуры вырисованы въ мѣру, не выше и не ниже обыкновеннаго уровня роста людей въ данную минуту ихъ умственнаго и физическаго развитія. Авторъ не ставитъ своихъ скромныхъ героевъ на пьедесталъ, съ котораго они спѣсиво, сверху внизъ смотрѣли-бы на текущую подъ ногами ихъ жизнь; радости, печали, привычки, промахи, ошибки персонажей автора, взятыхъ изъ повседневной окружающей жизни, освѣщены мягкимъ свѣтомъ гуманности, — любви къ людямъ вообще и къ дѣтямъ въ особенности. Такой симпатичный тонъ разсказовъ можетъ благотворно влiять на юнаго читателя. Изъ чтенія ихъ онъ можетъ вынести убѣжденіе, что людямъ, независимо отъ ихъ общественнаго положенія, въ низшихъ слояхъ общества такъ-же какъ и въ культурныхъ,—вездѣ могутъ быть одинаково свойственны сердечныя, нравственныя побужденія и гуманныя, нравственныя дѣянія, и что, поэтому, люди могутъ уважать другъ друга помимо той внѣшней обстановки, въ которой тѣ или другіе изъ нихъ находятся. Такимъ образомъ, у юнаго читателя само собою, естественно возникаетъ довѣріе къ нравственнымъ силамъ людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ рождается и укрѣпляется вѣра и въ свою собственную силу. Подобнаго рода качества въ произведеніяхъ писателя для дѣтей имѣютъ особенную цѣнность въ отношеніи педагогическомъ.

Всѣ разсказы г. Познякова написаны прекраснымъ, вполнѣ литературнымъ языкомъ, что также является не маловажнымъ достоинствомъ въ области нашей дѣтской литературы, гдѣ приходится дорожить даже простою грамотностью.

Для дѣтей средняго возраста, и даже возраста старшаго, семь святочныхъ разсказовъ (изъ восьми) г. Познякова могутъ служить вполнѣ пригоднымъ матеріаломъ для чтенія. На оберткѣ титула разсказовъ напечатано, что всѣ они одобрены: а) Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ

среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и б) Учебнымъ Комитетомъ по учрежденіямъ Императрицы Маріи. Такимъ образомъ доступъ разсказамъ въ библіотеки учебныхъ заведеній разрѣшенъ,—желательно, чтобы они въ этихъ библіотекахъ дѣйствительно имѣлись.

К. М.

Сказаніе о Зосимѣ и Савватіи, преподобныхъ старцахъ Соловецкихъ. Составилъ Н. Н. Филипповъ. Спб. Изданіе Ледерле, 1892 г. 22 стр.

Лѣтъ пятьсотъ-шестьсотъ тому назадъ, въ дикой и суровой странѣ, которая теперь носитъ названіе Архангельскаго края, жили языческіе народы финскаго племени: корелы, лопари, чудь, зыряне и проч. Это бѣдное населеніе было разоряемо и притѣсняемо новгородскою вольницею — ушкуйниками; они покоряли дикарей и заставляли платить дань Великому Новгороду. Но вслѣдъ за притѣснителями шли другіе, мирные завоеватели—со словомъ утѣшенія и милости, съ крестомъ вмѣсто оружія. Смиренные старцы-отшельники проповѣдовали христіанскую вѣру, обращали въ нее язычниковъ, и по всему дикому Поморью воздвигались кресты, возникали одна за другою монашескія обители. Однимъ изъ такихъ сподвижниковъ былъ и св. Савватій. Онъ появился сперва среди язычниковъ на берегу Бѣлаго моря, а затѣмъ, вмѣстѣ съ отшельникомъ Германомъ, удалился на островъ Соловецкій. Скончался Савватій при рѣкѣ Выгѣ. Къ Герману пришелъ новый подвижникъ — Зосима. Ими была основана обитель на Соловецкомъ островѣ и перенесены туда мощи преподобнаго Савватія. Затѣмъ авторъ разсказываетъ о хлопотахъ Зосимы въ Новгородѣ, о пріемѣ его въ домѣ знаменитой посадницы Марѳы Борецкой и о предсказаніи его относительно будущей судьбы Марѳы и ея друзей. Разсказъ заключается изображеніемъ кончины Зосимы.

Сказаніе написано хорошимъ языкомъ, читается легко, но не оставляетъ впечатлѣнія, ибо жизнь старцевъ описывается лишь съ внѣшней стороны, т.-е. не приводится фактовъ, которые указывали-бы на нравственное значеніе сподвижниковъ, ихъ вліяніе на братію—монаховъ и на дикарей язычниковъ.

В. А. Яковлевъ. Учебный курсъ теоріи словесности. Изд. 2-е, переработанное. (Въ 1-мъ изд. принятъ Главн. Упр. военно-учебныхъ заведеній руководствомъ для кадетскихъ корпусовъ; одобренъ Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. и Учебнымъ Комитетомъ по учрежденіямъ Императрицы Маріи въ качествѣ учебнаго пособія). 230 стр. Ц. 1 р.

Руководство по теоріи словесности В. А. Яковлева есть весьма

выдающееся явленіе въ нашей учебной литературѣ; въ то время, какъ въ большинствѣ случаевъ, вновь появляющійся учебникъ оказывается лишь переработкой десятка предшествующихъ учебниковъ, эта книга имѣетъ въ основаніи тщательное изученіе самого предмета и самостоятельное къ нему отношеніе и представляетъ собою трудъ продуманный и солидный, который заслуживаетъ, какъ намъ кажется, подробнаго разбора.

Авторъ, видимо, очень дорожитъ системой: сперва рѣчь идетъ о *внѣшней сторонѣ* словесныхъ произведеній, потомъ—о *внутренней* ихъ сторонѣ, или *объ основныхъ категоріяхъ рѣчи*, наконецъ, *о родахъ и видахъ словесныхъ произведеній* (поэзія и проза). Нельзя не замѣтить, что второй отдѣлъ установленъ сбивчиво; почему, напр., сравненіе надо назвать *основной категоріей рѣчи*? законенъ-ли самый терминъ? Потомъ, ясно, что при такомъ дѣленіи придется говорить, напр., *о повѣствованіи* дважды, т.-е. во 2-мъ и 3-мъ отдѣлахъ, о поэзіи и ея свойствахъ придется сказать уже во 2-мъ отдѣлѣ, говоря о видахъ описаній и т. п. Та-же систематичность проведена и въ границахъ каждаго отдѣла,—и опять рождается вопросъ: всегда-ли она въ интересахъ дѣла? Послѣ того, какъ въ 1-й части 1-го отд. говорилось *о словѣ* и его развитіи съ внѣшней и внутренней стороны (напр., о метафорѣ, метониміи и пр.), вторая часть излагаетъ ученіе о *сужденіи* и затѣмъ говоритъ о *періодахъ*. Бросается въ глаза этотъ перерывъ интереса, возбужденнаго предыдущей частью. Почему отъ ученія о метафорѣ, продуктѣ воображенія, интересъ долженъ направиться къ отвлеченному и сухому понятію *сужденія*, тогда какъ *о слогѣ* рѣчь пойдетъ только въ 3-й части отдѣла? И почему-же *періодъ* разсматривается именно какъ продуктъ логики и грамматики, тогда какъ онъ прежде всего относится въ область стилистики: не всякое-же сложное предложеніе съ законченной мыслью мы удостоиваемъ названія періода. Вообще отличительная черта книги та, что грамматика и логика выдвинуты на первый планъ, тогда какъ собственно словесности, словесному искусству—мѣсто отводится довольно скупо. Авторъ нигдѣ не дѣлается такъ лакониченъ и сухъ, какъ въ тѣхъ мѣстахъ книги, гдѣ заходитъ рѣчь о поэзіи, искусствѣ и т. п. Заслуживаетъ большой похвалы то, что метафора и другіе, такъ-называемые, тропы разсматриваются не какъ искусственный способъ, которымъ сочинитель уснащаетъ свою рѣчь,—взглядъ ложно классическій, который, однако, до сихъ поръ царитъ въ учебникахъ,—а какъ органическій процессъ внутренняго развитія слова, который очень вѣрно поставленъ въ связь съ ассоціаціями представленій. Но кромѣ *метафоръ*

языка есть метафоры *поэтическія*, создаваемыя творчествомъ личнымъ; о ней говорится въ статьѣ о поэтическомъ языкѣ—25-ю страницами дальше. Не принесена-ли опять слишкомъ большая жертва системѣ въ ущербъ педагогическимъ цѣлямъ? Вѣдь метафора языка есть также поэтическое созданіе; какъ кстати было-бы при этомъ указать на поэтическій характеръ первобытнаго языка! Метафора, созданная отдѣльнымъ поэтомъ, относится только къ метафорѣ языка, какъ творчество личное къ творчеству коллективному.

То, что сказано о выраженіи сужденій въ словѣ, далеко не полно, а потому и не совсѣмъ ясно: не объясненъ логическій составъ такъ-называемыхъ безличныхъ предложеній, сужденія условныя не могутъ быть поняты по краткости изложенія. Въ ученіи собственно о стилѣ есть одинъ существенный пробѣлъ: пропущена церковно-славянская стихія въ нашемъ языкѣ; замѣчательно, что всѣ стилистики обходятъ этотъ пунктъ, какъ будто это менѣе важная составная часть нашихъ словесныхъ средствъ, чѣмъ какіе-нибудь галлицизмы, случайно вкравшіеся въ нашъ литературный языкъ! Намъ кажется, что въ русской стилистикѣ должна найти себѣ мѣсто даже литературная исторія славянской стихіи, съ именами Ломоносова, Шишкова и др.

Отъ изобразительности слога отличается *выразительность* его—терминъ удачно выбранъ; смыслъ его хорошо установленъ и очень широко развитъ; это обиліе реторическихъ пріемовъ, разсмотрѣнныхъ въ книгѣ, одно изъ ея достоинствъ. Въ ученіи о стихосложеніи намъ кажется странной и излишней *тонометрическая* система въ отличіе отъ чисто тонической народной. Между ними вовсе нѣтъ того крупнаго различія, которое хочетъ видѣть авторъ; никто не читаетъ нашего литературнаго стиха, дѣлая удареніе непремѣнно на каждомъ ямбѣ или хореѣ; при многосложности нашихъ словъ это прямо невозможно; стоитъ только принять ученіе о *пэонахъ*, какъ его излагаетъ, напр., Классовскій (Основанія словесности, часть I, стр. 111; такого-же мнѣнія держался и Перевлѣсскій), и пропасть между стихомъ литературнымъ и народнымъ исчезнетъ. Послѣ той полноты, съ какою изложены реторическіе пріемы, не мѣшало-бы здѣсь разсмотрѣть побольше частностей, напр., хотя-бы знаменитую пушкинскую строфу изъ 14 стиховъ (въ Евгеніи Онѣгинѣ), которая, кстати сказать, нашла себѣ мѣсто въ многотомной «Deutsche Poëtik» Бейера (Beier). Гекзаметръ и пентаметръ разъяснены недостаточно.

Въ изложеніи II отдѣла обращаетъ на себя вниманіе большая точность и ясность изложенія,—качества, которыми могутъ похвалиться очень многія страницы книги; только въ одномъ мѣстѣ (стр. 81) на-

ходимъ крупную неточность: «Изъ всѣхъ указанныхъ способовъ сочетанія слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на ассоціацію сужденій, *основанную на причинной связи фактовъ*. Этотъ способъ называется въ логикѣ умозаключеніемъ». Здѣсь очень и очень тяжкая ошибка, заключающаяся въ смѣшеніи основанія и слѣдствія съ причиной и дѣйствіемъ. Вообще курсъ логики, разорванный на нѣсколько кусковъ, которые вставлены тамъ и сямъ въ курсъ словесности,—несимпатичный пріемъ для всякаго, придающаго серьезное значеніе курсу логики. Послѣдній именно цѣненъ своей органической связностью, которая, конечно, теряется при подобномъ способѣ прохожденія; въ логикѣ, говоря объ одномъ, говоришь въ то-же время обо всемъ: говоря объ образованіи понятій изъ представленій, говоришь объ анализѣ и синтезѣ, объ индукціи и пр. Кстати замѣтимъ здѣсь-же, что разъясненіе анализа и синтеза на стр. 182—183—сбивчиво и неполно. Какимъ образомъ разъясненіе этихъ двухъ основныхъ процессовъ, безъ которыхъ мы не дѣлаемъ шага (всякое сужденіе есть либо анализъ, либо синтезъ, если не считать совершенно ничтожныхъ тавтологическихъ сужденій), можетъ быть отложено до конца курса и еще отнесено въ примѣчаніе?

Ученіе о поэзіи, ея видахъ и формахъ изложено г. Яковлевымъ, если угодно, и подробно, и очень кратко: программа очень широкая, затронуто очень много вопросовъ и названо много именъ, но почти каждая отдѣльная статья страдаетъ существенными недомолвками, которыя дѣлаютъ ее *неинтересной*; этимъ послѣднимъ словомъ можетъ быть обозначенъ главный недочетъ всей книги; кромѣ неполноты, онъ коренится въ общей сухости ея: о поэзіи надо говорить языкомъ болѣе теплымъ и красивымъ, характеристика поэтической формы, пріема, произведенія писателя должна-же давать *чувствовать* то направленіе человѣческаго духа, которое въ нихъ выразилось; между тѣмъ, напр., вся торжественная лирика опредѣляется слѣдующими словами: «Одами называются лирическія стихотворенія, которыя одушевленнымъ языкомъ выражаютъ чувства, возбуждаемыя высокими предметами, т.-е. такими, съ которыми связаны высшіе интересы человѣка»—это очень бѣдно и притомъ неточно: лирика, выражающая душевный разладъ, тоже говоритъ о высшихъ интересахъ человѣческаго существованія; что такое «одушевленный языкъ»? Языкъ поэзіи всегда одушевленъ, проникнутъ душою автора, а одушевленіе элегическое интимнѣе, индивидуальнѣе восторга, выражаемаго одою.

Только-что высказанное вовсе не отнимаетъ у книги другихъ ея

достоинствъ: многіе вопросы поставлены такъ серьезно и научно, какъ ни въ одномъ учебникѣ; такъ, говоря о происхожденіи героическаго эпоса, авторъ крайне остороженъ, онъ указываетъ учащемуся прямо на борьбу двухъ теорій—миѳологической и исторической школы; понятію *эпосъ* дается не узко эстетическій смыслъ, а значеніе извѣстной поры духовнаго развитія; но эта строго научная идея не переработана настолько, чтобы стать популярною; она не поставлена на свое мѣсто и не выражена достаточно наглядно. Напр., на стр. 121, т.-е. уже въ отдѣлѣ лирики, даются, мелкимъ шрифтомъ, свѣдѣнія о составѣ первобытнаго обряда и говорится, что онъ заключалъ въ слитномъ состояніи уже всѣ роды поэзіи; ясно, что съ этого слѣдовало-бы начать рѣчь о родахъ и видахъ поэзіи, тогда легко было-бы установить понятіе объ эпосѣ, показать выдѣленіе лирики сперва на эпической почвѣ (свадебныя пѣсни, причитанія), потомъ—въ видѣ лиризма все болѣе и болѣе свободнаго. Генетическій методъ объясненія поэтическихъ родовъ, единственно согласной съ современнымъ состояніемъ науки, былъ-бы тогда проведенъ; теперь-же на него есть только намеки. Поэтому книга не даетъ, напр., отвѣта на вопросъ: почему драма развивается позже эпоса и лирики,—и на многіе другіе вопросы, легко разрѣшаемые генетическимъ методомъ. Роману отведено мѣсто въ отдѣлѣ эпоса, до знакомства съ лирикой; это—дань, заплаченная рутинѣ. Какъ-же можно опредѣлить сущность современнаго романа, не давая понятія о лиризмѣ, субъективномъ настроеніи, драматическомъ пріемѣ (діалогахъ) и пр.? Намъ кажется очень неточной мысль: «такимъ образомъ романъ остался произведеніемъ *поучительнымъ*»; цитата изъ Буслаева, которая должна подтверждать это, говоритъ о *міросозерцаніи* автора, которое долженъ выразить романъ, а не о дидактизмѣ романа. Кстати сказать, въ книгѣ нигдѣ ничего не говорится о міросозерцаніи поэта, какъ будто это что-то побочное въ дѣлѣ творчества. При недостаточномъ вниманіи къ генетическому методу нѣкоторые поэтическіе виды, имѣвшіе значеніе переходныхъ, временныхъ формъ, объяснены, конечно, неудачно, напр., новоромантическая поэма. О ней говорится, какъ о какой-то случайной выдумкѣ поэтовъ, тогда какъ эта форма имѣетъ свой опредѣленный raison d'être,—выражаетъ самымъ яркимъ образомъ принципъ *личности*, какъ чего-то безусловно значительнаго во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Переходъ отъ этого рода поэмъ къ роману тогда совершенно понятенъ. Намъ могутъ возразить, что такой способъ объясненія видовъ поэзіи приведетъ къ постояннымъ вторженіямъ въ область исторіи литературы. Но помимо того, что эти вторженія вообще неизбѣжны при современ-

номъ взглядѣ на словесность, и въ этой книгѣ удѣлено сравнительно много мѣста историко-литературнымъ отступленіямъ, только они въ общемъ неинтересны, сухи, неравномѣрно составлены, сбиваются иногда на перечень именъ и не всегда у мѣста. Къ чему, напр., данъ очеркъ греческой лирики, съ произведеніями которой учащіеся не будутъ имѣть случая познакомиться,—очеркъ довольно обширный, тогда какъ не дано понятія о трехъ основныхъ видахъ лиризма и вся теорія лирики изложена въ двухъ словахъ? Подобнаго рода очерки (Шекспиръ, средневѣковая драма, греческій романъ и т. п.) должны быть составлены очень тщательно и изложены талантливо, иначе выйдетъ сухая схема и перечисленіе именъ, которыя совершенно безполезны. Конечно, для того, чтобы они достигали своего назначенія, они должны быть обширнѣе; но мы и вообще думаемъ, что книга г. Яковлева *слишкомъ мала по ея программѣ.* Въ этомъ едва-ли не главный источникъ ея сравнительной трудности и малой занимательности.

Въ заключеніе нашего обзора коснемся: 1) опредѣленія поэзіи и 2) ученія о драмѣ. Удачно указавъ на особенности поэтическаго языка, на типичность образовъ и т. п., авторъ не даетъ, однако, достаточно полнаго и точнаго опредѣленія поэзіи. Два отрывка изъ Піо Ферьери, приведенные по этому поводу, достоинствами не отличаются; есть мѣста прямо сбивчивыя, напр., конецъ 2-го отрывка, подчеркнутый авторомъ учебника. Подходъ къ опредѣленію поэзіи долженъ быть совсѣмъ другой: съ одной стороны, поэзія, какъ искусство, есть видъ *дѣятельности,* съ другой—поэзія есть особый видъ *познанія,* постиженія фактовъ, но не умомъ только, а всѣми сторонами души. Только то опредѣленіе поэзіи, которое согласитъ эти два свойства, можетъ быть названо удачнымъ. Затронувъ въ своей книгѣ массу вопросовъ, сказалъ-ли, напр., авторъ, какъ относится прекрасное въ искусствѣ къ красотѣ, данной намъ въ природѣ? чѣмъ отличается процессъ творчества отъ процесса научнаго мышленія? насколько этическія задачи связаны съ эстетическими въ искусствѣ? и пр.

Что касается теоріи драмы, врядъ-ли можно назвать удачнымъ, что точкой отправленія взяты изреченія Аристотеля, которыя, какъ извѣстно, представляютъ своего рода загадку. Почти каждое слово знаменитой піитики толкуется нѣсколькими способами и въ самыхъ словахъ, опредѣляющихъ дѣйствіе трагедіи на душу зрителя: ἡ τῶν τοιούτων παδῆμάτων κάδαρσις — слово τοιούτων толкуется двумя школами комментаторовъ діаметрально противоположно: одни относятъ его именно къ чувствамъ состраданія и ужаса, изъ которыхъ составляется чувство

трагическаго, другіе—къ страстямъ и чувствамъ, изображеннымъ въ пьесѣ. Что-же можно строить на такомъ шаткомъ основаніи?

Вообще очеркъ теоріи драмы очень ужъ краток; между тѣмъ понятія о техникѣ драмы, о ея составѣ, объ идеѣ справедливости въ серьезной драмѣ, объ условіяхъ сценичности, объ эпизодахъ, о монологѣ лирическомъ и монологѣ драматическомъ, о завязкѣ внѣшней и внутренней, о драматическомъ пріемѣ характеристики лицъ и пр. и пр.—необходимо дать учащимся въ курсѣ *теоріи* словесности, хотя-бы пожертвовавъ тѣми краткими и сухими очерками греческой трагедіи, комедіи Аристофана и Теренція, которые, въ сущности, можно только заучить наизусть, а не усвоить съ пониманіемъ. Насъ поражаетъ, что, напр., такая благодарная тема, какъ средневѣковая драма (почему-то сказано «средневѣковая *трагедія*»—стр. 141), не развита въ очеркъ занимательный и живой. Вообще не надо было упускать изъ виду, что для теоретическихъ отдѣловъ и историческихъ очерковъ требовалось два совершенно различныхъ пера, двѣ совершенно различныхъ манеры изложенія.

Было-бы невозможно перечислить всѣ пункты, по которымъ возникаютъ недоумѣнія; укажемъ пока на нѣсколько явныхъ недосмотровъ: лирика есть «*разсказъ* субъективнаго содержанія» (стр. 120), «народный эпосъ образуется въ ту эпоху, когда человѣкъ сознаетъ себя прежде всего членомъ *общества*» (стр. 116)—крайне неточно, потому что самое понятіе *общества* есть очень поздній плодъ цивилизаціи; это именно то понятіе, на которомъ зиждется новый *романъ* въ противоположность собственно эпосу. Надо также исправить двѣ очень худыя опечатки: швенкъ, вм. шванкъ (стр. 119) и наперстникъ, вм. наперсникъ (стр. 143).

Руководство это, выдѣляясь своей содержательностью изъ ряда другихъ, по нашему мнѣнію, больше, чѣмъ какое-либо другое, удовлетворяетъ новой программѣ VIII-го класса гимназій, помѣщенной въ учебныхъ планахъ 1890 г. Серьезный характеръ всей книги, точность и научность большей части свѣдѣній, которыя она даетъ, особенно подходятъ къ высшей ступени гимназическаго курса, на которой отъ учащихся можно ожидать умѣнья не просто учиться, но и *штудировать*, а руководство г. Яковлева въ очень многихъ мѣстахъ требуетъ именно такого способа усвоенія.

А. Шалыгинъ.

Олимпъ. Миѳологія древнихъ грековъ и римлянъ. Соч. Дютике. Переводъ съ нѣмецкаго М. Коршъ. Съ 6-ю гравюрами и 47-ю рисунками въ текстѣ. Спб. Изданіе А. С. Суворина 1892. Стр. 268+VI. Цѣна 1 р. 50 к.

Свѣтлая классическая миѳологія, какъ-бы сотканная изъ эѳира и солнечныхъ лучей, какъ-бы навѣянная сладкимъ говоромъ Средиземной волны, невольно привлекаетъ къ себѣ и возмужалые, и юные умы. По своей обаятельной привлекательности она напоминаетъ сирену, но она не губитъ подобно послѣдней. Напротивъ, она развертываетъ передъ пытливымъ умомъ обширную картину міровоззрѣнія тѣхъ народовъ или, правильнѣе, того народа, который бросилъ на европейскую почву сѣмена образованности и выростилъ ихъ; она питаетъ эстетическое чувство изяществомъ своихъ изображеній; она нерѣдко подъ прекраснымъ образомъ таитъ возвышенную мысль. И, въ самомъ дѣлѣ, какъ были-бы скудны, какъ жалки наши представленія о древнемъ эллинѣ, объ Элладѣ, если-бы, благодаря какой-либо роковой случайности, мы не могли ознакомиться съ греческой миѳологіей! Съ другой стороны, мы не имѣли-бы при такомъ условіи ключа къ пониманію замѣчательнѣйшихъ произведеній человѣческаго ума, произведеній изящной и философской литературъ. Наконецъ, мы лишились-бы прекраснаго воспитательнаго средства: какой, напримѣръ, глубокій смыслъ заключаетъ въ себѣ повѣствованіе объ Эротѣ (Амурѣ) и Психеѣ! Въ рукахъ умѣлаго воспитателя миѳологія можетъ превратиться въ вѣрное средство къ развитію лучшихъ сторонъ человѣческой души. Однимъ словомъ, и гуманизирующее значеніе греко-римской миѳологіи не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Правда, разбираемая нами книга заключаетъ въ себѣ только часть миѳологіи, только характеристики высшихъ и низшихъ божествъ, между тѣмъ какъ другая часть миѳологіи, т.-е. миѳологія героическая, особенно цѣнна въ воспитательномъ отношеніи. Впрочемъ, самое заглавіе книги вполнѣ уже опредѣленно очерчиваетъ ту окружность, за которую не должно переходить ея содержаніе. И, судя о ней въ предѣлахъ ея задачи, мы можемъ сказать, что настоящая книга кратко, но съ достаточною обстоятельностью можетъ ознакомить съ греко-римской миѳологіей божествъ какъ учащуюся молодежь, такъ равно и взрослаго человѣка, по условіямъ своего образованія, не имѣвшаго возможности ознакомиться съ нею раньше. Мы сказали-бы, что эта книга безусловно необходима для каждой ученической библіотеки и весьма полезна для того, кто, не получивши классическаго образованія, но, претендуя на высокое званіе образованнаго человѣка, пожелалъ-бы

восполнить сферу своихъ знаній. Она можетъ служить въ послѣднемъ случаѣ хорошимъ пропедевтическимъ руководствомъ, такъ какъ она много лучше другихъ однородныхъ изданій, имѣющихся на русскомъ языкѣ, хотя-бы, напримѣръ, «Олимпа» Петискуса. Настоящая книга вмѣстѣ съ «миѳами классической древности» Штолля могутъ быть вполнѣ рекомендованы для всѣхъ интересующихся классическомъ міровоззрѣніемъ. Правда, и книгѣ, насъ интересующей въ данное время, можно было-бы пожелать побольше живости, изобразительности, но удовлетворить подобному желанію можетъ, конечно, только авторъ, обладающій особенными литературными способностями. Намъ совершенно невольно приходитъ въ голову слѣдующая мысль. Какую огромную пользу могъ-бы оказать поэтъ по призванію, литературный художникъ, если-бы онъ задался цѣлью написать подобную книгу. Разумѣется, одного дарованія было-бы мало, необходимы были-бы и надлежащія знанія, и любовь къ предпринимаемому дѣлу. Но, высказывая наше пожеланіе, развивая случайно возникшую мысль, мы имѣли въ виду возможность появленія своего рода chef-d'oeuvre'а, отнюдь не желая умалить дѣйствительныхъ достоинствъ книги, служащей объектомъ нашей бесѣды. А достоинства эти—ясность, краткость, простота и сравнительная полнота изложенія. Есть мѣста, которыя изложены даже съ нѣкоторой граціей: особенно обращаетъ на себя вниманіе въ этомъ отношеніи эпизодъ объ Эротѣ и Психеѣ (190—196). Правда, самый сюжетъ необычайно граціозенъ. Недостаткомъ книги мы считаемъ отсутствіе руководящаго введенія, своего рода увертюры, вступительной статьи, каковыя безусловно необходимы въ изданіяхъ, подобныхъ настоящему. Если въ школѣ подобное введеніе могутъ замѣнить бесѣды съ преподавателемъ и вообще классный матеріалъ, то для лица непосвященнаго и желающаго, если не посвятиться, то, по крайней мѣрѣ, заглянуть въ невѣдомую область, руководящее введеніе играетъ большую роль. Оно—своего рода путеводитель.

Изложеніе ведется въ слѣдующемъ порядкѣ:

Глава I. А. Зевсъ. В. Юпитеръ,

Глава II. А. Гера. В. Юнона. и т. д.

Такимъ образомъ, религіозныя воззрѣнія грековъ и римлянъ излагаются параллельно, Первымъ, какъ и требуетъ того сущность дѣла, удѣляется гораздо болѣе мѣста. Такъ, напримѣръ, въ первой части, посвященной «высшимъ богамъ», изъ 220-ти слишкомъ страницъ, слишкомъ 160—заняты миѳологіей греческой.

Что касается перевода г-жи Коршъ, то онъ производитъ очень выгодное для нея впечатлѣніе. Въ этомъ отношеніи мы не находимъ

возможности сдѣлать какой-либо серьезный упрекъ. Что касается, наконецъ, изданія, оно также весьма удачно: книга украшена изображеніями Зевса, Геры, Аполлона, Аѳины, Афродиты и Діониса, напечатанными на отдѣльныхъ листахъ, и 47-ю контурными рисунками въ текстѣ. Изъ послѣднихъ нѣкоторые будутъ для читателей очень интересны. Такъ, напримѣръ, рисунокъ (стр. 65), изображающій «Гермеса—добраго пастуха» (съ барельефа на языческомъ жертвенникѣ) наглядно указываетъ на вліяніе, которое языческое искусство имѣло на христіанское. Алфавитный указатель собственныхъ именъ, находящійся въ концѣ книги, сообщаетъ не малое облегченіе при пользованіи ею для необходимыхъ справокъ. Это изданіе вполнѣ можетъ считаться хорошимъ и весьма полезнымъ подаркомъ для учащейся молодежи обоего пола. **К. А. Ивановъ.**

С. Е. Скворцова. Диктантъ для начальныхъ сельскихъ и городскихъ училищъ. Курсъ I и II года. Второе изданіе, исправленное и дополненное. М. 1891. Ц. 40 к.

И у г-жи Скворцовой, какъ и у очень многихъ другихъ составителей учебниковъ, въ предисловіи читаемъ: «...подборъ фразъ для диктанта имѣетъ немаловажное значеніе при обученіи правописанію. Если фразы вполнѣ понятны ученику и интересуютъ его по своему содержанію, то работа ему будетъ пріятна (,) и вниманіе явится само собою. Въ предлагаемомъ диктантѣ было обращено особое вниманіе на содержаніе фразъ». Это «особое вниманіе», однакоже, выражено авторомъ далеко не ясно. Такъ, у г-жи Скворцовой на каждой почти строчкѣ попадаются фразы въ родѣ слѣдующихъ: «Сарай упалъ (?). Дворъ великъ. Пріѣхали гости. Учитель стоялъ у доски. Насъ всѣхъ въ семьѣ четверо. Дѣдушка легъ на лежанку. У Маши болитъ лѣвая рука» и т. д. Очевидно, такіе примѣры интересомъ содержанія не богаты. Иныя предложенія грѣшатъ неточностью выраженія, недостаточной осмысленностью или прямо неумѣстностью для дѣтскихъ книгъ. Напр.: «Одуванчикъ—желтый цвѣтокъ (а не растеніе съ желтыми цвѣтами?). Покупатель дома хвалитъ, а купецъ въ лавкѣ. Почти всѣ насѣкомыя на зиму умираютъ (умираютъ-ли вообще на срокъ?). Слонъ болѣе всѣхъ звѣрей (?)» и т. п. Довольно странно и то, что г-жа Скворцова издаетъ отдѣльный «диктантъ», а сама слишкомъ широко пользуется нынѣ весьма распространенными учебными книжками Толстого и общеизвѣстнымъ «Роднымъ Словомъ». «Недостаточное количество упражненій для 1-го и 2-го года,—разсуждаетъ авторъ,—вынуждаетъ

преподавателей или составлять фразы, или выбирать ихъ изъ разныхъ учебниковъ и хрестоматій, на что требуется довольно много времени. Поспѣшная импровизація, а также поспѣшный выборъ фразъ нерѣдко ведутъ къ непроизводительной тратѣ времени и педагогическимъ ошибкамъ». Опасаясь, чтобы гг. педагоги не пустились импровизировать: «Маша пошла гулять» и пр., и чтобы они такимъ образомъ не дѣлали непроизводительной траты времени и педагогическихъ ошибокъ, г-жа Скворцова и преподноситъ имъ свою книжку, въ которой даже для отдѣла именъ числительныхъ предупредительно помѣщаетъ свои импровизаціи: «онъ выплатилъ только два рубля. Три аршина составляютъ сажень», и т. д. Для облегченія дѣла авторъ предлагаетъ «расчленять» правила правописанія, напр. «объясняя несочетаемость гортанныхъ и шипящихъ съ нѣкоторыми гласными, удобнѣе это правило сообщать по частямъ».

Но цѣлесообразность пріема г-жи Скворцовой въ этомъ случаѣ остается все-же открытымъ вопросомъ. Дѣйствительно, предлагая всѣ случаи несочетаемости сразу (у школьниковъ зачастую не бываетъ по долгу ясныхъ представленій о *шипящихъ* и *гортанныхъ* звукахъ), мы затрудняемъ память ученика. Но, вѣдь, давая классу цѣлый рядъ «расчлененій» г-жи Скворцовой, мы заставляемъ здѣсь не мало работать ту-же память, только въ раздробь, да еще ослабляемъ вниманіе учениковъ долгими повтореніями. Высказавъ въ Предисловіи, что «необходимость большого количества упражненій вытекаетъ изъ свойствъ нашей памяти», что «повторныя впечатлѣнія всегда лучше запоминаются», г-жа Скворцова, можно сказать, неустанно повторяется. Слово «нищій» попадается въ упражненіяхъ «Диктанта» не менѣе *шести* разъ, «молнія»—не менѣе *шестнадцати* и т. д.

Въ учебной техникѣ диктовка—безцѣнный источникъ для преподавателей. Учитель почему-либо не подготовился къ классу; ученики не выполнили заданныхъ работъ—диктовка всѣхъ выручитъ и всѣхъ займетъ въ любое время. Издавна и повсюду диктуютъ и пишутъ подъ диктовку русскіе люди, хотя грамотно пишущихъ у насъ вообще немного... Г-жа Скворцова требуетъ, «чтобы диктантъ въ теченіе перваго года производился ежедневно». Требованіе—едва-ли выполнимое для учителя, который стремится къ тому, чтобы пробудить умственныя силы ученика, заставить его говорить толковѣе, изящнѣе и пр. и пр. «Этимъ,—продолжаетъ г-жа Скворцова,—*почти* достигается отсутствіе ошибокъ въ тетрадяхъ учениковъ, за исключеніемъ *особенно неспособныхъ*». И такое утвержденіе автора заключало-бы въ себѣ несравненно больше силы, если-бы въ немъ не попадались характерныя

оговорки въ родѣ: «почти» и «неспособные». И «почти», и «неспособные» допускаютъ самыя широкія толкованія.

Отвѣтъ на рецензію г. Мандельштамма о составленной мною «Начальной русской грамматикѣ».

Въ № 10 журнала «Русская Школа» помѣщенъ г. Мандельштаммомъ разборъ учебника «Начальная русская грамматика (синтаксисъ и этимологія) для учениковъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній».

Учебникъ составленъ мною, и я считаю необходимымъ разъяснить нѣкоторыя недоумѣнія, вызванныя рецензіею.

Разборъ г. Мандельштамма начинается съ разсмотрѣнія предисловія.

«Изъ предисловія»,—говоритъ рецензентъ,—«не совсѣмъ ясно *на первый разъ*, имѣетъ-ли составительница въ виду дать правила, какъ выводы изъ разбора примѣровъ, или ознакомить съ законами языка; на одной и той-же страницѣ говорится о томъ и о другомъ».

Стало-ли ясно рецензенту *на второй разъ*, неизвѣстно, такъ какъ въ текстѣ разбора учебника далѣе слѣдуетъ указаніе (совершенно, впрочемъ, излишнее) о томъ, что не должно смѣшивать правилъ грамматики съ законами языка.

Въ курсѣ грамматики, а особенно начальномъ, непремѣнно встрѣтятся правила (нѣкоторыя указанія относительно правописанія словъ и постановки знаковъ препинанія). Это я и имѣю въ виду, говоря о правилахъ; но правилами не ограничивается курсъ грамматики: необходимо довести учениковъ до сознанія отношеній между словами и показать законность этимологическихъ формъ, которыми они пользуются для выраженія своихъ мыслей.

Въ послѣднемъ и заключается задача учебника, очень опредѣленно выраженная въ предисловіи во второмъ пунктѣ: этимологическія формы изучаются совмѣстно съ изученіемъ предложенія, потому что эти формы образуются въ языкѣ по требованію мысли и служатъ для болѣе яснаго и точнаго выраженія ея.

Въ третьемъ и четвертомъ пунктахъ предисловія обозначается способъ изученія грамматическаго матеріала въ элементарныхъ классахъ (методическое указаніе).

Составленіе самостоятельныхъ примѣровъ учениками послѣ вывода какого-либо грамматическаго положенія я считаю необходимымъ

условіемъ этого обученія. Кто занимался въ младшихъ классахъ учебныхъ заведеній, тотъ пойметъ меня, такъ какъ знаетъ, что только собственный примѣръ ученика и правильное разъясненіе имъ этого примѣра укажутъ учащему, что ученикъ понялъ объясненіе.

Поэтому новой цѣли преподаванія начальной грамматики ни въ какомъ разѣ невозможно вычитать изъ заявленія, сдѣланнаго мною, что всѣ грамматическія положенія, усвоиваемыя учениками, должны закрѣпляться собственными примѣрами, и изученіе грамматики должно постоянно сопровождаться письменными упражненіями учениковъ, что составляетъ одну изъ существенныхъ задачъ обученія родному языку въ младшихъ классахъ: родной языкъ изучается не по грамматикѣ только.

Значитъ, цѣль составленія учебника намѣчена, мнѣ кажется, точно и напрасно рецензентъ упоминаетъ о томъ, что составительница его не сжилась съ духомъ источника, вѣроятно, богатаго, изъ котораго черпала (что?)... Предполагаю, предисловіе, потому что содержанія учебника рецензентъ еще не коснулся.

Первое замѣчаніе рецензента привело меня въ крайнее недоумѣніе. Отрицая необходимость опредѣленія предмета, онъ говоритъ, что опредѣленіе страдаетъ нелогичностью:

«Оно слишкомъ узко въ первой части, такъ какъ исключаетъ предметы, постигаемые и не внѣшними чувствами; оно слишкомъ широко во второй, такъ какъ включаетъ очень много: свое мнѣніе можно высказывать и не о предметѣ, а и о дѣйствіи и о качествѣ, о чемъ угодно, что не составляетъ предмета (съ точки зрѣнія автора); съ другой стороны мы можемъ не умѣть высказать своего мнѣнія, а предметъ останется предметомъ».

Въ учебникѣ говорится слѣдующее:

«Предметомъ называется все то, что мы *узнаемъ* нашими внѣшними чувствами и вообще все то, о чемъ мы можемъ высказывать свое мнѣніе. Домъ, земля, окно, братъ, старуха, дитя, доброта, желаніе».

Въ опредѣленіи предмета одна часть: мыслимое, а значитъ и возможное для выраженія, есть предметъ, подлежащій сужденію. Въ опредѣленіи предмета и говорится о томъ, что это мыслимое можетъ быть чувственный предметъ, можетъ быть дѣйствіе и качество (отвлеченный предметъ).

Примѣръ ясно указываетъ на это, а рецензентъ что-то силился сказать, но высказался такъ неясно, противорѣчиво, что нельзя уловить его мысли.

«Свое мнѣніе», говоритъ онъ, «можно высказывать и *не о пред-*

метъ, а и о дѣйствіи и о качествѣ и т. п., что не составляетъ предмета (съ точки зрѣнія автора)».

Точка зрѣнія автора такова, что дѣйствіе и качество и т. д., о которыхъ мы можемъ высказывать свое мнѣніе, предметъ; а какъ думаетъ объ этомъ рецензентъ, не могу понять. Разобраться далѣе въ этомъ параграфѣ рецензіи очень трудно.

По словамъ рецензента, дѣйствіе отъ состоянія отличается весьма неустойчивыми признаками. Различить по существу дѣйствіе отъ состоянія невозможно: каждое слово глагольнаго корня заключаетъ въ себѣ дѣйствіе. Между тѣмъ грамматическіе термины—дѣйствіе и состояніе въ статьѣ о глаголахъ неизбѣжны. Нужно дать имъ понятіе, и я предполагала, что наилучшимъ образомъ разъясняю эти близкія между собою понятія вопросами о дѣйствіи (движеніи) и о состояніи (положеніи).

Если ученикъ на вопросъ учителя—что дѣлаетъ рыбакъ? относящемуся къ предложенію «рыбакъ спитъ», и отвѣтитъ—«спитъ», то слово «спитъ» онъ будетъ понимать въ смыслѣ выраженія состоянія; но можетъ случиться и такое обстоятельство, что ученикъ на этотъже вопросъ учителя, относящійся къ предложенію «рыбакъ спитъ», отвѣтитъ такъ: ничего не дѣлаетъ, спитъ.

Изъ этого слѣдуетъ только то, что учитель долженъ предлагать ученикамъ правильные вопросы для полученія отъ нихъ правильныхъ отвѣтовъ. На вопросъ—въ какомъ положеніи находится рыбакъ? ученикъ всегда отвѣтитъ: лежитъ, стоитъ, спитъ, т.-е. отвѣтитъ словами, выражающими его состояніе въ данное время.

При этомъ не могу не спросить рецензента, какой онъ поставитъ вопросъ при разборѣ предложенія: книга лежитъ на столѣ?

Неужели—что дѣлаетъ книга?..

Нѣкоторой странностью отличается замѣчаніе рецензента относительно предмета рѣчи.

Въ учебникѣ говорится, что въ нераспространенномъ предложеніи (кстати замѣчу, что слово «нераспространенное» не явилось exprоmtu, какъ выражается рецензентъ, а поставлено обдуманно, чтобы показать учащимся, что основныя части предложенія—подлежащее и сказуемое, и что всякое другое слово, вводимое въ предложеніе, есть уже его распространеніе) двѣ части: названіе предмета рѣчи—подлежащее, и названіе признака, принадлежащаго предмету рѣчи, сказуемое.

Рецензентъ отвергаетъ терминъ названіе предмета рѣчи на томъ основаніи, что ученики въ предложеніи «хочу булку» (вѣроятно, булки) на вопросъ учителя, гдѣ предметъ рѣчи? скажутъ—булку (булки).

Простъ-же учитель, который будетъ предлагать такіе вопросы!

Подлежащее, далѣе слѣдуетъ въ учебникѣ, называя предметъ, о которомъ говорится, отвѣчаетъ на вопросы—кто, что?

Это долженъ пояснить учитель, чтобы не дѣлать праздныхъ вопросовъ, и рецензентъ, чтобы не упражняться въ неумѣстной ироніи.

Подлежащее дѣйствительно называетъ предметъ рѣчи.

«Переходя къ подлежащему, грамматика говоритъ (стр. 3), вопросъ что прилагается къ наименованіямъ предметовъ, произведенныхъ отъ названія качествъ, дѣйствій и состояній».

«Невозможно», говоритъ рецензентъ, «понять, какимъ образомъ предметъ можетъ быть произведенъ отъ названія»...

Совершенно невозможно, скажу и я, если не прибавить къ слову «отъ названія» словъ «качествъ, дѣйствій и состояній».

«Вѣроятно», продолжаетъ рецензентъ, «авторъ имѣлъ въ виду имя существительное, образованное изъ прилагательнаго или глагола».

Если изъ прилагательнаго или глагола образовано имя существительное, то оно, какъ существительное, называетъ предметъ (предметы абстрактные), а прилагательныя и глаголы называютъ качество и дѣйствіе. Слѣдовательно, предметъ произведенъ отъ названій качества и дѣйствія.

Изъ послѣдующихъ замѣчаній рецензента видно, что онъ не понялъ плана, принятаго мною при изложеніи матеріала начальнаго курса грамматики.

Исходя изъ анализа предложенія, я послѣ указанія состава нераспространеннаго предложенія говорю объ одной изъ частей его — подлежащемъ, и указываю, что подлежащее называетъ одинъ предметъ или нѣсколько, собственное имя или общее, мужескій, женскій и средній родъ и называетъ, наконецъ, имя предметовъ, которое образуется въ языкѣ по отношенію лица говорящаго къ предмету.

Затѣмъ обозначается разрядъ словъ, посредствомъ котораго мы и выражаемъ различными окончаніями имена предметовъ и ихъ родовыя отличія.

Въ начальномъ курсѣ грамматики и необходимо сообщить объ этомъ ученику прежде всего, чтобы онъ понялъ законность этимологической формы.

Подобный планъ изложенія грамматическаго матеріала въ учебникѣ, составленномъ мною, и проводится на изложеніи частей предложенія. Поэтому замѣчаніе рецензента о томъ, что излишне повторять два раза о родѣ именъ и т. д. есть, я думаю, только недоразумѣніе.

Можно не согласиться съ основаніями извѣстнаго плана, но нельзя выдергивать частей его, не понимая цѣлаго, а потому и не сознавая необходимости этихъ частей.

«На стр. 4», говоритъ рецензентъ, «мы читаемъ: имя существительное, выражая подлежащее въ предложеніи, имѣетъ слѣдующія принадлежности (родъ, число).

Выходитъ, что, не выражая подлежащаго, имя существительное не имѣетъ этихъ «принадлежностей».

Какъ это выходитъ, не постигаю.

Мы говоримъ только о существительномъ подлежащемъ, а какія его принадлежности, какъ дополненія, обозначится въ своемъ мѣстѣ.

«Стр. 6. Не совсѣмъ удачно выражено слѣдующее: иногда имя существительное, выражающее подлежащее, мы замѣняемъ такимъ словомъ, которое ставится вмѣсто него. Неудачное это выраженіе несовсѣмъ вѣрно и по содержанію, потому что мѣстоименіе замѣняетъ не только существительное подлежащее».

Совершенно вѣрно, но я-то веду рѣчь только о подлежащемъ и существительномъ.

Въ чемъ-же замѣчаніе? На стр. 37 говорится о мѣстоименіи (опредѣленіи) прилагательномъ.

«Не совсѣмъ ясно, почему авторъ, прежде чѣмъ перейти къ сказуемому, не касается именъ прилагательныхъ, какъ формъ выраженія подлежащаго».

Прилагательное, какъ подлежащее, замѣняетъ имя существительное, подобно другимъ частямъ рѣчи.

Начать говорить о прилагательномъ подлежащемъ, значитъ на первыхъ порахъ отступить отъ своей системы и спутать пониманіе учениковъ: не усвоивъ себѣ части предложенія и части рѣчи, выражающей извѣстную часть предложенія, они должны заучивать, что подлежащее выражается такими и такими-то частями рѣчи. Тогда какъ, изучивъ части предложенія и части рѣчи, выражающія ихъ, и свойства этихъ частей, они поймутъ, при какихъ условіяхъ одна часть рѣчи можетъ замѣнить другую. Въ этомъ и заключается образовательная сила въ изученіи грамматики начальнаго курса.

Опускаю нѣкоторыя мелкія замѣчанія рецензента на отдѣлы моего учебнаго курса, въ которыхъ разсматриваются подлежащее и сказуемое и формы, выражающія ихъ, потому что они видимо высказаны рецензентомъ для того, чтобы сказать что-нибудь, и перехожу къ второстепеннымъ частямъ предложенія.

«Не совсѣмъ кстати оправдывается», говоритъ рецензентъ, «самое

слово второстепенное тѣмъ, что оно не составляетъ необходимой принадлежности каждаго предложенія. Вѣдь обходятся предложенія безъ подлежащаго!»

Заключеніе поспѣшное: грамматическое подлежащее заключается въ окончаніи сказуемаго всякаго предложенія.

Затѣмъ рецензенту не нравится объясненіе дополненія, но почему, — онъ не говоритъ.

Почему рецензенту кажется неудачнымъ выраженіемъ слѣдующее: «дополненіе грамматически соединяется съ дополняемыми окончаніями», — не обозначено.

«Въ статьѣ о придаточныхъ дополнительныхъ предложеніяхъ приведены не совсѣмъ удачные примѣры: не даромъ говорится, что дѣло мастера боится. Въ этомъ примѣрѣ первая часть сказуемое, а вторая — подлежащее».

Очень ясно будетъ для начинающаго учиться ученика, особенно, когда между сказуемымъ и подлежащимъ поставлена запятая. Измѣнимъ нѣсколько этотъ примѣръ: не даромъ народъ говоритъ, что дѣло мастера боится. Ясно, что въ приведенномъ примѣрѣ предложеніе — что дѣло мастера боится, поясняетъ дѣйствіе «говоритъ» и отвѣчаетъ на вопросъ косвеннаго падежа. Говоритъ — о чемъ?

Слѣдовательно, оно есть придаточное дополнительное предложеніе, такъ какъ замѣняетъ дополненіе. Не даромъ говорится — о чемъ? Что дѣло мастера боится. Разницы нѣтъ. Если-же вы назовете такое предложеніе подлежащимъ, то ученикъ совершенно придетъ въ недоумѣніе: онъ знаетъ, что подлежащее отвѣчаетъ на вопросы — кто, что, а придаточное дополнительное предложеніе — на вопросы: чего, чему, что, чѣмъ, о чемъ...

Въ статьѣ о союзахъ рецензентъ называетъ неизмѣняемыя слова, посредствомъ которыхъ мы соединяемъ предложенія, нарѣчіями и уличаетъ въ томъ, что они отнесены мною къ союзамъ.

«Около забора растетъ береза». Въ данномъ примѣрѣ, я думаю, и рецензентъ скажетъ, что слово «около» употреблено въ значеніи предлога: оно выполняетъ роль предлога, управляя косвеннымъ падежомъ имени существительнаго.

Въ предложеніи-же — «держи около», это слово имѣетъ совершенно другое значеніе, указывая условіе дѣйствія, и есть нарѣчіе.

Части рѣчи различаются по значенію ихъ въ предложеніи. Слово «что» можетъ быть мѣстоименіемъ, нарѣчіемъ и союзомъ. Что лежитъ на столѣ? Не все то золото, что блеститъ. Что ты спишь, мужичекъ? Я знаю, что скоро настанутъ холодные дни.

То-же самое и въ предложеніи: «спой мнѣ пѣсню» (о чемъ) слѣдуетъ придаточное предложеніе дополнительное «какъ синица тихо за моремъ жила».

«Какъ» соединяетъ предложенія и есть неизмѣняемое слово,— значитъ, оно союзъ (или употреблено въ значеніи союза).

Слово «какъ» является нарѣчіемъ только тогда, когда при помощи его мы спрашиваемъ о неизвѣстномъ намъ образѣ дѣйствія и состоянія.

Какъ поживаете? Какъ устроились вы въ новой квартирѣ?

«Въ статьѣ о нарѣчіи (стр. 25) неосновательно указывается, что глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи можетъ выражать обстоятельство; въ примѣрѣ «пришла изъ лѣсу птичница въ лисьей шубкѣ цыплятъ пощипать» пощипать относится къ сказуемому (сложному)».

Беру два предложенія: работникъ пришелъ съ поля. Надѣюсь, что въ этомъ предложеніи рецензентъ сказуемымъ назоветъ пришелъ?

Почему-же онъ въ предложеніи: работникъ пришелъ съ поля пообѣдать станетъ называть сказуемымъ пришелъ пообѣдать? Это вполнѣ произвольно и неосновательно, не говоря уже о томъ, что учащіеся при такихъ условіяхъ не разберутся въ частяхъ предложенія.

Тогда и въ предложеніи: дѣти любятъ слушать сказки, сказуемое — любятъ слушать. «Дитяти маменька расчесывать головку купила частый гребешокъ». «Купила расчесывать» — сказуемое.

«Нѣсколько неудачныхъ примѣровъ», продолжаетъ рецензентъ, «приведено и обстоятельствъ. Петербургъ стоитъ тамъ, гдѣ Нева впадаетъ въ Финскій заливъ. Здѣсь предложеніе не обстоятельственное, а опредѣлительное. На стр. 41 авторъ-же самъ подобные примѣры относитъ къ опредѣлительнымъ: тамъ, гдѣ дорога поднимается въ гору, растутъ три сосны,—гдѣ дорога и т. д. опредѣлительное».

Во-первыхъ, послѣдній примѣръ на 26 стр. приведенъ для указанія придаточнаго обстоятельственнаго предложенія мѣста; во-вторыхъ, на стр. 41 нѣтъ ни одного предложенія, сходнаго съ предложеніемъ: Петербургъ стоитъ тамъ, гдѣ Нева впадаетъ въ Финскій заливъ.

Не понимаю, какъ до такого заключенія дошелъ рецензентъ: еще болѣе не понимаю, какимъ образомъ ученикамъ излагать такія неясныя, спутанныя понятія о придаточныхъ предложеніяхъ.

Опредѣленіе поясняетъ предметъ, слѣдовательно и придаточное опредѣлительное предложеніе, какъ опредѣленіе, служитъ для той-же цѣли. Назовите-же предметъ, поясняемый придаточнымъ предложеніемъ: «гдѣ Нева впадаетъ въ Финскій заливъ» въ примѣрѣ «Петербургъ стоитъ тамъ»...

Въ этомъ примѣрѣ поясняется неопредѣленный указатель тамъ (нарѣчіе). Слѣдовательно, и придаточное предложеніе, замѣняющее его, есть обстоятельственное, замѣняющееся слѣдующими обстоятельственными словами: «при впаденіи Невы въ Финскій заливъ».

Слова рецензента: «несовсѣмъ ясное понятіе дается объ относительныхъ прилагательныхъ: на стр. 30 говорится: они выражаютъ качество, находящееся въ предметѣ по отношенію его къ другому предмету. Проще-бы сказать: происходящія отъ названій существительныхъ. Здѣсь (гдѣ?) обнаруживается неудобство, о которомъ я говорилъ выше но поводу формы сказуемаго. Указывается на окончанія полное и краткое и приводятся примѣры опредѣленій, которыя по существу сказуемыя». Въ первый разъ въ своей статьѣ рецензентъ высказалъ, какъ нужно было-бы выразить извѣстное грамматическое положеніе.

По его мнѣнію, прилагательныя относительныя слѣдовало-бы назвать *проще* происходящими отъ существительныхъ. А сильный, вѣрный, радостный и т. д.?

Интересное получится дѣленіе прилагательныхъ, если слѣдовать наученію рецензента: 1) прилагательныя безотносительныя; 2) произведенныя отъ названій существительныхъ и 3) притяжательныя.

Не думаю, чтобы это было логично и вразумительно для учениковъ.

Во второй части приведеннаго замѣчанія рецензентъ сочиняетъ: я говорю о полномъ и краткомъ окончаніи прилагательныхъ, а онъ утверждаетъ, что я привожу примѣры опредѣленій съ краткимъ окончаніемъ безотносительныхъ прилагательныхъ, которыя по существу сказуемыя. Между тѣмъ, на слѣдующей страницѣ учебника высказывается слѣдующее: имя прилагательное безотносительное, съ полнымъ окончаніемъ является опредѣленіемъ въ предложеніи, а съ краткимъ—сказуемымъ при помощи вспомогательнаго глагола. Странно!

Слѣдить далѣе за замѣчаніями рецензента безполезно, потому что всѣ они ограничиваются словами: неясно, неудачно, неправильно, безъ указанія неясности и неправильности. Остановлюсь только на словахъ рецензента о безличномъ предложеніи. «Статья о безличномъ предложеніи вполнѣ неудачно объясняетъ, что подлежащее и сказуемое сливаются въ одномъ словѣ. Безличное предложеніе потому и безлично, что въ немъ выражается какое-либо дѣйствіе или состояніе, безъ указанія на предметъ, производящій дѣйствіе. «Пахнетъ сѣномъ надъ лугами» никакъ не сокращено изъ: есть запахъ сѣна надъ лугами, какъ думаетъ составительница; «хочется» вовсе не сокращено изъ «есть хотѣніе». Такіе обороты немыслимы».

Такіе обороты и немыслимы!

Вотъ все, что говоритъ рецензентъ о безличномъ предложеніи. А между тѣмъ вопросъ о предложеніяхъ этого рода одинъ изъ наиболѣе непонятныхъ для учащихся. Рѣшать его тѣмъ, что безличное предложеніе есть безличное, потому что оно безлично, какъ то дѣлаетъ рецензентъ, удобно, но незаконно.

Языкъ есть организмъ. Основная форма этого организма есть предложеніе, непремѣнныя части котораго подлежащее и сказуемое. Отнимите главную часть изъ состава организма и онъ умираетъ. Какъ же можетъ существовать предложеніе безъ подлежащаго?

Безличное предложеніе (можетъ быть, неудачно такъ названное) выражаетъ бытіе, существованіе явленія физическаго или нравственнаго. Въ указаніи предмета, производящаго дѣйствіе или состояніе, нѣтъ надобности. Не можется—немоцчь есть.

Случается иногда человѣку высказаться и такъ: «весело на вечерѣ», хотя на душѣ говорящаго лежитъ тяжелое горе. Значитъ, весельемъ пропитанъ воздухъ въ собраніи, куда попалъ бѣднякъ, которому лично не до веселья.

Такъ какъ языкъ стремится къ сокращенію въ выраженіи (опускаются союзы, придаточныя предложенія замѣняются именами и т. д.), то наименованіе бытія, существованія явленія физическаго или нравственнаго сливается съ наименованіемъ явленія, которому придается личное окончаніе, и получается предложеніе съ подлежащимъ и сказуемымъ. Подлежащее заключается въ окончаніи сказуемаго, которое выражается третьимъ лицомъ, указателемъ неопредѣленнаго лица.

Съ подобными предложеніями нельзя смѣшивать предложеній въ родѣ слѣдующихъ: тише ѣдешь, дальше будешь, не въ свои сани не садись и т. п., потому что они совершенно другого образованія: иначе безличное предложеніе явится корзиною, въ которую складываютъ всѣ предложенія, неудобныя для объясненія.

Заканчивая свой отвѣтъ г. Мандельштамму, я не могу не сказать, что обманулась въ ожиданіяхъ, соединенныхъ съ этой рецензіей, о которой слухи были распространены еще до появленія ея въ печати.

Рецензентъ не хотѣлъ понять плана учебника, составленнаго мною, потому что не разъ въ своей рецензіи, какъ я и показала, даетъ такіе совѣты и наставленія, принявъ которые, я должна была-бы отказаться отъ основной мысли учебника.

Замѣчанія рецензента касаются по преимуществу мелочей въ учебникѣ и высказаны такъ туманно и неясно, что на нихъ и отвѣчать

трудно, и многія изъ нихъ неправильны, въ подтвержденіе чего и приведено мною нѣсколько примѣровъ въ отвѣтѣ.

Въ рецензіи замѣчается рѣшительная наклонность автора ея къ непогрѣшимости: *самъ* сказалъ. Это ненужно, это неудачно, это невѣрно, а почему—не объясняется.

А главное, рецензентъ не знаетъ или не желаетъ знать того предмета (курса начальной грамматики), о которомъ составилъ рецензію. У него видимо нѣтъ яснаго представленія о содержаніи этого курса: то онъ заявляетъ требованіе въ этомъ курсѣ ученія о суффиксахъ, не смотря на то, что эта часть грамматики (не начальной) составляетъ труднѣйшій отдѣлъ, потому что непосредственно связанъ съ изученіемъ корней; то онъ указываетъ на необходимость изученія въ элементарномъ курсѣ грамматики образованія флексій; то, наконецъ, говоритъ объ изученіи въ этомъ курсѣ грамматики «*всего строя языка*».

«Не правда-ли,—заявляетъ рецензентъ,—было-бы странно въ грамматикѣ русскаго языка не встрѣтить того, что составляетъ особенно характернаго въ языкѣ? Положимъ, формы, выраженныя неопредѣленнымъ наклоненіемъ, властно врывающіяся въ русскую рѣчь и широко, *вдоль и поперекъ располагающіяся въ ней*».

Красиво, звучно сказано; но эти красивыя фразы и доказываютъ отсутствіе яснаго пониманія рецензентомъ задачи начальнаго курса грамматики. Задача эта поставлена мною опредѣленно. Какъ я выполнила ее, это другое дѣло. Начальный курсъ русской грамматики, по моему убѣжденію, долженъ познакомить учащихся съ составомъ предложенія на примѣрахъ, не представляющихъ собою ничего своеобразнаго, не отступающихъ, если можно такъ выразиться, отъ обычнаго способа выраженія сужденія. На примѣрахъ подобнаго рода слѣдуетъ довести учащихся до сознанія отношеній между частями предложенія и сознанія тѣхъ формъ, посредствомъ которыхъ выражаются эти отношенія. Это элементы языка (схемы его), ясное усвоеніе которыхъ даетъ возможность учащимся дальнѣйшаго разумнаго изученія родного языка и осмысленнаго изученія иностраннаго. Безъ фундамента не можетъ быть зданія, а нельзя-же одновременно складывать фундаментъ и устраивать крышу зданія. Особенности родной рѣчи, *вдоль и поперекъ располагающіяся*, безличныя формы также не уйдутъ отъ наблюденія и изученія учениковъ элементарныхъ классовъ, потому что языкъ изучается не по одной грамматикѣ, а и по живому слову образцовыхъ писателей.

Отвѣтъ мой конченъ. Благодарю г. Мандельштамма за наставленіе его, высказанное имъ въ заключительныхъ словахъ его рецензіи, что,

прежде нежели составлять элементарный учебникъ, мнѣ слѣдовало-бы поучиться.

Вѣкъ живи, вѣкъ учись — мудрое народное изреченіе, поэтому и г. Мандельштаммъ, я вполнѣ увѣрена, не посѣтуетъ на меня, если я съ неменьшимъ основаніемъ, нежели и онъ, скажу ему, что и для составленія рецензіи учебника начальной русской грамматики необходимо подготовиться и знать, какія требованія слѣдуетъ предъявлять подобному курсу.

Рашевская.

Отвѣтъ на возраженіе г-жи Рашевской.

Въ своемъ разборѣ учебника г-жи Рашевской я замѣтилъ, что не слѣдовало-бы приступать къ составленію его безъ предварительной самостоятельной работы, т.-е. безъ критическаго и сознательнаго отношенія къ тому, чему хочешь учить другихъ. Какъ ни элементаренъ долженъ быть учебникъ для дѣтей, но необходимо, чтобы сообщаемые выводы, положенія, правила были истинны и вѣрны, чтобы изложены были логично и ясно, и выражены правильнымъ литературнымъ русскимъ языкомъ, стилистически.

Эти важнѣйшія условія не соблюдаются авторомъ вовсе. Въ своей рецензіи я не подчеркивалъ своего мнѣнія о книжкѣ, предполагая, что sapienti sat; теперь считаю нужнымъ подтвердить это свое заключеніе объ учебникѣ нижеслѣдующими доказательствами, причемъ, во избѣжаніе повторенія, воспользуюсь другими данными, не упомянутыми въ рецензіи по той-же причинѣ, по которой я въ ней не желалъ *опредѣлительно* высказываться.

I.

Относительно выводовъ и положеній авторъ поступаетъ такимъ образомъ: онъ устанавливаетъ извѣстное положеніе, перешедшее къ намъ по преданію, но не признаваемое тѣми, кто не на вѣру принимаетъ выводы, и даетъ примѣры, могущіе, разумѣется случайно, подтвердить это положеніе. Авторъ поступаетъ еще такъ: въ угоду дѣтскому пониманію онъ *самъ* создаетъ законъ, ничѣмъ не оправдываемый, и придумываетъ примѣры, только *повидимому* поддерживающіе его законъ. Вотъ факты:

Стр. 22: «Дополненіе въ предложеніи выражается иногда отглагольнымъ именемъ существит. или им. сущ. называющимъ качество; такое дополненіе можетъ быть замѣнено предложеніемъ, т.-е. грамматическою формой, въ которой есть подлежащее и сказуемое»; напр.: «мнѣ говорили о большой бѣдности нашего сосѣда».

Авторъ не желаетъ видѣть всего различія между приведенной фразой и фразой «мнѣ говорили, что онъ очень бѣденъ»; въ послѣдней мыслится только, *что онъ бѣденъ*, т.-е. наличность бѣдности; въ первой— мыслится характеръ бѣдности, или содержится представленіе о ней (напр., связанное съ бѣдностью горе, страданіе); «думаю о его приходѣ» совершенно отлично отъ «думаю, что онъ прійдетъ»: въ первомъ случаѣ я связываю его *приходъ* съ представленіемъ о томъ, что сопровождаетъ самый приходъ (положимъ, *какъ* онъ войдетъ, *какъ* я его встрѣчу); во второмъ—у меня мысль о возможности его появленія—и только.

Такъ затирается различіе двухъ совершенно самостоятельныхъ и разнозначущихъ формъ выраженія; а между тѣмъ усвоеніе приведеннаго положенія требуетъ много усилій; производится насиліе надъ дѣтской логикой, ломка его мышленія; пріемы обученія г-жи Рашевской, рекомендуемые учебникомъ, ухудшатъ дѣло, потому что чѣмъ больше примѣровъ будутъ приводить дѣти, тѣмъ болѣе они будутъ укрѣпляться въ неумѣніи держать мысль раздѣльно.

На стр. 16 учебника читаемъ: «Дѣйствительный залогъ показываетъ дѣйствіе предмета, переходящее на другой предметъ, который называетъ *причину (вину); поэтому* при дѣйствительномъ залогѣ ставится винительный падежъ». И въ этомъ положеніи, какъ во многихъ, многихъ другихъ, то-же созиданіе закона самимъ авторомъ: 1) «другой предметъ» не показываетъ *причины* дѣйствія, напр., *письмо* не есть причина того, что пишу — въ предложеніи пишу письмо; 2) *причина* не то-же, что *вина*, и причинной связи нѣтъ между дѣйствительнымъ залогомъ и винительнымъ падежомъ; 3) винительный падежъ не всегда ставится послѣ дѣйствительнаго залога.

Въ своихъ положеніяхъ и выводахъ авторъ до такой степени субъективенъ, что онъ пренебрегаетъ самыми ясными очевидностями, онъ, напр., пріучаетъ дѣтей образовывать такія формы, которыя измѣняютъ значеніе самого слова. Отъ глагола *знать* онъ образуетъ форму будущ. времени *узнаю*, не видя какъ-будто, что *знать* и *узнать* два различныхъ слова, и забывая, что отъ *знать* будущ. вр. *буду знать*, стало быть, забывая, что подъ вліяніемъ предлога часто измѣняется значеніе слова; отъ *кричать* онъ образуетъ будущее время *закричу*, снова смѣшивая значеніе словъ и совершенно затирая различіе видовъ

глагола (начинательность); полное смѣшеніе видовъ обнаруживается и въ образованіи имъ будущ. вр. *умоюсь* отъ глагола *моюсь* (стр. 12—13).

Авторъ почему-то упорно стоитъ на своемъ, не смотря на явное несогласіе его ученія съ фактами. Рецензія, напр., отмѣчаетъ, что въ предложеніи «скажи мнѣ кудесникъ, любимецъ Боговъ, что сбудется въ жизни со мною», *что̀* не союзъ, какъ полагаетъ авторъ, а мѣстоименіе, такъ какъ оно замѣняетъ нѣчто неизвѣстное (участь, событіе, несчастіе), даже подлежащее; а авторъ, возражая, что части рѣчи различаются по значенію ихъ въ предложеніи, все-таки принимаетъ *что* за союзъ; рецензія, напр., отмѣчаетъ, что въ предложеніи «не даромъ говорится, что дѣло мастера боится» второе предложеніе не дополненіе; а авторъ заявляетъ, что можно «измѣнить нѣсколько этотъ примѣръ» и сказать: не даромъ народъ говоритъ и т. д. и что, слѣдовательно, названное предложеніе—дополненіе; онъ не хочетъ знать, что это уже не то предложеніе. Законъ или правило создается авторомъ съ необыкновенною легкостью: «*ни*, выражая обиліе признака въ сказуемомъ, употребляется въ немъ отдѣльно», напр., «куда ни посмотрю» стр. 58; я не могу понять, что означаетъ *обиліе признака* въ сказуемомъ; если авторъ имѣлъ въ виду сказать объ интенсивности дѣйствія, или о продолжительности его, что-либо въ этомъ родѣ, то вѣдь не посредствомъ *ни* оно выражается, а посредствомъ нарѣчія, стоящаго передъ *ни* въ соединеніи съ послѣднимъ; это разъ; во-вторыхъ, вѣдь *ни* ставится отдѣльно и во множествѣ другихъ случаевъ, о которыхъ и не упоминаетъ учебникъ.

На подобныя неправильныя объясненія, на невѣрныя положенія и правила я и указываю въ своей рецензіи, такъ, напр., на невѣрность положенія о сокращеніи придаточныхъ предложеній, на неправильность объясненія вводныхъ предложеній, на невѣрное объясненіе, напр., причастія, на неправильное опредѣленіе корня, дополненія, мѣстоименія, союза, и на многое многое другое; а авторъ въ своемъ возраженіи обходитъ благоразумно молчаніемъ 40 моихъ замѣчаній и отвѣчаетъ на 14; а какимъ образомъ онъ отвѣчаетъ, мы отчасти видѣли только-что, отчасти увидимъ и изъ слѣдующаго:

Я, напр., указываю на ошибочность объясненія безличнаго предложенія; говорю, что оно не есть сокращеніе подлежащаго и сказуемаго въ одно слово; что «взгрустнулось» вовсе не сокращено изъ «есть грусть»; а авторъ создаетъ законъ и, не справляясь съ языкознаніемъ, утверждаетъ: «языкъ есть организмъ; основная форма организма — предложеніе, непремѣнныя части котораго подлежащее и сказуемое; отнимите главную часть изъ состава организма — и онъ умираетъ».

Субъективность автора устраняетъ всякую возможность разъясненія: что означаетъ «*основная форма организма*»? гдѣ авторъ видѣлъ такую *форму*? Что значитъ «*отнимите главную часть состава организма*»? На мое замѣчаніе, что въ безличномъ предложеніи нѣтъ подлежащаго, что «нельзя», «жаль», «совѣстно» все-таки предложенія, г-жа Рашевская возражаетъ: въ такихъ предложеніяхъ «наименованіе *бытія, существованія явленія физическаго* или нравственнаго *сливается* съ наименованіемъ явленія, которому придается личное окончаніе». Опять спрашиваю, что значитъ «наименованіе бытія явленія сливается съ наименованіемъ явленія»? А что значитъ *наименованію явленія придается личное окончаніе?* Какъ понять эти законы, высказанные въ 1-й разъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ наука языкознанія? Справиться съ этимъ не въ силахъ тотъ, кто признаетъ законы въ языкѣ!

II.

Взглянемъ, каковъ характеръ изложенія всѣхъ, по крайней мѣрѣ большей части выводовъ, положеній, правилъ; по моему—сбивчивость и нелогичность составляютъ его отличительныя черты.

Стр. 16: «Залогомъ (одинъ изъ *принадлежностей* глагола) мы выражаемъ дѣйствіе, переходящее или не переходящее и состояніе предмета». Такое опредѣленіе ничѣмъ не отличается отъ опредѣленія, какое въ другомъ мѣстѣ дается глаголу, и выходитъ: что залогъ, что глаголъ—все едино.

Стр. 17: «Взаимный залогъ показываетъ дѣйствіе двухъ или нѣсколькихъ предметовъ». Такое опредѣленіе не отличается отъ опредѣленія значенія множественнаго числа, выражаемаго глагольными окончаніями,—и опять вышло: что залогъ, что множественное число—все едино.

Стр. 3: «Подлежащее называетъ мужескій родъ, женскій и средній»; во-1-хъ, этого сразу и понять нельзя, во-2-хъ, развѣ сказуемое, въ формѣ имени, показываетъ не то-же?—и опять не логика.

Стр. 10: «Сказуемое можетъ быть выражено словами, обозначающими родъ предметовъ». Спрашивается: развѣ есть такой разрядъ словъ, которыми обозначается родъ предметовъ? Авторъ хотѣлъ сказать: сказуемое выражается и именемъ существительнымъ; но вѣдь каждое существительное способно обозначить и родъ, и видъ. Приводимые далѣе примѣры еще менѣе логичны и не подтверждаютъ положенія: «ученье—свѣтъ, неученье—тьма»—развѣ свѣтъ есть родъ,

къ которому относится ученье? — нѣтъ, какъ тьма не есть родъ, къ которому относится неученье; и то и другое — поэтическій образъ, сравненіе.

Стр. 21: «Предлогъ есть такая неизмѣняемая часть рѣчи, которая соединяетъ слова въ предложеніи и ставится передъ зависимыми падежами именъ существительныхъ»—все нелогично: a) предлогъ соединяетъ не всѣ слова, а только имена (существительное, прилагательное, мѣстоименіе); b) ставится передъ всѣми именами, не только существительными; c) падежи зависимы, именно потому, что стоятъ послѣ предлоговъ.

Стр. 53: «Вносными предложеніями и вносной рѣчью называются такія предложенія и такая рѣчь, которыя приводятся нами для сообщенія мыслей, высказываемыхъ другими лицами». Для сообщенія мыслей, высказываемыхъ другими лицами, мы употребляемъ всевозможныя предложенія, а существенный признакъ вноснаго предложенія, подлинность словъ, упущено авторомъ.

Стр. 56: «Окончаніемъ называется звукъ или звуки, которые изъ корня образуютъ слово съ извѣстнымъ значеніемъ»: мѣн—мѣна; на стр. 57: «посредствомъ производственныхъ звуковъ, которые ставятся между корнемъ и окончаніемъ, мы образуемъ слова, произведенныя отъ одного и того-же корня, съ различнымъ оттѣнкомъ значенія».

Не стану уже говорить о полной ненаучности и невѣрности объясненія; но какой выводъ можетъ сдѣлать ученикъ? только одинъ: что окончаніе, что производственный звукъ—все едино; такъ какъ опредѣленіе дается одному и другому совершенно одинаковое. Неправильно сказано: «*съ различнымъ оттѣнкомъ значенія*»: между *знать*, *знакъ*, *знаніе* и *знакомый*—не оттѣнки,—все это различныя слова, хотя и корень общій; но авторъ, конечно, исторію развитія слова знать не хочетъ.

III

Языкъ учебника можетъ быть названъ всего менѣе литературнымъ: нѣтъ въ немъ ни выработанности стиля (даже учебника грамматики), ни опредѣленности, ни ясности, ни правильности въ построеніи рѣчи; часто нѣтъ даже соотвѣтствія между понятіемъ и обозначающимъ его словомъ Рѣчь безпрестанно шатается. а авторъ не хочетъ держать ее; отсюда частыя недоумѣнія.

«При *изученіи* грамматики родного языка, необходимо обратить вниманіе, чтобы *грамматическое изученіе* исходило изъ разбора...» (въ предисловіи).

«Называя *предметы*, мы именемъ можемъ представить *предметы* въ большемъ видѣ, *а также именемъ можемъ выразить* ласку и пренебреженіе *къ нему*» (стр. 4).

«Иногда имя существительное, выражающее подлежащее, мы *замѣняемъ такимъ словомъ, которое ставится вмѣсто него*» (стр. 6).

«*Причастіемъ* начинаются придаточныя опредѣлительныя предложенія только въ томъ случаѣ, *когда причастіе* стоитъ послѣ опредѣляемаго слова и при немъ находятся еще второстепенныя слова» (стр. 43).

«Обстоятельныя *слова* выражаются *словами*, употребляющимися въ значеніи нарѣчія (стр. 25) и пр. и пр.

При неправильности построенія, фраза обыкновенно громоздка, такъ какъ въ ней словъ вдвое—втрое противъ нужнаго:

Стр. 7. «Слова *въ языкѣ*, называющія дѣйствія и состояніе, *принадлежащія* предмету, образуютъ третью часть рѣчи, которая именуется глаголомъ».

Стр. 14: «Дополненіемъ называется такая второстепенная часть предложенія, которая поясняетъ дѣйствіе и качество, *указывая предметъ*, на которое дѣйствіе переходитъ или къ которому относится и называя предметъ, которымъ обозначается качество».

Лишнія слова на каждомъ шагу: «*слова въ языкѣ*» вставляется по поводу каждой части рѣчи и почти каждаго члена предложенія, какъ будто есть слова *внѣ* языка; «*въ предложеніи*» встрѣчается безпрерывно, до затмѣнія смысла: «дополненіе въ предложеніи...», «опредѣленіе въ предложеніи...», «подлежащее въ предложеніи...», и тоже повторяется каждый разъ, какъ только упоминается о нихъ; «дѣйствіе и состояніе *принадлежащіе* предмету» — сплошь и рядомъ, послѣ того, какъ объясненъ уже глаголъ и т. п. Выше указанъ образецъ рѣчи, въ которомъ вмѣсто фразы: обученіе родному языку должно исходить... употреблено 14 словъ, при чемъ *изученіе* смѣшивается съ обученіемъ, какъ въ другомъ случаѣ смѣшивается *законъ* съ *правиломъ*, а еще въ другомъ — *узнавать* съ *познавать*, *мнѣніе* съ *сужденіемъ* (въ смыслѣ акта мышленія, а не воззрѣнія), *форма* съ *составомъ*, *правило* съ *указаніемъ*, *буква* со *звукомъ*, *задача* съ *пріемомъ*.

Во многихъ случаяхъ трудно добиться смысла фразы или вслѣдствіе смѣшенія понятій и значеній словъ, стр. 29: «*качество предмета* мы находимъ *въ свойствѣ самого предмета*», или вслѣдствіе неправильнаго употребленія словъ: «имена прилагательныя имѣютъ *три родовыхъ окончанія въ одномъ словѣ*» (стр. 29), или вслѣдствіе и

того и другого, при нагроможденіи лишнихъ словъ: «опредѣленіемъ называются слова въ языкѣ, которыя прилагаются къ названію предмета для того, чтобы пояснить его указаніемъ на какой-либо признакъ, выдѣляющій этотъ предметъ изъ *ряда* другихъ ему подобныхъ» (стр. 29): — 28 словъ, путающихъ мысль, вмѣсто 7: *опредѣленіе поясняетъ предметъ, указывая на его признакъ*; и *рядъ* вмѣсто *родъ*; и *называются* вмѣсто называется; и *слова* вмѣсто *слово*.

Надъ построеніемъ фразы авторъ не задумывается и беретъ первое попавшееся выраженіе. Стр. 8: «сказуемое, выраженное глаголомъ, соединяется съ подлежащимъ *своими окончаніями*». Кто пойметъ такое положеніе?

Стр. 39: «...такая связь называется согласованіемъ, потому что имя прилагательное *согласно* съ существительнымъ, къ которому относится, въ родѣ, числѣ и падежѣ». Кто пойметъ такое объясненіе?

Весьма часто замѣчается неправильность въ употребленіи причастія и дѣепричастія и одно ставится вмѣсто другого: Стр. 51: «Союзы, соединяющіе предложенія между собою, показываютъ...» вмѣсто *соединяя* предложенія.

Самое возраженіе автора учебника не свободно отъ погрѣшностей грамматическихъ и стилистическихъ: «...такъ какъ далѣе слѣдуетъ указаніе *о томъ...*» «Въ курсѣ грамматики, особенно начальномъ, непремѣнно встрѣтятся правила. Это я имѣю въ виду, говоря о правилахъ; но правилами не ограничивается курсъ грамматики»... «Составленіе самостоятельныхъ примѣровъ учениками послѣ *вывода какого-либо грамматическаго положенія*, я считаю»... «изученіе грамматики должно *сопровождаться письменными упражненіями учениковъ*, что составляетъ одну изъ существенныхъ *задачъ* обученія родному языку...» «...подобный планъ проводится *на изложеніи частей предложенія*».

Но довольно. Вмѣшательство самолюбія въ рѣшеніе вопросовъ неличнаго свойства мало помогаетъ. Авторъ учебника находитъ, что я «понятія не имѣю о предметѣ», имъ трактуемомъ; что я «простъ», что я «сочиняю», что «упражняюсь въ неумѣстной ироніи», что у меня «*наклонности къ непогрѣшимости*», что «силюсь что-то сказать», но не умѣю, что «выражаюсь туманно, сбивчиво» и пр. Все это я готовъ принять на-слово и на вѣру.

Кто читалъ мою рецензію, тотъ помнитъ, вѣроятно, что она состоитъ изъ указаній на множество погрѣшностей, очень сходныхъ съ только-что приведенными; — тѣхъ погрѣшностей я насчиталъ 54. Авторъ возражаетъ на 14 изъ нихъ (мы видѣли какъ), считая 40 замѣчаній не заслуживающими вниманія. Позволяю себѣ увѣрить автора,

что придавая значеніе и 14, я не меньшее значеніе придаю остальнымъ 40, которые ему угодно было обойти молчаніемъ только потому, что я изъ вѣжливости отзываюсь о нихъ словами: «неудачно», «неясно», «не совсѣмъ точно», «не совсѣмъ удачно». Неужели автору было-бы пріятнѣе, еслибы я выражался такъ-же, какъ онъ въ своемъ возраженіи? Вѣдь такъ легко было-бы сдѣлать это! Я предпочелъ другой путь:—въ отвѣтѣ своемъ я сейчасъ отмѣтилъ 31 погрѣшность въ учебникѣ (помимо ошибокъ противъ языка, сдѣланныхъ авторомъ въ «возраженіи»); 54 указанія сдѣлано въ рецензіи — итого, стало быть, 85 погрѣшностей (всѣхъ насчитается гораздо больше) не очень маловажныхъ, приходится на 3½ печатныхъ листа разгонистой печати, изъ коихъ по малой мѣрѣ *половину* составляютъ поясняющіе текстъ примѣры. Не знаю, какъ отнесется авторъ возраженія къ нашему отвѣту; восклицаніе его «вѣкъ живи, вѣкъ учись» показываетъ, что онъ не начинающая преподавательница, и поэтому ему, вѣроятно, извѣстно, что тотъ, кто сознается въ своихъ ошибкахъ—выше ошибокъ; вѣдь сжегъ-же даже знаменитый славистъ Добровскій свою грамматику, когда узналъ, что Востоковъ выступаетъ со своею!..

І. Мандельштамъ.

Обзоръ иностранныхъ педагогическихъ журналовъ.

Revue de l'enseignement secondaire et de l'enseignement supérieur. Paris, Paul Dupont, Editeur (rue du Bouloi, 4). II Semestre 1891.

Статьи, помѣщенныя въ названномъ журналѣ за означенный періодъ, сводятся къ слѣдующимъ рубрикамъ: I) *Экзамены и свидѣтельства.* Въ этой рубрикѣ помѣщены программы испытаній и темы экзаменаціонныхъ письменныхъ работъ. II) *Еженедѣльная хроника*, которую велъ главный редакторъ журнала, г. Жюль Готье. III) *Различные предметы:* рѣчи, программы конкурсовъ, отчеты о засѣданіяхъ палаты депутатовъ и т. п. IV) *Свѣдѣнія о заграничномъ образованіи.* V) *Некрологи.* VI) *Университетскіе вопросы.* VII) *Отчеты о защитѣ диссертацій въ Парижскомъ словесномъ факультѣ.* VIII) *Смѣсь.* IX) *Библіографія.*

Направленіе этого журнала опредѣляется если не исключительно, то преимущественно статьями главнаго редактора, со взглядами котораго на важнѣйшіе вопросы обученія и воспитанія мы и имѣемъ въ виду ознакомить читателей «Русской Школы».

Не прошло и году съ тѣхъ поръ, какъ во Франціи совершилась реформа въ курсѣ среднеучебныхъ заведеній: такъ-называемое *спеціальное* образованіе было замѣнено *новымъ* образованіемъ; но только что создалось оно, классики немедленно направили противъ него свои баттареи. Редакція «Revue» не принадлежитъ къ числу безусловныхъ поклонниковъ новой системы и видитъ въ ней существенные недостатки: 1) то, что родители должны дѣлать выборъ между классическимъ и новымъ образованіемъ въ такое время, когда еще невозможно опредѣлить будущія способности дѣтей; 2) то, что, безъ серьезныхъ основаній, для однихъ закрыты тѣ поприща, которыя другимъ доступны; 3) что въ старшихъ классахъ *новыхъ* школъ, гдѣ нельзя ожидать большого числа учениковъ, программы гораздо интереснѣе

и содержательнѣе, чѣмъ въ младшихъ классахъ, гдѣ учениковъ обыкновенно значительно больше. Несмотря на это, редакція «Revue» является защитницею новаго образованія противъ нападокъ классиковъ, въ лицѣ гг. Эдона и Берне.

Они ходатайствуютъ, чтобы обученіе латинскому языку начиналось съ седьмого, а греческому — съ начала курса пятаго класса, чтобы снова были возстановлены преміи за латынь въ третьемъ, второмъ и реторическомъ классѣ и чтобы вообще программы «были пересмотрѣны и дополнены съ трехъ точекъ зрѣнія: въ видахъ лучшаго усвоенія словъ и грамматическихъ формъ древнихъ языковъ, съ первыхъ лѣтъ обученія; въ видахъ приготовленія къ курсу высшихъ учебныхъ заведеній и въ видахъ ознакомленія съ главнѣйшими задачами современной жизни, еще до окончанія курса».

Въ этомъ «Revue» видитъ попытку реакціи послѣднимъ остаткамъ реформы 1880 года, чего и не скрываютъ гг. Эдонъ и Берне: «классическому образованію,—говорятъ они,—сократившемуся вслѣдствіе предшествовавшихъ реформъ, не достаетъ времени, необходимаго для изученія классическихъ языковъ».

Нападеніе на новое образованіе дѣлается еще и съ другой стороны: его противники говорятъ, что изъ двухъ среднеучебныхъ системъ въ новой системѣ сдѣланы существенныя улучшенія, что ее снабдили всѣми полезными для ея развитія средствами, и что изъ этого естественно вытекаетъ право классическаго образованія на развитіе всѣхъ предоставленныхъ ему средствъ. Повидимому, въ этомъ нѣтъ и нападенія: пусть и то и другое развивается самобытно! Но дѣло въ томъ, что новое образованіе организовано въ соотвѣтствіи съ извѣстною формою образованія классическаго: если вы измѣните эту форму, то равновѣсіе, и такъ уже неустойчивое, будетъ вполнѣ нарушено. Въ нынѣшней системѣ средняго образованія только элементарный курсъ остался нетронутымъ. Въ этомъ курсѣ дѣти, независимо отъ своей будущей карьеры, получаютъ одинаковое образованіе, основанное, главнымъ образомъ, на изученіи отечественнаго языка. Только по окончаніи курса VII-го класса они избираютъ направленіе, которое соотвѣтствуетъ или предполагается соотвѣтствующимъ ихъ способностямъ: выборъ преждевременный, но по крайней мѣрѣ до него всѣ ученики проходятъ одинаковую школу и, повидимому, шансы подбора учениковъ одинаковы для обѣихъ системъ. Теперь желаютъ измѣнить все это. Классическое образованіе намѣрено захватить и элементарный курсъ: оно требуетъ себѣ и седьмого класса. Слѣдовательно, общимъ будетъ только восьмой классъ, а потомъ для

новаго образованія—пробѣлъ между восьмымъ и шестымъ классомъ. Какъ-же быть? Переводить изъ восьмого прямо въ шестой классъ, или образовать седьмой классъ и для новаго образованія? Но вѣдь въ послѣднемъ случаѣ выходитъ абсурдъ: по отношенію къ *девятилѣтнему* ребенку придется рѣшать вопросъ, способенъ-ли онъ или нѣтъ къ изученію классическихъ языковъ? Очевидно, что этимъ путемъ къ классическому образованію намѣрены привлечь большинство учениковъ элементарныхъ классовъ, предоставивши новому образованію пополнять свои кадры какъ ему угодно: учениками-ли начальныхъ школъ или тою массою дѣтей, которыя не осилятъ классическаго курса и будутъ великодушно переданы новой школѣ послѣ того, какъ они даромъ потратятъ свои лучшіе годы. Говорятъ, что новое образованіе снабдили всѣми полезными для его развитія средствами. Конечно; но указываемымъ нами путемъ стараются лишить его возможности примѣнять эти средства: стѣсненное съ одной стороны классическимъ образованіемъ, а съ другой—начальною школою, оно будетъ осуждено на неминуемую безуспѣшность, а когда придетъ ему время потребовать необходимой санкціи, скажутъ, что оно не оправдало себя фактически, между тѣмъ какъ его просто поставили въ невозможность доказать свои права на такую санкцію. Очевидно, что на возстановленіе латыни въ седьмомъ классѣ можно смотрѣть только какъ на преграду для успѣховъ новаго образованія.

Но, кромѣ возстановленія латыни въ седьмомъ классѣ, требуется не болѣе и не менѣе, какъ общій пересмотръ всѣхъ программъ классическаго образованія. Г. Берне предлагаетъ, чтобы вопросъ объ этомъ пересмотрѣ, «вызываемый мнѣніемъ университета, былъ какъ можно скорѣе предложенъ на обсужденіе постоянной коммиссіи, а затѣмъ представленъ совѣту для того, чтобы обѣ системы образованія одновременно приняли такую форму, которая, въ теченіе извѣстнаго времени, уже не потребовала-бы существенныхъ измѣненій». Мы находимъ университетское мнѣніе слишкомъ требовательнымъ, и по тѣмъ слухамъ, которые доходятъ до насъ, не думаемъ, чтобы оно очень жаждало быстрыхъ перемѣнъ. Если-же дѣйствительно университетское мнѣніе желаетъ немедленнаго пересмотра программъ, установленныхъ только годъ тому назадъ,—тѣмъ хуже для него. Мы слишкомъ многое измѣнили съ 1880 года! Программы 1890 года обсуждались и изучались долго; если онѣ не совсѣмъ удовлетворительны, улучшайте ихъ на практикѣ. Но думать, что дѣйствующіи программы не въ состояніи подготовить учениковъ къ задачамъ современной жизни,—большая ошибка! Да и пора-бы ужъ разстаться съ этимъ «программнымъ фе-

типизмомъ», который приводитъ къ мысли, что преподаватель не можетъ сказать ничего, на что прямо не указано въ программѣ. Если что и пропущено, учитель можетъ дополнить, если найдетъ полезнымъ. Достаточно этихъ «общихъ» преобразованій, которыми всегда кто-нибудь остается недоволенъ; пора намъ знать ихъ настоящую цѣну и измѣнить свой образъ дѣйствій».

По нашему мнѣнію, классическое образованіе играетъ въ опасную игру. Оно не только не допускаетъ конкурренціи, но и хочетъ показать, что находится въ опасности, отнимая у другихъ всякую гарантію оно требуетъ ея единственно для себя; оно не скрываетъ ни своего сожалѣнія о прошломъ, ни своего отвращенія къ новымъ формамъ образованія; оно не только отрицаетъ возможность изученія древнихъ языковъ по иному, не излюбленному имъ методу, но думаетъ, что исправленіемъ его ошибокъ умалилось его значеніе. Мы не безъ страха смотримъ на это зрѣлище. Началась открытая борьба: одни хотятъ спасти классицизмъ обновленіемъ метода, хотятъ сохранить античный духъ, отбросивши все безполезное; другіе ищутъ спасенія въ возвращеніи къ преданію и, не уступая ни въ чемъ, требуютъ даже того, отъ чего еще сами недавно отказывались. Послѣдніе, повидимому, въ настоящее время овладѣли позиціей; но мы все-таки не сомнѣваемся, что побѣда раньше или позже останется за первыми. Мы желаемъ только того, чтобы общественное мнѣніе, которому могутъ надоѣсть наши безплодные споры и которое любитъ ясность и простоту, не было выведено изъ терпѣнія этими пререканіями и не пришло къ какимъ-нибудь крайнимъ рѣшеніямъ.

Каковы-бы ни были защищаемыя нами идеи, мы не стремимся къ немедленному и общему пересмотру программъ; мы ждемъ послѣдствій уже произведенныхъ опытовъ и желаемъ еще новыхъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы эти опыты производились хорошо и добросовѣстно и были доведены до конца; мы смотримъ впередъ, а не назадъ, и даже подъ опасеніемъ двигаться очень медленно, не желаемъ коренныхъ переворотовъ и не намѣрены покупать успѣха цѣною реакціи...

Укажемъ теперь, какъ смотритъ Revue на физическое воспитаніе. Оно въ теченіе многихъ лѣтъ возбуждало сильное вниманіе всѣхъ занимающихся школьными вопросами.

Съ того времени, какъ былъ открытъ микробъ умственнаго переутомленія, когда гимнастика, игры, вообще всякаго рода движенія были признаны лучшимъ предохранительнымъ средствомъ, университетъ сталъ усиленно заботиться объ огражденіи учениковъ отъ заразы. Онъ обнаружилъ при этомъ большую широту взглядовъ, такъ

что многіе изъ его старыхъ друзей стали сначала осуждать его усердіе, которое казалось имъ неумѣстнымъ. Но университетъ только исполнилъ свою обязанность, и въ настоящее время достигъ слѣдующихъ результатовъ: гимнастика стала развиваться серьезно; она не только введена, но и пользуется почетомъ; первые ученики въ классахъ добиваются и получаютъ преміи за гимнастику; фехтованіе, которое было всегда въ почетѣ, заняло такое важное мѣсто, что учителя фехтованія считаются на государственной службѣ; вездѣ, гдѣ только возможно, обучаютъ плаванію и верховой ѣздѣ. Почти во всѣхъ лицеяхъ образовались общества для игръ, бѣга, прогулокъ; время рекреаціи посвящается различнымъ играмъ: въ мячики, въ кегли, въ крокетъ и т. д.; стали поощрять учениковъ въ устройствѣ небольшихъ праздниковъ для товарищей и семьи, и эти праздники оказались очень удачными къ полному удовольствію родителей, дѣтей и наставниковъ; устроили школьныя собранія, на которыхъ ученики разныхъ учебныхъ заведеній состязаются въ тѣхъ или другихъ играхъ: различныя соединенныя состязанія, извѣстныя подъ именемъ Lendits, являются самыми типичными представителями такихъ собраній; появились даже спеціальные журналы для ознакомленія молодыхъ людей съ тѣмъ, что есть новаго въ области тѣлесныхъ упражненій. Не подлежитъ сомнѣнію, что по этому вопросу потрудились не мало, что уже достигли извѣстныхъ результатовъ, и что коллежи сдѣлались не тѣмъ, чѣмъ они были лѣтъ пять-шесть тому назадъ, до начала такого движенія.

Но спрашивается: при нынѣшней своей организаціи физическія упражненія принесутъ-ли пользу или вредъ дѣлу воспитанія, которое и составляетъ предметъ нашихъ заботъ?

Всѣ народы признавали необходимость дать уму отдохнуть на какой-нибудь физической работѣ; самые знаменитые изъ нашихъ гигіенистовъ снова доказали эту истину, о которой, было, и забыли; нельзя, напримѣръ, опровергать тѣ доказательства, которыя приводитъ докторъ Рошаръ въ своей книгѣ: «l'Éducation de nos fils». Книга эта приводитъ къ тому заключенію, что гимнастика, фехтованіе, плаваніе и верховая ѣзда, при правильной организаціи, придаютъ тѣлу силу и гибкость, которыя необходимы для уравновѣшиванія силъ, затрачиваемыхъ на умственный трудъ.

Остается вопросъ объ ассоціаціяхъ, объ играхъ, заимствованныхъ изъ Англіи, о конкурсахъ, лендитахъ, внѣшкольныхъ клубахъ, атлетическихъ журналахъ, т.-е. о послѣдствіяхъ этого возрожденія физическаго воспитанія.

Мы безусловно одобряемъ сообщество учениковъ въ извѣстныхъ

играхъ: здѣсь они находятъ возможность развить въ себѣ духъ иниціативы, приложить свою умственную и физическую дѣятельность во время, свободное отъ классныхъ занятій, научиться дисциплинѣ при подчиненіи ими-же самими установленнымъ правиламъ. Если-же они и увлекутся такими занятіями въ ущербъ своимъ класснымъ обязанностямъ, то вѣдь воспитатели и учителя, состоящіе почетными членами ихъ ассоціацій, всегда могутъ направить ихъ на истинный путь и указать всему время и мѣсто.

Не видимъ мы неудобства и въ между-школьныхъ собраніяхъ, когда они происходятъ во время отпусковъ; недурно, если ученики разныхъ школъ познакомятся между собою: опытъ показалъ, что они такимъ путемъ научаются взаимному уваженію; но только нужно, чтобы такія собранія не были слишкомъ многолюдны.

Что касается внѣшкольныхъ собраній и атлетическихъ журналовъ, то мы ихъ должны игнорировать, такъ какъ контроль за ними—внѣ нашей власти, да, по правдѣ сказать, мы считаемъ ихъ просто безполезными для нашихъ учениковъ: если мы сами не съумѣемъ заинтересовать учащихся физическими упражненіями, такъ лучше вовсе не вводить ихъ въ школу, потому что мы не имѣемъ права возлагать на другихъ какую-нибудь сторону воспитанія ввѣреннаго намъ юношества. Если этотъ принципъ вѣренъ, то не слѣдуетъ допускать *спорта*, стоящаго въ прямомъ противорѣчіи съ серьезнымъ воспитаніемъ.

А въ этомъ отношеніи мы зашли слишкомъ далеко, можетъ быть, вслѣдствіе свойственнаго намъ стремленія сразу доходить до крайностей.

Университетъ былъ новичкомъ въ вопросѣ о физическихъ упражненіяхъ; онъ только удивлялся ихъ развитію у римлянъ. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ онъ холодно принялъ предписанія М. Дюрюи относительно обученія гимнастикѣ, да, признаться сказать, и единодушныя нападки тогдашнихъ каррикатуристовъ на гимнастику не послужили ей поощреніемъ. Когда заговорили о переутомленіи и физическихъ упражненіяхъ, университетъ, за отсутствіемъ преданій, сталъ искать примѣровъ. Примѣромъ послужила Англія, и ея система была принята цѣликомъ, такъ что вскорѣ слова: «англійское воспитаніе» сдѣлались синонимомъ физическаго воспитанія. У англичанъ были конкурсы и ассоціаціи; завели ихъ и у насъ. Они считаютъ спортъ, даже школьный спортъ, однимъ изъ достойнѣйшихъ занятій, и мы попробовали также смотрѣть на него. Намъ это не удалось и лучше теперь-же признаться въ этомъ, чѣмъ идти не по своей дорогѣ: не все, что годно англичанамъ, годится и для французовъ, и

мы сами должны разработать вопросы физическаго воспитанія, не подлаживаясь подъ чужія формы, неудобныя для насъ.

Надо обратить вниманіе на тотъ фактъ, что всякаго рода игры съ особенною охотою принимались у учениковъ старшаго отдѣленія, между тѣмъ какъ въ среднемъ отдѣленіи ими увлекались мало. Желательно создать обратное отношеніе. Старшіе ученики, тѣлесное развитіе которыхъ уже почти закончено, должны посвящать больше времени умственному труду. Конечно, не слѣдуетъ лишать ихъ необходимаго отдыха для поддержки равновѣсія силъ; но нужно избѣгать всего, что слишкомъ отвлекало-бы ихъ вниманіе отъ главной цѣли: отъ этого зависитъ ихъ будущность. Совсѣмъ не то въ среднемъ возрастѣ: отъ одиннадцати и, приблизительно, до четырнадцати лѣтъ ребенокъ переживаетъ критическій періодъ, въ теченіе котораго физическое развитіе поглощаетъ большую часть его силъ; этимъ и объясняется, почему такое множество дѣтей, блестяще учившихся въ элементарныхъ классахъ, вдругъ ослабѣваетъ въ классахъ грамматическихъ. Въ теченіе этихъ лѣтъ необходимы особыя заботы о воспитаніи ребенка, нужно занимать его умъ и утомлять тѣло; воздухъ, движеніе, разнообразіе занятій — все это необходимо, чтобы создать противовѣсъ неблагопріятному вліянію физіологическаго переворота.

Въ этомъ возрастѣ игры вполнѣ умѣстны. Въ эти годы у ребенка еще нѣтъ той инпціативы, которая побуждаетъ взрослыхъ учениковъ сходиться другъ съ другомъ; дѣло воспитателей ободрить дѣтей, внушить имъ извѣстныя идеи, помочь въ пріисканіи игръ, по возможности играть съ ними, если чувствуютъ себя способными къ этому. Если не всякій изъ воспитателей сможетъ сыграть въ бары или если чехарда, напримѣръ, несовмѣстима съ серьезнымъ надзоромъ и съ достоинствомъ воспитателя, все-таки всегда возможно заинтересоваться дѣтскими играми, показать, что придаешь имъ значеніе, выразить ласковымъ словомъ свое удовольствіе тому, кто вноситъ въ игру увлеченіе и веселость. Въ играхъ можно даже найти рѣшеніе нѣкоторыхъ воспитательныхъ задачъ; онѣ окажутъ большую услугу въ тотъ періодъ, когда одновременно складывается и тѣло, и характеръ ребенка.

Мы обязаны заботиться о развитіи дѣтскихъ сердецъ такъ-же, какъ и о развитіи ихъ умовъ. По личному опыту мы знаемъ, что нашимъ дѣтямъ недостаетъ откровенности, но мы должны признаться, что въ этомъ виновата была и наша дисциплинарная система, которая приводила дѣтей ко лжи. Единственнымъ средствомъ противо-

дѣйствія лжи является возбужденіе довѣрія въ ребенкѣ. Если съ малыхъ лѣтъ, а въ особенности въ переходномъ возрастѣ ученикъ найдетъ въ своихъ наставникахъ надежныхъ друзей, умѣющихъ и наказать, когда слѣдуеть, и простить во̀-время, и остеречь отъ проступка; если онъ найдетъ въ нихъ хорошихъ совѣтниковъ, а иногда и утѣшителей въ своихъ дѣтскихъ огорченіяхъ, то откровенность обратится у дѣтей въ привычку, и ея благотворное вліяніе отразится на всемъ складѣ ихъ характера. А именно во время рекреацій, во время игръ, прогулокъ воспитатель и пріобрѣтетъ довѣріе и расположеніе учениковъ, и въ этомъ отношеніи игры входятъ какъ одинъ изъ элементовъ въ нашу систему воспитанія и не могутъ быть изъ нея выдѣлены.

Редакція Revue интересуется и женскимъ образованіемъ и, въ виду близкаго пересмотра программъ и проекта новаго распредѣленія занятій въ женскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, дѣлаетъ критическія замѣчанія относительно проекта и высказываетъ свои desiderata по этому вопросу.

Созданная десять лѣтъ тому назадъ, система средняго образованія женщинъ развилась настолько, что не допускаетъ въ настоящее время никакихъ сомнѣній въ своей жизненности. Теперь возникаетъ только вопросъ объ облегченіи программъ и о новомъ распредѣленіи рабочихъ часовъ. Предполагается: 1) раздѣлить предметы обученія на обязательные, т.-е. такіе, которые должна знать каждая дѣвушка, и необязательные, къ которымъ отнесены какъ искусства, доставляющія развлеченіе, такъ и нѣкоторые другіе предметы, которые служатъ дополненіемъ воспитанія, но безъ которыхъ можно и обойтись; 2) распредѣлить уроки такимъ образомъ, чтобы обязательнымъ предметамъ обучались въ утренніе, а необязательнымъ—въ вечерніе часы. При такомъ распредѣленіи родителямъ представляется возможность ограничить школьныя занятія дочерей только утренними часами и по своему усмотрѣнію распорядиться послѣобѣденными; дочери-же могутъ получить солидное общее образованіе, не лишаясь драгоцѣнныхъ уроковъ семейной жизни.

Эта система въ послѣдній учебный годъ была примѣнена въ коллежѣ Севинье, и, по отзыву г. Мишеля Бреаля, опытъ прекрасно удался *). Мы радуемся этому, но считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя оговорки.

Не повредитъ-ли единству образованія это дѣленіе предметовъ на обязательные и необязательные? Когда Высшій Совѣтъ обсуждалъ

*) См. «Revue bleue», отъ 12-го сентября 1891 г.

нынѣ дѣйствующій учебный планъ, необязательные предметы были допущены только начиная съ четвертаго года обученія. Совѣтъ смотрѣлъ на курсъ первыхъ трехъ лѣтъ, какъ на нѣчто цѣлое и ввелъ въ него въ различныхъ дозахъ знанія, необходимыя образованной дѣвушкѣ. Предоставляя на волю родителей обученіе нѣкоторымъ отраслямъ курса, не рискуемъ-ли мы, что эти отрасли останутся вовсе неизвѣстными, въ ущербъ хорошей репутаціи государственнаго воспитанія? Говорятъ, что шитье (по программѣ 1882 года обязательное во всѣхъ классахъ), а также рисованіе и пѣніе сдѣлаются необязательными. Если въ семьѣ будутъ пренебрегать этими предметами, развѣ не на университетъ падетъ за это отвѣтственность передъ обществомъ? Общество не будетъ справляться по дипломамъ, полный-ли курсъ прошла дѣвушка или ограничилась только половиною; оно будетъ судить по ея умственному и нравственному развитію. Г. Мишель Бреаль говоритъ, что утреннихъ часовъ достаточно для обученія «всему истинно полезному и необходимому»; но опредѣлить истинно полезное и необходимое не для одного заведенія, а для цѣлой Франціи — задача не легкая.

Замѣтимъ еще, что новая система очень хороша для приходящихъ ученицъ: все послѣобѣденное время у нихъ свободно, и имъ представляется полная возможность отдохнуть отъ усиленныхъ утреннихъ занятій. Но что будутъ дѣлать пансіонерки въ эти свободные часы? Если обязательные уроки будутъ продолжаться по утрамъ отъ $8^{1}/_{2}$ до $11^{1}/_{2}$ часовъ, то остальное время для нихъ должно быть заполнено необязательными занятіями: не будетъ-ли это монотонно и скучно? не лучше-ли сохранить разнообразіе занятій, которое до сихъ поръ приводило къ хорошимъ результатамъ?

Не слѣдуетъ скрывать и того, что создатели новой системы мало обращали вниманія на интернатъ, потому что считаютъ его нежелательнымъ для молодыхъ дѣвушекъ. Но вѣдь безъ него иногда невозможно обойтись, и если, какъ замѣчаетъ г. Камиль Сэ *), при нашихъ лицеяхъ не будетъ интернатовъ, то родителямъ придется отдавать дочерей въ интернаты конгреганистовъ, что, конечно, вовсе нежелательно.

Въ другой статьѣ по тому-же вопросу редакція «Revue» высказываетъ свой взглядъ на то, какіе предметы должны быть признаны обязательными въ женскихъ лицеяхъ.

---

*) См. «L'Enseignement secondaire des jeunes filles», отъ 15-го іюня и 15-го августа 1891 г.

Во-первыхъ, обученіе морали. Она развиваетъ какъ умы, такъ въ особенности и сердца учеництъ; она пріучаетъ ихъ вдумываться въ собственныя мысли; она укрѣпляетъ въ нихъ чувство долга; въ ней въ будущемъ онѣ найдутъ самую лучшую поддержку въ тяжелыя минуты. Трудно обучать морали, но это не причина отказываться отъ такого обученія. Не надо забывать, что образованіе характера входитъ въ число задачъ среднеучебнаго заведенія, и хотя вліяніе родителей, въ особенности матери, облегчаетъ для воспитателей эту задачу въ отношеніи молодыхъ дѣвушекъ, все-таки обученіе морали подкрѣпляетъ семейные примѣры и можетъ до извѣстной степени послужитъ имъ замѣною.

Во-вторыхъ, къ числу обязательныхъ предметовъ относимъ мы шитье. Скажутъ, что это—дѣло домашнее, и всякая мать въ состояніи указать дочери пріемы шитья. Это, во-первыхъ, не доказано, а во-вторыхъ, обученіе шитью представляетъ и особую выгоду: нѣкоторые предметы, неправильно понятые, могутъ увлечь дѣвушку на несвойственный ей путь; шитье направляетъ ея умъ къ дѣйствительной жизни, къ одной изъ важнѣйшихъ заботъ будущей матери семейства.

Въ-третьихъ, по нашему мнѣнію, рисованіе и пѣніе (сольфеджи), а также гигіена и домашняя экономія, въ свою очередь, должны быть признаны обязательными.

Правительство, которое приняло на себя заботы о среднемъ образованіи женщинъ, не должно слишкомъ сокращать число обязательныхъ предметовъ; границы опредѣляются необходимостью гармоническаго развитія духовныхъ силъ женщины. Если предполагаемая реформа будетъ проникнута указанными принципами, то среднее образованіе молодыхъ дѣвушекъ значительно приблизится къ тому, чѣмъ оно и должно быть въ дѣйствительности.

Въ теченіи разсматриваемаго нами періода главный редакторъ помѣстилъ въ «Revue» двадцать семь статей по весьма разнообразнымъ учебно-воспитательнымъ вопросамъ; но и указаннаго нами, какъ мы полагаемъ, совершенно достаточно для того, чтобы имѣть право назвать г. Жюля Готье «умѣреннымъ консерваторомъ».

Такой умѣренный консерватизмъ очень часто является драгоцѣннымъ въ области воспитанія и обученія, въ которой менѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, желательны скачки, кабинетныя реформы и рабское подражаніе заграничнымъ новинкамъ.

В. Геннингъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Дѣтскій праздникъ въ Парижѣ.

Парижскій муниципалитетъ, среди своихъ многочисленныхъ хозяйственныхъ хлопотъ по благоустройству города и доставленію всевозможныхъ удобствъ жителямъ *), удѣляетъ также большую долю своего вниманія интересамъ дѣтей.

Не говоря уже о томъ, что въ Парижѣ всѣ дѣти, безъ исключенія, получаютъ элементарное школьное образованіе, такъ какъ обученіе грамотѣ обязательно во Франціи для всѣхъ дѣтей, достигшихъ 6-ти лѣтняго возраста, городское управленіе устраиваетъ еще во всѣхъ кварталахъ дѣтскіе ясли, дѣтскіе сады, а для старшихъ дѣтей—воскресные пріюты. Для дѣтей-же, остающихся безъ надзора на болѣе или менѣе продолжительное время по случаю болѣзни родителей или другой какой-либо причинѣ, устроенъ особый большой пріютъ, гдѣ они проживаютъ отъ одного дня а иногда и до исполненія имъ совершеннолѣтія и гдѣ находится даже собственный лазаретъ, аптека, содержатся два доктора, а также имѣется и своя школа для того, чтобы дѣти во время призрѣнія ихъ могли продолжать свои учебныя занятія.

Начальныя и профессіональныя школы, принадлежащія городу, не только прекрасно поставлены въ педагогическомъ отношеніи, но и обставлены еще со всею желательною роскошью для школы. Кромѣ того, что въ школахъ этихъ обоихъ типовъ учениковъ снабжаютъ безплатно всѣми письменными принадлежностями, учебниками и матеріалами для обученія ручнымъ работамъ и ремесламъ, при начальныхъ школахъ устроены еще столовыя, гдѣ за ничтожную плату двухъ су дѣти получаютъ горячій завтракъ съ мяснымъ блюдомъ. Городъ приплачиваетъ на школьныя столовыя, но онѣ признаны послѣ нѣкотораго опыта совершенно необходимыми не только потому, чтобы доставить здоровую пищу тѣмъ дѣтямъ, которыя не могли-бы имѣть ее дома, но еще и въ виду того, чтобы въ дурную погоду дѣти не были вынуждены дѣлать излишніе переходы и вообще имѣли-бы меньше случаевъ бродить по улицамъ.

Въ продолженіи зимы школьная администрація нѣсколько разъ опрашиваетъ всѣхъ дѣтей, посѣщающихъ школу, не нуждаются-ли они въ платьѣ и обуви, ко-

*) Въ послѣднее время, въ видахъ предохраненія населенія отъ холеры, имъ постановлено снабдить бѣднѣйшіе кварталы Парижа горячею водой, устроивъ для этого на улицахъ автоматически дѣйствующіе фонтаны, выбрасывающіе около ведра воды въ 65° Ц. каждый разъ, какъ брошена будетъ мелкая мѣдная монета въ су ($1\frac{1}{4}$ коп.).

торыя и выдаются имъ немедленно при первомъ-же заявленіи. Наконецъ, при начальныхъ элементарныхъ школахъ устроены еще такъ-называемые classes de garde, гдѣ дѣти могутъ оставаться и по окончаніи классовъ, т.-е. отъ 4—6 часовъ вечера, подъ надзоромъ учителя, получающаго добавочное жалованье за это. Такіе-же классы устраиваются и во время каникулъ. Дѣти, родители которыхъ уходятъ изъ дому на работу, имѣютъ такимъ образомъ пріютъ и не остаются безъ надзора.

Къ тому еще парижское городское управленіе отпускаетъ значительныя денежныя суммы для раздачи наградъ въ концѣ учебнаго года, заключающихся въ книгахъ, картинахъ или книжечкахъ ссудо-сберегательной кассы, по меньшей мѣрѣ, на 25 франковъ. Мало того, во всѣхъ профессіональныхъ школахъ, мужскихъ и женскихъ, 10 первыхъ воспитанниковъ или воспитанницъ за счетъ города отправляются на полмѣсяца, подъ наблюденіемъ самого директора или директрисы школы, на морскія купанья. Для учениковъ и ученицъ начальныхъ школъ устраиваются вакаціонныя экскурсіи въ провинціи въ продолженіи двухъ, трехъ дней, для чего также отпускаются муниципалитетомъ тысячъ десять франковъ.

Въ этомъ-же году, при окончаніи учебныхъ занятій, парижскій муниципалитетъ устроилъ еще, сверхъ того, 31-го іюля, въ воскресенье, роскошный праздникъ въ Венсенскомъ лѣсу для дѣтей школьнаго возраста, для чего и ассигновано было 36.000 франковъ. Парижане, привыкшіе къ блестящимъ празднествамъ, находили эту сумму слишкомъ ничтожной для того, чтобы можно было сдѣлать что-нибудь, но распорядитель, выбранный муниципалитетомъ, завѣдующій Венсенскимъ лѣсомъ, г. Форестье, такъ умѣло справился съ своей задачей, что «дѣтскій праздникъ» превзошелъ всѣ ожиданія и вышелъ великолѣпнымъ.

Около 2-хъ часовъ пополудни, къ сборному пункту, неподалеку отъ ближайшаго къ лѣсу вокзала, поѣзда желѣзной дороги и пароходы-омнибусы начали подвозить группы дѣтей изъ подгороднаго округа и въ то-же время начали стекаться сюда даже изъ парижскихъ школъ, подъ предводительствомъ своихъ учителей и учительницъ. Каждая школа шла подъ особымъ флагомъ различныхъ цвѣтовъ и тѣхъ-же цвѣтовъ лента красовалась перевязанною на рукавѣ у каждаго ученика, такъ что въ большой толпѣ отбившійся отъ своей группы ребенокъ немедленно-же могъ отыскать своихъ. Къ назначенному часу собралось около 15.000 дѣтей и отсюда они уже стройнымъ кортежемъ двинулись къ мѣсту празднества—pelouse de Reuilly. Школы мальчиковъ и дѣвочекъ слѣдовали, чередуясь, одна за другой, а всѣ вмѣстѣ школы каждаго парижскаго округа (arrondissement) отдѣлялись любительскими обществами, принявшими участіе въ исполненіи программы праздника. Кортежъ открывался оркестромъ артиллерійской школы и духовой музыки одного стрѣлковаго батальона.

Аллея, ведущая къ самой палаткѣ, была вся разцвѣчена флагами и кортежъ представлялъ настоящее тріумфальное шествіе. Подъ звуки музыки, онъ продефилировалъ въ вышеозначенномъ порядкѣ передъ роскошно убранной пунцовымъ бархатомъ трибуной, предназначенной для почетныхъ гостей и муниципальныхъ властей. Закончивъ шествіе, дѣти разсѣлись у столовъ съ угощеніями, состоявшими изъ пирожнаго и прохладительныхъ напитковъ, которыми завѣдывали особо приглашенныя для этого дамы, большею частью учительницы муниципальныхъ школъ въ Парижѣ.

Такъ открылся праздникъ, а въ $3^1/_2$ часа пополудни начались и самыя зрѣлища. Прежде всего воспитанники нѣкоторыхъ парижскихъ училищъ исполнили совмѣстныя гимнастическія упражненія. Затѣмъ общество «Федерація голубиной

почты», любезно принявшее участіе въ праздникѣ, выпустило болѣе 3.000 голубей-почтарей. Послѣ этого началось уже и самое представленіе въ огромномъ театрѣ, сооруженномъ по этому случаю посреди пелузы Рейльи. На обширной сценѣ въ 7 саженъ длиною играли патріотическую пантомиму съ историческимъ сюжетомъ конца прошлаго столѣтія, затѣмъ—одну арлекинскую штуку и, наконецъ, давали представленіе знаменитые американскіе клоуны Китченъ и Осборнъ. Такъ какъ театръ не могъ вмѣстить болѣе 6.000 зрителей, то представленіе было повторено. Одновременно съ этимъ, на открытомъ воздухѣ шло представленіе на театрѣ маріонетокъ и показывались различные фокусы, чтобы занять остальныхъ дѣтей, не вошедшихъ въ главный театръ.

Но особый успѣхъ у этой маленькой публики имѣла историческая пантомима въ двухъ дѣйствіяхъ «Барабанщикъ Бара», исполненная артистами парижскихъ театровъ. Въ первомъ дѣйствіи четырнадцатилѣтній Бара, движимый патріотическимъ чувствомъ, идетъ записаться въ полкъ. Представитель народа, принимавшій волонтеровъ, не рѣшается записать его по молодости лѣтъ. Мальчикъ настаиваетъ— и его принимаютъ барабанщикомъ.

Второе дѣйствіе происходитъ уже въ самой Вандеѣ. Виденъ лагерь шуановъ— приверженцевъ королевской партіи, которымъ овладѣваютъ республиканскія войска, и молодой Бара лично беретъ двоихъ шуановъ въ плѣнъ. Всѣ поздравляютъ его. Оставшись потомъ наединѣ, онъ хочетъ отдохнуть, но тутъ окружаетъ его непріятель. Одинъ изъ шуановъ обѣщаетъ даровать ему жизнь, если онъ вмѣстѣ съ ними будетъ кричать: «да здравствуетъ его королевское величество!» Бара отвѣчаетъ на это крикомъ: «да здравствуетъ республика», и тутъ-же падаетъ за-мертво, пораженный штыками враговъ.

Эта геройская смерть воина-юноши вызвала восторженные апплодисменты маленькихъ зрителей; многіе изъ нихъ не могли даже удержать своихъ слезъ *).

Одновременно съ представленіями происходилъ бѣгъ велосипедистовъ вокругъ Поменильскаго озера въ паркѣ, имѣвшій также большой успѣхъ.

Этотъ первый дѣтскій народный праздникъ въ Парижѣ привлекъ громадную толпу зрителей изъ взрослаго населенія, простиравшуюся, по численности, до двухсотъ тысячъ человѣкъ.

Вечеромъ горѣли разноцвѣтные фонари, гирляндами обрамлявшіе все озеро, по которому скользило болѣе 200 лодокъ, изукрашенныхъ разноцвѣтными огнями и венеціанскими фонарями и вмѣщавшихъ двадцать различныхъ военныхъ и любительскихъ оркестровъ. Снуя во всѣхъ направленіяхъ, онѣ освѣщали всю гладь озера и вмѣстѣ съ иллюминованными островками на немъ придавали ему феерическій видъ.

Въ девять часовъ вечера спущенъ былъ воздушный шаръ, и когда онъ поднялся на высоту ста метровъ, съ него выпустили фейерверкъ, разсыпавшійся въ воздухѣ роскошнымъ огненнымъ снопомъ, что произвело восхитительный эффектъ въ темнотѣ ночи.

Наконецъ, въ 10 часовъ вечера праздникъ закончился большимъ фейерверкомъ, состоявшимъ изъ пяти большихъ фигуръ. Главная изъ нихъ изображала вазу, наполненную цвѣтами, красными и синими—цвѣта города, а надъ этимъ букетомъ горѣла надпись: «Дѣтямъ Парижа», состоявшая изъ полусаженныхъ буквъ.

*) Театральныя пьесы съ сюжетами изъ междоусобныхъ войнъ данной націи едва-ли умѣстны на праздникахъ для дѣтей той-же націи. *Ред.*

Во время праздника разставлены были въ различныхъ пунктахъ городскіе сержанты на случай поданія немедленной помощи. Но все было организовано съ такой распорядительностью, что въ услугахъ ихъ не встрѣтилось никакой надобности—ни одинъ ребенокъ не затерялся даже въ этой громадной толпѣ.

Излишними оказались также и спеціальные поѣзда, заготовленные желѣзной дорогой, опоясывающей Парижъ, такъ какъ родители, присутствуя на праздникѣ сами, пришли разобрать своихъ дѣтей.

Парижская пресса отнеслась очень сочувственно къ этому нововведенію и единогласно признала, что давно уже Парижъ не былъ свидѣтелемъ такого роскошнаго празднества. Одна газета замѣтила даже по этому поводу, что нашъ вѣкъ сдѣлалъ царемъ bébé. Не только въ семьѣ родители доводятъ любовь къ нему до поклоненія, но нѣтъ ничего такого, передъ чѣмъ они остановились-бы для того, чтобы видѣть его улыбку; сами общественныя власти становятся на такую-же точку зрѣнія.

Въ Швейцаріи давно уже установился обычай устраивать подобныя празднества въ заключеніе учебнаго года, при переходѣ изъ одного класса въ другой. Но въ Швейцаріи праздникъ этотъ, какъ и во всемъ остальномъ, имѣетъ болѣе семейный характеръ, несмотря на то, что также устраивается блестящій кортежъ, въ которомъ группы хорошенькихъ резряженныхъ дѣвочекъ, большею частью въ бѣлыхъ платьицахъ, съ цвѣтными лентами, шествующихъ такъ же торжественно, какъ было и въ Парижѣ, отдѣльными школами, что представляетъ прелестный контрастъ съ болѣе скромною внѣшностью мальчиковъ. Впереди—музыканты. Такіе кортежи всегда сопровождаетъ еще небольшой отрядъ пожарныхъ, которые, во всей парадной формѣ и съ своими мѣдными блестящими на солнцѣ киверами, составляютъ почетную дѣтскую стражу и должны охранять ихъ отъ всякой могущей встрѣтиться случайности.

Продефилировавъ въ главныхъ улицахъ города, дѣтскій кортежъ направляется къ самому мѣсту празднества.

Въ Женевѣ такимъ мѣстомъ служитъ знаменитая Plaine—огромная поляна, обсаженная вѣковыми каштановыми и платановыми деревьями. Часть ея заблаговременно обносится рѣшеткой, за которую допускаются только дѣти коммунальныхъ школъ, которымъ и раздаются по этому случаю извѣстные значки, такъ чтобы посторонніе лица и взрослые не стѣсняли-бы ихъ игръ. Прежде всего дѣтей ведутъ ихъ учителя и учительницы, сопровождающіе ихъ въ кортежѣ, къ столамъ, приготовленнымъ здѣсь, на открытомъ воздухѣ, съ угощеніемъ. Затѣмъ они совершенно свободно разсыпаются мелкими группами на отведенной имъ просторной площади поляны и предаются играмъ и танцамъ или составляютъ кружки и поютъ. Родные и знакомые, а также маленькіе друзья, посѣщающіе частныя школы, толпятся у низенькой ограды, любуясь на счастливцевъ, попавшихъ за нее, которые по временамъ удѣляютъ отъ своего веселья минутку времени для того, чтобы перекинуться съ ними словечкомъ, и снова убѣгаютъ къ прерваннымъ играмъ.

Съ наступленіемъ ночи родные просто забираютъ дѣтей, которыя съ сожалѣніемъ и неохотою оставляютъ поляну, гдѣ проведенъ былъ такой счастливый день.

Эти дѣтскіе праздники имѣютъ большое воспитательное значеніе. Это—день заслуженнаго отдыха послѣ годоваго труда, когда дѣти всѣ вмѣстѣ могутъ предаваться веселью и когда они всѣ одинаково счастливы и всѣ равно наслаждаются жизнью.

Итакъ, немного нужно для того, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми и доста

вить имъ этотъ день блаженства, который неизгладимыми чертами запечатлѣвается въ ихъ дѣтскихъ сердцахъ! Домашняя музыка, незатѣйливое угощеніе, свобода поиграть и порѣзвиться вволю вмѣстѣ со всѣми товарищами и главное—согрѣвающее чувство любви къ нимъ и вниманіе, которыя дѣти такъ чутко понимаютъ своимъ инстинктомъ и такъ глубоко цѣнятъ въ своей чистой душѣ.

М—ъ.

Число безграмотныхъ въ Пруссіи.

Германскій «Правительственный Вѣстникъ» (Reichsanzeiger) сообщаетъ слѣдующія интересныя данныя о числѣ безграмотныхъ и не получившихъ школьнаго образованія среди прусскихъ рекрутовъ, призванныхъ въ 1891—1892 г. Изъ числа всѣхъ 111.516 призванныхъ только 780 = 0,70°/о не получили никакого школьнаго образованія (въ 1872—1873 г. процентъ этотъ равнялся 3,98). Къ сухопутной службѣ было призвано 107.413 ч., изъ нихъ не получили школьнаго образованія 742 = 0,69°/о, во флотѣ было призвано 4.103 ч., изъ нихъ школьнаго образованія не получили 42 = 1,02°/о.

Самый крупный процентъ безграмотныхъ для сухопутныхъ войскъ дала Западная Пруссія (съ значительнымъ °/о польскаго населенія, 400 т. на все населеніе въ 1.400 т.) 2,78°/о; затѣмъ идутъ. Познань (съ *преобладающимъ польскимъ* населеніемъ) съ 2,36°/о, Восточная Пруссія (съ значительнымъ литовскимъ и польскимъ населеніемъ) съ 1,43°/о, Силезія съ 0,89°/о, Померанія съ 0,35°/о, Гессенъ-Нассау съ 0,22°/о, Бранденбургъ съ 0,16°/о, Ганноверъ 0,15°/о, Саксонія (прусская провинція) съ 0,03°/о, Шлезвигъ-Голштейнъ съ 0,05°/о, Вестфалія и Рейнская провинція съ 0,03°/о.

Для флота самый крупный процентъ безграмотныхъ дала Восточная Пруссія—4,07°/о; затѣмъ идутъ: Познань съ 2,75°/о, Западная Пруссія съ 2,38°/о, Бранденбургъ съ 0,68°/о, Вестфалія съ 0,66°/о, Шлезвигъ-Голштейнъ съ 0,58, Ганноверъ съ 0,19°/о; остальныя провинціи не поставили во флотъ ни одного безграмотнаго.

Интересно сравнить съ этими данными цыфры, относящіяся къ 1841 г. Число безграмотныхъ среди рекрутовъ сухопутныхъ войскъ и флота составляло въ этомъ году 41°/о для Познани, 15,33°/о для обѣихъ Пруссій, 9,22°/о для Силезіи, 7,06°/о для Рейнской провинціи, 2,47°/о для Бранденбурга, 1,23°/о для Помераніи, 1,19°/о для Саксоніи (пров.), 1,14°/о для Вестфаліи. (Эти данныя заимствованы нами изъ книги Die Arbeiterschutzgesetze des Deutschen Reichs etc. Von Dr. Adolf Braun, Tübingen, 1890, глава Elementarschulgesetzgebung, pp. 51—62).

П. С.

Хроника народнаго образованія.

Циркулярное отношеніе г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода о содѣйствіи открытію и развитію школъ грамотности, по закону 1890 года подлежащихъ вѣдѣнію духовенства (см. прошлую «Хронику»), было пере-

дано губернаторами на обсужденіе уѣздныхъ земскихъ собраній текущей сессіи. Какъ это можно было предвидѣть и ранѣе, лишь немногія земства отнеслись къ данному вопросу чисто формально, ассигновавъ безъ обсужденія извѣстныя суммы для поддержки школъ грамотности, большею частью крайне ничтожныя. Такъ, напримѣръ, керенское уѣздное земское собраніе, по свидѣтельству «Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», отнеслось «сочувственно» къ предложенію поддержать школы грамотности, но все «сочувствіе» выразилось въ ассигновкѣ 125 руб. на всѣ школы грамотности! Очевидно, земцы здѣсь просто «соблюдали приличіе». Огромнѣйшее-же большинство земскихъ собраній подвергло вопросъ о пособіи школамъ грамотности обстоятельному разсмотрѣнію, причемъ почти всѣ такія собранія пришли къ отрицательному рѣшенію. Въ виду важности вопроса о школахъ грамотности, мы остановимся здѣсь на обсужденіи его въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ. •

Въ саратовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи вопросъ о пособіи школамъ грамотности былъ поднятъ извѣстнымъ дѣятелемъ по народному образованію В. Д. Вакуровымъ. Указывая на то, что существующихъ земскихъ школъ далеко недостаточно для удовлетворенія потребности населенія въ начальномъ образованіи, г. Вакуровъ предлагалъ воспользоваться школами грамотности, какъ «суррогатомъ», замѣняющимъ первыя отдѣленія нормальной школы. Всѣхъ школъ грамотности въ Саратовскомъ уѣздѣ, по отчету епархіальнаго училищнаго совѣта, 51, причемъ на нихъ тратится 2.000 руб. въ годъ, т.-е. по 40 руб. на школу, что, конечно, является слишкомъ ничтожною цыфрою. По характеру своему, школы грамотности дѣлятся на три разряда: 1) школы, помѣщающіяся въ церковныхъ сторожкахъ, содержащіяся на средства церквей и имѣющія учителями членовъ причтовъ; 2) школы, помѣщающіяся въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ земскихъ школъ, имѣющія учителями лицъ съ достаточною подготовкою для педагогическихъ занятій, но получающихъ нищенское содержаніе, и 3) школы, въ которыхъ обученіемъ занимаются чернички, отставные солдаты и т. п. «сбродъ». Школы перваго разряда, по мнѣнію г. Вакурова, не нуждаются въ земскомъ пособіи, какъ уже обезпеченныя церковными средствами; школы третьяго разряда прямо вредны, и потому не заслуживаютъ земской поддержки; остаются школы второго разряда, помощь которымъ со стороны земства дастъ имъ возможность приносить всю ту пользу, которая можетъ быть достигнута этимъ типомъ образовательнаго учрежденія. Гласному Вакурову возражалъ гласный священникъ Л. И. Владыкинъ, который доказывалъ, что помогать нужно всѣмъ школамъ грамотности, а не только тѣмъ, въ которыхъ есть подготовленные учащіе: по мнѣнію о. Владыкина, хорошіе результаты могутъ быть достигнуты въ самой убогой школѣ, при обученіи по букварямъ и старыми способами—черничками или солдатами. Противъ этого мнѣнія возсталъ снова г. Вакуровъ, нарисовавшій мрачную картину «старой» школы съ пропоицею-солдатомъ въ роли учителя и противопоставивъ ей картину нынѣшней школы, въ которую дѣти рвутся и разставаясь съ которою они плачутъ. Школа должна быть не только образовательнымъ, но и воспитательнымъ учрежденіемъ. Ясно, какъ далека отъ этого идеала школа съ учителемъ изъ выгнанныхъ писарей или отставныхъ солдатъ, и земству было-бы позорно под-

держивать такую «школу». Гласный А. А. Шахматовъ проводилъ ту мысль, что земство должно помогать всѣмъ школамъ грамотности, чтобы именно плохія-то изъ нихъ поставить въ лучшее положеніе, чтобы вытѣснить изъ нихъ невѣжественныхъ учителей. При этомъ для земства должно быть безразлично, подлежатъ-ли школы грамотности вѣдѣнію училищнаго совѣта или епархіальнаго вѣдомства: важно лишь то, чтобы школы эти служили просвѣтительнымъ цѣлямъ. Если-же земство пренебрежетъ школами грамотности, то попрежнему въ извѣстныхъ центрахъ будутъ образцово поставленныя земскія школы, а отдаленныя, глухія деревушки будутъ оставаться во мракѣ невѣжества, хотя съ нихъ собираются деньги и на нужды образованія. Затѣмъ собраніе ознакомилось съ правилами о школахъ грамотности и пришло къ заключенію, что хотя эти школы подчинены исключительному вѣдѣнію духовенства, но учители имѣютъ широкое представительство: рекомендуютъ учащихъ, наблюдаютъ за школами, представительствуютъ въ епархіальномъ училищномъ совѣтѣ. Въ виду этого земское собраніе постановило ассигновать въ пособіе школамъ грамотности на будущій годъ 1.000 руб., съ тѣмъ, чтобы пособіе это выдавалось преимущественно тѣмъ школамъ, которыя находятся въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ земскихъ и церковно-приходскихъ школъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для разработки общаго вопроса о школахъ грамотности, о пособіи имъ и вообще объ отношеніяхъ къ нимъ земства, постановлено избрать особую коммиссію изъ гласныхъ, которая, ознакомившись съ положеніемъ теперешнихъ школъ грамотности, должна представить докладъ по данному вопросу будущему собранію.

Еще осторожнѣе отнеслось къ вопросу московское уѣздное земское собраніе. Здѣсь, въ виду циркулярнаго отношенія г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, управа предложила внести въ смѣту 300 руб. на выдачу пособій открываемымъ въ уѣздѣ школамъ грамотности, причемъ управа, какъ на одинъ изъ мотивовъ такой ассигновки, указывала на то, что «земствамъ предоставляется возможность контроля за цѣлесообразнымъ употребленіемъ выданныхъ пособій». Противъ этого предложенія высказался гласный Н. А. Алексѣевъ (московскій городской голова), считавшій необходимымъ прежде собрать свѣдѣнія о положеніи преподаванія въ существующихъ въ уѣздѣ школахъ грамотности и затѣмъ уже рѣшать вопросъ, слѣдуетъ-ли имъ оказывать пособіе. Предсѣдатель уѣзднаго училищнаго совѣта князь П. Н. Трубецкой заявилъ, что совѣту совсѣмъ неизвѣстно самое существованіе школъ грамотности въ уѣздѣ. И. И. Шаховской и В. Н. Мартыновъ доказывали, что школы грамотности въ Московскомъ уѣздѣ, гдѣ правильно поставлены и постоянно увеличиваются въ числѣ нормальныя начальныя училища, совершенно излишни. Предсѣдатель управы М. В. Челноковъ считалъ возможнымъ ассигновать пособіе школамъ грамотности на одинъ годъ, чтобы путемъ предоставляемаго земству контроля убѣдиться, заслуживаютъ-ли онѣ поддержки. Представитель духовнаго вѣдомства, священникъ Богоявленскій, горяче возсталъ противъ гласныхъ, говорившихъ противъ пособія. Онъ проводилъ ту мысль, что земство должно радоваться, когда другое вѣдомство стремится облегчить его заботы по народному образованію; духовенство теперь предполагаетъ устраивать школы грамотности въ деревняхъ, лишенныхъ возмож-

ности пользоваться существующими школами,—и желательно, чтобы земство подало руку помощи духовенству, которое до введенія земскихъ учрежденій всегда заботилось о народномъ образованіи. На послѣднее городской голова г. Алексѣевъ возразилъ, что въ 1874 году, когда еще не было думскихъ и земскихъ школъ въ Москвѣ и уѣздѣ, процентъ грамотныхъ среди новобранцевъ былъ 11%, а въ 1888 г.—уже 89%. Въ заключеніе собраніе постановило просить духовное вѣдомство сообщить мѣстонахожденіе школъ грамотности и дозволить членамъ училищнаго совѣта посѣщать эти школы и присутствовать въ нихъ на экзаменахъ, чтобы представить земскому собранію свѣдѣнія о положеніи этихъ школъ для разрѣшенія вопроса о выдачѣ имъ пособія.

Во многихъ другихъ земскихъ собраніяхъ вопросъ былъ разрѣшенъ прямо отрицательно. Напримѣръ, въ рязанскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи управа предлагала ассигновать на школы грамотности 150 руб. По прочтеніи доклада въ собраніи былъ возбужденъ вопросъ о томъ, будутъ-ли эти школы земскими, или нѣтъ, представитель отъ епархіальнаго вѣдомства разъяснилъ, что школы грамотности правилами 1890 года изъяты изъ завѣдыванія земствъ и состоятъ въ исключительномъ вѣдѣніи духовенства. Тогда одинъ гласный развилъ ту мысль, что разъ земству не предоставлено участвовать въ надзорѣ за школами грамотности, нѣтъ резона и ассигновать на нихъ земскія средства. Другой гласный указалъ на то, что рязанское уѣздное земство уже тратитъ больше 30.000 руб. ежегодно на народное образованіе и что ему предстоитъ еще увеличеніе расходовъ на новыя земскія школы. Еще одинъ гласный напомнилъ собранію, что земство до сего времени выработало извѣстную организацію школьнаго дѣла и такъ какъ этимъ путемъ достигнуты несомнѣнно хорошіе результаты, то отступать отъ него нѣтъ основаній. Когда предсѣдатель собранія поставилъ на баллотировку вопросъ, угодно-ли собранію оказать какую-либо помощь епархіальному училищному совѣту для устройства школъ грамотности, то собраніе, большинствомъ 35 голосовъ противъ 5, дало отрицательный отвѣтъ.

Точно также екатеринбургское уѣздное земское собраніе, послѣ оживленныхъ преній, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ (предсѣдателя собранія и представителя отъ епархіальнаго вѣдомства) отклонило какія-либо ассигнованія на школы грамотности, состоящія въ завѣдываніи духовенства.

Въ нижегородскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи разсматривался одновременно вопросъ о пособіи какъ школамъ грамотности, завѣдуемымъ духовенствомъ, такъ и церковно-приходскимъ школамъ. О первыхъ рѣчь зашла по поводу циркулярнаго отношенія г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, а вопросъ о вторыхъ былъ возбужденъ запискою представителя отъ епархіальнаго вѣдомства, священника Кудрявцева. Отношеніе г. оберъ-прокурора уже извѣстно; что-же касается записки о. Кудрявцева, то въ ней предлагалось собранію принять на счетъ земства уплату жалованья учителямъ церковно-приходскихъ школъ, назначивъ каждому по 120—180 руб. въ годъ. Предложеніе это вызвало горячія пренія. Извѣстный статистикъ Гацисскій, гласные Савельевъ, Маракинъ и другіе категорически высказались противъ ассигнованія какой-бы то ни было суммы на

церковно-приходскія школы въ виду того, что бюджетъ земства и безъ того обремененъ расходами, такъ что и нужды своихъ земскихъ школъ остаются не вполнѣ удовлетворенными. Гласный А. А. Остафьевъ, кромѣ того, указалъ на неудовлетворительную постановку дѣла преподаванія въ церковно-приходскихъ школахъ: такъ, отчетъ по Макарьевскому уѣзду изъ 26 церковно-приходскихъ школъ 16 аттестуетъ, какъ неудовлетворительныя по успѣхамъ учениковъ. А. С. Гацисскій заявилъ, что онъ признаетъ нужными новыя ассигновки на народное образованіе, но именно на свои земскія школы. Земство поставило начальное образованіе прекрасно и ему нѣтъ нужды сходить съ протореннаго пути. Гласные-крестьяне высказались въ томъ-же смыслѣ, засвидѣтельствовавъ, что сельское населеніе опытомъ убѣдилось въ пользѣ, приносимой земскими школами. При баллотировкѣ вопроса собраніе большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного отклонило предложеніе священника Кудрявцева.

Еще рѣзче былъ поставленъ вопросъ въ лукояновскомъ и княгининскомъ земскихъ собраніяхъ (Нижегородской губ.). Здѣсь было предложено просто передать земскія школы въ вѣдѣніе духовенства. Въ княгининскомъ собраніи иниціаторы предложенія не считали даже нужнымъ чѣмъ-либо мотивировать его, а въ лукояновскомъ была представлена довольно оригинальная мотивировка. Потребность въ грамотности такъ велика и такъ настоятельна, что ее необходимо удовлетворить во что-бы то ни стало. Къ сожалѣнію, существующія земскія школы могутъ удовлетворять развѣ только $^1/_5$—$^1/_4$ часть этой потребности. Отсюда дѣлается выводъ о необходимости передачи земскихъ школъ духовенству. Предполагается, такимъ образомъ, что тѣ самыя школы, которыя теперь удовлетворяютъ лишь незначительную часть запроса на образованіе, перейдя въ руки духовенства, станутъ удовлетворять весь запросъ. Мало того: при предлагаемой реформѣ получится еще экономія, такъ какъ земство, передавая школы духовенству, можетъ уменьшить расходъ на народное образованіе съ 11.000 до 9.000 рублей. Иниціатива этихъ предложеній принадлежала представителямъ дворянства; противниками-же ихъ явились гласные-крестьяне, которые и отстояли въ обоихъ собраніяхъ земскую школу. Въ княгининскомъ собраніи союзникомъ крестьянъ и защитникомъ земской школы явился представитель духовенства, который, ссылаясь на личный опытъ, на свое близкое знакомство съ церковно-приходскою и земскою школою, указалъ на то, что первая значительно уступаетъ второй и при настоящихъ условіяхъ едва-ли можетъ подняться до уровня земской школы.

Идея о какомъ-то антагонизмѣ земской и церковно-приходской школы, обвиненія земской школы и превознесенія церковно-приходской высказываются въ послѣдніе годы не рѣдко. До сихъ поръ, однако, мы не имѣли точно формулированнаго изложенія этихъ обвиненій и превознесеній. Изъ ламентацій противниковъ земской школы никакъ нельзя было понять, въ чемъ собственно она провинилась, и какія такія блага ожидаютъ насъ въ случаѣ ея исчезновенія. Раздавались только крайне неопредѣленные разговоры о томъ, что земская школа противорѣчитъ какому-то народному «духу» и будто-бы нелюбима народомъ, и хотя эти утвержденія прямо опровергались фактами жизни, хотя земская школа вездѣ переполняется дѣтьми народа до того, что не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ учиться

и многимъ приходится отказывать въ пріемѣ, хотя народъ вездѣ, гдѣ только представляется для того случай, высказываетъ свои симпатіи земской школѣ, — обвиненія, направленныя противъ нея, не дѣлались отъ того точнѣе и опредѣленнѣе. Только недавно въ печати появился систематическій и опредѣленный сводъ обвиненій, направленныхъ противъ земской школы. Этотъ сводъ не новъ, такъ какъ онъ былъ высказанъ еще 4 года тому назадъ, но послѣ него ничего болѣе опредѣленнаго по данному вопросу выражено не было. Въ виду этого мы приведемъ здѣсь значительныя выдержки изъ документа, о которомъ идетъ рѣчь (отношенія бывшаго вологодскаго губернатора къ кадниковскому уѣздному предводителю дворянства отъ 4 октября 1888 г., за № 156), не потому, чтобы въ немъ было что-либо серьезное, а именно, наоборотъ, потому, что данный документъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что противъ земской школы нельзя придумать ни одного серьезнаго аргумента, несмотря на всѣ старанія въ данномъ направленіи.

«Одинъ изъ существенныхъ двигателей духовной жизни народа и его благосостоянія, — школа, — такъ начинается документъ, — въ теченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ находилась почти въ исключительномъ вѣдѣніи и попеченіи земства *). Одушевленные несомнѣнно лучшими намѣреніями, но уклонившіеся отъ историческихъ преданій, представители земства 60-хъ годовъ, принявъ въ свои руки дѣло народнаго просвѣщенія, создали по иноземнымъ преимущественно образцамъ типъ школы **), требующій большихъ затратъ, но, къ сожалѣнію, не вполнѣ отвѣчавшій духу народа и требованіямъ его жизни ***). Напрасно стремились защитники этого типа утверждать противное: сама жизнь въ своемъ разнообразіи являла всегда наиболѣе сильныя доказательства, что эти люди или по недальнозоркости бродили во тьмѣ, или въ увлеченіи принципомъ самоуправленія обманывали себя, вводя вмѣстѣ съ тѣмъ въ заблужденіе и другихъ. Неуваженіе къ старшимъ, тяжбы дѣтей съ родителями и отказъ въ помощи или призрѣніи своихъ однообщественниковъ, потерявшихъ способность къ труду, безпорядочность въ крестьянскомъ самоуправленіи, отсутствіе правды въ тѣхъ-же судахъ и сходахъ, поголовное пьянство, неуваженіе къ днямъ праздничнымъ, воскреснымъ и табельнымъ, общій упадокъ нравственности и едва-ли даже не отрицаніе нѣкоторыхъ таинствъ, какъ, напр., брака

---

*) Авторъ словно и знать не хочетъ, что по закону земству предоставлено попеченіе о народномъ образованіи *преимущественно* въ матеріальномъ отношеніи, а практика свела земское попеченіе исключительно къ вѣдѣнію хозяйственной стороны дѣла; завѣдываніе-же земскими школами принадлежитъ не земству, а органамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Здѣсь повторяется обычный пріемъ противниковъ существующей школы: не рѣшаясь говорить противъ вѣдомства народнаго просвѣщенія, они приписываютъ его функціи земству и нападаютъ на послѣднее.

**) Снова авторъ притворяется незнающимъ того, что типъ земской школы выработанъ не земствомъ, которое тутъ не причемъ, что программы обученія въ начальныхъ школахъ выработаны законодательнымъ порядкомъ.

***) И здѣсь не обошлось безъ народнаго «духа». Какъ извѣстно, «духъ» этотъ далъ себя знать въ нынѣшнемъ году чудовищными суевѣрными обрядами, которыми народъ только и умѣлъ защищаться противъ холеры, и въ ужасныхъ холерныхъ бунтахъ. И вотъ борьба съ этимъ драгоцѣннымъ «духомъ» ставится земской школѣ въ вину!

путемъ своеобразной формы сожительства свободнаго, по мѣстному—посидѣлокъ и т. п.,—вотъ тѣ черты, коими характеризуется, за малыми исключеніями, современная жизнь народа, вотъ то печальное направленіе, которое увлекаетъ за собой подростающія силы молодого поколѣнія, направленіе не безъизвѣстное власти, земству и народу. Въ чемъ искать причины такого ненормальнаго явленія, рѣзко отличающагося отъ прежней вѣковой жизни народа, отличавшагося дотолѣ высокимъ нравственнымъ уровнемъ? Не свидѣтельствуетъ-ли эта картина упадка, въ связи съ тѣмъ общепризнаннымъ значеніемъ школы вообще въ смыслѣ громаднаго вліянія ея на человѣчество, что находившаяся за послѣднія 20 лѣтъ въ рукахъ земства народная школа въ своихъ результатахъ не достигла прямого назначенія воспитать добрыя начала въ человѣкѣ, и такимъ образомъ не только не выполнила присущей ей воспитательной миссіи, но едва-ли, въ ряду другихъ неблагопріятныхъ условій народной жизни за послѣднее время, не принесла извѣстнаго даже вреда» («Русская Жизнь», 1892 г., № 284).

Итакъ, вотъ въ какихъ ужасахъ виновата земская школа: она заставила младшихъ не уважать старшихъ, дѣтей судиться съ родителями, отказывать въ призрѣніи безпомощнымъ, вызвала безпорядочность въ крестьянскомъ самоуправленіи, изгнала правду изъ сельскихъ сходовъ и судовъ, заставила народъ поголовно пьянствовать, отмѣнила уваженіе къ праздничнымъ и табельнымъ днямъ, вызвала общій упадокъ нравственности и даже привела къ отрицанію брака и замѣнѣ его свободнымъ сожительствомъ, которое именуется «посидѣлками»! Вотъ ужъ по истинѣ усердіе не по разуму, само себя побивающее и дѣлающее совершенно излишнимъ опроверженіе нападокъ на земскую школу: кому-же не ясны истинное значеніе подобныхъ нападокъ, равно какъ и причина и цѣль таковыхъ?..

Къ счастью, наши земства отнюдь не смущены подобными ламентаціями и продолжаютъ свою плодотворную работу въ области народнаго образованія. Это особенно пріятно отмѣтить относительно земскихъ собраній нынѣшней осени. Какъ извѣстно, настоящей осенью въ бо̀льшей части земскихъ губерній въ первый разъ состоялись уѣздныя земскія собранія въ новомъ, реформированномъ по закону 1890 года, составѣ. Реформа 1890 года въ свое время вызвала у однихъ опасеніе, а у другихъ радостное ожиданіе, что новое, реформированное земство забудетъ завѣты стараго земства и въ области народнаго образованія не только не будетъ продолжать начатую имъ работу, но и значительно сократитъ, если и совсѣмъ не устранитъ земскія попеченія о данномъ дѣлѣ. Земскія собранія нынѣшней осени ясно показываютъ, какъ неосновательны были опасенія однихъ и преждевременная радость другихъ. Реформированное земство не только не оставляетъ заботъ о народномъ образованіи, но и считаетъ своею обязанностью развивать это дѣло. Небольшіе шаги назадъ, сдѣланные двумя-тремя земствами въ данной области, вызваны исключительно экономическими причинами, обусловленными неурожаями прошлаго и настоящаго годовъ. За этими немногочисленными исключеніями, уѣздныя земскія собранія текущей сессіи обнаружили особенно внимательное отношеніе къ дѣлу народнаго образованія и приняли цѣлый рядъ весьма существенныхъ для этого дѣла постановленій. Иллюстрируемъ это положеніе нѣсколькими примѣрами.

Тверское уѣздное земское собраніе постановило принять расходы по содержанію школъ на счетъ земства. До сихъ поръ въ Тверскомъ уѣздѣ, какъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, отопленіе и освѣщеніе школъ и учительскихъ квартиръ, наемъ сторожей и другія хозяйственныя потребности школъ лежатъ на обязанности тѣхъ сельскихъ обществъ, въ которыхъ устроены школы. Слишкомъ хорошо извѣстно, къ какимъ неудобствамъ для школъ ведетъ такой порядокъ вещей, то приводя къ оставленію школъ безъ топлива, то заставляя бѣднѣйшихъ учениковъ покидать школу, чтобы не участвовать въ расходахъ по содержанію школъ. И вотъ теперь, чтобы избѣжать этихъ неудобствъ, тверское земство, доселѣ принимавшее на себя уплату жалованья учащимъ и снабженіе школъ пособіями, постановило принять на себя и всѣ вышеупомянутые расходы по содержанію школьныхъ зданій, ассигновавъ для этого 4.000 р. Затѣмъ ассигновано 1.800 р. на устройство новыхъ школъ, 200 р. на снабженіе школъ образцовыми партами, 100 р. на пополненіе учительской библіотеки (на которую земствомъ только-что затрачено 500 р.), 300 р. на пополненіе 50 школьныхъ библіотекъ и 200 р. на открытіе 10 новыхъ школьныхъ библіотекъ, благодаря чему теперь всѣ земскія школы уѣзда будутъ имѣть библіотеки. Сверхъ того, собраніе постановило учителямъ такъ-наз. «втораго разряда» увеличить жалованье до 180 р. и принять за счетъ земства взносы въ губернскую эмеритурную кассу за учителей, получающихъ менѣе 200 р. въ годъ. Всего ассигновано на народное образованіе, вмѣсто предложенныхъ управою 27 тыс. рублей,—34½ тысячи. Далѣе собраніе постановило вновь принимать на службу земства только учителей, получившихъ педагогическое или закончившихъ среднее образованіе, устроить кратковременные педагогическіе курсы для учителей, подтвердить ходатайство объ учрежденіи при губернской управѣ центральнаго справочнаго педагогическаго бюро и ходатайствовать предъ губернскимъ земствомъ о всестороннемъ изслѣдованіи школьнаго дѣла въ губерніи. Словомъ, тверское уѣздное земское собраніе проявило въ нынѣшнюю сессію столько вниманія къ дѣлу народнаго образованія, сколько на долю этого дѣла едва-ли выпадало въ какую-либо предшествующую сессію.

Изъ постановленій саратовскаго уѣзднаго земскаго собранія отмѣтимъ слѣдующія: увеличено жалованье помощницамъ учительницъ до 180 р.; постановлено, что помощницы могутъ быть представляемы къ наградамъ наравнѣ съ учителями; ассигновано 1.000 р. на обстановку заводимыхъ ремесленныхъ отдѣленій при нѣсколькихъ школахъ и на жалованье учителямъ-мастерамъ; ассигновано 1.800 р. въ безвозвратное пособіе сельскимъ обществамъ и 3.000 р. въ ссуду на постройку школьныхъ зданій и постановлено, что возвращаемыя обществами выданныя ранѣе ссуды того-же характера могутъ быть выдаваемы управою на тотъ-же предметъ; на школьныя библіотеки ассигновано 500 р.; избрана коммиссія для выработки условій, на которыхъ школьными библіотеками могло-бы пользоваться все населеніе; на командировку учителей на лѣтніе сельско-хозяйственные курсы ассигновано 150 р. и въ пособіе учителямъ для устройства огородовъ и садовъ 100 р.; на пріобрѣтеніе учебниковъ и учебныхъ пособій ассигновано 3.050 р. (на 51 школу); постановлено выдать 100 р. погорѣвшему учителю и 400 р. вдовѣ учителя, и т. д.

Эти два примѣра уже достаточно говорятъ, а потому мы отмѣтимъ лишь кратко еще нѣкоторыя постановленія земскихъ собраній. Такъ, камышинское собраніе, ассигновавшее въ прошломъ году пособіе по 250 р. на школу 31 общественной школѣ въ русскихъ селеніяхъ и 35 товарищескимъ школамъ въ нѣмецкихъ селеніяхъ, прибавило въ нынѣшнюю сессію пособіе въ томъ-же размѣрѣ еще 10 школамъ, открывшимся въ истекшемъ году, и 5 школамъ, могущимъ открыться въ 1893 году. Всего ассигновано на этотъ предметъ 20.250 р. Затѣмъ ассигновано по 125 р. на вторыхъ учителей, которымъ общества и товарищсства, въ свою очередь, должны платить такую-же сумму. 2.000 р. ассигнованы на поддержаніе школъ грамотности и церковно-приходскихъ. Всего на народное образованіе ассигновано 38.155 р. Козловское земское собраніе постановило открыть нѣсколько новыхъ школъ, завести помощниковъ-учителей въ прежнихъ школахъ и открыть при управѣ народную библіотеку. Казанское уѣздное земское собраніе, несмотря на крайне тяжелое положеніе его въ финансовомъ отношеніи, рѣшило открыть двѣ новыя школы, для трехъ старыхъ собственныя училищныя помѣщенія и командировать трехъ учительницъ въ рукодѣльныя школы Давыдовой, Урусовой и Уваровой для развитія рукодѣльныхъ знаній среди дѣвочекъ. Городненское земское собраніе (Черниговской губ.) внесло въ смѣту расходовъ 255 р. на устройство библіотекъ при школахъ для чтенія окончившихъ курсъ и взрослыхъ и постановило ходатайствовать о разрѣшеніи при школахъ воскресныхъ чтеній. Елецкое земское собраніе постановило устроить въ уѣздѣ при 13 школахъ библіотеки для взрослыхъ, причемъ, кромѣ земской ассигновки, члены собранія сдѣлали сборъ между собою, давшій порядочную сумму. Рыбинское земское собраніе обсуждало прошеніе крестьянъ Копринской волости объ открытіи въ этой волости безплатной народной библіотеки и ассигновало 250 р. на содержаніе въ уѣздѣ четырехъ такихъ библіотекъ. И т. д., и т. п.

Всѣ эти факты ясно свидѣтельствуютъ, что жизнь оказывается сильнѣе всѣхъ выдуманныхъ жалобъ и обвиненій, сильнѣе всѣхъ желаній и вожделѣній враговъ свѣта и просвѣщенія, и дѣло народнаго образованія, толкаемое требованіями жизни, неизбѣжно идетъ впередъ и разростается.

Я. Абрамовъ.

Въ Петербургскомъ Комитетѣ грамотности.

Засѣданіе 10-го ноября 1892 г.

Предсѣдатель Комитета прочелъ собранію письмо г. Бѣликова, въ которомъ онъ сообщаетъ объ открытіи, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1892 г., въ станицѣ Романовской, Донской области, «Подвижной уличной библіотеки». Библіотека состоитъ изъ пяти шкафовъ съ книгами и брошюрами. Шкафы эти разставлены въ разныхъ мѣстахъ станицы. Книги и брошюры прикрѣплены къ задней стѣнкѣ шкафа. Чтобы перевернуть прочитанный листъ книги, читатель долженъ приподнять сдвигающуюся вверхъ рамку со стекломъ. Библіотека устроена по иниціативѣ мѣстнаго священника, и книги

и брошюры, помѣщаемыя въ библіотечныхъ шкафахъ, большею частью духовно-нравственнаго содержанія. Г. Бѣликовъ находитъ, что такого типа библіотеки могутъ имѣть большое значеніе для пропаганды книгъ среди народа, и потому предлагаетъ Комитету отнестись къ этой попыткѣ съ должнымъ вниманіемъ, оказавъ свое содѣйствіе присылкою подходящихъ къ цѣлями библіотеки книгъ. Собраніе, въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ членовъ, отнеслось, повидимому, довольно скептически къ увѣренности автора письма въ полезность этого способа распространенія книгъ. «Уличныя библіотеки» являются далеко не новостью и практикуются уже давно во многихъ мѣстахъ Россіи. Существуютъ такія библіотеки, напр., въ Н.-Новгородѣ, Баку, Петербургѣ и многихъ другихъ городахъ, и вездѣ, повидимому, безъ особаго успѣха.

Секретарь Комитета, завѣдующій разсылкою книгъ, В. В. Девель, сообщилъ собранію данныя по безплатному снабженію книгами различныхъ учрежденій за время съ 1-го января 1892 г. по день собранія. Изъ отчета г. Девеля видно, что 1892 г. по количеству разосланныхъ книгъ и удовлетворенныхъ просьбъ, какъ это можно было ожидать заранѣе, былъ однимъ изъ выдающихся въ этомъ отношеніи годовъ. Уже за отчетные десять мѣсяцевъ года израсходовано сверхъ смѣтной ассигновки (2.500 р.) 500 р. и разослано книгъ и брошюръ около 58 тысячъ экз., которыми удовлетворено 303 просьбы. Книжный складъ Комитета, благодаря такой массѣ разосланныхъ книгъ, опустѣлъ и на удовлетвореніе вновь поступающихъ просьбъ требуется новая ассигновка, которую собраніе и постановило отпустить въ размѣрѣ 500 р. Приливъ просьбъ въ этомъ году былъ необычайный (за 10 мѣсяцевъ около 370); по 50 просьбамъ пришлось, по разнымъ причинамъ, дать отказъ. Удовлетворенныя просьбы исполнены далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ было-бы желательно. Такой наплывъ просьбъ объясняется, главнымъ образомъ, голодомъ прошлаго года и тѣми мѣрами, которыя принималъ Совѣтъ для распространенія свѣдѣній о Комитетѣ. То и другое вызвало по преимуществу просьбы о присылкѣ учебныхъ книгъ—наиболѣе дорогихъ. На тѣ скромныя средства, которыми располагаетъ складъ, удовлетворить всѣхъ просителей въ той мѣрѣ, какая указывается ими, конечно, не было никакой возможности, тѣмъ болѣе, что этотъ годъ былъ крайне скуденъ количествомъ пожертвованныхъ книгъ. Скромность цыфры пожертвованныхъ книгъ особенно выступаетъ при сравненіи ея съ количествомъ пожертвованій прошлаго года. Въ 1891 г. было пожертвовано до 11 тысячъ экз. книгъ, оцѣниваемыхъ по номинальной стоимости ихъ въ 1.800 р., тогда какъ въ этомъ году книгъ поступило въ складъ этимъ путемъ всего на 389 р.

Затѣмъ собранію было доложено письмо В. А. Бѣлоголоваго, въ которомъ онъ обращается ко всѣмъ членамъ Комитета съ предложеніемъ оказать свое содѣйствіе къ болѣе успѣшному сбору въ фондъ имени М. Е. Салтыкова, основанному почитателями покойнаго писателя при С.-Петербургскомъ Комитетѣ грамотности. Фондъ этотъ имѣетъ цѣлью усилить издательскія средства Комитета. В. А. Бѣлоголовый въ усиленіи этихъ средствъ видитъ единственную возможность достичь тѣхъ цѣлей Общества, какія оно преслѣдуетъ на основаніи §§ 1 и 2 своихъ «Основныхъ правилъ». Издательскій фондъ Комитета долженъ быть доведенъ до такихъ

размѣровъ, чтобы можно было покупать у авторовъ произведенія, достойныя печати, иллюстрировать ихъ возможно бо̀льшимъ числомъ хорошихъ рисунковъ и пускать въ обращеніе по возможно низкой цѣнѣ. По наблюденію г. Бѣлоголоваго, существующія изданія Комитета читаются среди сибирскихъ крестьянъ (г. Бѣлоголовый живетъ въ Киренскомъ округѣ Иркутской губ.) охотно и легко, хотя цѣна ихъ, по которой онѣ пріобрѣтаются народомъ, составляетъ полуторную и даже двойную номинальную ихъ стоимость. Но это общая участь всѣхъ книгъ, пріобрѣтаемыхъ народомъ у офеней, такъ какъ и «Листовки» «Посредника», Сытина и друг. доходятъ до 10—20 к. за штуку (оптовая цѣна ихъ у издателей—1 коп.). Въ виду этого г. Бѣлоголовый находитъ необходимымъ устройство Комитетомъ своихъ складовъ въ глухихъ мѣстахъ провинціи. Съ цѣлью распространенія свѣдѣній о дѣятельности Комитета и усиленія его денежныхъ средствъ необходимо, по мнѣнію г. Бѣлоголоваго, популяризація этой дѣятельности приданіемъ возможно большей гласности его собраніямъ и публикаціи отчетовъ дѣятельности и протоколовъ собраній въ наиболѣе распространенныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ результатѣ всего этого должно явиться увеличеніе какъ матеріальныхъ, такъ и умственныхъ силъ Комитета.

Я. Г. Гуревичъ возбудилъ горячее сочувствіе всего собранія своимъ заявленіемъ о желаніи издать на свои средства именемъ Комитета грамотности сборникъ стихотвореній Кольцова, съ тѣмъ, чтобы сборникъ этотъ продавался цѣною не выше 5 к., печатался-бы въ количествѣ 10 тысячъ экз., изъ коихъ 3 тысячи экз. поступали-бы безмездно въ книжный складъ Комитета для безплатной разсылки, а сумма, вырученная за остальные 7 тысячъ экз., составила-бы постоянный фондъ для послѣдующихъ изданій этого сборника. Я. Г. Гуревичъ предложилъ собранію избрать коммиссію изъ компетентныхъ лицъ, которой поручить редакцію проектируемаго сборника. По указанію Я. Г. Гуревича, коммиссія эта составилась изъ слѣдующихъ лицъ: гг. Незеленова, Шляпкина, В. Острогорскаго, Воскресенскаго и, конечно, самаго иниціатора и жертвователя— Я. Г. Гуревича.

Затѣмъ предсѣдатель доложилъ собранію заявленіе членовъ Комитета гг. Тютрюмова, Вулиха и Д. Селиванова, которые въ своемъ заявленіи предлагаютъ признавать членами Комитета лицъ, баллотирующихся въ это званіе, не съ момента выбора ихъ общимъ собраніемъ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, а со времени внесенія ими членскаго взноса. Вообще, существующія условія поступленія въ члены Комитета требуютъ значительныхъ поправокъ. По уставу, чтобы попасть въ члены, требуется только заручиться рекомендательными подписями трехъ членовъ Комитета. Рекомендація эта, по установившемуся въ Комитетѣ обычаю, обратилась въ ничего не значущую формальность, ибо никто изъ членовъ не отказываетъ дать свою подпись подъ заявленіемъ совершенно ему неизвѣстнаго лица, баллотирующагося въ члены. Баллотировка въ результатѣ даетъ всегда единогласный выборъ въ члены. Благодаря такимъ порядкамъ, или, вѣрнѣе, безпорядкамъ, на любое изъ собраній, при желаніи заручиться большинствомъ голосовъ для проведенія какого-либо вопроса, можно привести любыхъ молодцовъ съ улицы; отобрать у нихъ или даже

написать за нихъ, буде они безграмотны, заявленія о желаніи быть членами Комитета; дать подписать эти заявленія тремъ первымъ попавшимся на глаза членамъ—и черезъ полчаса по открытіи собранія «молодцы» эти уже члены и пріобрѣли право участія въ голосованіи ставящихся на баллотировку вопросовъ. Право это гг. новые члены сохраняютъ за собою въ теченіе трехъ лѣтъ, и только по истеченіи этого срока, буде не пожелаютъ внести членской пятирублевки, исключаются изъ членовъ въ качествѣ безнадежныхъ недоимщиковъ. Предложеніе гг. Тютрюмова, Вулиха и Д. Селиванова вноситъ нѣкоторую поправку въ тѣ крайне неудобныя условія, какими обставлено въ Комитетѣ поступленіе въ члены. Поправка эта, по мнѣнію гг. заявителей, уменьшила-бы число недоимщиковъ, и порядокъ, ею вносимый, былъ-бы совершенно логиченъ и справедливъ въ юридическомъ смыслѣ, ибо съ юридической точки зрѣнія всякимъ правамъ должны предшествовать обязанности. Предсѣдатель предложилъ не входить въ разсмотрѣніе поданнаго предложенія въ настоящемъ собраніи, такъ какъ заявленіе вноситъ только частичную поправку въ «дополнительныя правила» Комитета, между тѣмъ какъ они требуютъ въ настоящую минуту общаго пересмотра, являясь нѣкоторыми своими параграфами анахронизмомъ, тормазящимъ движущееся впередъ живое дѣло Комитета. Съ такою постановкою вопроса собраніе согласилось и произошелъ живой и довольно горячій обмѣнъ мнѣній по вопросу о томъ, кому предоставить составленіе проекта новыхъ дополнительныхъ правилъ. Нѣкоторые изъ членовъ находили болѣе практичнымъ предоставить это дѣло Совѣту, какъ исполнительному органу Комитета, непосредственно испытывающему всѣ неудобства того или инаго изъ устарѣвшихъ правилъ. Другіе члены, боясь, повидимому, того, что составленіе проекта новыхъ правилъ, предоставленное Совѣту, лишитъ прочихъ членовъ Комитета послѣднихъ «правъ», предусматриваемыхъ существующими правилами, стояли за предоставленіе этого дѣла особо избранной коммиссіи. Для посторонняго слушателя, вѣроятно, немножко страннымъ звучало отстаиваніе какихъ-то «правъ» членовъ Комитета. Казалось-бы, что о правахъ и рѣчи быть не можетъ въ учрежденіи, куда всѣ должны были поступать только съ мыслью объ обязанностяхъ, соединенныхъ съ званіемъ членовъ. Разница между членами Совѣта и собранія уже, конечно, не въ размѣрѣ правъ, а только лишь обязанностей, которыхъ у первыхъ неизмѣримо больше, чѣмъ у вторыхъ. Въ концѣ концовъ составленіе проекта правилъ было предоставлено избранной съ этою цѣлью коммиссіи, которая составилась изъ слѣдующихъ лицъ: гг. Тютрюмова, Фальборка, Бурлея, Чернолузскаго и Д. Селиванова.

Предсѣдатель коммиссіи по оказанію помощи учащимся въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, Я. Г. Гуревичъ заявилъ собранію о томъ, что просьбъ объ оказаніи помощи поступаетъ въ коммиссію въ очень большомъ числѣ, между тѣмъ какъ сборъ пожертвованій идетъ крайне туго. Общество крайне апатично настроено въ этомъ отношеніи. «Надоѣло, надоѣло и надоѣло», какъ мѣтко выражаетъ Л. Толстой теперешнее нерасположеніе общества къ жертвамъ. Я. Г. Гуревичъ предложилъ присутствующимъ придти на помощь коммиссіи своими пожертвованіями. Обращеніе къ присутствующимъ не пропало даромъ и по подписному листу собрано 177 руб.

Въ заключеніе, П. В. Голяховскій прочелъ собранію статью извѣстнаго педагога Н. Ѳ. Бунакова, «Школа и голодовка» *). Н. Ѳ. Бунакову пришлось прошлую голодную зиму стоять во главѣ одного изъ мѣстныхъ попечительствъ Воронежской губ. по организаціи помощи голодающему населенію. Заслуживаютъ вниманія тѣ выводы, къ которымъ привела дѣятельность Н. Ѳ. Бунакова. На первыхъ порахъ предполагалось, какъ и вездѣ, устройство столовыхъ для кормленія нуждающихся, но мѣстное населеніе запротестовало, говоря, что будетъ совѣстно посѣщать на глазахъ у всѣхъ такія столовыя, и потому попечительство рѣшило оказывать свою помощь выдачею муки и печенаго хлѣба непосредственно на руки нуждающимся семьямъ. Впослѣдствіи пришлось, однако, отказаться и отъ такого рода помощи, въ виду несомнѣннаго развращающаго вліянія даровыхъ хлѣбовъ и денегъ на населеніе. Вообще, голодный годъ послужилъ, по словамъ Н. Ѳ. Бунакова, нѣкоторымъ образомъ экзаменомъ для опредѣленія нравственнаго уровня населенія. Испытаніе это населеніе не выдержало, успѣвъ показать себя за это время съ самой несимпатичной стороны. Большинство не брезгало никакими средствами къ тому, чтобы заручиться даровой получкой хлѣба: сплетни, поклепы, недоброжелательство, зависть, наговоры другъ на друга «на ушко», лесть распорядителямъ — все пускалось въ ходъ, въ разсчетѣ вырвать кусокъ дарового хлѣба изо рта сосѣда и получить его на свой пай. Тотъ мужикъ получилъ на лошадь, а лошади не купилъ; этотъ далъ за лошадь меньше, чѣмъ получилъ на ея покупку; тотъ спряталъ свой хлѣбъ или корову, чтобы получить даровые и т. д. и т. п. Даровая помощь разожгла, наконецъ, аппетитъ нѣкоторыхъ до того, что являлись уже съ грубыми *требованіями* дать денегъ и на вторую лошадь или протестовали противъ оказанія помощи сосѣдней бѣдной деревнѣ... Или, какъ вамъ понравится, напр., такая реплика, съ которой обращается крестьянинъ къ члену-попечителю: «Велѣно всѣхъ до сыта кормить и чаемъ поить, а вы что? Небойсь, чай-то съ сахаромъ для себя оставили, а мужицкимъ-то хлѣбомъ свою дворню откармливаете...» Помощь со стороны земства, правда, была совсѣмъ не даровой, такъ какъ оказывалась въ видѣ ссуды, но населеніе совершенно не вѣрило въ необходимость возврата забраннаго хлѣба впослѣдствіи. Общая безработица, вызванная то-же отчасти голодомъ, довершала окончательно эту неприглядную картину, и потому попечительство пришло къ заключенію о необходимости уничтожить даровую помощь, организовавъ общественныя работы. Осуществленіе этой мысли увѣнчалось полнымъ успѣхомъ и въ результатѣ дало возможность населенію прокормиться трудами своихъ рукъ, и при ничтожной сравнительно затратѣ въ 300 р. на пріобрѣтеніе необходимыхъ матеріаловъ, были исполнены существенно необходимыя для села работы. Такъ, были вырыты колодцы, нужда въ которыхъ вызывалась тѣмъ, что село хотя и стоитъ на берегу р. Дона, но на крутомъ его косогорѣ, и потому при пожарахъ не было достаточно обезпечено водою. Срыты оба крутыхъ берега Дона въ томъ

*) Передаемъ содержаніе статьи въ самыхъ общихъ чертахъ, такъ какъ желающіе могутъ прочесть ее въ журналѣ «Русскій Начальный Учитель», №№ 10, 11 и 12 за 1892 г. Точное заглавіе статьи: «Сельская школа и народная жизнь. Итоги и уроки голоднаго года».

мѣстѣ, гдѣ черезъ него пролегаетъ къ селу проѣзжая дорога. Устроенъ широкій ровъ и валъ кругомъ сельскаго кладбища и поставлены ворота при въѣздѣ въ церковную ограду. Устроена каменная мостовая передъ церковными воротами. Разведенъ и огороженъ общественный садъ и построена общественная баня. Населеніе отнеслось къ этимъ работамъ добросовѣстно и работало усердно. Общее дѣло подняло упавшій-было духъ населенія и всѣ, повидимому, рады были получать взамѣнъ даровой помощи—заработокъ, который далъ возможность прокормиться не только все послѣдующее время, но покрылъ частью и ранѣе взятую ссуду. Въ заключеніи авторъ статьи протестуетъ противъ той идеализаціи народа, которая какъ-то у насъ вошла въ обычай. Надѣляютъ народъ всевозможными добродѣтелями, взамѣнъ которыхъ, при болѣе безпристрастномъ изученіи, наблюдается ужасающее невѣжество, порочность, полное непониманіе своихъ человѣческихъ и гражданскихъ обязанностей и правъ, отсутствіе солидарности... Все это способно-бы было привести въ полное отчаяніе, если-бы не надежда, остающаяся у автора на помощь истинно хорошей *воспитывающей* сельской школы, которая одна только единственно способна бороться съ тѣми отрицательными сторонами народныхъ нравовъ, которыя такъ ярко выступили въ эту годину бѣдствій, давшихъ хорошій урокъ всѣмъ рьянымъ идеалистамъ народной жизни. Итакъ, забота о школѣ, о хорошей народной школѣ, о возможно широкой и серьезной постановкѣ народнаго образованія—вотъ чему учитъ голодный годъ. Хорошая школа—вотъ что надо нашему народу, вотъ о чемъ вопіетъ русская деревня и отсутствіе чего оставляетъ самую ужасную язву на больномъ народномъ духѣ и тѣлѣ! Къ послѣднему заключенію приходятъ всѣ наблюдатели народной жизни и голодъ прошлаго года только еще лишній разъ подтверждаетъ справедливость такого заключенія. Нисколько не сомнѣваясь въ истинности тѣхъ многочисленныхъ фактовъ, которые приводитъ Н. Ѳ. Бунаковъ въ подтвержденіе своихъ такихъ пессимистическихъ взглядовъ на нравы наблюдавшагося авторомъ населенія той мѣстности Воронежской губерніи, въ которой онъ живетъ, позволимъ себѣ только обратить вниманіе на то, что врядъ-ли голодный годъ былъ особенно удачно выбраннымъ моментомъ для наблюденія за нравами народа. Мы думаемъ, что бѣдствія голода помогли въ значительной степени усилить тѣ отрицательныя стороны нравовъ, на которыя указываетъ Н. Ѳ. Бунаковъ и, въ то-же время, ослабили благородныя стороны характера народа. Вспомнимъ только, что инстинктъ самосохраненія могъ на время совершенно заглушить всѣ остальныя чувства народа: тонущій, вѣроятно, съ спокойной совѣстью топитъ своего неловкаго спасителя, и врядъ-ли будетъ правъ тотъ, кто, не принявъ во вниманіе исключительности положенія, станетъ обвинять тонущаго въ неблагодарности къ своему спасителю. Преобладаніе инстинктовъ надъ другими чувствами, конечно, говоритъ за извѣстную низменность нравовъ, но только тогда, когда жизнь поставлена въ болѣе нормальныя, сравнительно съ прошлымъ годомъ, условія. Въ моментъ случившейся бѣды, никто изъ насъ, можетъ быть, самыхъ культурныхъ людей, не поручится за то, что не будетъ способенъ выкинуть такую штуку, за которую, конечно, потомъ, когда пройдетъ бѣда, совѣстно будетъ взглянуть людямъ въ глаза. Словомъ, для сохраненія справедливости въ вы-

водахъ относительно народныхъ нравовъ было-бы осторожнѣе, можетъ быть, матеріалъ для этого, данный прошлымъ бѣдственнымъ годомъ, не ставить на счетъ народу, и тогда, надо думать, заключенія г. Бунакова были-бы болѣе отрадными. В. Д.

Краткій отчетъ о дѣятельности коммиссіи по оказанію помощи ученикамъ народныхъ школъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, за время отъ 18 октября до 30 ноября 1892 года.

Въ названную коммиссію, составъ которой былъ нѣсколько измѣненъ выборами, состоявшимися въ общемъ собраніи Комитета грамотности, 13 октября 1892 года, поступили объ оказаніи пособій слѣдующія просьбы: 1) землевладѣльца Цвиленева, изъ Елецкаго уѣзда Орловской губ., 2) учительницы церковно-приходской школы Греве, изъ Бирючскаго уѣзда, Воронежской губ., и 3) землевладѣлицы Бобрищевой-Пушкиной, изъ Новосильскаго уѣзда Тульской губ. Зная о крайне бѣдственномъ состояніи поименованныхъ мѣстностей, постигнутыхъ нетолько полнымъ неурожаемъ ржи, какъ въ прошломъ году, но и овса, и питая полное довѣріе къ названнымъ лицамъ, представившимъ подробные отчеты о прошлогодней своей дѣятельности, коммиссія опредѣлила выдавать ежемѣсячное пособіе въ такомъ размѣрѣ: Греве по 30 р., Бобрищевой-Пушкиной по 60 р. и Цвиленеву по 70 р., первымъ двумъ, начиная съ ноября и въ продолженіе 8 мѣсяцевъ, а послѣднему, начиная съ декабря и въ продолженіе 7 мѣсяцевъ.

Кромѣ названныхъ лицъ, въ настоящее время удовлетворены просьбы о ежемѣсячной помощи землевладѣльца Воронежской губ., Острогожскаго уѣзда И. Г. Чернекова и завѣдующаго хозяйственной частью земскихъ училищъ Богородицкаго уѣзда Тульской губ.—Чехова. Удовлетворяя эти ходатайства, коммиссія руководствовалась собранными свѣдѣніями о бѣдственномъ положеніи этихъ мѣстностей и близостью названныхъ лицъ къ школьному дѣлу. Такъ, изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Чеховымъ, оказывается слѣдующее: неурожай яровыхъ гибельно отразился на скотѣ, котораго къ веснѣ можетъ уцѣлѣть всего лишь какая-нибудь 1/6 часть; отсутствіе соломы для топки печей и невозможность для крестьянъ покупать уголь, хотя и крайне дешевый (2 к. за п.), заставляютъ ихъ страшно терпѣть отъ стужи; средства Краснаго Креста быстро истощаются, а между тѣмъ положеніе учениковъ въ школахъ грамотности самое печальное: они сидятъ въ тѣсныхъ и душныхъ избахъ отъ зари до зари, не получая пищи; сами родители гоняютъ ихъ въ школу, «чтобы дома на глазахъ не болтались и ѣсть не просили»; проку отъ такого продолжительнаго сидѣнія въ школѣ выходитъ, однако, мало, такъ какъ учебныхъ пособій въ ней почти не имѣется; всѣхъ школъ грамотности въ уѣздѣ болѣе 60, съ 1.800 учениками, изъ которыхъ до 1.500 терпятъ крайнюю нужду.

Ежемѣсячная помощь Чернекову опредѣлена въ 100 руб., а Чехову въ 150 руб., начиная съ ноября и въ продолженіе 8 мѣсяцевъ. Отъ Чехова уже получены свѣдѣнія объ устройствѣ имъ 4 столовыхъ (при 3-хъ земскихъ школахъ и при одной школѣ грамотности). Въ этихъ столовыхъ, съ 1-го декабря, продовольствуется 300 учениковъ; ежемѣсячный расходъ предполагается въ 123 руб. (считая въ томъ числѣ и дрова). Такая дешевизна (41 коп. въ мѣсяцъ на ученика; $1^{11}/_{30}$ коп. въ день) объясняется какъ возможностью получать печеный хлѣбъ изъ пекарень Краснаго Креста по 60 к. за пудъ, такъ и небольшими размѣрами ежедневной выдачи хлѣба; лишь въ одной школѣ грамотности выдается по 1 фун.; въ остальныхъ двухъ—всего по $^3/_4$ фун., а въ одной по $^1/_2$ фун. (въ теченіи декабря). Пятая столовая, съ расходами по 25 руб. въ мѣсяцъ, будетъ устроена вскорѣ. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ г. Бобрищевой-Пушкиной, видно, что въ ея столовой кормится 51 ученикъ, 4 души хозяевъ столовой, школьный сторожъ и учитель военной гимнастики; остатки отдаются двумъ безроднымъ нищимъ старухамъ. Хлѣба выдается по $1^1/_2$ фун. въ день.

Затѣмъ, въ послѣднемъ засѣданіи коммиссіи, 30-го ноября, было постановлено отпустить городской учительницѣ города Рязани, г-жѣ Паушкиной, единовременно 100 р., прося ее доставить свѣдѣнія о положеніи учащихся въ тѣхъ уѣздахъ, съ которыми она имѣетъ сношенія. Эго постановленіе было вызвано частнымъ письмомъ, въ которомъ сообщалось объ ужасномъ голодѣ, свирѣпствующемъ въ настоящее время въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Казанской губерніи и доходящемъ до того, «что матери, въ припадкѣ безумнаго отчаянія, душили голодныхъ, обезсиленныхъ дѣтей».

Отъ прочихъ лицъ, которымъ была оказана помощь, подробныхъ отчетовъ еще не получено; имѣются лишь краткія указанія на то, что стоимость прокормленія 1 ученика въ теченіи 1 мѣсяца будетъ колебаться между 1 руб. и 1 руб. 25 коп. (Елецкій уѣздъ, школа Цвиленева).

Такимъ образомъ, оказывается, что, по имѣющимся до сихъ поръ свѣдѣніямъ, въ тѣхъ 9 школахъ, которымъ коммиссія начала оказывать свою помощь съ декабря мѣсяца, будутъ кормиться и уже кормятся въ четырехъ школахъ 300 учениковъ въ Богородицкомъ уѣздѣ; 51 уч. въ одной школѣ въ Новосильскомъ уѣздѣ Тульской губерніи; около 95 уч. въ двухъ школахъ Острогожскаго уѣзда; около 40 уч. въ одной школѣ Бирючскаго уѣзда Воронежской губерніи и около 56 уч. въ Елецкомъ уѣздѣ Орловской губерніи. Всего помощью коммиссіи пользуется около 540 учениковъ, въ девяти школахъ, въ пяти уѣздахъ трехъ губерній. Незначительность размѣра оказываемой помощи объясняется исключительно недостаточностью средствъ коммиссіи, а эта недостаточность, въ свою очередь, находится въ прямой зависимости отъ равнодушія, замѣчаемаго въ средѣ русскаго общества къ голоду нынѣшняго года.

Отчетъ казначея коммиссіи по оказанію помощи учащимся въ народныхъ училищахъ, доложенный въ засѣданіи Комитета грамотности 8-го декабря 1892 года.

Къ предыдущему засѣданію Комитета грамотности (10-го ноября 1892 г.) въ распоряженіи коммиссіи, возобновившей свою дѣятельность въ новомъ составѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ, состояло	2.839 р. 74 к.
Изъ нихъ: израсходовано	330 » 60 »
находится въ наличности	2.509 » 14 »
Съ 10-го ноября по 8-е декабря (благодаря, главнымъ образомъ: 1) подпискѣ, собранной въ засѣданіи Комитета 10-го ноября—180 р. 80 к. *), 2) пожертвованію А. М. Сибиряковой—500 р., 3) сбору по квитанціоннымъ книжкамъ—205 р., ежемѣсячнымъ взносамъ, пожертвованіямъ деньгами, продажѣ пожертвованныхъ книгъ и возврату остатка кн. Енгалычевою (72 р.), средства коммиссіи увеличились на сумму	1.137 » 47 »
Такимъ образомъ, за вычетомъ произведенныхъ съ 10-го ноября по 8-е декабря расходовъ на продовольствіе учениковъ народныхъ школъ, въ суммѣ 590 р., въ наличности у коммиссіи имѣется	3.056 » 61 »
Изъ числа этихъ денегъ, на продовольствіе школъ въ теченіе наступающаго 1893 г. ассигновано.	2.090 » — »
Остается въ свободномъ распоряженіи коммиссіи . .	966 » 61 »

Такъ какъ изъ этой суммы предвидятся новыя ассигновки, то коммиссіи предстоитъ продолжать энергично заботиться объ изысканіи средствъ на удовлетвореніе расходовъ по содержанію столовыхъ при народныхъ училищахъ въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ бѣдствіемъ.

Казначей **М. Лозинскій.**

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

---

*) Послѣ 8-го декабря поступило по подписному листу еще 7 р.; не взнесены подписанныя деньги пятью лицами: однимъ 10 р., двумя по 2 р., двумя по 1 р., а всего (по 28-е декабря 1892 г.) 16 р.

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

1893 — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1893

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, УЧЕНУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

ВЫХОДИТЪ СЪ ПОРТРЕТАМИ

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ и ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Въ годъ 360 нумеровъ.

Вступая въ 1893 году въ второй годъ выпуска въ свѣтъ общедоступнаго изданія газеты «**СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА**», въ видѣ **ВТОРАГО ИЗДАНІЯ**, имѣвшаго въ первый годъ своего существованія такой прочный и значительный успѣхъ, который превзошелъ всѣ наши ожиданія, мы употребимъ и впредь всѣ усилія дать читателямъ съ ограниченными матеріальными средствами, за дешевую подписную плату, серьезную политическую и литературную ежедневную газету, въ томъ направленіи, какое выражается двумя словами, служащими газетѣ—названіемъ и девизомъ.

НА ГОДЪ

4 Р.

Весьма важнымъ для Гг. читателей втораго изданія газеты «Сынъ Отечества» является то, что она **ВЫХОДИТЪ ВЪ СВѢТЪ ЕЖЕДНЕВНО ЛИСТАМИ**, даже въ дни, слѣдующіе за праздниками, что дастъ подписчику въ годъ **360 НУМЕРОВЪ**, сообщающихъ своевременно всѣ интересныя свѣдѣнія о всѣхъ выдающихся явленіяхъ русской жизни, а также и злобы дня всего міра.

Во второе изданіе газеты «**СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА**» входятъ всѣ текущія новости изъ придворной, духовной, административной, военной, ученой, политической и художественной жизни, торговые и биржевые бюллетени, телеграммы, корреспонденціи и т. п. Кромѣ того, въ каждомъ нумерѣ помѣщаются передовыя статьи, обсуждающія на ряду съ различными вопросами столичной и провинціальной общественной жизни, а также внутреннія и иностранныя событія.

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ газеты помѣщаются оригинальные романы, повѣсти, разсказы, историческіе анекдоты, мемуары, стихотворенія, а также разные, полезные въ сельской жизни, научные, врачебные и хозяйственные совѣты, календарныя, хронологическія, метеорологическія и справочныя свѣдѣнія, загадки, шарады, игры, и тому подобное.

Кромѣ того, на страницахъ **ВТОРАГО** изданія помѣщаются художественно выполненные портреты Высочайшихъ Особъ, современныхъ русскихъ, иностранныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, какъ-то: министровъ, администраторовъ разныхъ вѣдомствъ, писателей, художниковъ, артистовъ, ученыхъ и знаменитыхъ историческихъ лицъ, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстные моменты, особый интересъ общества.

Широкая издательская дѣятельность и большой составъ сотрудниковъ, писателей и художниковъ, вполнѣ обезпечиваютъ интересъ, какъ художественнаго, такъ и литературнаго отдѣловъ этого изданія. Помимо этого, наше новое изданіе имѣетъ то громадное и неоспоримое преимущество предъ другими подобными дешевыми изданіями, что можетъ въ тотъ же день сообщать всѣ интересныя новости и злобы дня

ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ,

не исключая и ночныхъ извѣстій, такъ какъ второе изданіе печатается безъ предварительной цензуры и на новѣйшей ротаціонной машинѣ (круговращательной), печатающей и складывающей въ часъ отъ 15 до 18-ти тысячъ нумеровъ. Весь этотъ рядъ благопріятныхъ условій дастъ намъ исключительную возможность пойти на встрѣчу духовнымъ нуждамъ и потребностямъ массы небогатыхъ читателей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ (БЕЗЪ ПРИЛОЖЕНІЙ):

На ГОДЪ 4 р. На ПОЛГОДА 2 р. На ТРИ МѢСЯЦА 1 р.

(Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою по Имперіи).

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., у Аничкина м., д. № 68—40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается по требованію БЕЗПЛАТНО. 3—2.

Подписка
На годъ . . . 5 р. — к.
За границу . 8 » — »
Отдѣльный № — » 6 »

НА 1893 ГОДЪ

Открыта подписка на IV годъ изданія

Подписка
На полгода . 3 р. 50 к.
На 3 мѣсяца. 2 » — »
На 1 мѣсяцъ. 1 » — »

„ОКРАИНА"

Единственный частный органъ въ Туркестанскомъ краѣ и Закаспійской области.

Газета политическая, общественная и литературная,

ВЫХОДИТЪ ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ ПО ПОНЕДѢЛЬНИКАМЪ, СРЕДАМЪ И ПЯТНИЦАМЪ.

Редакція и контора г. Самаркандъ.

Вступая въ 4-й годъ изданія, мы имѣли пламенное желаніе расширить программу, развить отдѣлы и увеличить размѣръ газеты, но... по независящимъ отъ насъ причинамъ, должны смириться и довольствоваться тѣмъ, что уже имѣемъ.

Цѣль наша по прежнему—желаніе добра и свѣта.

Задача—по мѣрѣ силъ, быть проводникомъ назрѣвающихъ вопросовъ, работать и стремиться къ выясненію нуждъ края, служить къ освѣщенію насущныхъ вопросовъ мѣстной жизни, не упуская при этомъ случая по возможности отмѣчать и выдающіяся явленія изъ жизни всего цивилизованнаго міра, что можетъ интересовать читателя.

Мы были далеки отъ всякихъ рекламъ, много обѣщающихъ, мало дающихъ, въ чемъ, кажется, насъ и не могутъ ни обвинить, ни упрекнуть, а потому съ твердой вѣрой на будущее, въ преуспѣяніе нашей далекой окраины, также твердо и упорно будемъ продолжать изданіе нашей газеты «Окраина» съ помощью тѣхъ же просвѣщенныхъ сотрудниковъ, желающихъ вмѣстѣ съ нами положить свою душу и голову на пользу нашего обѣтованнаго уголка дорогаго отечества, на который взоры устремлены въ настоящее время чуть не со всего міра.

Оставшіеся экземпляры газеты «Окраина» за 1891 годъ можно получать по **3** р. **50** к., а за 1892 годъ по **4** рубля съ пересылкой.

Цѣна за объявленія: на 1 страницѣ по 40 к., на послѣдней по 15 к. за строку петита, мѣсячныя объявленія съ большой уступкой, для ищущихъ мѣстъ и занятій по 5 коп. за строку.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи въ г. **Самаркандѣ**. Въ **Москвѣ**: въ конторахъ объявленій бывш. Метцль, Мясницкая ул., домъ Спиридонова и у Л. Шабертъ, бывш. Мейеръ, Покровка, д. бр. Салаевыхъ. Въ **Петербургѣ:** въ центральномъ агентствѣ объявленій Матисена, Конюшенная, № 29. Въ **Вѣрномъ:** у П. М. Зенкова.

Редакторъ-издатель *Н. В. Полторановъ.*

3—2

Въ журналѣ, кромѣ вышеупомянутыхъ статей, помѣщаются разсказы на **французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ** съ подстрочнымъ русскимъ переводомъ.

Независимо отъ рисунковъ въ текстѣ, чтобы способствовать развитію въ дѣтяхъ чувства изящнаго, въ журналѣ помѣщаются **на отдѣльныхъ листахъ,** подъ названіемъ «КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ИГРУШЕЧКИ» снимки съ картинъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Редакція журнала «ИГРУШЕЧКА», стремясь постоянно улучшать и расширять свой журналъ, рѣшила съ будущаго 1893 г. давать 2 раза въ годъ безплатное приложеніе, которое будетъ состоять изъ двухъ небольшихъ томиковъ, заключающихъ каждый **цѣльное сочиненіе** по различнымъ отдѣламъ знанія и беллетристики, оригинальной и переводной. Каждая книжечка будетъ **иллюстрирована многими рисунками.** Кромѣ **двухъ премій,** чтобы знакомить маленькихъ читателей **съ русской исторіей,** съ наиболѣе выдающимися событіями и дѣятелями, **редакція** дастъ **рядъ снимковъ съ памятниковъ,** воздвигнутыхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи для увѣковѣченія наиболѣе крупныхъ событій русской исторіи и главныхъ подвиговъ **на поприщѣ гражданскомъ, военномъ** и **благотворительномъ,** а также **снимки съ памятниковъ быта.**

При журналѣ «ИГРУШЕЧКА» существуетъ особый отдѣлъ

Годъ V. „ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“ Годъ V.

Статьи этого отдѣла печатаются крупнымъ шрифтомъ, со многими картинками.

Задача отдѣла **„Для малютокъ“**—дать дѣтямъ занимательное чтеніе въ то время, когда они начинаютъ скучать, играя въ игрушки.

Журналъ «ИГРУШЕЧКА» выходитъ ежемѣсячно книжками въ 3 печатныхъ листа, съ отдѣломъ **„Для малютокъ“** въ 4 листа и болѣе.

Въ журналѣ принимали и будутъ принимать участіе слѣдующіе литераторы и ученые:

О. Алексѣева, М. Н. Альбовъ, Е. Анненкова, Н. М. Астыревъ, С. Атава, К. С. Баранцевичъ, А. Бахтіаровъ, Ив. Бѣлоусовъ, М. Васильевъ, В. Л. Величко, А. Владимірва (Европеусъ), **И. И. Горбуновъ-Посадовъ, Е. Дицъ, С. Д. Дрожжинъ, Ив. Епиоановъ, В. П. Желиховская, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, М. Иванова, В. Э. Иверсенъ, Н. Н. Каразинъ, Д. Н. Кайгородовъ** (профессоръ), **М. Колоколова, А. А. Коринфскій, О. Кошелева, С. И. Лаврентьева, Вл. Ладыженскій, В. П. Лебедевъ, Н. С. Лѣсковъ, К. Лукашевичъ, М. Львова, В. А. Маркова, Л. Медвѣдевъ, А. К. Михайловъ** (Шеллеръ), **Д. Л. Михаловскій, В. И. Немировичъ-Данченко, В. Огарковъ, В. П. Острогорскій, А. Н. Плещеевъ, М. И. Пыляевъ, А. Сахарова, Н. И. Северинъ, А. Н. Селивановъ, Е. Симонова, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, А. Тургенева, А. И. Фаресовъ, ф. Фаусекъ, О. Чюмина, Л. Шелгунова, Н. Шубинскій, І. І. Ясинскій** (Максимъ Бѣлинскій), **А. М. Ѳедоровъ, И. И. Ѳеоктистовъ** и многіе другіе.

Изъ художниковъ въ журналѣ принимаютъ участіе: **И. Е. Рѣпинъ, Н. Н. Каразинъ, Н. А. Кошелевъ,** баронъ **М. П. Клодтъ, Б. М. Бёмъ, Д. К. Дядченко, М. Михайловъ** и многіе другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Журналъ «**ИГРУШЕЧКА**» за 12 книгъ съ двумя даровыми преміями, съ дост. и перес. на годъ . . . . . 3 р.	Съ отдѣломъ «**Для Малютокъ**» на годъ . . . . 5 р.
За границу на годъ . . . . . 5 »	За границу на годъ . . . . 7 »

Отдѣльной подписки на отдѣлъ „ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“ нѣтъ.

Адресъ редакціи: **С.-Петербургъ, Сергіевская ул., д. № 26,** куда гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ просятъ **исключительно** обращаться съ своими требованіями.

Желающіе имѣть 1887, 1890, 1891 и 1892 гг. «ИГРУШЕЧКИ» благоволятъ адресоваться въ **редакцію** журнала, которая беретъ пересылку на **свой** счетъ. 3—2

16) **СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.** — Отчеты о выдающихся процессахъ мѣстныхъ и иногороднихъ, уголовныхъ и гражданскихъ, новости изъ судебнаго міра и проч.

17) **СМѢСЬ.** Мелочи, курьезы, анекдоты и т. п.

18) **ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.** Разнаго рода иностранныя извѣстія, отзывы иностранныхъ газетъ о Россіи, политическія статьи иностранной прессы о выдающихся заграничныхъ происшествіяхъ и проч.

19) **ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.** Полезныя сообщенія частныхъ лицъ, имѣющія общественный интересъ, полемическія статьи и проч.

20) **БИРЖЕВОЙ ОТДѢЛЪ.** Ежедневные отчеты о хлѣбныхъ, поставочныхъ и всякихъ товарныхъ сдѣлкахъ на нижегородской биржѣ; торговыя корреспонденціи съ пристаней: Волги, Камы, Оки, Суры, Вятки, Бѣлой и ихъ притоковъ; телеграфныя извѣстія о состояніи уровня воды на перекатахъ; свѣдѣнія о количествѣ заготовки хлѣба на пристаняхъ, о положеніи волжскаго судоходства и т. п. Телеграфныя извѣстія два раза въ недѣлю съ С.-Петербургской биржи, о цѣнахъ на процентныя бумаги, о цѣнахъ на хлѣбъ и прочіе биржевые товары.

21) **СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.** О движеніи почтъ въ Поволжскомъ краѣ въ лѣтнее и зимнее время, о желѣзнодорожныхъ сообщеніяхъ, о поволжскихъ лечебныхъ курортахъ, о мѣстныхъ выставкахъ, конкурсахъ и т. п.

22) Объявленія.

Въ литературномъ отдѣлѣ «Волгаря» принимаетъ участіе кружокъ мѣстныхъ и иногороднихъ писателей. Кромѣ того въ газетѣ помѣщаются переводныя произведенія иностранной литературы.

Въ биржевомъ отдѣлѣ печатаются многочисленныя торговыя корреспонденціи съ хлѣбныхъ пристаней. Но, имѣя въ виду развитіе этого отдѣла, редакція пригласила на 1893 годъ еще до 15-ти новыхъ корреспондентовъ съ главныхъ хлѣбныхъ пристаней Волги, Камы, Бѣлой, Вятки, Суры и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на газету „ВОЛГАРЬ“ на 1893 г.

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
ВЪ Н.-НОВГОРОДѢ. .	7 р.	6—50	6 р.	5—50	5 р.	4—50	4 р.	3—50	3 р.	2—50	1--75	1 р.
ИНОГОРОДНИМЪ. . .	8 р.	7—50	7 р.	6—50	6 р.	5—50	5 р.	4—50	4 р.	3—50	2--75	1—50

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ **НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ:** 1) въ конторѣ редакціи «Волгаря», на Мал. Покровск. ул.
» » 2) » Рождественскомъ газетномъ кіоскѣ, на Нижн. базарѣ.

Кромѣ того подписка принимается: въ **Петербургѣ**, въ магазинѣ «Новаго Времени»; въ **Москвѣ**, въ конторѣ Печковской; въ **Твери**, въ конторѣ редакціи «Листка Объявленій»; въ **Рыбинскѣ**, въ биржевой библіотекѣ; въ **Ярославлѣ**, нотный и музыкальный магазинъ А. Т. Наумова; въ **Костромѣ**, книжный магазинъ А. И. Бекенева; въ **Владимірѣ-губернскомъ**, книжный магазинъ И. П. Иванова; въ **Муромѣ**, газетная торговля Н. П. Мошенцова; въ **Иваново-Вознесенскѣ**, у А. И. Татаринова; въ **Арзамасѣ**, у Ф. А. Колесова; въ **Казани**, въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Башмакова, Воскресенская ул.; въ **Самарѣ**, книжный магазинъ Н. М. Федорова; въ **Саратовѣ**, книжный магазинъ Воронкова; въ **Астрахани**, у Григорія Петровича Смирнова, въ биржѣ или набережная, д. Смирнова.

Кромѣ того пріемъ подписки и объявленій на «ВОЛГАРЬ»—въ Ярославлѣ, въ газетномъ кіоскѣ, на театральной площади. 1—3.

Редакторъ-Издатель «Волгаря» **СЕРГѢЙ ЖУКОВЪ**.

ПОДПИСКА
НА
„ВОРОНЕЖСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“
НА 1893 Г.

Съ достав. **въ Воронежѣ:**			Съ перес. **въ др. города:**		
На годъ . . .	**5** р.	— к.	На годъ . . .	**6** р.	— к.
„ полгода . .	**2** „	**75** „	„ полгода . .	**3** „	— „
„ 3 мѣс. . .	**2** „	— „	„ 3 мѣс. . .	**2** „	**75** „
„ 1 мѣс. . .	— „	**75** „	„ 1 мѣс. . .	**1** „	— „

Подписка на «Воронежскій Телеграфъ» **принимается** въ конторѣ Редакціи, при типографіи **Исаева**, въ Воронежѣ, въ д. доктора Столль, на Большой Дворянской улицѣ.

1—3.

ПОДПИСКА НА **1893** ГОДЪ.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“.

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная безъ предварительной цензуры.

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ» остается вѣрной своему знамени.

Устраняя пріемы легкаго успѣха, мы, при посредствѣ многочисленныхъ корреспондентовъ, будемъ по прежнему слѣдить за многотруднымъ земскимъ дѣломъ и освѣщать нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской Земли, всѣхъ слоевъ нашего народа.

Мы памятуемъ, что л ю д и—б р а т ь я безъ различія національности; ихъ долгъ—жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи къ благу общему.

Мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребимъ всѣ усилія, чтобы внутренняя и внѣшняя политика въ освѣщеніи газеты сливались, чтобы «Русская Жизнь» была органомъ цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Подписная цѣна съ пересылкой для иногороднихъ: **На годъ—9 р., полгода—5 р., 3 мѣсяца—3 р., одинъ мѣсяцъ—1 р., для городскихъ 8, 4 р. 50, 2 р. 60, 90 коп.; заграницу: на годъ 17 р., полгода 9 р.**

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ газета высылается безплатно со дня полученія въ Главной Конторѣ подписныхъ денегъ по 1 января 1893 года: годовымъ—въ теченіе ноября и декабря, полугодовымъ—въ теченіе декабря.

Иногороднимъ, желающимъ ознакомиться съ **«РУССКОЙ ЖИЗНЬЮ»**, газета высылается въ теченіе одного мѣсяца (ноября или декабря) за восемь семикопѣечныхъ марокъ.

Главная Контора: **Спб., Большая Морская, 21.** Редакторъ-Издатель **А. Пороховщиковъ**

1—3.

ИЗДАНІЯ ГОДЪ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 Г.

НА

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Изданіе антикварной книжной торговли П. Шибанова въ Москвѣ.

По своей обширной программѣ «Библіографическія Записки» служатъ дѣлу правильной разработки отечественной библіографіи и представляютъ собою пособіе при изученіи русской и заграничной литературы и книжнаго дѣла. Въ нихъ помѣщаются статьи и изслѣдованія, посвященныя изученію жизни и дѣятельности писателей и лицъ, потрудившихся на пользу просвѣщенія, ихъ переписка, историческіе документы, касающіеся преимущественно печатнаго и книжнаго дѣла, обзоры и историческіе очерки извѣстныхъ книгохранилищъ, отзывы о новыхъ книгахъ, статьи о книжной торговлѣ русской и заграничной. Указатель новыхъ книгъ ведется въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ не появлялся ни въ одномъ журналѣ; дается подробный указатель журнальныхъ статей, съ перечисленіемъ всѣхъ рецензій о выходящихъ вновь книгахъ.

Въ каждомъ нумерѣ помѣщаются портреты, большею частію на особыхъ листахъ, снимки съ рукописей, копіи съ рѣдкихъ гравюръ и автографическія воспроизведенія.

Вслѣдствіе этого «Библіографическія Записки» являются журналомъ, необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка.

Сотрудники журнала со времени его основанія.

Проф. Д. Н. Анучинъ, Е. В. Барсовъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, Н. Ѳ. Бокачевъ, Ѳ. И. Булгаковъ, С. А. Бѣлокуровъ, академикъ К. С. Веселовскій, И. П. Виноградовъ, Ѳ. А. Витбергъ, проф. Г. А. Воскресенскій, В. К. Вульфертъ, А. С. Гацисскій, Н. П. Глубоковскій, Я. И. Горожанскій, А. А. Голомбіевскій, проф. Е. Е. Голубинскій, В. В. Голубцовъ, Н. В. Губерти, А. Г. Гусаковъ, А. М. Гусевъ, А. А. Дмитріевскій, И. В. Дмитровскій, Н. В. Дмитровскій, М. А. Добровскій, С. О. Долговъ. И. Е. Забѣлинъ, А. А. Ивановскій, проф. В. С. Иконниковъ, В. В. Каллашъ, проф. Н. Ѳ. Каптеревъ, В. М. Каченовскій († 1892), А. А. Кизеветтеръ, проф. А. И. Кирпичниковъ, проф. В. О. Ключевскій, Г. А. Кожевниковъ, проф. И. Н. Корольковъ, проф. И. Н. Корсунскій, Г. И. Куликовскій, А. А. Кудрявцевъ, проф. Н. О. Куплевасскій, А. Н. Лебедевъ, академикъ Л. Н. Майковъ, И. В. Майновъ, С. Н. Мамѣевъ, проф. А. И. Маркевичъ, В. И. Межовъ, П. Н. Милюковъ, Н. Мировичъ, проф. Г. А. Муркосъ, М. Д. Муретовъ, С. Д. Муретовъ, Н. К. Никольскій, А. П. Новицкій, И. М. Остроглазовъ († 1892), А. И. Остроглазовъ, М. П. Петровскій, В. И. Покровскій, П. Н. Полевой, А. С. Родосскій, Н. П. Розановъ, Л. М. Савеловъ, Д. Я. Самоквасовъ, А. В. Селивановъ, И. О. Сержпутовскій, В. И. Сизовъ, П. К. Симони, А. В. Смирновъ, П. П. Соколовъ, М. Н. Сперанскій, А. И. Станкевичъ, В. Н. Сторожевъ, М. В. Суринъ А. А. Титовъ, В. Ѳ. Фиргуфъ, А. С. Хахановъ, В. И. Холмогоровъ, В И. Шенрокъ, В. Н. Щепкинъ, И. И. Щукинъ. Д. Д. Языковъ, В. Е. Якушкинъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ доставкой и пересылкою. 6 р. — к.
За границу . . . . 7 » — »
На другіе сроки подписка не принимается.
Цѣна нумера въ отдѣльной продажѣ. — » 75 »
Съ доставкою и пересылкою . . . 1 › — »

Кромѣ того для любителей будетъ печататься 50 нумерованныхъ экземпляровъ на лучшей бумагѣ. Цѣна такому годовому изданію съ дост. и перес . . 12 р.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ. Полная страница 20 р. Половина страницы или одинъ полный столбецъ. 12 р. Четверть страницы, или половина одного столбца, 7 р. 1/8 страницы или 1/4 столбца 4 р.

Подписка и объявленія принимаются въ главной конторѣ редакціи (Москва, Петровскія линіи, Антикварная книжная торговля П. Шибанова) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ Москву въ главную контору редакціи.

Подробная программа журнала, вмѣстѣ съ оглавленіемъ статей, помѣщенныхъ въ 1892 г., высылаются безплатно.

Редакторъ А. Н. Соловьевъ. Издатель П. П. Шибановъ.

1—3.

С.-Петербургѣ, Пантелеймонская ул., 2, и у книгопродавцевъ. Гг. иногородніе благоволятъ обращаться предпочтительно въ Редакцію.

Всѣмъ подписчикамъ по заявленію высылается „Указатель статей", помѣщенныхъ въ „Запискахъ" за года 1867—1888.

Цѣна съ доставкой и пересылкой „Записокъ" за прежніе года съ 1867—1887—**4** р. за годъ и 1 р. за отдѣльный выпускъ,—за 1889—91 г.—**8** р. за годъ и 2 р. за отдѣльный выпускъ. За 19 лѣтъ: 1867, 1869—1883, 1886, 1887—**70** р.,—а для школьныхъ библіотекъ, согласно постановленію Совѣта Императорскаго Русскаго Техническаго Общества,—**40** р. За года 1868, 1884, 1885 и 1888 „Записки" всѣ разошлись.

Объявленія принимаются по 10 р. за страницу и 5 р. за полъ-страницы. За *годовыя* объявленія плата значительно понижается, а именно:

За ½ страницы . . . . **20** руб.
За 1 страницу . . . . **30** руб.
За 2 страницы . . . . **50** руб.

1—3. Спеціальный редакторъ **А. Васильевъ.**

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ

НА 1893 ГОДЪ.

Въ наступающемъ 1893 г. *Варшавскій Дневникъ* будетъ выходить по утрамъ ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ, кромѣ слѣдующихъ за двунадесятыми праздниками и нѣкоторыми табельными днями—въ количествѣ 345 нумеровъ въ годъ.

Подписная цѣна, при значительно расширенномъ размѣрѣ газеты, остается прежняя, а именно:

Въ Варшавѣ:			Съ пересылкою:		
На годъ	9 руб.	60 коп.	На годъ	12 руб.	— коп.
» полгода	4 »	80 »	» полгода	6 »	— »
» три мѣсяца	2 »	40 »	» три мѣсяца	3 »	— »
» мѣсяцъ	— »	80 »	» мѣсяцъ	1 »	— »

За границу (подъ бандеролью): на годъ—15 руб. (20 гульд. или 40 франк.), полгода — 8 руб. (10 гульд., 20 франк.), три мѣсяца—4 руб. 50 коп. (5 гульд., 10 франк.), мѣсяцъ — 1 руб. 60 коп.

Въ числѣ литературнаго матеріала на будущій годъ редакція имѣетъ въ виду слѣдующія статьи: 1) Австро-польское Entente cordiale; 2) Роль католическаго духовенства въ возстаніи 1861—64 годовъ; 3) Подпольная литература послѣдняго польскаго мятежа; 4) «По Галичинѣ», путевыя замѣтки; 5) Верховный уголовный судъ надъ участниками мятежа 1830—31 годовъ; 6) О русскомъ землевладѣніи въ Привислинскомъ краѣ; 7) Положеніе фабричныхъ рабочихъ въ Привислинскомъ краѣ; 8) Нѣсколько беллетристическихъ разсказовъ и этнографическихъ, путевыхъ очерковъ Вс. Крестовскаго.

Что касается до направленія газеты подъ новою редакціей, то таковое изложено во вступительной статьѣ № 221 *Варшавскаго Дневника*, изъ коей напоминаемъ теперь главнѣйшія наши основоположенія:

1) Точка зрѣнія наша, съ которой мы относимся ко всѣмъ вообще явленіямъ мѣстной жизни, это — *русскіе государственные интересы*, при неуклонномъ служеніи имъ словомъ и дѣломъ;

2) Никакой племенной или иного рода ненависти къ полякамъ; желаніе краю, какъ странѣ славянской, всякаго процвѣтанія подъ крѣпкою сѣнію русской государственной власти и въ нравственномъ единеніи съ великимъ русскимъ народомъ, что, по нашему глубокому убѣжденію, ни мало не препятствуетъ нашимъ полякамъ не только сохранять свои религіозныя, національныя, этнографическія и культурныя особенности, но и даетъ возможность преслѣдовать ихъ дальнѣйшее развитіе на общее ихъ и наше благо.

3) Поэтому всякое явленіе мѣстной жизни въ области культуры, въ сферѣ экономическихъ, общественныхъ и иныхъ интересовъ — *по скольку оно будетъ согласуемо съ русскими государственными интересами* — всегда встрѣтитъ съ на-

шей стороны полное сочувствіе и поддержку. И наоборотъ:—всякое явленіе, не только идущее въ разрѣзъ этимъ послѣднимъ интересамъ, но и малѣйшее имъ противорѣчащее, или обнаруживающее тенденцію явнаго или тайного отклоненія отъ сихъ интересовъ во враждебную имъ сторону, будетъ нами немедленно разоблачаемо и преслѣдуемо честнымъ путемъ печатнаго слова.

4) Вполнѣ искреннее желаніе и надежда додуматься и договориться съ благоразумною частію польскаго общества относительно взаимнаго, сноснаго и безобиднаго для обѣихъ сторонъ «*modus vivendi*».

5) Поэтому мы предпочитаемъ спокойное и взаимно безпристрастное обсужденіе нашихъ «больныхъ» вопросовъ. Если-же окажется необходимою полемика, то съ нашей стороны таковая будетъ безъ грубостей, личностей и инсинуацій. Нашъ принципъ — открытый, честный бой, но не инсинуація противъ кого-бы то ни было.

6) Отношеніе наше къ еврейскому вопросу, по скольку дѣло касается эксплоатаціи еврействомъ христіанскихъ элементовъ населенія,—безусловно-враждебное.

Подписка принимается: въ **конторѣ Редакціи** (Варшава, Медовая, № 20), а также въ книжныхъ магазинахъ **Н. П. Карбасникова** въ С.-Петербургѣ, Литейный пр., № 48, въ Москвѣ, Моховая, д. Коха, и въ Варшавѣ, Новый Свѣтъ, № 65.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ

въ 1893 году.

(31-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Саратовѣ: На годъ **7** руб., 11 мѣс. **6** руб. **50** коп., 10 мѣс. **6** руб., 9 мѣс. **5** р. **50** к., 8 мѣс. **5** р., 7 мѣс. **4** р. **50** к., 6 мѣс. **4** р., 5 мѣс. **3** р. **50** к., 4 мѣс. **3** р., 3 мѣс. **2** р. **50** к., 2 мѣс. **2** р., 1 мѣс. **1** руб.

Съ пересылкою въ другіе города: На годъ **8** р., 11 мѣс. **7** р., 10 мѣс. **6** р. **50** к., 9 мѣс. **6** р., 8 мѣс. **5** р. **50** к., 7 мѣс. **5** р., 6 мѣс. **4** р. **50** к., 5 мѣс. **4** р., 4 мѣс. **3** р. **50** к., 3 мѣс. **3** р., 2 мѣс. **2** р. **40** к., 1 мѣс. **1** р. **20** к.

За границу на годъ 14 руб.

Для облегченія возможности подписываться на газету недостаточнымъ лицамъ редакція допускаетъ *разсрочку* подписной платы для *годовыхъ подписчиковъ* какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ: первые вносятъ: при подпискѣ 3 руб., 1-го марта 2 руб. и 1-го мая 2 руб.; иногородные — при подпискѣ 4 руб. и 1-го мая 4 руб.

Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, д. Онезорге, и Вольскѣ у Ивана Федоровича Волкова.

Объявленія принимаются: на 1-й страницѣ первые три раза 20 коп. за строку, въ послѣдующіе разы по 15 коп.; на 3-й и 4-й—первые три раза по 7 к., а послѣдующіе разы—по 5 коп. Годовыя объявленія пользуются особой уступкой. Объявленія изъ-за границы и всѣхъ мѣстъ Россійской имперіи, *кромѣ Саратовской, Тамбовской, Пензенской и приволжскихъ губерній*, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій бывш. Метцль, въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ д. Спиридонова. Для этихъ объявленій такса: на 1-й страницѣ 20 коп. и послѣ текста 10 коп. за строку петита.

Редакторъ-издатель *П. О. Лебедевъ*.

1—3 Издатель *И. П. Горизонтовъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА **1893** ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Постоянной Комиссіей по техническому образованію при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

I. Правительственныя распоряженія. II. Хроника техническаго образованія въ Россіи и заграницей. III. Статьи по вопросамъ техническаго и профессіональнаго образованія, по методикѣ и дидактикѣ техническаго обученія и по школьной гигіенѣ. IV. Библіографія. V. Протоколы засѣданій Постоянной Комиссіи по техническому образованію.

Срокъ выхода ежемѣсячный, за исключеніемъ четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Первый № вышелъ 1-го октября 1892 года.

Въ вышедшихъ первыхъ трехъ №№ (октябрь — декабрь), между прочимъ, помѣщено: «О реальныхъ училищахъ и профессіональныхъ школахъ». Посмертная статья *Е. Н. Андреева*, «Техническія бесѣды съ рабочими» *Г. Ю. Гессе*, «Школа десятниковъ по строительному дѣлу» *Э. П. Деклерона*, «Швейцарскія школы часовыхъ дѣлъ мастеровъ» *Е. П. Ковалевскаго*, «Художественно - промышленныя и ремесленныя школы Швейцаріи на Базельской выставкѣ» его-же, «Ремесленное училище И. Р. Техническаго Общества» *И. И. Попова*, «Школа печатнаго дѣла» *М. И. Уверскаго*, «О распространеніи ручного труда въ Россіи» *К. Ю. Цируля* «Новыя профессіональныя школы въ Цюрихѣ» *Е. Н. Янжулъ*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ безъ пересылки **2** р., съ доставкой **2** р. **50** коп. и съ пересылкой **3** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Постоянной Комиссіи по техническому образованію (С.-Петербургъ, Пантелеймоновская, 2) и въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова (Спб. Литейная, 46; Москва, Моховая, д. Коха; Варшава, Новый Свѣтъ, 67).

Въ 1893 г. (третьемъ году изданія) «Всемірная Библіотека» будетъ выходить по той же программѣ и по той же подписной цѣнѣ, какъ и въ предъидущіе два года своего существованія.

тина.—2) ЛѢТНІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ. (Изъ поѣздки въ Самарскую губернію). П. К.—II. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ. Возростаніе интеллигентныхъ силъ въ провинціи.—Разрозненный характеръ отрадныхъ проявленій общественнаго роста.—Провинціальныя общества—сельскохозяйственныя и др. — Провинціальныя газеты. — Выходка «Саратовскаго Дневника».—III. НОВЫЯ КНИГИ: 1) Беллетристика. 2) Медицина и естествознаніе. 3) Земства. 4) Общественныя науки. 5) Педагогическая и дѣтская литература и изданія для народа.—IV. I. ЧУДНЫЙ КОШМАРЪ. (По поводу новой оперы «Млада» г. Р.-Корсакова). II. ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА. (По поводу юбилея «Русланъ и Людмила»). **В. Сѣровой.**—V. ПИСЬМА ИЗЪ АМЕРИКИ. XXXII. Юбилейныя колумбійскія торжества. **В. Макъ-Гаханъ.**—VI. ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА. (Пер водъ съ рукописи **Д. Михаловскаго**). Вопросъ о перенесеніи въ Пантеонъ праха Ренана, Мишле и Кине.—Современныя настроенія французской интеллигенціи.—Выразитель этихъ настроеній Буржэ.—«Обѣтованная земля».—«Cosmopolis». **Robert de Cerisy.**—VII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Неудовлетворительное состояніе слѣдственной части. — Исторія слѣдственнаго института въ Россіи. — Смѣшеніе дознанія и слѣдствія. — Отсутствіе организованнаго розыска.—Недопущеніе защиты къ участію на предварительномъ слѣдствіи.—Необходимость реформы.—VIII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. I. Общая картина.—II. Наша союзница.—III. Германскій ренессансъ.—IV. Поворотъ въ политикѣ «конца вѣка».—V. Свѣтлые лучи на юго-востокѣ.—VI. Новое направленіе на юго-западѣ.—VII. Прогрессъ въ Англіи и Америкѣ.—VIII. На новый годъ. Проф. **А. Трачевскаго.**—IX. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Два вступительныхъ замѣчанія.—*Критическія статьи*: Пушкинъ, Гоголь и др.—Значеніе Пушкина.—Невѣрный взглядъ на Гоголя.—*Завѣщаніе.—Авторская исповѣдь.—Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.*—Критическіе отзывы Бѣлинскаго, кн. П. А. Вяземскаго, П. Я. Чаадаева, Жуковскаго и гр. Льва Толстого. **А. Волынскаго.**—X. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

Условія подписки:	На годъ.	По полугодіямъ. Январь.	Іюль.	По четвертямъ года. Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
Безъ доставки въ Спб. въ конторѣ журнала	12 р. — к.	6 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р.
Безъ доставки въ Москвѣ въ конторѣ Печковской и магазинѣ Карбасникова	12 › 50 ›	6 › 50 ›	6 › — ›	3 › 50 ›	3 › — ›	3 › — ›	3 ›
Съ доставкой въ Спб.	12 › 50 ›	6 › 50 ›	6 › — ›	3 › 50 ›	3 › — ›	3 › — ›	3 ›
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи	13 › 50 ›	7 › — ›	6 › 50 ›	3 › 50 ›	3 › 50 ›	3 › 50 ›	3 ›
За границей	15 › — ›	8 › — ›	7 › — ›	4 › — ›	4 › — ›	4 › — ›	3 ›

Вмѣсто разсрочки, подписка по полугодіямъ и по четвертямъ года **безъ повышенія годовой цѣны**. Для служащихъ помѣсячная разсрочка за ручательствомъ казначеевъ. Учрежденіямъ, выписывающимъ 10 экз. сразу, 11-й даровой.

Отдѣльная книга «Сѣвернаго Вѣстника» въ Главной Конторѣ и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы—1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ. С.-Петербургъ: Троицкая улица, д. № 9. Въ Москвѣ въ конторѣ Н. Печковской и книжн. маг. Н. П. Карбасникова и Новаго Времени, въ Варшавѣ въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, въ Кіевѣ въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, въ Казани въ книжн. магаз. Н. Я. Башмакова, въ Одессѣ и Харьковѣ въ книжн. магаз. Новаго Времени.

Ближайшее участіе въ журналѣ принимаютъ слѣдующія лица:

М. Н. Альбовъ, А. Л. Волынскій, Л. Я. Гуревичъ, Л. А. Полонскій, А. П. Субботинъ и А. С. Трачевскій.

Издательница **Л. Я. Гуревичъ.** Редакторъ **М. Н. Альбовъ.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

а) Для подписчиковъ:

1) Редакція принимаетъ на себя отвѣтственность предъ подписчиками за своевременную доставку лишь въ томъ случаѣ, если подписка адресована непосредственно на ея имя. Всякая корреспонденція можетъ быть адресована такъ: Въ Редакцію «Русской Школы», С.-Петербургъ (адресъ почтамту извѣстенъ).

2) При сообщеніи адреса, куда слѣдуетъ высылать журналъ, должны быть четко обозначены: имя, отчество и фамилія, а также точный адресъ подписчика, т.-е. должны быть обозначены губернія, уѣздъ и ближайшее почтовое учрежденіе, въ которомъ допущена выдача журналовъ.

3) Жалобы на неполученіе какого-либо нумера журнала слѣдуетъ высылать не позже, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ по выходѣ въ свѣтъ неполученнаго нумера; кромѣ того, жалоба должна быть удостовѣрена мѣстною почтовою конторой. При неисполненіи этихъ двухъ условій претензія подписчика, по почтовымъ правиламъ, не можетъ быть удовлетворена.

4) Въ случаѣ перемѣны адреса въ заявленіи объ этомъ долженъ быть сообщенъ также и прежній адресъ подписчика; кромѣ того, при заявленіи должно быть приложено 50 коп. почтовыми марками.

5) Гг. сельскимъ учителямъ и учительницамъ, а также учителямъ городскихъ начальныхъ школъ дѣлается съ подписной платы одинъ рубль уступка и кромѣ того, допускается разсрочка платежа: три рубля должны быть внесены, при подпискѣ, а остальные три рубля высланы не позже 1-го іюня; въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ пріостановлена.

б) Для авторовъ:

1) Рукописи, присланныя для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, редакціоннымъ измѣненіямъ; въ случаѣ несогласія на таковыя измѣненія авторы приглашаются дѣлать объ этомъ оговорки на самой рукописи, подъ заглавіемъ оной. Кромѣ того, рукописи должны быть снабжены четкою подписью автора и указаніемъ его адреса. При этомъ статья можетъ быть напечатана за тою подписью, которою авторъ пожелаетъ снабдить свою статью въ печати, о чемъ авторы приглашаются заявлять на самой рукописи, подъ своею настоящею подписью, которая, по желанію автора, останется извѣстною только редакціи журнала.

2) Обратную пересылку рукописей редакція принимаетъ на себя только за счетъ автора, притомъ въ видѣ посылки или подъ заказною бандеролью, смотря по тому, въ какомъ видѣ ею данная рукопись получена отъ автора.

3) О пригодности или непригодности данной рукописи для журнала редакція извѣщаетъ авторовъ только въ случаѣ, если для этой цѣли приложена почтовая марка семикопеечнаго достоинства; свѣдѣнія этого рода редакція можетъ дать автору не ранѣе, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ, и не позже, чѣмъ чрезъ три мѣсяца по полученіи рукописи.